Гуго Мюнстербергъ.

Профессоръ Гарвардскаго университета.

Американцы.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Духовная и соціальная жизнь.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

А. А. Громбаха

Складъ изданій: Москва, Моховая, д. Бенкендорфъ, книжный магазинъ
Д. П. Ефимова.
1906.

Типографія А. П. Поплавскаго Москва, Лялинъ пер. с. д.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ.

Духовная жизнь.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Духъ самоусовершенствованія.

У Америки есть три столицы: столица политической жизни, столица экономической жизни и столица духовной жизни. Эти три столицы—Вашингтонъ, Нью-Іоркъ и Бостонъ. Въ Вашингтонѣ надъ всѣми сторонами жизни настолько господствуетъ политика, что даже по внѣшнему своему виду городъ рѣшительно отличается отъ всѣхъ остальныхъ американскихъ городовъ: здѣсь какъ будто совсѣмъ нѣтъ мѣста для торговыхъ дѣлъ. Несмотря на свое 300-тысячное населеніе Вашингтонъ напоминаетъ собою Потсдамъ или Версаль; тонъ здѣсь даютъ дипломаты, парламентскіе дѣятели и чиновники. Никакой другой изъ крупныхъ городовъ не можетъ итти съ нимъ въ сравненіе: жизнь и характеръ Вашингтона представляютъ нѣчто единственное въ своемъ родѣ, и очень слабое отраженіе этого своеобразнаго характера мы находимъ лишь тамъ, гдѣ отдѣльные штаты устроили свои политическіе центры внѣ главныхъ въ экономическомъ отношеніи городовъ; таковъ, напримѣръ, городъ Альбани, въ которомъ находится правительство штата Нью-Іоркъ. Однако, благодаря именно этой исключительной своеобразности Вашингонъ и остается въ значительной степени изолированнымъ, его вліяніе ограничивается одной только политическою сферой. Есть что-то искусственное, неестественное и потому не живое въ такой обособленности одного города отъ всей остальной страны, и благодаря этому импульсы не-политическаго характера, исходящіе изъ Вашингтона, не оказываютъ своего полнаго вліянія. Безспорно, тамъ многое дѣлается и многое достигается, преимущественно въ интересахъ науки, но также и въ интересахъ искусства и нравственности; однако все это, что дѣлается, не имѣетъ настоящей силы. Духъ чиновничества мѣшаетъ болѣе свободнымъ стремленіямъ, и роли духовной столицы Вашингтонъ не пріобрѣтаетъ.

Совершенно такимъ же образомъ и въ Нью-Іоркѣ господствуетъ, въ сущности, одно общее стремленіе: вся Нью-Іоркская жизнь получаетъ смыслъ и значеніе отъ стремленія къ экономическому

приложенію силъ. Разумѣется, Нью-Іоркъ въ этомъ отношеніи не стоитъ такъ изолированно, какъ Вашингтонъ въ своей политической роли. Изъ другихъ городовъ Чикаго больше всѣхъ дѣлаетъ гигантскія усилія для того, чтобы сравняться съ Нью-Іоркомъ, но, насколько можно предвидѣть, трехмилліонный городъ, лежащій при устьѣ Гудзона, останется экономическимъ властелиномъ Новаго Свѣта. Крупные коммерсанты и банкиры, промышленники и представители разныхъ товариществъ задаютъ здѣсь тонъ такъ же, какъ въ Вашингтонѣ сенаторы и дипломаты, и надъ всѣми функціями города господствуетъ ихъ духъ. Благодаря ихъ вліянію богатство здѣсь становится самымъ могущественнымъ факторомъ въ соціальной жизни, а Нью-Іоркъ—центромъ роскоши и моды.

Но все это не можетъ развиваться до такой крайности, не оказывая преобразующаго вліянія на остальные факторы культурной жизни: чего бы ни производилъ Нью-Іоркъ, коммерческій духъ чувствуется во всемъ. По внѣшности можетъ, правда, показаться, будто городъ, служащій центромъ экономическихъ сношеній и средоточіемъ роскоши, захватываетъ руководящую роль и въ другихъ областяхъ. Безспорно, политика Нью-Іорка имѣетъ рѣшающее значеніе, нью-іоркскія газеты господствуютъ въ странѣ, и все же политическимъ центромъ, не только въ смыслѣ внѣшней роли, но и по внутреннему характеру, Нью-Іоркъ никогда не можетъ сдѣлаться. Изъ этой коммерческой атмосферы не исходятъ новые крупные истинно-политическіе импульсы. Въ дѣлѣ установленія равновѣсія между политикой и экономикой Нью-Іоркъ является важнѣйшимъ пунктомъ; но чисто-политическія идеи здѣсь тотчасъ же переводятся на экономическую почву.

Въ еще большей мѣрѣ это надо сказать о чисто-духовныхъ стремленіяхъ. Безспорно, ни въ одномъ изъ остальныхъ городовъ страны не живетъ больше писателей, ни въ одномъ не выходитъ больше газетъ и періодическихъ изданій, ни въ одномъ нѣтъ подобнаго сбыта для художественныхъ произведеній всякаго рода, и нигдѣ не раздаются громче голоса апостоловъ нравственныхъ реформъ. Но все это не должно вводить въ заблужденіе относительно внутренняго характера этихъ явленій. Если милліонное населеніе Нью-Іорка представляетъ собою обширнѣйшую арену для нравственныхъ и соціальныхъ реформъ, то это еще не значитъ, что оно является также болѣе обильнымъ и глубокимъ источникомъ нравственныхъ силъ; а колоссальное развитіе литературнаго и художественнаго рынка въ дѣйствительности больше свидѣтельствуетъ объ экономической мощи Нью-Іорка, чѣмъ о внутреннихъ его силахъ, способствующихъ духовной производительности. Экономическая

организація духовной жизни, естественно, прочнѣе всего укрѣпилась въ Нью-Іоркѣ, а художественный рынокъ, естественно, развился въ главныхъ центрахъ роскоши, но эта внѣшняя связь между высшими проявленіями духа и столицею экономической жизни имѣетъ мало общаго съ внутренней духовною инициативою.

Результатомъ подобныхъ соединеній должно быть скорѣе ослабленіе, нежели укрѣпленіе духовной жизни; искусство должно оказаться въ подчиненіи у капризовъ моды, литература должна сдѣлаться коммерческимъ дѣломъ, наукѣ приходится итти на компромиссы съ практической жизнью, словомъ, духовной жизни грозитъ опасность, что она сдѣлается поверхностною. Она можетъ по внѣшности блестяще развиваться, но глубину она должна потерять, она не будетъ производить изъ себя новыхъ, имѣющихъ внутреннюю цѣнность импульсовъ и потому, въ концѣ-концовъ, для всего общественнаго организма не будетъ играть роли центра. Если въ политической столицѣ духовная жизнь получаетъ характеръ чего-то бюрократически-мертвеннаго, то въ столицѣ экономической она становится поверхностной и плоской благодаря своему отношенію къ дѣловому міру и міру роскоши; отражающіеся на всей странѣ импульсы духовная жизнь можетъ создавать только тамъ, гдѣ она жива, чиста и глубока, гдѣ она существуетъ собственными силами и ради собственныхъ идеаловъ.

Столицею духовной жизни является Бостонъ, и подобно тому, какъ въ Вашингтонѣ даже не-политическія функціи получаютъ политическую окраску, а въ Нью-Іоркѣ даже движенія, не имѣющія экономическаго характера, подвергаются коммерческому вліянію,—такъ о Бостонѣ можно сказать, что идеалистическое стремленіе къ духовнымъ цѣнностямъ господствуетъ надъ всѣми остальными сторонами его жизни и что его идеалы здѣсь проникаютъ собою даже экономику и политику.

Поразительно, до чего это исключительное положеніе Бостона бросается въ глаза даже поверхностному наблюдателю. Европеецъ, совершающій путешествіе по излюбленному маршруту изъ Нью-Іорка въ Филадельфію, затѣмъ въ Вашингтонъ, Чикаго, на Ніагару и замыкающій путешествіе по Соединеннымъ Штатамъ Бостономъ, получаетъ большей частью при послѣдней остановкѣ такое впечатлѣніе, какъ будто онъ изъ Новаго Свѣта вернулся въ Старый. Полныя достоинства культурныя традиціи, возвышенный въ духовномъ смыслѣ характеръ общества, преобладаніе не-коммерческихъ интересовъ, характерный старинный обликъ города—все это рѣшительно отличается отъ того представленія о специфически-американской жизни, которое сложилось въ его воображеніи на основаніи

вывезенныхъ изъ Стараго Свѣта предразсудковъ и полученныхъ въ Новомъ Свѣтѣ поверхностныхъ впечатлѣній. Лишь тогда, когда онъ ближе узнаетъ страну, онъ начинаетъ сознавать, что именно въ этомъ городѣ наиболѣе чисто выражается сущность американскаго характера.

Американецъ самъ съ полнымъ сознаніемъ, хотя часто и со смѣшаннымъ чувствомъ, признаетъ эту главенствующую роль Бостона въ духовной жизни страны. Онъ охотно цитируетъ съ легкой иронією слова Гольмса, что Бостонъ — «центръ вселенной», онъ особенно любитъ инсинуировать насчетъ бостонскихъ жительницъ, что каждая изъ нихъ—синій чулокъ, а въ юмористическихъ листкахъ бостонскіе извозчики разговариваютъ по-латыни. Но всѣмъ этимъ не затуманивается чувство, которое говоритъ, что, въ сущности, корни всего, что есть въ странѣ возвышеннаго и важнаго въ духовномъ смыслѣ, лежатъ въ Бостонѣ, что Массачузетсъ, руководимый Бостономъ, служилъ образцомъ во всѣхъ вопросахъ обученія и духовной культуры, и что тамъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится старѣйшая и крупнѣйшая высшая школа страны—Гарвардскій университетъ, тамъ настоящая родина идеаловъ, существующихъ въ Новомъ Свѣтѣ. И духовное руководительство Новой Англіи не можетъ не быть замѣтно даже тогда, когда Бостонъ высылаетъ гонцовъ своего духа въ чужія мѣста: художественные тріумфы всемірной Колумбовой выставки могутъ быть отнесены насчетъ Чикаго, но люди, устроившіе ее, пришли изъ Массачузетса; борьба съ Таммани-Големъ за нравственныя реформы принадлежитъ къ этической исторіи Нью-Іорка, но борцы, нравственное воодушевленіе которыхъ доставило побѣду, происходятъ изъ Новой Англіи. И это постоянное впечатлѣніе, что лучшіе эстетическіе, моральные и интеллектуальные стимулы исходятъ изъ Новой Англіи,—это впечатлѣніе становится особенно глубокимъ, если обратить взоры къ прошлому. Въ настоящемъ картина легко расплывается, потому что съ тѣхъ поръ, какъ началось промышленное развитіе запада, эмиграція изъ Новой Англіи приняла чрезвычайно большіе размѣры, и черты, характерныя для Массачузетса, благодаря этому сильнѣе распространились по всей странѣ.

Кто желаетъ доискаться началъ американской жизни, тотъ долженъ вернуться къ четвертому десятилѣтію семнадцатаго вѣка. Колоніи на югѣ и въ центральныхъ штатахъ процвѣтали наряду съ сѣверными колоніями Новой Англіи, но только въ послѣднихъ существовала самостоятельная интеллектуальная культура. Въ 1636 году, уже спустя восемь лѣтъ послѣ основанія Бостона, былъ устроенъ Гарвардскій колледжъ—первая и въ теченіе долгаго времени единственная высшая школа, а изъ чис-

ла печатныхъ произведеній, которыя за все семнадцатое столѣтіе появились въ странѣ, на долю Новой Англіи приходится такое подавляющее большинство, что исторія литературы не находитъ основанія говорить о другихъ колоніяхъ того времени; самой крупною литературной фигурой семнадцатаго вѣка является бостонецъ Коттонъ Мазеръ. Въ восемнадцатомъ столѣтіи та же традиція продолжается; величайшій мыслитель страны, Джонатанъ Эдвардсъ, получаетъ образованіе въ Гарвардѣ. Веніаминъ Франклинъ воспитывался въ Бостонѣ; литература Новой Англіи всегда занимаетъ первое мѣсто, а когда наступило время освобожденія, въ ряду первыхъ факторовъ мы видимъ нравственную энергію Бостона и его энтузіазмъ.

Лишь съ этихъ первыхъ дней политической независимости начинается и дѣйствительная исторія самостоятельной, свободной американской духовной жизни. Теперь мы видимъ непрерывный рядъ крупныхъ именъ, и лучшія изъ нихъ связаны съ Бостономъ. Поэты Лонгфелло, Лоуэлль и Гольмсъ—бостонцы, Эдгаръ По родился въ Бостонѣ, Уиттіеръ и Гауторъ по своимъ корнямъ принадлежатъ Новой Англіи. Здѣсь выходятъ журналы, играющіе въ мірѣ духовныхъ интересовъ руководящую роль—въ первой половинѣ столѣтія North American Review, во второй—Atlantic Monthly. Здѣсь пробиваетъ себѣ дорогу религіозное движеніе унитаріевъ. Здѣсь образуется философская школа, въ центрѣ которой стоитъ свѣтлая личность Ральфа Вальдо Эмерсона. Здѣсь раздается побѣдоносное слово противъ рабства, здѣсь Паркеръ и Гаррисонъ, Филлипсъ и Сумнеръ бросаютъ свои обвиненія, направленныя противъ Юга, въ нравственно возбужденныя массы, и здѣсь же процвѣтаетъ въ тиши научная работа. Съ того времени, когда Тикноръ и Эверетъ, въ 1815 году, занимались въ Геттингенѣ, здѣсь всего пышнѣе взошли тѣ сѣмена, которыя американскими молодыми учеными привезены на родину изъ нѣмецкихъ университетовъ; здѣсь надо назвать такихъ историковъ, какъ Прескоттъ и Спаркъсъ, какъ Банкрофтъ, Паркманъ и Мотли. Здѣсь, въ Бостонѣ, нашла для себя настоящую почву серьезная музыка, здѣсь возникла первая большая народная библіотека, и всѣ эти движенія продолжаютъ оказывать свое дѣйствіе и до нашихъ дней: ни одна изъ традицій не прервалась, и тотъ, кто не даетъ ввести себя въ заблужденіе поверхностнымъ впечатлѣніямъ, тотъ знаетъ, что характерныя черты Бостона и Новой Англіи еще и въ настоящее время господствуютъ въ серьезныхъ областяхъ духовной жизни націи. Подобно тому, какъ мраморный Капитолій въ Вашингтонѣ служитъ символомъ политическаго могущества Америки, а двадцати-этажные дома на нижнемъ Бродвеѣ въ Нью-Іоркѣ являются символомъ ея экономической жизни, такъ

покрытый тѣнью вязовъ дворъ Гарвардскаго колледжа въ Бостонѣ можетъ быть принятъ за символъ того, чего хочетъ и что можетъ Америка въ области духа.

На первый взглядъ можетъ показаться удивительнымъ, что одинъ участокъ страны былъ въ состояніи пріобрѣсти такое преобладающее значеніе, а главное—что столь небольшая, въ территоріальномъ смыслѣ, часть союза могла наложить свой отпечатокъ на характеръ всей огромной страны. Но это явленіе становится почти само собою понятнымъ, если мы вспомнимъ, какъ медленно, чрезвычайно медленно выростало это колоссальное государство изъ самыхъ маленькихъ началъ и какъ совершался его ростъ: вѣдь здѣсь не было присоединенія большихъ, прочно-сплоченныхъ массъ, которыя обладали бы собственной культурою и самостоятельно развивались бы въ духовномъ отношеніи; здѣсь къ уже существующему постоянно присоединялись маленькія, не самостоятельныя, не связанныя между собою группы пришельцевъ—присоединялись и тотчасъ же ассимилировались. А разъ было положено начало, разъ духовная жизнь пріобрѣла въ одномъ мѣстѣ опредѣленный характеръ, то данный образъ мышленія и данные нравы должны были получить опредѣляющее значеніе, какъ бы кругъ постепенно ни расширялся. Если бы въ семнадцатомъ столѣтіи самостоятельная, рѣзко выраженная духовная жизнь выработалась не въ маленькихъ штатахъ Новой Англіи, а, напримѣръ, въ южныхъ колоніяхъ, то въ силу того же процесса непрерывной ассимиляціи все государство, въ концѣ-концовъ, оказалось бы точно такъ же проникнуто духомъ и характеромъ Виргиніи, какъ оно въ настоящее время проникнуто духомъ и характеромъ Массачузетса. Съ другой стороны, не случайностью, однако, было и то, что духъ, которому предстояло перейти въ жизнь, исходилъ не отъ падкихъ на наслажденія виргинцевъ, а отъ преданныхъ строгому понятію долга поселенцевъ Сѣвера.

Характеръ же этой небольшой группы сѣверныхъ колонистовъ можетъ быть опредѣленъ однимъ словомъ: они были пуританами. Пуританскій духъ оказалъ на внутреннюю жизнь людей, поселившихся въ семнадцатомъ вѣкѣ у Бостонскаго залива, а отсюда — и на внутреннюю жизнь всей страны до нашихъ дней болѣе глубокое и рѣшающее вліяніе, нежели любой изъ остальныхъ факторовъ. Пуританскій духъ—этими словами выражается нѣчто безконечно-цѣнное, гораздо болѣе цѣнное, чѣмъ могутъ даже представить себѣ тѣ, кто надъ нимъ смѣются; но этими словами тотчасъ же указаны и нѣкоторыя стѣснительныя границы. Вотъ ужъ почти три столѣтія, какъ геній Америки черпаетъ силы изъ этихъ цѣнностей и терпитъ ущербъ отъ этихъ границъ. Чего хотѣли пуритане, это говоритъ ихъ

имя: они хотѣли чистоты — чистоты богослуженія, чистоты характера, чистоты жизни въ испорченный вѣкъ. Исполненная религіозныхъ требованій кальвинизма, маленькая кучка переселенцевъ съ великими страданіями пересѣкла океанъ, чтобы найти мѣсто для свободнаго осуществленія своихъ пуританскихъ идеаловъ; они покинули Англію, гдѣ лишь позднѣе, при Кромвелѣ, пуритане достигли кратковременнаго и, въ сущности, безрезультатнаго господства. Гораздо больше значенія, чѣмъ внѣшняя побѣда, имѣла для нихъ незапятнанность вѣры, за которую они страдали, и въ каждомъ движеніи ихъ жизни, проводимой въ бѣдности, отражались ихъ убѣжденія. При такихъ условіяхъ не случайностью было, что духовно-нравственные интересы не заглохли при всей экономической и политической борьбѣ, но что они съ самаго начала пріобрѣли самостоятельное значеніе. Гарвардскій колледжъ былъ основанъ въ качествѣ школы для пуританскаго духовенства, и почти вся американская литература семнадцатаго вѣка—а это значитъ, собственно, литература Новой Англіи — носитъ либо чисто-религіозный характеръ, либо, по крайней мѣрѣ, отпечатокъ глубоко-религіознаго кальвинистскаго духа.

Съ внѣшней стороны все это, разумѣется, рѣшительно измѣнилось, и можно видѣть почти типическій образецъ этой перемѣны въ томъ, что Гарвардскій университетъ, нѣкогда служившій духовною семинаріей, въ настоящее время не готовитъ къ священнической дѣятельности и пятидесятой части своихъ пяти тысячъ студентовъ. Даже въ 1700 году уже, когда основывался Іэльскій университетъ въ Коннектикутѣ, не послѣднимъ его назначеніемъ было служить оплотомъ для строгой вѣры, такъ какъ Гарвардскій университетъ уже сдѣлался слишкомъ свободомыслящимъ, а величайшій питомецъ Гарвардскаго университета, проповѣдникъ Джонатанъ Эдвардсъ, гнѣвно отвернулся отъ Бостона, потому что древнія кальвинистскія традиціи въ восемнадцатомъ вѣкѣ тамъ, казалось, заглохли. Въ девятнадцатомъ столѣтіи, наконецъ, унитаріанство какъ будто являлось самымъ сильнымъ врагомъ кальвинизма. И все же, вся эта борьба носитъ какой-то эзотерической характеръ. Въ сущности, здѣсь мы имѣемъ передъ собою только противорѣчія внутри пуританской общины: начиная съ тѣхъ дней, когда терпѣли лишенія «отцы-паломники» и кончая тѣмъ временемъ, когда Эмерсонъ съ воодушевленіемъ рапсода сталъ проповѣдывать этическій идеализмъ Фихте, а Лонгфелло написалъ «Псаломъ жизни», мы видимъ здѣсь, собственно, все тотъ же старый пуританскій духъ.

Одна мысль все время занимаетъ здѣсь центральное мѣсто: жизнь дана не для наслажденія, а для исполненія долга. Только

благодаря нравственнымъ стремленіямъ жизнь получаетъ смыслъ и цѣну: испытаніе самого себя — вотъ великая задача, которая господствуетъ надъ всѣмъ. Въ силу особыхъ догматическихъ представленій кальвинистской теологіи это испытаніе самого себя, правда, въ самомъ тѣсномъ кругу превращалось въ угнетающее исканіе въ самомъ себѣ тѣхъ признаковъ, которые свидѣтельствуютъ о произвольно даруемой милости Божіей. Но въ болѣе широкихъ кругахъ это испытаніе вело, въ сущности, къ постоянной провѣркѣ собственной совѣсти, къ сознательному подавленію нечистыхъ, свѣтскихъ, эгоистическихъ побужденій, и, слѣдовательно, къ непрестанному нравственному очищенію. И если въ ряду теологическихъ представленій возникало такое впечатлѣніе, будто Богъ соединилъ въ колоніяхъ Новой Англіи особенно большое число лицъ, осѣненныхъ благодатью, то это, очевидно, объяснялось тѣмъ фактомъ, что въ подобной общинѣ, члены которой подвергаютъ себя постоянному испытанію, должна была развиться такая нравственная чистота, какой нигдѣ нельзя было найти въ Старомъ Свѣтѣ съ его вѣчной суетой. Тамъ, гдѣ жизнь каждаго отдѣльнаго человѣка въ такой мѣрѣ проникнута нравственными идеалами, тамъ и въ общественной жизни болѣе благородныя стремленія не могутъ быть заглушены низменными побужденіями и требованіями практической жизни, тамъ должно образоваться надежное прибѣжище для духовныхъ запросовъ, тамъ серьезныя книги найдутъ лучшій пріемъ, нежели шумныя развлеченія, процвѣтавшія въ остальныхъ колоніяхъ, тамъ больше будетъ сдѣлано въ интересахъ воспитанія, правосудія и богослуженія, чѣмъ для доставленія людямъ внѣшнихъ наслажденій,—словомъ, духовная жизнь тамъ будетъ процвѣтать съ перваго же часа.

И въ то же время насколько отлична должна быть духовная культура, которая тамъ разовьется, отъ культуры, которая развилась въ Европѣ, на родинѣ переселенцевъ, въ Англіи, или на континентѣ, или отъ той, которая развилась бы, если бы преобладаніе получили южные штаты. Пуританинъ способенъ смотрѣть на всю культуру только съ нравственной точки зрѣнія, а для нравственной оцѣнки тотчасъ же возникаетъ вопросъ объ отдѣльной личности. Какъ въ физическомъ, такъ и въ психическомъ мірѣ нравственную цѣнность можетъ имѣть только одно—добрая воля отдѣльной личности. Никакое проявленіе культуры само по себѣ не имѣетъ цѣнности; оно получаетъ нравственное значеніе только въ силу своего отношенія къ индивидуальной волѣ, а разъ это такъ, то для всей духовной жизни оказывается всего одна задача — служить къ высшему нравственному развитію отдѣльной личности. Разсматриваемыя съ этой точки зрѣнія, наука, поэзія, искусство не представля-

ютъ собою чего-то, имѣющаго объективную цѣнность, къ чему отдѣльный человѣкъ становится въ подчиненное положеніе, какъ лицо берущее или дающее; нѣтъ, все это является только средствомъ, подчиненнымъ одной главной цѣли, созданію цѣнныхъ людей. Жизнь—это нравственная задача, для которой искусство и наука получаютъ цѣну только потому, что они даютъ пищу и способствуютъ внутреннему росту тѣхъ, кто стремится къ выполненію этой задачи. Выражаясь современнымъ языкомъ, мы можемъ сказать, что общество, развивавшееся подъ пуританскимъ вліяніемъ, будетъ больше заботиться объ «образованіи» своихъ членовъ, чѣмъ о созданіи объективныхъ продуктовъ духа, что для человѣка, проникнутаго духовными стремленіями, важно не усовершенствованіе искусства и науки, а самоусовершенствованіе при помощи искусства и науки.

Разумѣется, должно существовать взаимодѣйствіе между общимъ культурнымъ достояніемъ и отдѣльными личностями; но преобладающая тенденція должна быть разная въ зависимости отъ того, помѣщается ли центръ тяжести, въ интересахъ нравственной строгости, на единичной волѣ или же онъ помѣщается, въ цѣляхъ эстетическаго или интеллектуальнаго наслажденія, на безличной культурѣ. Въ Европѣ исходнымъ пунктомъ въ рѣшающіе періоды служила, да и въ настоящее время еще служитъ объективная сторона дѣла, и лишь въ качествѣ производнаго являлось вліяніе на отдѣльную личность; въ пуританской Америкѣ на переднемъ планѣ стояло личное спасеніе души, и изъ стремленія къ самоусовершенствованію, къ испытанію самого себя и къ собственному культурному развитію лишь въ качествѣ производнаго явленія вытекла положительная поддержка свѣтской культуры. Поэтому индивидуальное образованіе должно было здѣсь стоять на необычайно высокомъ уровнѣ уже въ такое время, когда крупныхъ продуктовъ творчества еще было очень мало, между тѣмъ какъ, наоборотъ, въ анти-пуританской Европѣ исторія культуры постоянно показываетъ созданіе великихъ произведеній при очень низкомъ общемъ уровнѣ личнаго образованія. Такимъ образомъ, духъ самоусовершенствованія, какъ слѣдствіе пуританскихъ нравственныхъ запросовъ, являлся самымъ значительнымъ стимуломъ въ духовной исторіи Америки.

Однако, духъ самоусовершенствованія можетъ имѣть источникъ и совершенно иного рода. Для нравственнаго идеализма полное развитіе личности является самоцѣлью; но усовершенствованіе индивидуума можетъ служить и средствомъ для извѣстной цѣли, орудіемъ для возможно-большей продуктивности въ практической жизни. Такова логика утилитаризма: сущность не въ ростѣ науки, искусства и нравственныхъ учрежденій

самихъ по себѣ, а въ ихъ возвратномъ вліяніи на дѣйствующихъ людей. Идеализмъ требуетъ духовной жизни ради индивидуальнаго спасенія души, утилитаризмъ—ради индивидуальнаго благополучія. Едва ли мыслима большая противоположность, и все же стремленіе къ самоусовершенствованію обще обоимъ движеніямъ, и для обоихъ ростъ объективной духовной культуры націи самъ по себѣ не представляется существеннымъ.

Очевидно, что та и другая тенденція въ силу соціологической связи явленій должны давать гораздо больше, чѣмъ соотвѣтствуетъ ихъ мотивамъ: хотя и для пуританства, и для утилитаризма отправнымъ пунктомъ служитъ отдѣльная личность, однако какъ тотъ, такъ и другой должны, въ концѣ-концовъ, проявляться въ ростѣ національнаго духовнаго достоянія. Нравственный идеализмъ желаетъ не только получать, но и давать; безспорно, онъ прежде всего хочетъ давать, чтобы вызвать въ другомъ стремленіе къ самоусовершенствованію, но для того, чтобы оказывать такое дѣйствіе и быть въ этомъ смыслѣ убѣдительнымъ, онъ долженъ служить выраженіемъ всего лучшаго, что живетъ въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ; такимъ образомъ потребность отстаивать собственные идеалы ведетъ къ созданію объективныхъ духовныхъ цѣнностей. Утилитаризмъ же долженъ давать такую высокую соціальную награду за дѣла, способствующія благосостоянію людей, что и здѣсь у отдѣльнаго человѣка изъ утилитарныхъ желаній является побужденіе создавать новые духовные продукты. Поэтому въ духовной жизни и такой націи, которая руководствуется пуританскими и утилитарными импульсами, также начнется созданіе новой національной духовной культуры послѣ извѣстнаго промежутка времени, посвященнаго преимущественно индивидуалистическому усвоенію наличнаго образовательнаго матеріала. Но все, что будетъ создаваться лучшаго, будетъ служить либо нравственному убѣжденію, либо технической культурѣ. Отвѣчая первой тенденціи, будутъ процвѣтать исторія, литература и философія, право и религія, отвѣчая второй—практическое естествознаніе и прикладныя искусства.

Въ современной континентальной Европѣ обѣ тенденціи были слабо развиты. Идеализмъ здѣсь съ самаго начала имѣлъ интеллектуальное и эстетическое направленіе; нравственная строгость у европейскихъ народовъ всегда являлась только въ видѣ эпизода. Точно такъ же, однако, и утилитаризмъ игралъ, въ сущности, въ ихъ духовной жизни второстепенную роль, потому что стремленіе къ самоусовершенствованію было лишь слабо развитою чертою въ ихъ духовной физіономіи. Интересъ къ истинѣ, наслажденіе красотой и соціальныя награды для тѣхъ, кто удовлетворялъ этотъ интересъ и доставлялъ это наслажде-

ніе,—эти элементы играли въ національной духовной жизни континентальной Европы бо́льшую роль, нежели нравственный идеализмъ и практическій утилитаризмъ. Если же въ Америкѣ нравственная строгость не осталась также эпизодомъ, то объясняется это именно тѣмъ, что благодаря непрерывной ассимиляціи вновь прибывающихъ духъ пуританскихъ колоніи Новой Англіи сдѣлался основной чертою страны. А что на-ряду съ этимъ и утилитаризмъ служитъ дѣятельнымъ импульсомъ для всей духовной жизни въ Америкѣ, это едва ли требуетъ особаго обоснованія. Мы вѣдь подробно разсмотрѣли, какъ глубоко во всѣхъ слояхъ населенія заложено стремленіе къ самодѣятельности, являющееся движущей силой экономической жизни. И для американской общины всегда казалось само собою понятнымъ, что для успѣшной самодѣятельности какъ и для энергіи характера прежде всего необходима практическая подготовка и возможно лучшее образованіе.

Есть, конечно, люди, не получившіе никакой подготовки и матеріально преуспѣвающіе только благодаря собственнымъ силамъ, и такіе люди предостерегаютъ молодежь отъ высшаго образованія, проповѣдуя, что практическая жизнь есть лучшая школа для успѣха. Однако образцовая организація крупныхъ экономическихъ предпріятій сама показываетъ ложность подобныхъ парадоксовъ; именно тамъ во главѣ каждаго предпріятія ставятся люди, наиболѣе основательно знакомые съ дѣломъ, и успѣхи американской техники, напримѣръ, были бы немыслимы, если бы американцы дѣйствительно цѣнили энергію или простую рѣшительность выше, чѣмъ настоящее, построенное на знаніи, господство надъ предметомъ. Разногласіе у американцевъ существуетъ не между сторонниками образованія и сторонниками чрезмѣрно рѣшительной, нетронутой образованіемъ энергіи; утилитарная цѣнность возможно лучшаго умственнаго образованія не можетъ уже составлять предмета споровъ. Разногласія и въ настоящее время, въ сущности, сводятся къ вопросу о томъ, должно ли самоусовершенствованіе носить пуританскій или утилитарный характеръ. Спорящіе, конечно, этого не сознаютъ, но когда теперь на тысячу ладовъ дебатируется вопросъ о томъ, должны ли высшія школы и колледжи руководствоваться опредѣленными планами въ интересахъ равномѣрнаго общаго образованія или въ нихъ должна возможно-раньше начинаться спеціализація въ интересахъ дальнѣйшаго профессіональнаго образованія, то мы видимъ здѣсь опять-таки только пуританъ и утилитаристовъ, стоящихъ другъ противъ друга и оперирующихъ современными аргументами, — жителей Новой Англіи и жителей центральныхъ штатовъ. И при этомъ иронія заключается въ томъ, что голоса въ пользу греческаго языка

раздаются иногда изъ Чикаго, а иные изъ самыхъ видныхъ педагоговъ Новой Англіи высказываются за возможно раннюю интеллектуальную спеціализацію.

Въ дѣйствительности именно въ центральныхъ штатахъ, а потомъ, главнымъ образомъ, на западѣ вмѣстѣ съ гигантскимъ развитіемъ духа самодѣятельности сильнѣе всего сказалась потребность въ утилитарномъ использованіи высшихъ духовныхъ силъ. И эта сторона американскаго характера также существуетъ не первый день, и вліяніе ея совсѣмъ не свидѣтельствуетъ объ ея безнравственномъ или хотя бы безразличномъ въ нравственномъ смыслѣ источникѣ. Утилитаризмъ безусловно требуетъ этики, именно—честной филистерской этики съ ея тривіальными ссылками на интересы общаго благополучія. Веніаминъ Франклинъ, напримѣръ, одновременно со своей дѣятельностью въ области политики и естествознанія проповѣдуетъ и не мало морали, но его слова о томъ, что «честность—самая лучшая политика», ставятъ его этику въ одинъ уровень съ громоотводомъ, который онъ изобрѣлъ: то и другое—средства, служащія для человѣческаго благополучія. Хотя Франклинъ родился въ Бостонѣ, онъ однако не чувствовалъ себя тамъ своимъ—тамъ, гдѣ для лучшихъ людей жизнь была «хожденіемъ въ трепетѣ передъ Богомъ»; для него плодотворной ареной дѣятельности стала Филадельфія. Въ настоящее время нельзя уже указать одного мѣста, которое оказывало бы рѣшающее вліяніе на развитіе духовной жизни именно въ утилитарномъ направленіи; теперь это вліяніе исходитъ отъ массъ, такъ какъ къ этому направленію тяготѣетъ все населеніе западныхъ штатовъ. Однако, не можетъ быть и рѣчи о томъ, будто этимъ утилитарнымъ стремленіемъ подавлено, а тѣмъ болѣе уничтожено стремленіе пуританское. Только принимая во вниманіе совмѣстное дѣйствіе обѣихъ этихъ формъ, можно понять сущность національной духовной культуры; и въ настоящее время еще пуританское вліяніе является болѣе сильнымъ, духу Бостона принадлежитъ руководящая роль.

Но все сказанное относится только къ тому, что создано дѣйствительно самостоятельнымъ творчествомъ націи; къ этому надо присоединить еще и очень многое, что заимствовано американцами у другихъ народовъ или возникло изъ подражанія. Самые разнообразные факторы облегчаютъ здѣсь ввозъ продуктовъ чужой духовной жизни. Богатство американцевъ и ихъ склонность къ путешествіямъ, страсть къ коллекціонерству и желаніе всегда имѣть все самое лучшее, непрерывный притокъ переселенцевъ и многое другое—все это привело къ тому, что чужое часто слишкомъ охотно включалось въ кругъ собственной культуры. Лишь въ послѣднее время началась про-

тивъ этого болѣе или менѣе сознательная реакція, частью благодаря укрѣпленію національнаго самосознанія, частью же, и при томъ главнымъ образомъ, благодаря неожиданно быстрому росту собственной продуктивности. Время подражанія въ архитектурѣ уже прошло, исключительное господство англійскихъ романовъ окончилось. Но и теперь еще сильно чувствуется вліяніе англійской литературы, французскаго искусства, нѣмецкой музыки и многаго другого.

И къ этимъ вліяніямъ чужихъ національныхъ культуръ присоединяются, наконецъ, ещё тѣ стимулы, которые не принадлежатъ какой-нибудь одной націи въ частности, а всюду возникаютъ изъ низшихъ инстинктовъ и влеченій. Всюду въ мірѣ стремленіе къ удовольствію старается замѣнить собою эстетическое наслажденіе, всюду любопытство и страсть къ сенсаціи понижаютъ уровень логическихъ интересовъ, всюду громкіе восторги стремятся сойти за нравственныя дѣянія, всюду этическая, эстетическая и интеллектуальная открытая сцена со своими пошлостями слишкомъ часто получаетъ предпочтеніе передъ серьезнымъ театромъ. Говорятъ, что эта склонность, заложенная отъ начала въ человѣческой природѣ, сильнѣе проявляется въ наше время, когда нервы постоянно взвинчены, чѣмъ въ прежнія времена. Точно такъ же можно утверждать, что въ Америкѣ она сказывается, пожалуй, еще сильнѣе, чѣмъ въ остальныхъ странахъ. И причина этого понятна.

Извѣстную роль здѣсь играетъ, конечно, политическій строй—демократія, которая, исходя изъ требованій равенства, инстинктивно считается съ эстетическимъ вкусомъ, интеллектуальными сужденіями и нравственными запросами портныхъ и сапожниковъ нѣсколько больше, чѣмъ было бы желательно въ интересахъ культурнаго развитія. Но рѣшающее значеніе имѣетъ тотъ чисто-экономическій фактъ, что масса населенія въ Америкѣ обладаетъ большею покупательною способностью, нежели въ любой изъ прочихъ странъ, и благодаря этой большей финансовой подвижности оказываетъ на духовную жизнь страны гораздо болѣе непосредственное вліяніе. Массы въ Соединенныхъ Штатахъ не отличаются большею пошлостью, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ,—напротивъ, онѣ даже нѣсколько болѣе зрѣлы и дисциплинированы, что является необходимымъ слѣдствіемъ демократическаго строя; но только въ Америкѣ эти массы имѣютъ матеріальную возможность выписывать себѣ большія газеты и посѣщать театръ, а это на практикѣ означаетъ—оказывать на газеты и театръ свое понижающее вліяніе.

Такимъ образомъ, опошляющее вторженіе низшихъ классовъ можетъ, правда, легко затереть болѣе тонкія черты въ

картинѣ національной духовной жизни, а привычка къ подражанію можетъ внѣшнимъ образомъ внести въ нее много чужихъ чертъ; но въ общемъ все же можно распознать свободную, самостоятельную духовную жизнь, въ которой всюду видна борьба или соглашеніе между пуританствомъ и утилитаризмомъ, и въ которой всюду господствуетъ одно стремленіе, общее и пуританамъ, и утилитаристамъ: это—стремленіе къ возможно-полному развитію личности, стремленіе къ самоусовершенствованію.

Но такъ какъ лишь путемъ искусственной абстракціи возможно выдѣлять какую-нибудь одну черту, хотя бы и самую существенную, изъ всего духовнаго строя націи, то надо, само собою разумѣется, напередъ признать, что всѣ остальныя свойства американца придаютъ общему результату этой духовной жизни свою окраску и налагаютъ на нее свою печать. Такъ, всюду сказывается его легко воспламеняющійся энтузіазмъ и его неисчерпаемая перемѣнчивость, его религіозный образъ мыслей и сильно выраженное у него чувство формы, его правосознаніе и энергія, и всюду—какъ въ самомъ маломъ, такъ и въ самомъ большомъ—его веселый юморъ. И съ каждымъ изъ этихъ достоинствъ сопряжены извѣстные недостатки. Съ пылкимъ энтузіазмомъ плохо уживается терпѣливая настойчивость, такъ часто доставлявшая побѣду, напримѣръ, нѣмецкому духу въ его дѣяніяхъ; чувство формы легко можетъ вызывать нетерпѣніе тамъ, гдѣ духовная работа требуетъ пространнаго, громоздкаго изложенія; стремленіе къ сверхъ-чувственному можетъ перейти въ суевѣріе и мистику, чувство справедливости въ истерическую симпатію ко всему слабому, перемѣнчивость слишкомъ часто соблазняетъ ко всевозможнымъ экспериментамъ, а всюду мелькающій юморъ слишкомъ легко можетъ искажать также великое и серьезное. Но все это, какъ хорошее, такъ и дурное, все же имѣетъ лишь второстепенное значеніе; въ центрѣ стоитъ духъ самоусовершенствованія, и исходя именно изъ этого пункта, мы должны разсматривать все остальное.

Соціальная община, которая свою главную задачу видитъ въ способствованіи возможно большему индивидуальному совершенствованію своихъ членовъ, — такая община преимущественное вниманіе станетъ обращать на церковь и на школу. Церковная жизнь изъ политическихъ соображеній въ Америкѣ почти совершенно освобождена отъ вліянія со стороны государства; но власть, которая вовлекаетъ и вталкиваетъ каждаго отдѣльнаго человѣка въ кругъ церкви, отъ этого не ослабилась, а скорѣе даже усилилась. Весь аппаратъ соціальной машины находится на службѣ у религіи, и нетерпимость разныхъ

сектъ и церквей по отношенію другъ къ другу слаба въ сравненіи съ нетерпимостью церковности вообще по отношенію къ иррелигіозности. Граница можетъ быть отодвинута какъ угодно далеко, въ область религіи можетъ быть включена даже этическая культура или «христіанская наука»; но чтобы въ жизни каждаго человѣка звучала нотка благочестія, чтобы рабочей недѣлѣ предшествовалъ часъ молитвеннаго настроенія, чтобы каждый среди земной сутолоки могъ услышать мысль о вѣчности на языкѣ своего собственнаго духа, — къ этому съ помощью чисто-соціальныхъ средствъ старанія прилагаются болѣе энергично, чѣмъ если бы этимъ дѣломъ занималась государственная власть.

Много условій оказываютъ совмѣстное дѣйствіе въ томъ смыслѣ, чтобы углубить религіозность народа и облегчить вліяніе церквей. Не послѣднюю роль здѣсь играетъ огромное разнообразіе сектъ, позволяющее каждому человѣку найти тотъ оттѣнокъ церковности, который соотвѣтствуетъ его совѣсти. Далѣе, важное значеніе имѣетъ высокое соціальное положеніе женщины, сильнѣе предрасположенной къ религіозности, а главное—это обиліе соціальныхъ функцій, которыя приняла на себя церковь. Иностранцу многое здѣсь можетъ показаться слишкомъ свѣтскимъ; на первый взглядъ можетъ показаться, что церковь, которая въ то же время является клубомъ, библіотекою и мѣстомъ для развлеченій, должна этимъ уронить свое достоинство, но именно потому, что она, такимъ образомъ, безчисленными нитями сплетается съ мелочами повседневной жизни, ни одна сторона соціальной жизни и не можетъ сдѣлаться отъ нея совершенно независимой. Въ жизни большихъ городовъ, если разсматривать ее съ внѣшней стороны, все это, конечно, менѣе замѣтно; въ маленькихъ же городахъ и въ деревнѣ сильную религіозность населенія и его церковную жизнь, которая какъ будто разумѣется сама собою, не можетъ проглядѣть даже поверхностный наблюдатель; нельзя понимать американцевъ, если не принять во вниманіе эту религіозную жизнь. Вліяніе этой жизни—единственное, которое сильнѣе, чѣмъ даже политика, и многоопытные профессіональные политическіе дѣятели достаточно благоразумны, чтобы, насколько возможно, удерживать партіи отъ неравной борьбы.

Церковь своимъ могуществомъ обязана болѣе или менѣе безсознательнымъ элементамъ народной психики; напротивъ, поддержаніе общественной школы на высокомъ уровнѣ и способствованіе ея процвѣтанію—это единая великая цѣль, на которую съ желѣзною энергіей направлена сознательная воля всей націи. Если представить себѣ огромные размѣры рѣдко населенной страны и безконечное разнообразіе пришлаго населенія съ

его различіями расъ и языковъ, если припомнить, какая затрата силъ потребовалась для того, чтобы прежде всего развить экономическую жизнь въ этой части свѣта, то станетъ ясно, какія гигантскія силы должны были дѣйствовать для созданія прочной сѣти школъ по всей странѣ, отъ Атлантическаго до Великаго океана. И дѣйствительно, потребность въ наилучшей школьной системѣ для американца не вытекаетъ просто изъ исполненія соціальнаго долга; она сдѣлалась страстью, которая иногда, правда, можетъ направляться на ложные пути, но никогда не останавливается передъ препятствіями.

Нѣмецъ, привыкшій предоставлять разрѣшеніе вопроса объ обученіи правительству, лишь съ трудомъ можетъ представить себѣ, съ какой интенсивностью все населеніе участвуетъ въ выясненіи теоретическихъ вопросовъ и въ устраненіи практическихъ затрудненій. Нѣтъ ни одного еженедѣльнаго или ежемѣсячнаго журнала, ни одного серьезнаго союза, гдѣ не обсуждались бы вопросы воспитанія и обученія; педагогическихъ изданій—безчисленное количество, «свѣдущихъ людей»—столько же, сколько людей, которые когда либо хорошо или плохо воспитывали дѣтей. Дебаты въ Германіи по поводу гимназій и реальныхъ училищъ, по поводу древнихъ и новыхъ языковъ, по поводу переходныхъ экзаменовъ и женскаго образованія ведутся, по сравненію съ американской постановкой, лишь въ болѣе или менѣе тѣсномъ кругу, и не можетъ быть спору—уже одинъ тотъ фактъ, что забота о наилучшемъ школьномъ преподаваніи привлекаетъ къ себѣ такое серьезное вниманіе широкихъ слоевъ населенія, что она объединяетъ всѣ партіи, всѣ секты, всѣ классы, всѣ части страны въ одномъ общемъ, сознательномъ движеніи впередъ,—уже одинъ этотъ фактъ имѣетъ величайшую цѣнность для воспитанія всего народа.

На широкомъ фундаментѣ общественной школы построена система высшаго обученія, при разсмотрѣніи которой нѣмцу не совсѣмъ легко встать на правильную точку зрѣнія. Сотни колледжей, университетовъ, спеціальныхъ школъ и политехникумовъ представляются постороннему человѣку какъ случайная, ничѣмъ не объединенная масса отдѣльныхъ единицъ, потому что у него нѣтъ прочной мѣрки, нѣтъ общаго уровня, нѣтъ ни исходнаго, ни заключительнаго пункта, и для него здѣсь о системѣ какъ будто не можетъ быть и рѣчи. И все же въ основѣ здѣсь есть грандіозная система: здѣсь самымъ роскошнымъ и самымъ удивительнымъ образомъ реализуется американскій духъ, объединяемый въ систему принципомъ постепенныхъ незамѣтныхъ переходовъ; никакая другая форма — и меньше всего, конечно, подражаніе чужимъ образцамъ — не могла бы столь совершенно выразить стремленія къ самоусовершенствованію.

Но если говорить о школѣ всѣхъ типовъ до высшей школы включительно, то этимъ не будетъ сказано и половины всего, что надо сказать о воспитаніи народа въ Америкѣ. Ни въ какой другой странѣ въ мірѣ націи не предлагается такъ много и такого систематическаго обученія внѣ школы, и безчисленныя формы, въ которыхъ производится обученіе людей, вышедшихъ изъ школьнаго возраста, лучше всего свидѣтельствуютъ о неутомимомъ стремленіи къ дальнѣйшему образованію. Вечернія и лѣтнія школы, дополнительные курсы и лекціонные институты, классы при союзахъ и клубы для дебатовъ служатъ дополненіемъ другъ къ другу, и если оставить все это въ сторонѣ, то никогда не получится правильной картины американской культуры. А позади всего этого стоитъ огромный книжный запасъ націи, откуда даже самый бѣдный можетъ брать себѣ лучшія книги и заниматься по нимъ въ пріятной обстановкѣ. Дѣйствительно, народная библіотека вмѣстѣ съ достигшей безпримѣрнаго развитія газетной и журнальной литературой обслуживаютъ весь народъ, а та и другая, конечно, никогда не могли бы такъ расти, если бы стремленіе къ образованію не было глубоко заложено у этихъ людей.

И эта жажда чтенія также не представляетъ собою чего либо новаго. Когда Гопкинсонъ, знавшій Англію и Америку, въ серединѣ восемнадцатаго столѣтія излагалъ свои взгляды, онъ писалъ по поводу Англіи: «Колоссальное невѣжество простого народа у этой цивилизованной націи почти невѣроятно. Въ общемъ, они не знаютъ ничего кромѣ своей спеціальной работы, которую ихъ родители или священникъ случайно для нихъ избрали. Въ Америкѣ это совсѣмъ не такъ. Даже послѣдній ремесленникъ обладаетъ тамъ извѣстными общими познаніями. Во многихъ маленькихъ городахъ и въ каждомъ крупномъ есть общественныя библіотеки. Каждый человѣкъ находитъ время для чтенія и пріобрѣтаетъ свои познанія почти незамѣтно. Онъ наслаждается морскими прогулками и путешествіями и при этомъ знакомится съ географіей, съ нравами и торговлей другихъ народовъ. Онъ читаетъ политическія полемическія статьи и отсюда узнаетъ въ общихъ чертахъ свои права, какъ человѣка и гражданина. Онъ окунается даже немного въ философію».

Въ теченіе полутора столѣтія съ тѣхъ поръ, какъ написаны эти слова, все это росло и росло до нынѣшняго дня, когда существуетъ много журналовъ, выходящихъ въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, когда есть историческіе романы, которые печатаются въ количествѣ до полумилліона экземпляровъ, когда народныя библіотеки проникаютъ уже не только въ каждый маленькій городъ, но и въ деревню, и когда общественныя

книгохранилища въ большихъ городахъ принадлежатъ къ самымъ красивымъ произведеніямъ архитектуры нашего времени. И въ то время какъ вліяніе книги росло и мѣстная литература приняла огромные размѣры, въ качествѣ средствъ народнаго образованія постепенно присоединялись сюда и живопись и музыка: возникли музеи, зазвучали симфоніи, развился театръ и возникла духовная жизнь, мѣркой для которой могутъ служить только лучшія произведенія европейской культуры. Но носителемъ этой духовной жизни и теперь еще является не творческій геній, а средній гражданинъ, стремящійся къ самосовершенствованію и образованію.

Одинъ разъ ежегодно американскій народъ переживаетъ періодъ, когда официально онъ оглядывается на себя и уясняетъ свои нравственные принципы. Въ іюнѣ мѣсяцѣ закрываются двери школъ, колледжей, университетовъ на долгія лѣтнія каникулы, и въ концѣ учебнаго года, по старому американскому обычаю, серьезное слово говорится воспитанникамъ, покидающимъ школу. Произнесеніе этихъ прощальныхъ рѣчей считается за честь, которая, конечно, стоитъ въ зависимости отъ того, какое мѣсто занимаетъ данное учебное заведеніе; произносятся же эти рѣчи лучшими людьми страны. Такимъ образомъ, въ теченіе іюня мѣсяца сотни выдающихся людей—ученые, государственные дѣятели, писатели, поборники реформъ, политики, чиновники, филантропы—соперничаютъ въ томъ, чтобы обратиться къ молодежи съ самымъ лучшимъ, самымъ глубокимъ и сильнымъ словомъ, и такъ какъ рѣчи затѣмъ проникаютъ въ газеты и журналы, то онѣ оказываются обращенными ко всему народу. Болѣе значительныя изъ нихъ вызываютъ обсужденіе въ газетныхъ столбцахъ, и такимъ образомъ лѣтній мѣсяцъ отдыха становится временемъ исканія и предостереженія, временемъ, когда возвышается духъ и вызываются новыя мысли, временемъ нравственнаго обновленія силъ. Но если окинуть общимъ взглядомъ эти рѣчи, то нельзя не видѣть, что въ нихъ обыкновенно развивается одна изъ двухъ основныхъ темъ. Одни говорятъ молодежи: учитесь и развивайтесь, потому что только при этомъ вы можете получить удовлетвореніе въ сознаніи, что вы—полезные члены общества. Другіе говорятъ: учитесь и развивайтесь, потому что нѣтъ въ жизни ничего болѣе цѣннаго, чѣмъ идеальное развитіе вашей души. Первые—утилитаристы, вторые—пуритане, но общая у тѣхъ и другихъ индивидуалистическая тенденція, и тѣ и другіе говорятъ молодежи: какъ на цѣль, смотрите на свое личное совершенствованіе.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Школа и народное воспитаніе.

Въ 1647 году штатъ Массачузетсъ издалъ законъ, въ которомъ между прочимъ говорилось: «Для того, чтобы знаніе не было погребено въ могилахъ нашихъ предковъ, настоящимъ предписывается каждый общинѣ, насчитывающей пятьдесятъ дворовъ, нанять учителя, который долженъ обучать дѣтей чтенію и письму; каждой же общинѣ, насчитывающей сто дворовъ, предписывается устроить латинскую школу, завѣдующій которою былъ бы способенъ готовить молодыхъ людей къ поступленію въ университетъ». Первая общественная латинская школа въ Бостонѣ существуетъ уже съ 1635 года. Точно такъ же и голландское населеніе Новаго Амстердама, позднѣйшаго Нью-Іорка, съ 1621 года стало заботиться о приглашеніи школьныхъ учителей. Другія колоніи вскорѣ послѣдовали этому примѣру, и королевскій губернаторъ Виргиніи, Беркли, все же не вполнѣ еще уловилъ духъ Новаго Свѣта, когда около этого же времени писалъ на родину: «Я благодарю Бога, что здѣсь не существуетъ ни общественныхъ школъ, ни печатныхъ станковъ; я надѣюсь, что мы еще сто лѣтъ будемъ отъ нихъ избавлены, потому что ученіемъ создавалось на свѣтѣ только невѣріе и неповиновеніе, а книгопечатаніе распространяетъ ихъ и мѣшаетъ самымъ лучшимъ намѣреніямъ правительства. Боже сохрани насъ отъ того и другого». Впрочемъ именно Виргинія, въ качествѣ первой колоніи, еще ранѣе Бостона и Нью-Іорка стала заботиться о постановкѣ учебнаго дѣла; уже въ 1619 году казначей Виргинской компаніи внесъ даже въ англійскій парламентъ предложеніе—дать пятнадцать тысячъ акровъ земли на устройство высшей школы. Англійскія церкви оказали поддержку этимъ планамъ; деньги собирались въ большомъ количествѣ, участки земли и строенія предназначались для цѣлей низшаго и средняго образованія, и все шло прекрасно, пока въ 1622 году ужасная война съ индѣйцами не уничтожила всего; зданія были разрушены, мысли надолго отвлечены отъ дѣла воспитанія, и страна, такимъ образомъ, пришла въ то состояніе, которое такъ нравилось губернатору Беркли.

Эта участь Виргиніи сразу показываетъ, что учебное дѣло въ Америкѣ совсѣмъ не развивалось гладко и неуклонно, но что оно, благодаря войнамъ и политическимъ бурямъ, очень

часто шло назадъ и въ различныхъ частяхъ страны развивалось очень разнымъ темпомъ, иногда и въ очень разныхъ направленіяхъ. Лишь за послѣднія тридцать лѣтъ, послѣ междоусобной войны, эти различія въ болѣе или менѣе значительной мѣрѣ сгладились; лишь въ послѣднее время можно, дѣйствительно, говорить объ общей американской системѣ. Поэтому для человѣка, не причастнаго къ дѣлу народнаго образованія въ Америкѣ, легче разобраться въ немъ, если сразу разсматривать нынѣшнее его положеніе, въ которомъ больше единообразія и которое потому легче поддается обзору, чѣмъ если стараться историческимъ путемъ понять настоящее изъ сложнаго и мало интереснаго прошлаго.

Итакъ, мы теперь не спрашиваемъ, какъ развивалось въ Америкѣ учебное дѣло, а спрашиваемъ, что оно собою представляетъ и къ чему стремится въ настоящее время. Однако и современное положеніе легко можетъ показаться нѣмцу запутаннымъ, потому что онъ, естественно, склоненъ сравнивать это положеніе съ тѣмъ, къ которому привыкъ у себя на родинѣ, а вѣхи часто совсѣмъ не совпадаютъ. Поэтому намъ необходимо прежде всего выдѣлить основныя черты американской системы и уяснить себѣ съ соціально-психологической точки зрѣнія ея принципіальныя уклоненія отъ нѣмецкой системы. Нѣсколькихъ самыхъ общихъ указаній будетъ достаточно для первоначальнаго обзора.

Въ американской системѣ единицею, въ самой законченной ея формѣ, является учебный курсъ четырехлѣтней продолжительности. Если для ясности представить себѣ главную линію раздѣла примѣрно между седьмымъ и восьмымъ классомъ нашихъ гимназій, то три подобныхъ единицы придутся подъ этой линіей, и двѣ надъ нею. Молодой человѣкъ изъ хорошей семьи, намѣревающійся изучать медицину въ Гарвардскомъ университетѣ достигнетъ этой линіи приблизительно на восемнадцатомъ году; если его обученіе протекало вполнѣ по шаблону этой системы, то въ шестилѣтнемъ возрастѣ онъ поступилъ въ элементарную школу (Primary School), въ десять лѣтъ перешелъ въ среднюю (Grammar School) и въ четырнадцать лѣтъ—въ высшую (High School, которой рѣшительно нельзя отожествлять съ нашими высшими учебными заведеніями). Такимъ образомъ онъ закончилъ двѣнадцатилѣтній курсъ общественной школы. Теперь онъ переходитъ нашу пограничную линію и, въ восемнадцать лѣтъ, поступаетъ въ «колледжъ»—учрежденіе, которому нѣтъ соотвѣтственнаго въ нѣмецкой системѣ и для котораго нѣтъ поэтому и нѣмецкаго названія; окончивъ и здѣсь четырехлѣтній курсъ, нашъ молодой человѣкъ, въ двадцать два года, приступаетъ къ изученію меди-

цины въ университетъ, откуда и выходитъ двадцати шести лѣтъ. Если присоединить въ началѣ еще полъ-единицы—два года (отъ четырехлѣтняго до шестилѣтняго возраста), проведенные въ дѣтскомъ саду, то передъ нами будетъ весь учебный планъ, растянутый на двадцать два года. Правда, можно съ увѣренностью сказать, что нашъ юный медикъ съ нѣкоторыми частями покончитъ раньше срока, напримѣръ въ высшую школу перейдетъ не черезъ восемь, а черезъ шесть лѣтъ и въ колледжѣ пробудетъ всего три года; быть можетъ, и дѣтскій садъ онъ миновалъ, но мы здѣсь имѣемъ дѣло со схемою самаго полнаго плана, а не съ многообразными сокращеніями и комбинаціями, которыя очень разумно допускаются и поощряются системою.

Итакъ, линія, которую мы опредѣлили какъ главную границу, соотвѣтствуетъ времени поступленія въ «колледжъ». Что же такое колледжъ, и какое значеніе имѣетъ эта граница? Нѣмцу, который привыкъ имѣть дѣло съ вполнѣ опредѣленными понятіями—гимназія и университетъ, обыкновенно бываетъ трудно здѣсь разобраться: колледжъ, очевидно, не есть ни гимназія, ни университетъ. По своимъ учебнымъ предметамъ колледжъ можетъ подлежать сравненію съ восьмымъ классомъ гимназіи и первыми тремя-четырьмя семестрами философскаго факультета нѣмецкихъ университетовъ. Но этимъ еще нисколько не характеризуется сущность колледжа, а главное—этимъ не объясняется, почему у американцевъ главная пограничная черта проводится передъ поступленіемъ въ колледжъ, а не какъ у нѣмцевъ, передъ началомъ спеціальныхъ занятій по медицинѣ или праву. Все это требуетъ полнаго освѣщенія, такъ какъ здѣсь ясно обнаруживаются характерные факторы, важные для будущности американскаго типа. Намъ необходимо поэтому очень подробно поговорить о колледжахъ и спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, и мы сдѣлаемъ это въ главѣ, посвященной «университетамъ». Здѣсь же мы будемъ говорить только о той части школьной системы, которая находится ниже нашей пограничной линіи, т.-е. о школахъ, высшей цѣлью которыхъ служитъ подготовка къ колледжу.

Итакъ, здѣсь мы имѣемъ дѣло, помимо дѣтскаго сада, съ тѣми тремя учебными заведеніями, которыя мы назвали элементарною, средней и высшей школою. Первые два обычно бываютъ соединены въ одну восьмиклассную школу. Нѣмцу при этомъ тотчасъ же бросается въ глаза одно обстоятельство: въ этой системѣ существуетъ только одинъ регулярный планъ общественнаго обученія, и молодой купецъ, посѣщающій высшую школу до восемнадцатаго года, проходитъ въ высшей и средней школѣ тотъ же путь, что и крестьянинъ или рабочій

который въ четырнадцать лѣтъ отправится изъ школы на поле или на фабрику; а нашъ купецъ, хотя въ восемнадцать лѣтъ онъ и поступитъ въ контору, проходитъ передъ этимъ въ высшей школѣ то же, что проходитъ будущій студентъ колледжа и университета. Правда, именно въ этомъ отношеніи практика приспособилась ко всему разнообразію потребностей и наиболѣе непріятныя послѣдствія такого единообразія устранены благодаря тому, что кромѣ общественныхъ школъ существуютъ и частныя, а, главное, благодаря тому, что внутри каждой отдѣльной школы происходитъ сложная дифференціація; но самый принципъ сохраняетъ полную силу, и американецъ готовъ, пожалуй, видѣть въ немъ самое важное преимущество своей системы.

Внутренній мотивъ здѣсь ясенъ: для всякаго человѣка, даже самаго слабаго, путь долженъ быть открытъ, всякій долженъ имѣть возможность пройти такъ далеко, сколько позволяютъ ему собственныя силы. Другими словами — словами, которыя любятъ повторять американскіе педагоги,—школа должна сдѣлать невозможнымъ зарожденіе кастоваго духа; она должна уничтожать границы между сословіями, она должна заботиться о томъ, чтобы всякій крестьянскій мальчикъ изъ самой глухой деревни, чувствующій въ себѣ высшіе запросы и желающій изъ народной школы перейти въ высшую и въ колледжъ, не встрѣчалъ никакихъ рогатокъ на своемъ пути. Въ своемъ движеніи впередъ онъ не долженъ наталкиваться на препятствія вродѣ того, что поступленіе въ высшую школу требуетъ какой-то особой предварительной подготовки.

Это перемѣшиваніе различныхъ общественныхъ слоевъ считается за панацею у демократіи: молодое поколѣніе должно быть освобождено отъ всего, что раздѣляетъ родителей; изъ широкихъ слоевъ самые способные должны имѣть возможность, не стѣсняемые предразсудками, достигать наивысшихъ цѣлей. Только такимъ путемъ весь соціальный организмъ можетъ постоянно получать свѣжую, здоровую кровь, только такимъ путемъ можно вполнѣ избѣжать тѣхъ вредныхъ сторонъ образованія кастъ, которыя мѣшаютъ дряхлой Европѣ энергично итти впередъ. Классическое сказаніе говоритъ о героѣ, которой черпалъ силу, цѣлуя землю; такъ и американскій народъ будетъ силенъ только тогда, если постоянно будетъ возвращаться къ землѣ. И хотя бы нѣмецкія гимназіи были поставлены еще во сто разъ лучше, чѣмъ онѣ поставлены теперь въ цѣляхъ подготовки дѣтей съ самаго ранняго возраста къ высшей духовной работѣ,—для Америки онѣ должны были бы быть рѣшительно отвергнуты, такъ какъ онѣ по принципу приспособлены лишь для незначительной части народа и потому дѣлаютъ для массы

питомцевъ народной школы почти невозможнымъ переходъ въ высшіе классы и въ университетъ, хотя бы у этихъ питомцевъ въ теченіе школьнаго періода и начало развиваться стремленіе къ высшему самоусовершенствованію.

Все это—традиціонный символъ вѣры у педагоговъ Новаго Свѣта. Но такъ какъ современная Америка давно уже начала приближаться по своей соціальной структурѣ къ дряхлой Европѣ, такъ какъ проклятый кастовый духъ уже не можетъ быть болѣе заглушенъ, то между демократическимъ символомъ вѣры и аристократическими вліяніями, особенно въ крупныхъ городахъ и на востокѣ, установился мягкій компромиссъ. Однако, если смотрѣть на все, взятое въ цѣломъ, то надо признать, что школа, поскольку это въ ея власти, даетъ возможность каждому ребенку итти по пути духовнаго самоусовершенствованія до наивысшаго пункта; народная школа ведетъ къ высшей школѣ, послѣдняя—къ университету.

Въ тѣсной связи съ этимъ обстоятельствомъ стоитъ и другое. Обученіе безплатно и обязательно. Въ прежнее время преобладала тенденція возлагать расходъ по содержанію школы не на всѣхъ плательщиковъ налоговъ, а только на тѣхъ, чьи дѣти учатся въ школѣ; было даже время, когда отмѣна платы за ученіе казалась унизительной милостынею, которую можно предлагать только самымъ бѣднымъ людямъ. Въ настоящее время подобные голоса давно уже умолкли. Что школа не должна признавать никакой разницы между бѣднымъ и богатымъ, и что содержаніе школы есть дѣло всей общины, — это принципъ, который не подвергается спору. Разногласіе существуетъ только по вопросу о высшей школѣ. Такъ какъ, въ сущности, лишь небольшой процентъ учениковъ начальной школы доходитъ до высшей, то, по мнѣнію иныхъ, несправедливо возлагать здѣсь расходъ на всѣхъ плательщиковъ налоговъ.

Однако и въ этомъ вопросѣ побѣдили голоса тѣхъ, кто считаетъ обязанностью общины пойти навстрѣчу стремленію къ высшему образованію даже у бѣднѣйшихъ дѣтей. Въ болѣе отдаленныя времена расходы по содержанію школы охотно оплачивались изъ того соображенія, что школа ведетъ къ религіозности; въ настоящее время въ качествѣ офиціальнаго мотива для возложенія расходовъ на всѣхъ плательщиковъ налоговъ служитъ убѣжденіе, что только прошедшій школу, образованный народъ можетъ самъ собою управлять. Право голоса, говорятъ защитники этого взгляда, требуетъ, въ качествѣ необходимой предпосылки, права на такое образованіе, благодаря которому каждый гражданинъ былъ бы способенъ, читая газеты, составлять себѣ собственное сужденіе объ общественныхъ дѣлахъ. Но такъ какъ общественная школа открыта и

для женской молодежи, которая, правда, требуетъ себѣ права голоса, но его не имѣетъ, то очевидно, что излюбленная политическая мотивировка здѣсь не выражаетъ сути дѣла. Для техническихъ дебатовъ о налогахъ ея достаточно; но въ дѣйствительности община стремится получить возможно большее число возможно болѣе совершенныхъ индивидуумовъ. Безплатность обученія въ различныхъ штатахъ дополняется еще другими условіями; въ нѣкоторыхъ штатахъ, напримѣръ, въ Массачузетсѣ, безплатно выдаются и учебники, въ другихъ нуждающіяся дѣти снабжаются даже одеждой. Съ безплатностью обученія связана его обязательность. И въ этомъ отношеніи также законы различныхъ штатовъ очень неодинаковы; въ однихъ требуется пребываніе въ школѣ въ теченіе семи, въ другихъ—въ теченіе восьми, въ нѣкоторыхъ даже въ теченіе девяти лѣтъ; кромѣ того, самый учебный годъ имѣетъ въ различныхъ штатахъ очень различную продолжительность.

Эти различія въ положеніи дѣла по отдѣльнымъ штатамъ указываютъ еще на одинъ пунктъ, который съ самаго начала былъ характеренъ для учебнаго дѣла въ Америкѣ. Отвѣтственность за школу возложена на периферію, и при этомъ авторитетъ чрезвычайно удачно раздѣленъ такимъ образомъ, что мѣстныя учрежденія всюду могутъ приспособляться къ мѣстнымъ потребностямъ, и все же сохраняется извѣстное единство. Искусство американцевъ, примѣняемое съ необычайной ловкостью во всѣхъ областяхъ общественной жизни, и заключается вѣдь въ томъ, чтобы съ помощью гармоническаго распредѣленія авторитета создавать постоянное равновѣсіе между различными частями управленія.

Прежде всего, государство, взятое въ цѣломъ, не имѣетъ никакого вліянія на дѣло обученія. Руководимое заслуженнымъ педагогомъ Гаррисомъ и неутомимо работающее бюро народнаго образованія въ Вашингтонѣ является, въ сущности, центральнымъ совѣщательнымъ органомъ, который даетъ справки и собираетъ статистическія свѣдѣнія. Законодательное регулированіе учебнаго дѣла находится всецѣло въ рукахъ отдѣльныхъ штатовъ; штатъ же, въ свою очередь, предоставляетъ отдѣльнымъ общинамъ строить и устраивать школы, устанавливать учебные планы, выбирать учебники и назначать учителей, причемъ штату принадлежитъ только верховный надзоръ, и общины могутъ дѣйствовать только въ предѣлахъ законовъ даннаго штата. И на каждой ступени, совсѣмъ соотвѣтственно блестящему образцу союзной конституціи, отвѣтственность опять-таки распредѣляется между законодательной и исполнительной властью. Поэтому инспекторъ школъ штата стоитъ въ качествѣ независимаго органа на-ряду съ законодательнымъ собраніемъ

штата, а инспекторъ въ городскихъ или сельскихъ округахъ, который иногда назначается бургомистромъ, иногда избирается думою или непосредственно приглашается общиной, занимаетъ такое же положеніе въ качествѣ спеціалиста съ обширными полномочіями на-ряду съ избраннымъ общиной школьнымъ комитетомъ, который вѣдаетъ расходы и утверждаетъ назначенія.

Такимъ образомъ, отвѣтственность за нравственное и умственное вліяніе, за практическую постановку и финансовое положеніе каждой школы непосредственно падаетъ на ту общину, которая несетъ расходъ по этой школѣ и молодое поколѣніе которой должно получать пользу отъ этого. Для того же, чтобы подъ вліяніемъ каприза или небрежности этимъ правомъ не злоупотребляли, и чтобы уклоненія отъ обычныхъ нормъ не были слишкомъ велики, — для этого существуетъ объединяющій верховный надзоръ со стороны штата. И дѣло не ограничивается однимъ только надзоромъ; законодательное собраніе штата посредствомъ денежныхъ ассигнованій по мѣрѣ силъ сглаживаетъ различія между бѣдными и богатыми округами, между деревней и городомъ, и кромѣ того подъ его непосредственнымъ руководствомъ находятся учительскія семинаріи (Normal School), изъ которыхъ выходятъ учителя для элементарныхъ и среднихъ школъ.

Благодаря этой административной системѣ безъ труда достигаются чрезвычайно разнообразныя и крупныя выгоды. Во-первыхъ, интересъ къ процвѣтанію школы переносится въ каждый городокъ и каждую деревню, и духъ самоусовершенствованія сплетается съ духомъ самоопредѣленія. Во-вторыхъ, остается неограниченный просторъ для мѣстныхъ различій,— различій между штатами и различій въ предѣлахъ одного и того же штата. Дѣйствительно, было бы невѣроятно безсмысленно, если бы во всей огромной странѣ вводилась съ помощью государственныхъ законовъ или съ помощью соглашенія между штатами одна и та же школьная система, однородная не только по формѣ, но и по своему внутреннему содержанію. Если бы одни и тѣ же предписанія по школьной части издавались для южныхъ негритянскихъ штатовъ и для штатовъ Новой Англіи, гдѣ преобладаютъ чистые янки, для густо населенныхъ мѣстностей востока и для степныхъ штатовъ запада, то эти предписанія либо оставались бы пустымъ звукомъ, либо должны были бы понижать уровень высоко развитыхъ частей народа до уровня низшихъ. Нѣмецъ, котораго пестрота здѣсь сбиваетъ съ толку, обыкновенно думаетъ при этомъ о внутренней равноцѣнности отдѣльныхъ частей Германіи; но сравненіе можетъ быть правильно только въ томъ случаѣ, если и здѣсь мы опять будемъ сравнивать Америку со всей Европой.

Для сохраненія внѣшняго единства описанной системы, такимъ образомъ, безусловно необходимо, чтобы одна и та же форма наполнялась совершенно различнымъ по цѣнности содержаніемъ, и въ этомъ отношеніи разнообразіе зависитъ отъ усмотрѣнія законодательныхъ собраній отдѣльныхъ штатовъ и отъ представительныхъ собраній отдѣльныхъ общинъ, знакомыхъ съ мѣстными условіями. Напримѣръ, согласно постановленіямъ какого-нибудь богатаго штата такъ называемый учебный годъ можетъ содержать вдвое больше дней, чѣмъ въ другомъ штатѣ, мало обезпеченное населеніе котораго не въ состояніи совершенно отказаться отъ экономическаго труда дѣтей. Но разнообразіе прежде всего выразится въ томъ, что для школы вполнѣ сознательно ставятся различныя цѣли въ зависимости отъ культурнаго состоянія и отъ благосостоянія даннаго штата и данной общины. Какая-нибудь захолустная деревенская школа, которой, благодаря бѣдности общины, приходится, можетъ быть, довольствоваться учительскимъ помощникомъ и въ которой всѣ четыре отдѣленія втиснуты въ одну классную комнату, и школа, приглашающая на учительскія мѣста только лицъ съ семинарскимъ образованіемъ, помѣщающаяся въ великолѣпномъ зданіи и предлагающая къ услугамъ своихъ учениковъ лабораторіи и библіотеки, подталкиваемая запросами большого города,—такія двѣ школы не могутъ, конечно, серьезно соперничать другъ съ другомъ; два года во второй изъ нихъ дадутъ больше, чѣмъ четыре года въ первой. И это также не представляетъ никакой опасности, такъ какъ благодаря такому неравенству естественно установилось правило, что окончаніе школы одного порядка еще нисколько не даетъ права на поступленіе въ школу слѣдующаго, высшаго порядка. Совсѣмъ нельзя думать, будто каждый ученикъ, окончившій любую среднюю школу, будетъ охотно принятъ во всякую высшую. Дѣло здѣсь регулируется тѣмъ, что на каждой ступени рѣшающее значеніе имѣетъ пріемное испытаніе въ учебномъ заведеніи высшаго типа, а не свидѣтельство объ окончаніи низшаго.

Но дифференціація принимаетъ еще и совсѣмъ другія формы. Прежде всего, у школъ наблюдается все развивающаяся тенденція устраивать различные параллельные курсы, выборъ между которыми предоставляется ученикамъ; въ простѣйшей формѣ различіе сводится къ учебнымъ планамъ съ преобладаніемъ реальныхъ или гуманитарныхъ знаній, или, что важнѣе, къ учебнымъ планамъ для тѣхъ, кто не намѣренъ итти дальше, и для тѣхъ, кто готовится къ вступительнымъ экзаменамъ въ учебное заведеніе высшаго типа. Фикція единообразія этимъ путемъ сохраняется: выбирать приходится не между различными шко-

лами, какъ въ Германіи, а между различными учебными планами одной и той же школы. И склонность дѣлать эту систему выбора все болѣе и болѣе подвижной растетъ съ каждымъ днемъ.

Прежде всего вводится свободный выборъ между различными предметами въ предѣлахъ одного и того же учебнаго плана, напримѣръ, въ высшей школѣ выборъ между нѣмецкимъ и французскимъ языкомъ, между химіей и физіологіей. Но новѣйшіе педагоги и этимъ еще не довольны; они добиваются, особенно въ школахъ высшаго типа, чтобы учебный планъ въ своей совокупности, какъ говорятъ одни, все болѣе и болѣе приспособлялся къ индивидуальности ученика или, какъ полагаютъ другіе, предоставлялся на волю прихоти учениковъ и ихъ родителей. Такъ какъ и вступительные экзамены въ колледжахъ, въ соотвѣтствіи съ этимъ, предоставляютъ широкій просторъ въ выборѣ предметовъ, то описанное движеніе, вѣроятно, будетъ еще нѣкоторое время дальше развиваться. Надо замѣтить, что оно вѣдь очень искусно аппелируетъ одновременно и къ пуританскимъ, и къ утилитаристскимъ инстинктамъ: пуритане требуютъ развитія индивидуальныхъ задатковъ, утилитаристы требуютъ подготовки къ опредѣленной профессіи. Однако и теперь уже существуетъ встрѣчное движеніе: и утилитаристы начинаютъ понимать, что лучше всего вооруженъ для борьбы тотъ, кто профессіональную работу строитъ на самомъ широкомъ фундаментѣ и, слѣдовательно, приступаетъ къ спеціализаціи возможно позднѣе, а пуритане, въ концѣ-концовъ, не могутъ забыть того, что для собственнаго развитія самое важное—дисциплинированіе воли въ отношеніи долга, умѣнье преодолѣвать внутреннее сопротивленіе, и что поэтому для ученика, быть можетъ, наиболѣе цѣнны именно тѣ занятія, противъ которыхъ первоначально возстаютъ его склонности. Дальнѣйшая дифференціація вытекаетъ изъ предоставляемой всюду возможности проходить курсъ школы въ болѣе короткій срокъ, чѣмъ полагается по плану. Нѣмцу знакомо только сидѣніе по два года въ одномъ классѣ, у американцевъ же гораздо большую роль играетъ перескакиваніе черезъ классъ. Послѣднее возможно благодаря тому, что переводъ изъ класса въ классъ обыкновенно производится по отдѣльнымъ предметамъ, и ученикъ, такимъ образомъ, можетъ подвигаться впередъ по одному предмету быстро, по другому медленнѣе.

До сихъ поръ, однако, мы оставляли совершенно въ сторонѣ одинъ факторъ этой дифференціаціи, играющій на практикѣ особенно важную роль въ большихъ городахъ, именно—частную школу. Мы сказали уже, что для того, кто намѣренъ

дальше учиться, цѣлью является не увольнительное свидѣтельство, такъ называемый дипломъ, а подготовка къ предстоящимъ вступительнымъ экзаменамъ; эта подготовка будетъ, пожалуй, получена основательнѣе, быстрѣе, цѣлесообразнѣе и въ болѣе пріятной соціальной обстановкѣ, если получать ее въ частной школѣ, которая требуетъ, правда, высокой платы, но за то можетъ приглашать самыхъ лучшихъ учителей и можетъ устраивать гораздо меньшіе классы, чѣмъ школа общественная. И такая частная школа получитъ возможность распространить свое вліяніе на всю сферу воспитанія; возникнутъ огромныя, находящіяся подъ прекраснымъ руководствомъ заведенія, въ которыхъ, быть-можетъ, гдѣ-нибудь за городомъ, среди роскошныхъ парковъ, создадутся условія гармонической жизни для сотенъ молодыхъ людей, которые тамъ получаютъ воспитаніе начиная съ самаго ранняго дѣтства и возвращаются домой только на каникулы. Частная школа приняла, такимъ образомъ, самыя разнообразныя формы и отвѣчаетъ очевиднымъ общественнымъ потребностямъ; государство имѣетъ всѣ основанія поощрять ее.

Въ этомъ, очерченномъ нами, разпообразіи общественныхъ и частныхъ учебныхъ заведеній выражается, однако, еще и другой принципъ, который имѣлъ и будетъ имѣть большое значеніе для матеріальной и духовной исторіи Америки; принципъ этотъ заключается въ томъ, что всюду должны избѣгаться рѣзкія границы между заведеніями различныхъ разрядовъ, и вмѣсто того должны создаваться самыя мелкія ступени и постепенные переходы, благодаря которымъ для каждаго отдѣльнаго института открыта возможность безграничнаго роста. Въ этомъ-то всюду секретъ американскаго успѣха: просторъ для всѣхъ созданій частной иниціативы. Даже самая маленькая мысль должна оказать свое вліяніе, даже самая скромная попытка должна имѣть возможность выйти за свои первоначальные предѣлы; гдѣ бы ни возникло что-нибудь способное къ жизни, оно должно имѣть возможность расти. Рѣзкія, канцелярски-единообразныя границы сдѣлали бы это невозможнымъ; только тамъ, гдѣ переходъ обозначается такими маленькими, едва замѣтными ступенями, только тамъ можно ожидать непрерывнаго внутренняго роста. Мы подчеркивали мѣстныя различія. Средняя школа въ Нью-Іоркѣ по внутреннему своему содержанію даетъ, быть можетъ, больше, чѣмъ высшая школа въ Оклагомѣ; а высшая школа въ Бостонѣ даетъ, пожалуй, не менѣе, чѣмъ какой-нибудь маленькій колледжъ въ Ута.

Между такими крайними пунктами тысячи различныхъ заведеній составляютъ непрерывную лѣстницу, по которой каждое отдѣльное заведеніе можетъ самостоятельно подниматься. Шко-

ла не перечисляется по бумагамъ изъ одного разряда въ другой, но благодаря тому, что община дѣлаетъ новыя ассигнованія, приглашаетъ больше учителей и учителей съ лучшею подготовкою, постепенно расширяетъ учебный планъ и улучшаетъ пособія,—благодаря всему этому школа съ каждымъ годомъ незамѣтно подвигается впередъ. То же самое и точно такъ же происходитъ и съ частною школой; все живетъ и растетъ, и несмотря на внѣшнее единообразіе системы каждая школа занимаетъ свое особое положеніе. Если бы заявлено было, что существовать могутъ только учебныя заведенія съ точно очерченнымъ, единообразнымъ кругомъ задачъ, то на американца это произвело бы такое же впечатлѣніе, какъ если бы потребовали, чтобы существовали только города съ десятью тысячами, ста тысячами и милліономъ жителей. Разумѣется, все это должно было бы быть совсѣмъ иначе, если бы съ опредѣленнымъ образовательнымъ цензомъ связывались опредѣленныя права; но официально никакой школьный дипломъ не даетъ правъ ни на что. Рѣшающее значеніе имѣютъ пріемныя, а не выпускныя испытанія, и если требуется замѣстить какую-нибудь должность, то обращается большое вниманіе на то, какія именно спеціальныя школы пройдены кандидатами.

Укажемъ еще только на одну черту, которою американская школа отличается отъ нѣмецкой. Американская общественная школа служитъ для «совмѣстнаго воспитанія» половъ. По теоріи это означаетъ, что мальчики и дѣвочки обучаются здѣсь на равныхъ правахъ. Но практикѣ болѣе отвѣчало бы, если бы сказать: и мальчиковъ здѣсь терпятъ. Догматъ о томъ, что школа не должна знать различія половъ, возникъ, собственно, въ центральныхъ западныхъ штатахъ, съ ихъ спокойнымъ, трезвымъ населеніемъ, но онъ получилъ теперь признаніе во всей странѣ. Защитники его говорятъ, что семейная жизнь служитъ указаніемъ на желательность совмѣстнаго пребыванія мальчиковъ и дѣвочекъ, что благодаря постоянному вліянію ихъ другъ на друга мальчики становятся деликатнѣе, а дѣвочки сильнѣе, и что благодаря этому напряженіе полового чувства въ переходномъ возрастѣ ослабляется. Однако, если частная школа принципіально отказывается отъ этой цѣли—дѣлать дѣвочекъ сильнѣе, а мальчиковъ деликатнѣе, если она постоянно остается школою либо для мальчиковъ, либо для дѣвочекъ, то для болѣе тѣсныхъ круговъ это является одною изъ главныхъ ея положительныхъ сторонъ.

Еще болѣе страннымъ, чѣмъ присутствіе дѣвочекъ въ мужскихъ школахъ, обыкновенно кажется нѣмцу большое число женщинъ, занимающихъ учительскія мѣста. Если до сихъ поръ мы все говорили объ учителяхъ, то употребленіе мужского рода

было, большею частью, незаконнымъ обобщеніемъ. Назначеніе женщинъ на учительскія должности началось въ сѣверныхъ штатахъ послѣ междоусобной войны, когда недостатокъ учителей явился непосредственнымъ слѣдствіемъ сокращенія народонаселенія. Съ тѣхъ поръ это движеніе сдѣлало огромные успѣхи во всей странѣ, и если въ высшей школѣ еще цѣнятся мужскія силы, то элементарная школа почти совершенно перешла въ руки женщинъ. Мужчины устраняются отъ народной школы, такъ какъ женская конкуренція понижаетъ вознагражденіе, а болѣе прибыльныхъ и притомъ болѣе привлекательныхъ занятій имѣется много. Женщины же, напротивъ, усиленно стремятся къ школѣ, потому что все ихъ воспитаніе ведетъ ихъ къ этому дѣлу, и никакое другое не соотвѣтствуетъ такъ ихъ натурѣ. Однако, это—лишь одна сторона болѣе сложнаго явленія. Положительныя и отрицательныя стороны «совмѣстнаго воспитанія», какъ и преобладанія учительницъ въ школѣ не могутъ быть разсматриваемы отдѣльно отъ всего женскаго вопроса, и потому оцѣнку ихъ мы откладываемъ до той главы, которая будетъ посвящена всестороннему ознакомленію съ американскою женщиной.

Не трудно подвергнуть эту постановку школьнаго дѣла рѣзкой критикѣ, и тотъ, кто принимаетъ участіе въ американской жизни, долженъ чувствовать, что честно высказать свои критическіе взгляды — это его долгъ. Система, при которой лучшіе результаты ожидаются отъ иниціативы на периферіи,— такая система должна ожидать и непрерывнаго критическаго сотрудничества всей націи.

И дѣйствительно, часто раздаются громкіе голоса, указывающіе на несомнѣнно вредныя явленія. Мы слышимъ о внесеніи политики въ школьное управленіе, о малой компетентности коммунальныхъ властей, о недостаточной подготовкѣ учительницъ, о неудовлетворительности методовъ преподаванія, о безполезной тратѣ времени, о произвольныхъ педагогическихъ экспериментахъ и о многомъ другомъ, и каждое обвиненіе содержитъ въ себѣ долю истины. Внесеніе политики въ школьное дѣло до извѣстной степени неизбѣжно, такъ какъ городское управленіе построено на партійной политикѣ, и попытки сдѣлать выборы въ школьные комитеты совершенно независимыми отъ политики, вѣроятно, еще долго будутъ осуществляться лишь въ ограниченной мѣрѣ. Но такъ какъ каждая партія можетъ выставить дѣльныхъ, разсудительныхъ людей, то опаснымъ положеніе дѣла стало бы только тогда, если бы большинство властей стали злоупотреблять своимъ вліяніемъ ради партійныхъ цѣлей, напримѣръ, если бы мѣста въ школахъ или повышенія стали раздаваться въ награду за политическія услуги.

Что подобныя вещи происходятъ въ дѣйствительности, это не подлежитъ сомнѣнію; но не менѣе вѣрно и то, что подобныя вещи никогда не ускользаютъ отъ вниманія противной партіи, и что она умѣетъ великолѣпно использовать ихъ при слѣдующихъ выборахъ. Такимъ образомъ каждое очевидное злоупотребленіе быстро устраняется. Гораздо болѣе опасны тайныя дѣла, не имѣющія ничего общаго съ политикой. Очевидно, что колоссальный школьный бюджетъ большихъ городовъ даетъ возможность къ безчестному расхищенію городской казны. То необходимо пріобрѣсти участки земли для новыхъ школъ, то предстоитъ заключеніе контрактовъ на постройку школьныхъ зданій или поднимается вопросъ о введеніи опредѣленныхъ учебниковъ; кто хочетъ здѣсь злоупотреблять своимъ вліяніемъ, тотъ можетъ извлекать изъ этого извѣстную выгоду, и такимъ образомъ вполнѣ возможно, что къ школьному дѣлу удается примоститься, съ помощью политическихъ вліяній или притворнаго радѣнія объ интересахъ школы, такимъ людямъ, которые при этомъ имѣютъ въ виду только «дѣло». Здѣсь очень трудно составить объективное сужденіе, такъ какъ разочарованный конкурентъ склоненъ ошибочно думать, будто неудача его объясняется тѣмъ, что у другого есть «связи».

Въ интересахъ полной незапятнанности школы этотъ строгій, склонный къ подозрительности надзоръ со стороны публики, безспорно, полезенъ; но сужденіе о цѣнности учрежденій легко получается ложное благодаря этому шуму. Въ общемъ надо сказать, что составленные изъ мѣстныхъ избирателей школьные комитеты добросовѣстно дѣлаютъ свое дѣло. Гораздо болѣе основательнымъ является указаніе на то, что нерѣдко имъ недостаетъ желательнаго знакомства съ самимъ дѣломъ. Но тенденція передавать всѣ техническіе вопросы на усмотрѣніе спеціалистовъ-педагоговъ и назначенія дѣлать согласно представленіямъ школьныхъ совѣтовъ и директоровъ—эта тенденція настолько велика, что и въ этомъ отношеніи дѣло стоитъ, въ сущности, на правильномъ пути.

Подготовка учащихъ, правда, часто еще оставляетъ многаго желать; учителей съ семинарскимъ образованіемъ далеко недостаточно для замѣщенія всѣхъ должностей въ народныхъшколахъ, и еще больше чувствуется недостатокъ въ окончившихъ колледжи учителяхъ для высшихъ школъ. Если учительскій персоналъ въ необычайной мѣрѣ напичканъ педагогикой, то этимъ недостатки устраняются только для видимости, потому что самый лучшій методъ все же не можетъ замѣнить собою основательнаго знакомства съ самимъ учебнымъ предметомъ. Въ элементарной школѣ недостаточность теоретическаго образованія учителей, конечно, меньше чувствуется; учительскій инстинктъ,

интересъ къ дѣтямъ, тактичность и симпатія, словомъ—личные элементы играютъ здѣсь главную роль, и такъ какъ всѣ эти элементы даже у поверхностно-образованной женщины являются просто результатомъ женственности, а дѣльныя женщины, кромѣ того, необычайно прилежны и готовы на жертвы, то можно сказать, что элементарная школа, почти всюду руководимая учительницами, въ извѣстномъ смыслѣ поставлена лучше, чѣмъ высшія школы.

Что касается до метода, то слишкомъ много цѣны придается учебнику, слишкомъ многое изъ него механически заучивается наизусть и слишкомъ мало дается свободнымъ словомъ учителя. Учитель пассивно подчиняется учебнику. Американецъ самъ склоненъ защищать такой порядокъ; его демократическая вѣра въ типографскую краску безгранична, а главное—онъ видитъ самую важную цѣль народной школы въ томъ, чтобы подготовить гражданина къ самостоятельному чтенію газеты и книги; поэтому ученика слѣдуетъ возможно больше пріучать къ пользованію книгами. Безъ сомнѣнія, питомецъ американской народной школы въ позднѣйшей жизни читаетъ больше, чѣмъ питомецъ нѣмецкой школы. Надо отмѣтить и тотъ фактъ, что учебники въ значительной своей части являются выдающимися въ педагогическомъ смыслѣ работами и содержатъ много такого матеріала, который у нѣмцевъ долженъ даваться дополнительными поясненіями учителя. Въ отношеніи наглядности они заходятъ, быть можетъ, даже слишкомъ далеко. Такъ, не только книги по естествознанію, но и книги по исторіи и литературѣ переполнены иллюстраціями, а книги по географіи являются, по большей части, роскошными изданіями съ массою картинъ культурно-историческаго содержанія. Наглядность доводится въ книгахъ, а еще больше, конечно, благодаря демонстраціямъ и экспериментамъ, до крайней возможной степени. Даже классная доска, вдѣланная во всѣ четыре стѣны класса, какъ бы приглашаетъ учителя больше обращаться къ глазамъ, чѣмъ къ ушамъ учениковъ.

Нельзя отрицать и вызывавшаго много порицаній легкомысленнаго экспериментированія на почвѣ новыхъ педагогическихъ идей. Центральная власть, несущая полную отвѣтственность за обширную область, естественно, будетъ консервативна; если же техническое веденіе дѣла всецѣло предоставляется каждому мѣстному школьному совѣту, то конечно кое-гдѣ будутъ проводиться скороспѣлыя реформы, будутъ продѣлываться ненужные опыты съ рискованными методами. Школьный инспекторъ будетъ чувствовать необходимость именно такимъ путемъ доказать, что онъ проникнутъ духомъ современности и интересуется педагогикой, и многія частныя школы, быть-можетъ, съ

неудовольствіемъ, будутъ вынуждены дѣлать уступки моднымъ педагогическимъ капризамъ только для того, чтобы быть привлекательными въ глазахъ публики. Сегодня вводится косое письмо, завтра вертикальное, а послѣ-завтра «реформированно-вертикальное». Сегодня обучаютъ по звуковому методу, завтра начинаютъ со слоговъ, послѣ-завтра съ цѣлыхъ словъ, а еще днемъ позднѣе слово, воспринимаемое зрѣніемъ, поясняется и дѣлается наглядным съ помощью движеній.

Спеціалисту-психологу, который ежегодно читаетъ психологію сотнямъ молодыхъ студентовъ, не легко открыто высказать, что виною этихъ реформъ, производимыхъ скачками и часто совершенно по-диллетантски, является больше всего модный во всей странѣ интересъ къ психологіи. Учителями были недовольны, и вотъ возникла вѣра, что все станетъ лучше, если педагоги будутъ больше заниматься душевною жизнью дѣтей, а такъ какъ въ этомъ дѣлѣ у каждой матери и каждой учительницы матеріалъ находится подъ руками, то возникли въ невиданныхъ размѣрахъ псевдо-психологическія занятія; отъ занятій же подобнаго рода до радикальныхъ реформъ оставалось сдѣлать только одинъ маленькій шагъ. Однако, и здѣсь все свидѣтельствуетъ именно о живости и самостоятельномъ интересѣ. И если многое здѣсь носитъ диллетантскій и даже истерическій характеръ, это все же неизмѣримо лучше, нежели противоположная крайность, — учительскій персоналъ безъ собственной инициативы, равнодушный и не размышляющій.

Нельзя не видѣть и того, что въ американской школѣ много времени тратится безплодно, что тѣ же интеллектуальные результаты, какъ и въ нѣмецкой школѣ, получаются тамъ съ помощью гораздо большей затраты времени. Основаній для этого имѣется много. Изъ чисто-внѣшнихъ условій прежде всего бросается въ глаза, что во всей странѣ по субботамъ въ школахъ нѣтъ никакихъ занятій: это стоитъ въ связи съ пуританскимъ воскресеньемъ. Ученіе начинается только въ девять часовъ, а чрезвычайно длинныя каникулы всѣми разсматриваются, какъ время полнаго отдыха, который не долженъ нарушаться никакими каникулярными работами. Точно такъ же домашнихъ работъ у американскихъ школьниковъ меньше, чѣмъ, напримѣръ, у нѣмецкихъ гимназистовъ, и вообще все обученіе менѣе утомительно; дѣвочки были бы совсѣмъ не въ состояніи выносить ту тяготу, которая ложится на ихъ нѣмецкихъ товарокъ. Нельзя, однако, забывать, что это время, похищаемое у работы, въ огромной своей части посвящается физическимъ упражненіямъ, спорту и играмъ, требующимъ движенія, такъ что для всесторонняго развитія человѣка оно, безспорно, не можетъ считаться потеряннымъ. Кромѣ того,

Америка, по крайней мѣрѣ сейчасъ, въ состояніи еще позволять себѣ эту роскошь не-экономнаго распоряженія временемъ: ея національное богатство даетъ возможность молодымъ людямъ позднѣе начинать работу для добыванія себѣ хлѣба, чѣмъ это возможно въ Германіи.

Когда, такимъ образомъ, все дурное, что можно сказать, уже сказано или представлено въ надлежащемъ свѣтѣ, то въ общемъ итогѣ все же остается цѣльная система, которою американецъ по праву можетъ гордиться. Система эта, благодаря своей изумительной приспособляемости, въ равной мѣрѣ удовлетворяетъ всѣ части страны и всѣ слои населенія; будучи построена на широкой основѣ народной школы и наиболѣе прочная именно въ этой своей части, она обладаетъ всѣми данными для здороваго развитія; она самымъ точнымъ образомъ отвѣчаетъ натурѣ людей, привыкшихъ къ самоопредѣленію и самодѣятельности, и изумительно успѣшно идетъ навстрѣчу національной потребности въ личномъ самоусовершенствованіи.

Теперь, въ заключеніе, приведемъ для оріентировки нѣсколько цифръ. При населеніи свыше 75 милліоновъ, учебныя заведенія посѣщались въ 1902 году 17.460.000 питомцевъ; это число увеличится на полмилліона съ лишнимъ, если присоединить частные дѣтскіе сады, торговыя школы, вечерніе классы, школы для индѣйцевъ и т. п. Въ элементарныхъ и среднихъ школахъ учениковъ было 16.479.177, изъ нихъ около 1.240.000 посѣщали частныя школы; это отношеніе, однако, рѣзко измѣняется на слѣдующей ступени въ пользу частныхъ школъ, такъ какъ общественныя высшія школы имѣли 560.000 учениковъ, а частныя 150.000; остальная часть учащихся принадлежитъ учебнымъ заведеніямъ высшихъ типовъ. Остановимся пока на общественныхъ народныхъ школахъ. Преподаваніемъ въ нихъ занималось 127.529 учителей и 293.759 учительницъ. Среднее ежемѣсячное вознагражденіе учителя равно 46 долларамъ, вознагражденіе учительницы 39 долларамъ. Расходы составили свыше 213 милл. долларовъ, и изъ нихъ около 69% покрывались мѣстными налогами, 16% налогами, установленными въ штатахъ, а остальная часть—частными пожертвованіями. Если взять данныя спеціально о городахъ съ населеніемъ свыше 8.000 жителей, то получится слѣдующая картина. Въ 1902 году такихъ городовъ въ Америкѣ было 580 съ 25 милліонами жителей, съ 4.174.812 учащимися и 90.744 учащими въ общественныхъ городскихъ школахъ; въ частныхъ школахъ учащихся было 877.210. Въ этихъ городскихъ организаціяхъ состоитъ 5.025 служащихъ, ведущихъ дѣло надзора, членовъ школьныхъ со-

вѣтовъ и т. п. Расходы на школы составляютъ круглымъ счетомъ 110 милл. долларовъ.

Особенный интересъ возбуждаютъ высшія школы. Здѣсь особенно бросается въ глаза непрерывный ростъ числа учащихся,—ростъ, который происходитъ гораздо быстрѣе, нежели ростъ народонаселенія; на 10.000 жителей въ 1890 году приходится всего 59 учениковъ высшихъ школъ, въ 1895 году уже 79, а въ 1900 году 95. Надо отмѣтить, что ростъ этотъ цѣликомъ приходится на долю общественныхъ школъ; изъ 59 учениковъ въ 1890 году 36 посѣщали народную высшую школу и 23—частную; въ 1900 году на частную школу все еще приходилось 25 учениковъ, на общественную же 70. Въ общественныхъ высшихъ школахъ 50% всего числа учениковъ обучались латинскому языку, 9% французскому, 15% нѣмецкому; главными предметами служатъ англійскій языкъ, англійская литература, исторія, географія, математика, физика. Въ частныхъ же школахъ число изучающихъ французскій языкъ достигаетъ 23%, нѣмецкому языку обучаются 18%, а греческому всего 10%. Изъ учениковъ общественныхъ высшихъ школъ только 11% переходятъ затѣмъ въ колледжи, изъ частныхъ же школъ 32%. Изъ 1.978 частныхъ высшихъ школъ, существовавшихъ въ 1900 году, 945 предназначались для учениковъ опредѣленнаго вѣроисповѣданія, именно — 361 для учениковъ римско-католическаго вѣроисповѣданія, 98 — епископальнаго, 96 — баптистскаго, 93 — пресвитеріанскаго, 65 — методистскаго, 55 для квэкеровъ, 32 для лютеранъ и т. д.; свыше тысячи частныхъ высшихъ школъ независимы отъ какой бы то ни было церкви. Одно изъ важныхъ условій, которыми объясняется притягательная сила частныхъ высшихъ школъ, выражается въ слѣдующихъ статистическихъ данныхъ: въ среднемъ въ этихъ школахъ на одного учителя приходится 11 учениковъ, въ общественныхъ же высшихъ школахъ—26.

Чтобы составить себѣ представленіе объ огромныхъ различіяхъ культурнаго уровня въ различныхъ штатахъ, достаточно будетъ слѣдующихъ цифръ. Учениковъ высшихъ школъ приходится на тысячу жителей въ штатѣ Массачузетсъ 15, въ штатѣ Нью-Іоркъ 11, въ Иллинойсѣ 9, въ Техасѣ 7, въ Каролинѣ 5, въ Оклагомѣ 3. Въ частныхъ высшихъ школахъ всей страны мальчики составляли незначительное большинство—50,3% противъ 49,7%. Но мы прибавимъ тотчасъ же, чтобы въ заключеніе броситъ взглядъ и въ эту пропасть, что въ общественныхъ высшихъ школахъ мальчики составляютъ только 41,6% всего числа учащихся, а дѣвочки 58,4%, и что изъ числа мальчиковъ всего 47% изучаютъ латинскій языкъ,

между тѣмъ какъ усердныхъ дѣвочекъ, занимающихся классической древностью, насчитывается 53%.

* * *

Вотъ все, что необходимо было сказать, собственно, о школѣ; высшими учебными заведеніями, колледжами и университетами, мы займемся въ другой главѣ, но, какъ уже было указано ранѣе, сфера дѣйствительнаго обученія американскаго народа гораздо болѣе обширна. Прежде всего скажемъ нѣсколько словъ о томъ, что̀ принесено въ Америку нѣмцами,—о дѣтскомъ садѣ.

Немногія созданія нѣмецкаго духа заслужили въ Новомъ Свѣтѣ такое полное одобреніе, какъ фребелевская система обученія, и рѣдко такъ охотно и безъ оговорокъ признается нѣмецкое происхожденіе какого-либо учрежденія. Фреблю постоянно воздается хвала, и самое названіе дѣтскаго сада перешло въ англійскій языкъ въ своей нѣмецкой формѣ.

Въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ въ качествѣ піонера выступила въ Бостонѣ мисъ Пибоди; вскорѣ дѣтскіе сады появились также въ С. Луи и въ Нью-Іоркѣ, въ 1875 году ихъ было уже около ста съ тремя тысячами питомцевъ, а въ настоящее время дѣтскихъ садовъ во всей странѣ существуетъ почти пять тысячъ и дѣтей въ нихъ свыше четверти милліона. При этомъ въ разные періоды наблюдались различныя тенденціи. Первоначально дѣтскіе сады преслѣдовали одну цѣль: дать разумное занятіе дѣтямъ богатыхъ людей, еще не достигшимъ школьнаго возраста; но затѣмъ на первый планъ выступило филантропическое участіе къ дѣтямъ бѣднѣйшихъ родителей, къ дѣтямъ, которыя оставались бы заброшенными, если о нихъ не позаботиться такимъ способомъ. И та, и другая потребность могла быть удовлетворена частною иниціативою. Постепенно происходило, однако, сближеніе крайнихъ пунктовъ; не только самые бѣдные и самые богатые, но и широкіе средніе слои населенія желали, чтобы дѣти ихъ отъ четвертаго до шестого года находились подъ умѣлымъ руководствомъ, а какъ только учрежденіе дѣтскихъ садовъ было признано потребностью всей общины, оно, естественно, стало и дѣломъ всей общины; въ настоящее время 250 городовъ содержатъ дѣтскіе сады въ качествѣ составной части своей школьной системы.

Между тѣмъ можно прослѣдить возникновеніе еще одной новой тенденціи, которая первоначально проявилась въ Чикаго. Въ Чикаго находится лучшее учебное заведеніе съ четырехлѣтнимъ курсомъ, подготовляющее женщинъ къ дѣятельности въ дѣтскомъ саду. И здѣсь охотно принимаются не только профессіональныя учительницы, но и естественныя руководи-

тельницы ребенка—матери; а благодаря вліянію этого чикагскаго образца всюду постепенно распространяется стремленіе систематически обучать матерей тому, какъ слѣдуетъ въ дѣтской воспитывать дѣтей въ нравственномъ, умственномъ и физическомъ отношеніи. Фактически конечною цѣлью этого разумнаго движенія долженъ бы быть упадокъ офиціальныхъ дѣтскихъ садовъ; ребенокъ будетъ пользоваться надлежащимъ руководствомъ въ естественной обстановкѣ родительскаго дома, а дѣтскіе сады, какъ и въ началѣ, будутъ служить только для богатыхъ, которые желаютъ деньгами откупиться отъ исполненія родительскихъ обязанностей, и для бѣдныхъ, которымъ работа не оставляетъ времени для надзора за дѣтьми. Впрочемъ, реакція противъ дѣтскихъ садовъ возникаетъ, хотя очень медленно, и среди учителей народныхъ школъ; ребенокъ, говорятъ они, который поступаетъ въ элементарную школу изъ дѣтскаго сада, гдѣ онъ привыкъ играть, съ трудомъ отучается относиться къ занятіямъ какъ къ игрѣ. Такимъ образомъ, это увлеченіе, вѣроятно, постепенно пройдетъ. Но въ настоящій моментъ нельзя не признать, что вѣра въ дѣтскіе сады является духовною модою, имѣющей сильное вліяніе, и цѣнность ея огромна, поскольку она вызываетъ филантропическую заботу о дѣтяхъ бѣднѣйшихъ округовъ.

Однако, все, что служитъ для обученія еще до школы, играетъ лишь незначительную роль, какъ по своему значенію, такъ и по своимъ размѣрамъ, въ сравненіи съ безконечно разнообразными учрежденіями, служащими для образованія и развитія народа послѣ школы. Кто знаетъ страну, тому тотчасъ же припоминаются безчисленныя серіи лекцій, учебные клубы, учрежденія Чотокуа, организаціи для распространенія высшаго образованія, женскіе клубы, лѣтнія школы, школы корреспондентовъ, отдѣльныя научныя лекціи и многое другое, чего мы въ такихъ размѣрахъ не встрѣчаемъ ни въ какой другой странѣ міра. Если сейчасъ мы говорили о дѣтскихъ садахъ, то теперь почти является искушеніе говорить о садахъ для мужчинъ и женщинъ. И дѣйствительно, многое здѣсь производитъ впечатлѣніе духовнаго сада, гдѣ не требуется труда и усилій, гдѣ юноши и дѣвушки срываютъ цвѣты и безнаказанно гуляютъ подъ пальмами. Однако образованный человѣкъ слишкомъ легко можетъ изъ принципа впасть въ несправедливое отношеніе къ этому міру полуобразованія. Здѣсь трудно отыскать правильную перспективу. Но если понять, безъ высокомѣрныхъ предубѣжденій, душевную жизнь среднихъ классовъ, то нельзя не почувствовать, какую огромную цѣнность представляетъ эта своеобразная форма возбужденія умственныхъ интересовъ,

какое непосредственное значеніе она имѣетъ для самоусовершенствованія широкихъ слоевъ населенія.

Дѣтскій садъ былъ ввезенъ изъ Германіи, движеніе же въ пользу распространенія высшаго образованія исходило изъ Англіи; но это движеніе, пользовавшееся популярностью десять лѣтъ тому назадъ, теперь безспорно падаетъ, и наиболѣе жизнеспособными оказываются специфически-американскія формы народнаго воспитанія. Одно имя сразу вводитъ насъ въ кругъ этихъ учрежденій чисто мѣстнаго происхожденія, именно—Чотокуа. Это—старое индѣйское названіе одного красиваго озера, въ двухъ часахъ ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ города Буффало въ штатѣ Нью-Іоркъ. Имя озера перешло къ поселенію, расположенному на его берегу, имя поселенія было перенесено на систему обученія, которая примѣнялась въ этомъ поселеніи, и теперь именемъ Чотокуа называетъ себя всякое учрежденіе, преслѣдующее тѣ же цѣли. Но и въ настоящее время школа у озера Чотокуа является центромъ всего движенія. Каждое лѣто, преимущественно въ теченіе іюля и августа, когда школьные учителя пользуются каникулами, здѣсь собирается около десяти тысячъ мужчинъ и женщинъ, чтобы сообща провести нѣсколько недѣль, отдыхая и освѣжая свой духовный міръ. Здѣсь люди живутъ просто и скромно; они слушаютъ концерты и лекціи въ амфитеатрѣ подъ открытымъ небомъ, вмѣщающемъ тысячи лицъ, посѣщаютъ въ небольшихъ классахъ систематическіе курсы, которые читаются по самымъ разнообразнымъ предметамъ. Преподавателями цѣльныхъ курсовъ являются по большей части профессора, а въ качествѣ лекторовъ по отдѣльнымъ вопросамъ выступаютъ извѣстные политическіе дѣятели, чиновники, ученые, проповѣдники или другія какія-нибудь выдающіяся лица. Прогулки и спектакли, празднества и концерты служатъ для отдыха, два-три часа систематической работы въ день служатъ для возбужденія духовныхъ запросовъ и для пополненія образованія, а взаимное вліяніе участниковъ другъ на друга и вся духовная атмосфера этого мѣста служатъ для подъема нравственнаго энтузіазма.

Одинъ извѣстный профессоръ Іэльскаго университета, долго работавшій тамъ, говоритъ: «Чотокуа—это братскій, исполненный воодушевленія и въ то же время систематическій опытъ поднять индивидуальную жизнь во всей ея совокупности, обогатить и одушевить ее, и средствомъ для этого является то, что мы идемъ на встрѣчу стремленію къ знаніямъ, потребности въ развитіи и честолюбію людей, которые обыкновенно не допускаются къ богатѣйшимъ источникамъ образованія и духовнаго прогресса. Всѣ силы, вліяющія въ смыслѣ возбужденія и возвышенія, умственныя и нравственныя, — всѣ эти силы дѣй-

ствуютъ здѣсь сообща въ цѣляхъ развитія личности. И удивительно ли, что Чотокуа сдѣлалось благословеннымъ именемъ для несчетнаго числа американцевъ? Зимой это — покинутая деревня, а въ серединѣ лѣта — это сборное мѣсто для тысячъ людей, которые благодаря общенію съ лицами, стремящимися къ тѣмъ же цѣлямъ, и благодаря пользованію цѣнными духовными благами, здѣсь предлагаемыми, надѣются лучше отдохнуть во время каникулъ и больше набраться силъ для однообразной работы въ теченіе года, чѣмъ посредствомъ двухмѣсячнаго бездѣлья».

Отдѣльные курсы читаются здѣсь по греческому языку, по изученію библіи, по математикѣ, по политической экономіи, философіи и педагогикѣ,—словомъ, почти по всѣмъ предметамъ философскаго факультета, и завершеніемъ ихъ служатъ, съ одной стороны, экзамены, на основаніи которыхъ выдаются очень цѣнимыя въ учительскихъ кругахъ свидѣтельства, а съ другой—указанія къ тому, какъ продолжать прохожденіе даннаго курса съ помощью самостоятельнаго чтенія. Руководителемъ въ Чотокуа, полнымъ энтузіазма, является и теперь еще одинъ изъ основателей института, епископъ Винцентъ; онъ больше, чѣмъ кто-либо другой, содѣйствовалъ тому, чтобы въ однообразную, духовно бѣдную жизнь сотенъ тысячъ людей, особенно учителей народныхъ школъ, внести аккордъ нѣкотораго счастья,—аккордъ, въ которомъ умственное обогащеніе, практически-профессіональное удовольствіе, религіозное отдохновеніе, патріотическій энтузіазмъ, эстетическое наслажденіе жизнью и нравственное воодушевленіе не могутъ быть отдѣлены другъ отъ друга.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Рузвельтъ, бывшій тогда губернаторомъ штата Нью-Іоркъ, говорилъ въ амфитеатрѣ Чотокуа рѣчь передъ десятью тысячами слушателей и, обращаясь къ епископу Винценту, онъ съ воодушевленіемъ воскликнулъ: «Я не знаю во всей странѣ ничего, что въ такой мѣрѣ служило бы ко благу всей націи». И когда онъ произнесъ эти слова, слушатели привѣтствовали его салютомъ Чотокуа: десять тысячъ носовыхъ платковъ замелькали въ воздухѣ. Это—своеобразная картина, которая тамъ означаетъ высшее выраженіе почета. Обычай этотъ возникъ много лѣтъ тому назадъ; когда одинъ глухой ученый прочиталъ свой докладъ, и разразились громовые апплодисменты, которыхъ ораторъ не могъ слышать—тогда епископъ Винцентъ предложилъ видимое выраженіе благодарности, и эта форма привѣтствія сдѣлалась традиціонной не только тамъ, но подобно всѣмъ остальнымъ идеямъ, возникавшимъ въ Чотокуа, распространилась по всей странѣ. Въ настоящее время такихъ учрежденій Чотокуа существуетъ свыше трехсотъ; часть ихъ расположена въ прекрас-

ныхъ мѣстностяхъ, на лонѣ природы, въ нѣкоторыхъ имѣется роскошная обстановка, казино и клубы, библіотеки и залы для различныхъ празднествъ. Иныя изъ этихъ учрежденій сосредоточиваютъ свою дѣятельность на опредѣленныхъ областяхъ преподаванія, и всѣ они, конечно, обладаютъ очень различнымъ объемомъ и различною цѣнностью. Но всѣ проникнуты одной общей основной чертою—чертою идеализма.

Въ остальныхъ формахъ народнаго обученія теперь не трудно разобраться. Прежде всего, болѣе или менѣе сходны съ задачами Чотокуа стремленія Общества для распространенія высшаго образованія,—общества, имѣющаго многочисленныя отдѣленія. Главная цѣль его заключается въ томъ, чтобы использовать учебныя силы и средства высшихъ образовательныхъ институтовъ въ интересахъ широкихъ слоевъ населенія. Нерѣдко высказывался тотъ взглядъ, что политическій демократическій строй прямо-таки требуетъ, чтобы колледжи и университеты не ограничивали своей дѣятельности тѣснымъ кругомъ дѣйствительныхъ студентовъ, а распространяли ее и на жителя маленькихъ городовъ, снисходили до ремесленника. Но при этомъ всегда признавалось, что лекціи не должны служить просто для развлеченія; онѣ всегда разсматривались какъ такая форма обученія, которая требуетъ серьезнаго напряженія и извѣстнаго сотрудничества со стороны слушателей. Поэтому вмѣсто отдѣльныхъ лекцій главное значеніе придавалось цѣлымъ курсамъ, обнимающимъ отъ шести до двѣнадцати лекцій и посвященнымъ какому-нибудь одному вопросу; печатный конспектъ этихъ лекцій съ указаніемъ литературы предмета раздается слушателямъ, которые послѣ лекціи могутъ задавать вопросы лектору, а по окончаніи курса устраивается письменный экзаменъ; выдержавшему опредѣленное число такихъ экзаменовъ выдается свидѣтельство. Филадельфійскій университетъ, напримѣръ, устроилъ въ теченіе одного года подобные курсы въ 43 мѣстахъ, а Чикагскій университетъ устроилъ 141 курсъ, каждый изъ шести лекцій, въ 92 различныхъ мѣстахъ; другія высшія учебныя заведенія дѣйствуютъ въ томъ же направленіи, и хотя главные университеты восточной части страны принципіально не участвуютъ въ этомъ движеніи, тѣмъ не менѣе вся страна, въ особенности же западная ея часть, покрыта цѣлой сѣтью такихъ курсовъ.

Лекціи, въ общемъ, могутъ быть разбиты на двѣ категоріи—на образовательныя, послѣ которыхъ слушатели уходятъ съ новымъ запасомъ знаній, и на воодушевляющія, которыя усиливаютъ энтузіазмъ въ слушателяхъ; первыя иллюстрируются преимущественно свѣтовыми картинами, вторыя—стихотвореніями. Какъ и всюду въ мірѣ, образовательныя лекціи здѣсь часто бываютъ только скучны, а воодушевляющія — полны

только громкихъ фразъ. Однако, если движеніе въ настоящее время безспорно падаетъ, то причиною этого служатъ не недостатки самихъ лекцій, а неудобства, вытекающія для лекторовъ изъ дальности разстояній. Не можетъ быть спору, что и въ этой формѣ сдѣлано много хорошаго. Съ полнымъ правомъ пишетъ политико-экономъ Эдуардъ Джемсъ, неутомимый поборникъ этого движенія:

„Лекторъ превращаетъ всю деревню въ школу. Каждый читаетъ кое-что о предметѣ лекцій, нѣкоторые начинаютъ даже тщательно изучать данные вопросы, и тогда чувствуютъ потребность болтать о нихъ со всякимъ встрѣчнымъ. Вскорѣ эти разговоры переходятъ въ дебаты, которые разростаются до того, что все населеніе мѣстечка возбуждается вопросомъ объ относительныхъ заслугахъ королевы Елизаветы и Кромвеля такъ же, какъ оно незадолго передъ тѣмъ возбуждалось послѣднимъ деревенскимъ скандаломъ. При этомъ маленькая книжная лавка оказывается не въ состояніи предложить достаточный выборъ сочиненій по англійской исторіи; деревня начинаетъ чувствовать сильнѣйшее неудобство отъ отсутствія общественной библіотеки, и тотчасъ же возникаетъ движеніе въ пользу созданія этого важнѣйшаго вспомогательнаго средства общественнаго прогресса. А благодаря всему этому духовная и соціальная жизнь маленькой общины тѣмъ временемъ поднялась до болѣе высокаго уровня, и этимъ въ будущемъ для всякаго хорошаго дѣла обезпеченъ лучшій пріемъ".

Такую же связь съ высшими учебными заведеніями, но при этомъ гораздо болѣе основательный характеръ имѣютъ лѣтніе курсы, устраиваемые при самихъ университетахъ. Въ то время какъ движеніе въ пользу распространенія высшаго образованія ослабѣваетъ, дѣло устройства лѣтнихъ школъ разростается. Главное участіе здѣсь принимаютъ лучшіе университеты, хотя надо сказать, что активно дѣйствуютъ часто лишь второстепенныя силы: лекціи читаются молодыми доцентами, а не старшими профессорами. Учителя высшихъ школъ и священники часто возвращаются здѣсь къ своей alma mater, а необходимость заниматься приблизительно въ теченіе шести недѣль какимъ-нибудь однимъ предметомъ придаетъ въ гораздо большей мѣрѣ всей постановкѣ дѣла учебный характеръ. Еще свѣжо воспоминаніе объ интересной лѣтней школѣ, устроенной нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Кембриджѣ, когда Гарвардскій университетъ на свой счетъ пригласилъ тысячу четыреста наиболѣе усердныхъ школьныхъ учителей съ острова Кубы, чтобы въ теченіе шести недѣль прививать имъ американскую культуру.

Съ другой стороны, совершенно независимо отъ высшихъ учебныхъ заведеній и отъ сопровождаемыхъ экзаменами кур-

совъ, стоятъ учрежденія, устраивающія—по количеству почти хочется сказать, фабрикующія—свободныя лекціи. Способность американской публики, во всѣхъ ея слояхъ, слушать лекціи превосходитъ все, что можетъ только вообразить себѣ нѣмецъ; въ нѣкоторыхъ кругахъ приходится говорить буквально о страсти. Разумѣется, чрезвычайное обиліе лекцій, съ своей стороны, способствуетъ развитію и усиленію этой потребности, но первоначальнымъ ея источникомъ все же служитъ стремленіе къ самоусовершенствованію.

Извѣстное вліяніе оказываетъ и лекціонное искусство, которое въ Америкѣ, безспорно, стоитъ очень высоко; по сравненію съ нѣмецкими, напримѣръ, гораздо большій процентъ лекцій здѣсь можетъ быть по содержанію и по формѣ причисленъ къ художественнымъ произведеніямъ. Американецъ является прежде всего художникомъ въ увлекательномъ, полномъ энтузіазма изложеніи; именно потому его лекція оказываетъ гораздо болѣе интенсивное дѣйствіе, чѣмъ печатное слово, и именно потому публика такъ стремится на лекціи. Наконецъ, не малое значеніе имѣетъ, вѣроятно, и привычка къ политическимъ рѣчамъ въ народныхъ собраніяхъ. Напримѣръ, въ одномъ лишь Бостонѣ и его предмѣстьяхъ отъ сентября до іюля ежедневно произносится въ среднемъ не менѣе пяти лекцій, а въ теченіи года, значитъ, свыше тысячи. При этомъ надо замѣтить, что въ противность нѣмецкимъ взглядамъ на этотъ предметъ здѣсь считаютъ правильнымъ оплату лекцій, произносимыхъ въ публичныхъ мѣстахъ; подобно тому какъ ни одинъ нѣмецкій ученый не стѣсняется принимать отъ издателя гонораръ за свои литературныя работы, такъ въ Америкѣ право на гонораръ признается за ораторомъ. Это не относится, конечно, къ рефератамъ, читаемымъ въ конгрессахъ, союзахъ и собраніяхъ. Въ такомъ штатѣ, какъ Массачузетсъ, каждый даже самый маленькій городокъ имѣетъ свой женскій клубъ, гдѣ регулярно читаются лекціи странствующими ораторами, и исключительно отъ финансовыхъ средствъ клуба зависитъ, можетъ ли онъ за сто или двѣсти долларовъ включить въ свою программу лекцію какого-нибудь выдающагося оратора или долженъ довольствоваться тѣмъ, что учитель высшей школы изъ сосѣдняго города за двадцать долларовъ прочитаетъ свой залежавшійся докладъ о Периклѣ или о бациллѣ туберкулеза. Такъ обстоитъ дѣло во всей странѣ; только количество лекцій уменьшается по направленію съ сѣвера на югъ, а качество ихъ ухудшается по направленію съ востока на западъ.

Все это не представляетъ собою чего-либо новаго въ американской жизни. Уже въ 1639 году рефераты на религіозныя темы настолько вошли въ общественный обиходъ въ Новой Англіи, а бостонцы, очевидно, были отъ нихъ въ такомъ во-

сторгѣ, что противъ чрезмѣрнаго распространенія ихъ былъ даже изданъ законъ, въ которомъ говорилось, что «бѣдныхъ людей это приводитъ къ тому, что они пренебрегаютъ дѣлами и наносятъ ущербъ своему здоровью, такъ какъ доклады затягиваются до глубокой ночи». Научныя же лекціи получили, кажется, значительное распространеніе лишь въ девятнадцатомъ столѣтіи. Уже въ самомъ началѣ девятнадцатаго столѣтія огромный успѣхъ имѣли популярныя естественно-научныя лекціи Силлимана, знаменитаго химика изъ Іэльскаго университета. Начиная съ тридцатыхъ годовъ публичныя лекціи стали организовываться преимущественно «лицеями», т. е. процвѣтающими во всей странѣ обществами, которыя преслѣдуютъ образовательныя цѣли.

Правда, устраивались тогда еще большею частью единичныя, не связанныя другъ съ другомъ лекціи, и темы преобладали политически-соціальныя; это было время краснорѣчія классическаго стиля, и такіе люди, какъ Уэбстеръ, Чаннингъ, Эверетъ, Эмерсонъ, Паркеръ, Маннъ, Сумнеръ, Филлипсъ, Бичеръ, Куртисъ и др., воодушевляли тогда націю опьяняющей реторикой, ставя передъ массами великіе вопросы, приведшіе къ войнѣ изъ-за невольничества, съ такимъ паѳосомъ, какой теперь уже не въ модѣ. Въ томъ, что создано въ позднѣйшія десятилѣтія, большее мѣсто занимаютъ интеллектуальные элементы. Во всѣхъ главныхъ городахъ возникли великолѣпныя учрежденія, гдѣ популярныя лекціи читались въ формѣ законченныхъ курсовъ; таковы институтъ Пибоди въ Балтиморѣ, институтъ Пратта въ Нью-Іоркѣ, институтъ Армура въ Чикаго, институтъ Дрекселя въ Филадельфіи. Списокъ лекцій и курсовъ, объявляемыхъ, напримѣръ, институтомъ Пратта на зиму, всегда представляетъ собою цѣлый томъ, и тѣмъ не менѣе всякій, кто уплатитъ годовой взносъ въ размѣрѣ пяти долларовъ, имѣетъ право слушать всѣ эти лекціи и курсы; здѣсь можно ежедневно съ утра до ночи слушать болѣе или менѣе извѣстныхъ людей, которые прибываютъ въ Нью-Іоркъ для прочтенія короткихъ курсовъ примѣрно изъ шести лекцій.

Среди учрежденій этого рода выше всѣхъ стоитъ институтъ Лоуэлля въ Бостонѣ. Въ 1838 году Джонъ А. Лоуэлль, путешествуя, больной, по Египту, сдѣлалъ къ своему завѣщанію приписку, согласно которой половина его огромнаго состоянія предназначалась на дѣло свободнаго популярно-научнаго обученія его родины. При открытіи института Эдуардъ Эверетъ сказалъ: «Нѣсколько фразъ, которыя нашъ согражданинъ слабой рукою написалъ на крышѣ какого-то дворца фараоновъ, сдѣлаютъ для прогресса человѣчества больше, чѣмъ сдѣлала вся династія этихъ фараоновъ». Дѣятельность этого института, которая вотъ уже шестьдесятъ лѣтъ опредѣляется однимъ и тѣмъ же прин-

пиномъ, заключается въ томъ, что каждую зиму приглашаются изъ Америки и Англіи восемь или десять самыхъ выдающихся мыслителей и изслѣдователей для прочтенія ряда связныхъ лекцій, причемъ въ каждый рядъ входитъ отъ шести до двѣнадцати лекцій. Большія средства института позволяли ему приглашать дѣйствительно самыхъ замѣчательныхъ людей, а съ другой стороны, именно благодаря этому приглашенія читать лекціи въ институтѣ Лоуэлля получили значеніе высокой чести въ ученомъ мірѣ, который пользуется англійскою рѣчью. Такіе люди, какъ Лайелль, Тиндаль и многіе другіе, совершали для этой цѣли путешествіе черезъ океанъ; извѣстный зоологъ Агассицъ впервые прибылъ въ Новый Свѣтъ въ качествѣ лектора для института Лоуэлля и лишь затѣмъ сдѣлался профессоромъ Гарвардскаго университета. Всего до настоящаго времени въ институтѣ Лоуэлля прочитано передъ большими аудиторіями около пяти тысячъ лекцій, и не поддается учету, сколько блага этимъ сдѣлано для бостонскаго населенія, насколько глубже сталъ благодаря этому духъ самоусовершенствованія въ Новой Англіи.

Но здѣсь мы, въ извѣстномъ смыслѣ, уже вышли изъ области средствъ народнаго воспитанія. Благодаря высокому характеру института Лоуэлля и благодаря положенію лекторовъ, естественно создалась такая традиція, что почти въ каждой серіи лекцій впервые излагаются какіе-нибудь новые научные взгляды. Въ то время, какъ въ обычныхъ популярныхъ курсахъ матеріалъ обыкновенно черпается изъ вторыхъ рукъ или, по крайней мѣрѣ, лекторъ идетъ уже по проторенной дорогѣ,— здѣсь постоянно предлагаются результаты новыхъ изслѣдованій, и такимъ образомъ здѣсь мы находимся уже въ сферѣ творческой науки, о которой намъ придется говорить позднѣе.

Если посмотрѣть на дѣло глубже, то дѣйствительно нельзя не видѣть, что за исключеніемъ института Лоуэлля въ подавляющемъ большинствѣ этихъ лекцій и сообщеній нѣтъ и рѣчи объ оригинальномъ научномъ творчествѣ. Невольно самъ собою напрашивается вопросъ, не растрачивается ли въ духовной жизни страны слишкомъ много силъ, если люди, призванные къ интеллектуальному творчеству, такими безчисленными путями отвлекаются въ сторону простого воспроизведенія. Разумѣется, здѣсь совершенно отсутствуетъ профессіональное принужденіе, но соблазнъ настолько великъ, что онъ преодолѣваетъ даже настойчивое сопротивленіе лучшихъ людей. Есть, конечно, такіе люди, которые высшую свою цѣль видятъ въ популярномъ, художественно-законченномъ изложеніи своего предмета, или такіе, которымъ распространеніе научныхъ знаній въ широкихъ кругахъ, построенное на филантропическихъ началахъ, представляется высшею жизненной задачей. Но у

большинства дѣло обстоитъ иначе. Прежде всего здѣсь играетъ роль финансовый моментъ. Для хорошаго оратора это—слишкомъ легкій путь къ увеличенію, пожалуй, даже къ удвоенію своего университетскаго содержанія, и именно молодые преподаватели, доходы которыхъ невелики, съ трудомъ могутъ противостоять этому искушенію, между тѣмъ, какъ именно имъ слѣдовало бы посвящать всѣ свои свободныя силы болѣе глубокому изслѣдованію различныхъ спеціальныхъ проблемъ. Но и это не является наиболѣе сильнымъ движущимъ моментомъ; въ безчисленныхъ случаяхъ, гдѣ о денежномъ вознагражденіи для оратора, по самому существу дѣла, не можетъ быть рѣчи, реторика обнаруживается въ такомъ же полномъ блескѣ. Главный мотивъ, вѣроятно, заключается здѣсь въ томъ, что американское общественное мнѣніе такъ непомѣрно поддается вліянію устнаго слова, — поддается тѣмъ сильнѣе, что фейерверкъ краснорѣчія затѣмъ тысячекратно отражается въ печати. И это есть самый прямой путь не только къ тому, чтобы пріобрѣсти громкую, хотя бы кратковременную славу, но и къ тому, чтобы оказывать дѣйствительное вліяніе на народную мысль.

Такимъ образомъ, все здѣсь способствуетъ тому, чтобы на служеніе народу отдавалось огромное количество духовной энергіи; отдѣльный человѣкъ не въ состояніи сопротивляться, и нельзя отрицать, что на этомъ пути многіе губятъ свои лучшія способности. Популяризація тянетъ ихъ самихъ книзу, приспособленіе къ полуобразованнымъ аудиторіямъ, искушеніе, заключающееся въ апплодисментахъ, которые слѣдуютъ за всякимъ мѣткимъ оборотомъ рѣчи, успѣхъ призрачныхъ аргументовъ, обходъ и затушевываніе дѣйствительно трудныхъ пунктовъ,— все это постепенно убиваетъ охоту и силу заниматься высшимъ видомъ научной работы. Это надо въ особенности сказать о почти механическомъ повтореніи лекцій, которое представляетъ собою сильный соблазнъ, разъ имѣется написанный текстъ лекціи. Если правда, будто Венделль Филлипсъ повторилъ свою рѣчь о потерянныхъ искусствахъ двѣ тысячи разъ, то этотъ случай, вѣроятно, единственный въ своемъ родѣ, и въ настоящее время онъ едва ли былъ бы возможенъ. Однако, и теперь мы встрѣчаемъ такія числа повтореній, которыя наводятъ на печальныя размышленія, и не мало способныхъ людей совершенно отказались отъ правильной академической дѣятельности ради того, чтобы путешествовать съ текстами своихъ лекцій по всей странѣ. Такой геніальный историкъ, какъ, напримѣръ, Джонъ Фискъ, навѣрное создалъ бы нѣчто гораздо болѣе глубокое и основательное, если бы каждая изъ его книгъ не была первоначально написана въ видѣ ряда лекцій, прочтеніе которыхъ передъ десятками смѣшанныхъ аудиторій и составляло источникъ его доходовъ.

Съ другой стороны не слѣдуетъ, однако, думать, что подобныя лекціи принадлежатъ къ разряду поверхностныхъ, механически составленныхъ рефератовъ, какіе читаются въ обществахъ, преслѣдующихъ образовательныя цѣли. Если бы это былъ такой дешевый товаръ, то подготовка ихъ требовала бы гораздо меньше труда и составленіе ихъ давало бы гораздо меньше удовлетворенія честолюбію ихъ авторовъ, а слѣдовательно, было бы и гораздо менѣе опасно для высшихъ видовъ творчества у тѣхъ же лицъ. Напротивъ, уровень ихъ чрезвычайно высокъ; даже въ маленькомъ городкѣ аудиторія избалована: она требуетъ художественной отдѣлки, требуетъ, чтобы въ изложеніи чувствовалась индивидуальность. Поэтому и такая форма творчества, безъ сомнѣнія, не безвыгодна для духовной жизни націи. Постепенно возобновляемая попытка на свой ладъ и въ законченной формѣ изобразить въ часовой лекціи какую-нибудь часть дѣйствительности или освѣтить какой-нибудь вопросъ, — такая попытка должна по необходимости довести до совершенства искусство составленія очерковъ, а сильно выраженное у американца чувство формы должно еще болѣе способствовать успѣху. Въ поразительно большомъ числѣ американскихъ книгъ отдѣльныя главы читаются, какъ самостоятельныя, вполнѣ законченныя статьи; дѣйствительно, книга представляетъ собою рядъ статей, и если поинтересоваться ея происхожденіемъ, то нерѣдко приходится узнать, что каждый изъ тщательно отдѣланныхъ очерковъ первоначально предназначался для произнесенія въ качествѣ лекціи. Такимъ образомъ, вся эта система народнаго воспитанія съ помощью лекцій, быть можетъ, наносила вредъ творческой дѣятельности, но она безспорно содѣйствовала развитію художественной формы научнаго изложенія, развитію литературы очерковъ, развитію искусства популяризаціи въ области естественныхъ и гуманитарныхъ наукъ, особенно же въ области исторіи и политической экономіи.

Если бы поставить вопросъ, уравновѣшиваются ли указанныя вредныя стороны этой системы пользою въ смыслѣ совершенствованія формы, то американецъ отказался бы обсуждать вопросъ въ такой его постановкѣ, потому что здѣсь оставляется безъ вниманія самый важный факторъ—вліяніе на массу, ищущую образованія. Работа ученаго должна, по мнѣнію американца, разсматриваться не только съ точки зрѣнія интересовъ самой науки или съ точки зрѣнія ея практическихъ результатовъ; здѣсь необходимо всегда имѣть въ виду и потребность массъ въ самоусовершенствованіи. И если бы этимъ задерживался полетъ чистой науки, то американецъ сказалъ бы, что въ области науки, какъ и всюду, важны не блестящіе успѣхи, а важна нравственная цѣнность. Для всей націи, сказалъ бы онъ,

въ нравственномъ смыслѣ лучше, чтобы серьезные духовные интересы распространялись въ каждомъ глухомъ уголкѣ страны, чѣмъ чтобы единичныя крупныя работы заносились на скрижали исторіи. Это—жертвы, которыхъ требуетъ демократія. Однако, и здѣсь въ настоящее время постепенно начинается поворотъ: возникаетъ такое раздѣленіе труда, при которомъ продуктивная дѣятельность болѣе опредѣленно отграничивается отъ репродуктивной, и лучшія силы, такимъ образомъ, остаются при работѣ высшаго рода, не дробясь на исполненіе менѣе цѣнныхъ задачъ.

Нельзя, однако, думать, будто описанная система не оказываетъ вреднаго вліянія и на самыя массы. Прежде всего, этимъ путемъ должна необычайно поддерживаться привычка къ поверхностности. Здѣсь находитъ какъ бы искусственную почву нескромность, и безъ того быстро развивающаяся при политическомъ демократическомъ строѣ,—привычка обо всемъ судить, не имѣя основательныхъ познаній. Здѣсь нѣтъ недостатка въ удивленіи передъ чѣмъ нибудь великимъ; наоборотъ, это удивленіе легко принимаетъ даже истерическій характеръ, но такъ какъ оно не основано на дѣйствительномъ знаніи, то въ сущности оно остается непочтительнымъ; кто удивляется чему нибудь, не понимая, тотъ судитъ, между тѣмъ какъ истинная скромность въ этомъ случаѣ должна бы воздержаться отъ всякаго сужденія. Возможно, что населеніе какой-нибудь деревни посвящаетъ теперь свои разговоры Кромвелю и королевѣ Елизаветѣ, а не послѣднему случившемуся въ деревнѣ скандалу, но если характеръ разговоровъ не измѣнился, то перемѣна сюжета еще совсѣмъ не означаетъ повышенія общаго уровня, и если вообще ужъ должна существовать болтовня, то могутъ найтись люди, которые скажутъ, что пусть лучше деревенскіе жители болтаютъ о безразличномъ сосѣдѣ, чѣмъ о Кромвелѣ.

Съ другой стороны, однако, нельзя не видѣть, что въ крупныхъ образовательныхъ учрежденіяхъ, въ институтахъ Чотокуа, въ курсахъ распространенія высшаго образованія и въ лѣтнихъ школахъ дѣлается все, что только возможно придумать для противодѣйствія этой постоянной опасности. Прежде всего здѣсь надо обратить вниманіе на то, что почти нигдѣ публикѣ не предлагаются единичныя лекціи, но что всюду устраиваются цѣлые курсы, въ которые входятъ отъ шести до двадцати лекцій, посвященныхъ одному и тому же предмету; далѣе, письменные экзамены съ выдачею свидѣтельствъ и, наконецъ, постоянныя указанія на литературу предмета. Какой-нибудь маленькій женскій клубъ всегда заботится о томъ, чтобы лучшія книги по тому вопросу, о которомъ будутъ читаться лекціи, находились въ распоряженіи его членовъ, и за-

тѣмъ большей частью составляются небольшія группы, которыя сообща изучаютъ какое-нибудь крупное сочиненіе по данному вопросу.

Народу, такимъ образомъ, посредствомъ внѣшкольнаго обученія сообщается огромное количество фактическихъ знаній, въ немъ чрезвычайно сильно возбуждаются духовные интересы, и если вредъ здѣсь можетъ приноситься поверхностностью, то вредъ этотъ, безспорно, уравновѣшивается обогащеніемъ личности. Можно, правда, спросить, является ли этотъ традиціонный путь кратчайшимъ, ведущимъ къ цѣли? Не дала ли бы лучшихъ результатовъ та же затрата времени и труда, если бы она была обращена на книгу, а не на курсъ устныхъ лекцій? Но, во-первыхъ, одно другимъ не исключается, слушаніе лекцій возбуждаетъ охоту къ чтенію, и нигдѣ, дѣйствительно, не читаютъ больше, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Но здѣсь безусловно, играетъ роль еще и совершенно другой мотивъ.

Читатель изолированъ, всѣ личные элементы у него при чтеніи задерживаются. Во время слушанія лекціи, наоборотъ, личные элементы выступаютъ на первый планъ какъ у дающаго, такъ и у воспринимающаго. Свободное слово вѣдь содержитъ гораздо больше жизни, оказываетъ гораздо болѣе непосредственное вліяніе, чѣмъ слово печатное, и придаетъ мысли индивидуальную окраску. Главное же, личное участіе слушателя гораздо яснѣе выражено, чѣмъ участіе читателя; присутствіе его въ залѣ служитъ открытымъ выраженіемъ этого участія, онъ чувствуетъ, что вмѣстѣ съ другими слушателями призванъ дѣлать нѣкоторое общее дѣло, и такимъ образомъ къ интеллектуальному мотиву присоединяется еще моральный. Они хотятъ сообща дѣйствовать для того, чтобы въ ихъ мѣстечкѣ, въ ихъ округѣ, въ ихъ группѣ стремленіе къ образованію проникало собою всю жизнь. Быть можетъ, это личное стремленіе къ самоусовершенствованію гораздо лучше удовлетворялось бы безличною книгою, но устное слово вѣрнѣе будетъ его поддерживать и усиливать въ качествѣ влеченія, какъ черту характера и элементъ жизни.

Дала ли народу существующая система народнаго воспитанія посредствомъ лекцій максимальную сумму истины и образованія, или нѣтъ,—не подлежитъ сомнѣнію, что она всюду распространила глубокое стремленіе къ истинѣ и образованію, и именно поэтому она была необходимою формою для народа, у котораго исторически сложился духъ индивидуальнаго самоусовершенствованія.

ДЕВЯТНАДЦАТАЯ ГЛАВА.

Университеты.

Когда въ недалекомъ прошломъ американская промышленность начала тревожить Европу, послѣдняя преувеличивала грозящую ей опасность, потому что новое положеніе дѣлъ было для нея совершенно неожиданнымъ. «Американская опасность» надвинулась прежде, чѣмъ Европа хорошенько поняла, что въ Америкѣ дѣйствительно существуетъ настоящая промышленность, съ которою надо считаться. Въ недалекомъ будущемъ Европѣ придется пережить такую же неожиданность въ духовной сферѣ. Внезапно окажется на-лицо нѣчто великое и вполнѣ законченное, прежде чѣмъ люди какъ слѣдуетъ повѣрятъ, что въ Америкѣ вообще производятся какія-нибудь изслѣдованія и существуетъ наука. Впослѣдствіи, конечно, стали говорить, что подобная промышленность можетъ быть построена только на очень прочномъ фундаментѣ, что она не могла бы возникнуть, если бы основою американской экономической жизни служили, какъ принято было думать, только корыстолюбіе и взяточничество. Точно такъ же и въ духовной сферѣ затѣмъ стануть умозаключать, что подобное творчество не могло, однако, возникнуть внезапно, что ему должна была предшествовать во всей странѣ серьезная, добросовѣстная работа, преслѣдующая высокія цѣли. Въ отличіе отъ міра экономическаго, въ этомъ мірѣ духовной работы, конечно, не можетъ быть рѣчи объ угрожающемъ соперничествѣ: въ наукѣ нѣтъ конкурентовъ, а есть только сотрудники. Но и здѣсь одинъ народъ не можетъ безъ ущерба для собственнаго творчества игнорировать творчество другого народа; въ особенности же относительно Германіи надо сказать, что чѣмъ раньше она ознакомится съ американской духовной жизнью, тѣмъ болѣе органическій характеръ будетъ носить будущая совмѣстная работа, тѣмъ благотворнѣе она будетъ для обѣихъ сторонъ; потому что тотъ, кому извѣстно положеніе дѣлъ, можетъ, не обладая особымъ даромъ пророчества, уже теперь предвидѣть, что въ наукѣ болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой области, будущее принадлежитъ этому двойственному союзу.

Въ настоящее время въ Германіи господствуетъ почти полное невѣдѣніе относительно всего, что связано съ американскими университетами. А между тѣмъ надо сейчасъ же сказать,

что рѣчь идетъ именно объ университетахъ. Подобно тому какъ въ Германіи—въ отличіе отъ постановки дѣла во Франціи и въ Англіи,—въ Соединенныхъ Штатахъ академическіе преподаватели являются настоящими носителями науки. Въ Англіи и Франціи обыкновенно выдающіеся изслѣдователи не служатъ въ то же время постоянными учителями молодежи; въ Америкѣ, какъ и въ Германіи, раздѣленіе этихъ функцій является исключеніемъ. Безспорно, въ Америкѣ есть такіе историки и политико-экономы, какъ Родсъ, Лоджъ, Рузвельтъ, Шоулеръ, которые не принадлежатъ къ академическимъ кругамъ, есть много юристовъ, врачей и священниковъ, которые занимаются чисто-научною работой, есть физики, пользующіеся наибольшей славою, подобно Эдиссону, Беллю, Тесла и многимъ другимъ, которые косвенно содѣйствуютъ наукѣ своими открытіями и изобрѣтеніями. Строго говоря, и чиновники національныхъ научныхъ институтовъ въ Вашингтонѣ стоятъ внѣ университетской сферы, а среди нихъ всегда процвѣтала чрезвычайно оживленная духовная дѣятельность. Тѣмъ не менѣе можно утверждать, что настоящая научная жизнь націи протекаетъ въ университетахъ, и что академическое преподаваніе съ каждымъ днемъ становится все болѣе важнымъ источникомъ силъ для всего американскаго народа.

Нѣмецъ, который теперь еще не склоненъ повѣрить въ американскую науку, охотно вспомнитъ при этомъ забавныя газетныя сообщенія о западныхъ американскихъ университетахъ, которые едва-ли могутъ сравняться съ седьмымъ классомъ нѣмецкихъ гимназій, или о тѣхъ своеобразныхъ условіяхъ, въ какія «еще недавно» было поставлено въ Америкѣ изученіе медицины. Но это «еще недавно» означаетъ для духовной жизни Германіи совсѣмъ другой промежутокъ времени, чѣмъ для Новаго Свѣта. Невольно является желаніе сопоставить духовное развитіе нѣмцевъ и американцевъ въ главныхъ чертахъ, чтобы такимъ образомъ получить мѣрило для сравненія періодовъ времени у однихъ и другихъ. Древнѣйшая исторія германцевъ, отъ временъ Тацита до принятія христіанства при Карлѣ Великомъ, т.-е. до 800 года, соотвѣтствуетъ въ Америкѣ полуторасталѣтнему періоду отъ открытія Америки Колумбомъ до начала распространенія пуританскаго вліянія, т.-е. до 1630 года. Слѣдующій періодъ обнимаетъ въ Германіи опять семь вѣковъ до отторженія Германіи отъ Рима, въ Америкѣ онъ опять равенъ полутораста годамъ, до отторженія отъ Англіи въ 1776 году. За реформаціей въ теченіе трехъ столѣтій послѣдовали тридцатилѣтняя война, духовный подъемъ восемнадцатаго вѣка, періодъ упадка при Наполеонѣ, война за освобожденіе; этому соотвѣтствуютъ событія, менѣе важныя по

своему значенію и болѣе краткія по времени, уложившіяся по ту сторону океана въ девяностолѣтній періодъ: сперва годы войны, затѣмъ духовный подъемъ въ серединѣ девятнадцатаго вѣка, далѣе муки войны за освобожденіе невольниковъ и, наконецъ, миръ. Съ 1813 года начинается новый періодъ, который заканчивается національнымъ объединеніемъ Германіи; въ Америкѣ—въ 1898 году маленькая война съ Испаніей, которая не можетъ быть сравниваема по своему историческому значенію съ великой франко-прусской войной, но которая для національнаго самосознанія американцевъ едва ли сыграла меньшую роль.

Съ этого момента начинается послѣдній до настоящаго времени періодъ духовнаго развитія Америки, и эти шесть-семь лѣтъ должны быть сравниваемы съ десятилѣтіями, протекшими въ Германіи послѣ войны съ французами. То, что въ Америкѣ происходило сто лѣтъ тому назадъ, представляется непосредственному чувству такимъ же отдаленнымъ, какъ то, что въ Германіи происходило триста лѣтъ тому назадъ, а въ вопросахъ высшаго образованія и научнаго изслѣдованія положеніе дѣла въ Америкѣ, пожалуй, больше измѣнилось за послѣднія десять лѣтъ, чѣмъ въ Германіи за пятьдесятъ. Однако, ложныя представленія основываются — поскольку они вообще основываются на чемъ-нибудь—не только на сообщеніяхъ о томъ, что было раньше, но также и на неправильно понятыхъ сообщеніяхъ о нынѣшнемъ положеніи дѣла. Даже человѣкъ, старающійся дать свѣдѣнія безъ предубѣжденія, слишкомъ легко здѣсь впадаетъ въ заблужденіе, такъ какъ ему очень трудно отдѣлаться отъ привычныхъ нѣмецкихъ понятій. Положеніе дѣла въ нѣмецкихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ такъ просто, а въ американскихъ такъ сложно, что естественнымъ слѣдствіемъ являются постоянныя попытки со стороны нѣмцевъ разобраться въ кажущейся хаотичности отдѣльныхъ случаевъ, подводя ихъ подъ тѣ или другія рубрики въ привычной простой схемѣ понятій.

Основной схемой здѣсь особенно часто служитъ противоположность между гимназіей и университетомъ съ четырьмя факультетами, и путешественникъ обыкновенно довольствуется вопросомъ, является ли данное учебное заведеніе университетомъ съ четырьмя факультетами. Если на этотъ вопросъ онъ получаетъ отрицательный отвѣтъ, то для него не подлежитъ сомнѣнію, что онъ имѣетъ здѣсь передъ собою только гимназію. Не мало образованныхъ нѣмцевъ живутъ десятки лѣтъ въ Америкѣ и нисколько не лучше освѣдомлены въ этой области. А между тѣмъ дѣло становится такимъ сложнымъ, собственно, лишь тогда, когда начинаетъ прилагаться эта чуждая схема

понятій; принципъ постепенныхъ переходовъ, господствующій въ американской постановкѣ дѣла, самъ по себѣ не менѣе простъ, чѣмъ нѣмецкій принципъ рѣзкихъ разграниченій. Но большинство иностранцевъ не доходятъ даже до вопроса о томъ, является ли данное учебное заведеніе университетомъ. Они удовлетворяются констатированіемъ факта, что данное учебное заведеніе носитъ названіе «университета» или не носитъ его. И если затѣмъ изъ справочной книжки они узнаютъ, что въ такомъ «университетѣ» мальчики заучиваютъ курсъ шестого класса нѣмецкихъ гимназій, то въ результатѣ оказывается безспорно установленнымъ позорный фактъ: въ Америкѣ пѣтъ университетовъ, которые могли бы быть сравниваемы съ нѣмецкими.

Поэтому съ самаго начала надо оговориться: въ употребленіи американцевъ слово university не равнозначуще нашему понятію университетъ; они употребляютъ слово university, замѣняя его иногда словомъ college, въ качествѣ безцвѣтной приставки къ собственному имени какого либо учебнаго заведенія, курсъ котораго обширнѣе курса высшей народной школы и которое не готовитъ людей къ дѣятельности священника, врача или адвоката. Высшее медицинское учебное заведеніе называется Medical school, юридическое—Law school, богословское—Divinity school; въ «колледжѣ» или «университетѣ»—въ наиболѣе употребительномъ смыслѣ этого слова—всѣ эти отрасли знанія не изучаются. Изъ обоихъ названій «колледжъ» является болѣе старымъ, и такъ какъ въ общемъ болѣе стары учебныя заведенія восточной части страны, то здѣсь преобладало и теперь еще преобладаетъ названіе «колледжъ»; въ западной же части, гдѣ учебныя заведенія въ общемъ стоятъ на болѣе низкомъ уровнѣ, преобладаетъ болѣе современное названіе «университетъ». Недоразумѣній отсюда не можетъ возникать, такъ какъ учебныя заведенія, называемыя то университетами, то колледжами, стоятъ на самомъ различномъ уровнѣ, и общее понятіе, выражаемое этими словами, такимъ образомъ, совершенно безцвѣтно. Ни одинъ американецъ не скажетъ просто, что онъ въ юности посѣщалъ «университетъ» какъ онъ не сказалъ бы, что во время своего путешествія посѣтилъ «городъ». Опредѣленное представленіе здѣсь дается только индивидуальнымъ собственнымъ именемъ. Всякій свѣдущій человѣкъ знаетъ, что лицо, посѣщавшее въ теченіе четырехъ лѣтъ университетъ Тайлора въ Индіанѣ, или Блакбурнскій университетъ въ Иллинойсѣ, или Леландскій университетъ въ Луизіанѣ, или какой-нибудь другой подобный «университетъ»,—что такое лицо несравненно менѣе образовано, нежели лицо, обучавшееся въ Іэльскомъ, или Принсетонскомъ, или Колумбійскомъ колледжѣ. Значеніе здѣсь имѣетъ только собственное имя, приставка же безразлична.

Вне связи съ такимъ фактическимъ положеніемъ дѣла за послѣдніе годы слово университетъ въ средѣ педагоговъ получило еще другой смыслъ; теперь подъ университетомъ начинаютъ понимать такое учебное заведеніе, которое не только представляетъ собою «колледжъ» или «университетъ» въ прежнемъ смыслѣ, но сверхъ того включаетъ въ себя и спеціальные факультеты. Очевидно, что при такомъ значеніи это слово не отвѣчаетъ нѣмецкому понятію университета, такъ какъ въ подобный университетъ входитъ и колледжъ, для котораго нѣтъ соотвѣтствующей составной части въ нѣмецкихъ университетахъ; кромѣ того, университетъ въ этомъ новомъ смыслѣ обнимаетъ и нѣкоторыя части нѣмецкаго политехникума. Наконецъ, есть и еще одна тенденція, которая до извѣстной степени вытекаетъ изъ двухъ уже указанныхъ: подъ университетомъ начинаютъ обычно понимать первоклассный колледжъ, самое же названіе «колледжъ» сохраняется лишь для болѣе скромныхъ заведеній. Но въ общемъ все же только собственное имя учебнаго заведенія опредѣляетъ его характеръ, и вся система высшаго образованія въ Америкѣ можетъ быть понята, только если принять во вниманіе это обстоятельство, которое американцу представляется вполнѣ естественнымъ.

Итакъ, мы оставляемъ въ сторонѣ названія и переходимъ къ существу дѣла. Прежде всего мы видимъ, что сотни высшихъ учебныхъ заведеній представляютъ собою непрерывный рядъ безъ рѣзкихъ переходовъ, причемъ самыя слабыя изъ этихъ заведеній начинаютъ свой курсъ приблизительно съ курса шестого класса нѣмецкихъ гимназій, а лучшія не уступаютъ самымъ выдающимся нѣмецкимъ университетамъ; во-вторыхъ, мы видимъ, что расчлененіе программъ и темпъ преподаванія совершенно иные, чѣмъ въ Германіи, что центръ тяжести здѣсь лежитъ на незнакомомъ Германіи колледжѣ. Это не можетъ быть иначе, и въ такой постановкѣ дѣла — залогъ побѣды Америки. Если мы попытаемся понять нынѣшнее положеніе дѣла на основаніи прошлаго, то намъ станетъ вполнѣ очевидно единство системы. Какъ выражалась національная потребность въ высшемъ образованіи въ то время, когда штаты объединялись въ одну націю?

Народъ нуждался въ священникахъ, — но считалось непреложнымъ, что государство, а, слѣдовательно, и политическая община независимы отъ церкви, и потому не имѣютъ права оказывать поддержку ни одной изъ многочисленныхъ религіозныхъ сектъ. Такимъ образомъ, каждой церкви приходилось—худо ли, хорошо ли—готовить для себя священниковъ. Народъ нуждался въ адвокатахъ и судьяхъ,—но судьи, согласно духу демократіи, избирались изъ среды народа, и каждому человѣку должно было

принадлежать право самому отстаивать свое дѣло на судѣ. Если кто-нибудь желалъ подготовиться къ веденію дѣлъ за другихъ, то ему самому надо было позаботиться о пріобрѣтеніи надлежащихъ знаній; ему приходилось работать первоначально подъ руководствомъ опытныхъ юристовъ, но во всякомъ случаѣ не дѣломъ общины было вмѣшиваться въ эту область или требовать, чтобы такая техническая подготовка строилась на учености. Нужда была и въ учителяхъ, но чтобы удовлетворить потребности того времени, учителю не было необходимости знать много больше, чѣмъ программу тѣхъ классовъ, гдѣ онъ преподавалъ; желательно было, чтобы самъ онъ учился еще два-три года по окончаніи народной школы, но о научномъ образованіи не было и рѣчи. Ниже всего, однако, стояла еще сто лѣтъ тому назадъ медицина; это было практическое занятіе, технику котораго каждый могъ усвоить, не обладая научными знаніями; для этого надо было поступить въ ученіе къ какому-нибудь изъ старшихъ врачей или поучиться какимъ-нибудь инымъ способомъ.

Разсматривая первоначальное положеніе дѣла съ этой стороны, мы не можемъ не видѣть, какъ оно должно было развиваться дальше. Каждая религіозная секта, преслѣдуя собственные интересы, должна была устраивать школы для подготовки священниковъ. Юристы, соединившись, открывали адвокатскія школы, въ которыхъ готовили къ адвокатской дѣятельности всякаго, кто вносилъ имъ плату за ученіе; врачи соединялись для устройства медицинскихъ школъ и рады были всякому ученику, прошедшему курсъ народной школы; а болѣе крупныя общины должны были позаботиться о созданіи школъ для подготовки народныхъ учителей. Но здѣсь немедленно должны были вступить въ силу принципы соціальнаго отбора. Такъ какъ никакихъ формальныхъ предписаній, требующихъ извѣстной высоты въ постановкѣ дѣла, не существовало, то все должно было регулироваться спросомъ и предложеніемъ. Школы, изъ которыхъ выходятъ дѣльные адвокаты, врачи, учителя или священники, будутъ процвѣтать, остальныя будутъ вести жалкое существованіе или совсѣмъ погибнутъ. Однако здѣсь не можетъ быть рѣчи просто о хорошихъ или плохихъ школахъ, такъ какъ школы, отвѣчая мѣстнымъ потребностямъ, будутъ стоять на самомъ различномъ уровнѣ. Старые штаты станутъ предъявлять къ школѣ болѣе высокія требованія, чѣмъ новые штаты, населенные піонерами, городскіе округа будутъ требовать отъ нея больше, чѣмъ сельскіе, богатыя общины — больше, чѣмъ бѣдныя, и такимъ путемъ въ однѣхъ школахъ установится болѣе долгая продолжительность обученія, нежели въ другихъ, а главное—въ нѣкоторыхъ школахъ станутъ требовать большей

подготовки при поступленіи, чѣмъ въ другихъ. И вскорѣ не будутъ уже имѣть никакого смысла слова о томъ, что данное лицо обучалось въ юридической, или медицинской, или богословской школѣ, такъ какъ въ одной школѣ ученіе продолжается одинъ годъ, въ другой — четыре года, и для поступленія въ первую, напримѣръ, достаточно пройти курсъ народной школы, между тѣмъ, какъ во вторую принимаются только лица, окончившія высшую школу. У каждой школы есть собственное имя, и только это имя указываетъ, на какомъ уровнѣ стоитъ данная школа. Такимъ образомъ, въ одномъ и томъ же городѣ могутъ безъ ущерба существовать три или четыре медицинскихъ школы, и свидѣтельства объ окончаніи ихъ могутъ имѣть очень различную цѣну.

Этимъ путемъ достигаются троякаго рода результаты. Во-первыхъ, народная иниціатива возбуждается въ высшей мѣрѣ; каждая система, каждый талантъ имѣетъ возможность попытаться дать все, что они способны дать. Никакой шаблонъ не можетъ здѣсь подавлять новыхъ движеній, или стѣснять отдѣльные округа, или искусственно поддерживать то, что по внутреннему содержанію имѣетъ малую цѣнность. Во-вторыхъ, профессіональное образованіе можетъ въ совершенствѣ приспособляться къ безконечному разнообразію мѣстныхъ условій, и каждая часть населенія можетъ получить такія высшія учебныя заведенія, въ какихъ она нуждается; стоящія на болѣе высокомъ уровнѣ развитія области не страдаютъ при этомъ отъ насильственнаго приспособленія къ нѣкоторой средней потребности всей страны. Наконецъ, въ-третьихъ, свободная конкуренція заставляетъ каждое отдѣльное учебное заведеніе непрерывно совершенствоваться. Здѣсь нѣтъ разъ навсегда установленныхъ границъ; кто сегодня играетъ руководящую роль, завтра можетъ остаться позади, если онъ не считается съ новѣйшими формами прогресса въ своей области. Это относится какъ къ качеству учителей и учебныхъ пособій, такъ и къ продолжительности обученія и, главное, къ требованіямъ, предъявляемымъ при пріемѣ,— требованіямъ, которыя всей странѣ непрерывно повышались. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ первоклассныя учебныя заведенія въ самыхъ культурныхъ частяхъ страны требовали отъ поступающихъ не больше знаній, чѣмъ теперь требуютъ спеціальныя училища третьяго разряда въ округахъ, стоящихъ на среднемъ уровнѣ культурнаго развитія, и эти перемѣны продолжаютъ совершаться такъ незамѣтно, какъ растетъ колосъ въ полѣ. Если бы здѣсь дѣлались крупные скачки, то учебныя заведенія этимъ погубили бы себя; подготовительныя школы не поспѣвали бы за ними, и слишкомъ мало учениковъ оказывалось бы въ состояніи выдержать вступительные экзамены. Такимъ образомъ,

между консервативнымъ приспособленіемъ къ тому, что возможно по историческимъ условіямъ, и вѣчнымъ стремленіемъ къ побѣдѣ надъ другими заведеніями заключается извѣстный компромиссъ, который служитъ залогомъ неуклоннаго, но не чрезмѣрно быстраго прогресса.

Мы оставляли до сихъ поръ въ сторонѣ вліяніе государства. Надо, однако, сказать, что рѣчь здѣсь можетъ итти только объ отдѣльныхъ штатахъ, потому что Союзъ такъ же мало касается высшаго образованія, какъ и низшаго. Отдѣльнымъ же штатамъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ видная роль, и притомъ двоякаго рода. Что штатъ не беретъ себѣ никакой монополіи и, наоборотъ, предоставляетъ полный просторъ частной иниціативы, — въ этомъ мы видѣли основной принципъ, который нигдѣ не подвергается нарушенію; но на долю штата выпадаетъ другая задача—задача помогать тамъ, гдѣ частная дѣятельность оказывается недостаточной. Помощь можетъ выражаться либо въ томъ, что штатъ поддерживаетъ существующія частныя учебныя заведенія, либо въ созданіи собственныхъ учебныхъ заведеній, которыя въ этомъ случаѣ дѣтьми гражданъ даннаго штата посѣщаются безплатно. Такъ называемые государственные университеты при такомъ положеніи являются завершеніемъ системы безплатнаго обученія. Тамъ, гдѣ они существуютъ, какой-нибудь крестьянскій мальчикъ можетъ безплатно учиться, начиная съ дѣтскаго сада и кончая университетомъ, гдѣ онъ получитъ дипломъ доктора философіи.

Но частная иниціатива будетъ, конечно, наиболѣе слаба тамъ, гдѣ населеніе бѣдно, или гдѣ оно стоитъ на низкомъ уровнѣ культурнаго развитія,—тѣмъ болѣе, что состоятельные люди въ отсталыхъ штатахъ предпочитаютъ все-таки посылать своихъ сыновей въ богатые университеты передовыхъ штатовъ. Иностранцу обыкновенно бываютъ не вполнѣ понятны результаты такого положенія дѣла, и это сказалось, между прочимъ, на рѣшеніяхъ нѣмецкихъ судовъ о правѣ людей, получившихъ американскіе дипломы, пользоваться званіемъ доктора. Дѣло въ томъ, что высшія учебныя заведенія, субсидируемыя штатомъ, являются показателемъ болѣе низкаго культурнаго уровня, чѣмъ учебныя заведенія частныя; даже болѣе того, вмѣстѣ съ улучшеніемъ дѣла обученія, постоянно происходитъ освобожденіе его отъ финансовой поддержки со стороны государства, и надо замѣтить, что не только лучшіе университеты—Гарвардскій, Колумбійскій, Джона Гопкинса, Іэльскій, Чикагскій, Корнельскій, Станфордскій—работаютъ безъ такой поддержки, но и вообще передовые восточные штаты тратятъ на высшее образованіе гораздо меньше, нежели западные штаты. Штатъ Массачузетсъ, занимающій въ дѣлѣ народнаго образованія первое мѣсто, не

тратитъ на свои университеты ни одного цента, между тѣмъ, какъ, напримѣръ, штатъ Огіо субсидируетъ шесть учебныхъ заведеній и содержитъ Огійскій университетъ всецѣло на государственныя средства.

Одинакова для всѣхъ штатовъ другая, болѣе важная функція правительства: государству принадлежитъ верховный надзоръ надъ обученіемъ, отъ законодательнаго собранія каждаго штата зависитъ предоставить тому или другому учебному заведенію право выдачи дипломовъ и ученыхъ степеней, и ни одно учебное заведеніе не можетъ измѣнить своей организаціи безъ разрѣшенія со стороны государства. Вмѣстѣ съ ростомъ культуры государство въ силу собственныхъ потребностей должно было предъявлять все болѣе высокія требованія къ спеціальнымъ учебнымъ заведеніямъ. Практика и здѣсь постоянно вынуждала къ компромиссамъ между желаніемъ получить самое лучшее и стремленіемъ не выйти за предѣлы того, что исторически дано и практически возможно. Однородный шаблонъ и здѣсь также все погубилъ бы; если бы въ основу его былъ положенъ высокій масштабъ, то онъ парализовалъ бы частную иниціативу, оттолкнулъ бы южные и западные штаты и лишилъ бы ихъ зачатковъ будущаго развитія; наоборотъ, низкій масштабъ задержалъ бы успѣхи наиболѣе прогрессивныхъ частей страны. И правительства очень удачно нашли свое мѣсто въ общей системѣ, а отвѣтственность ихъ за каждое отдѣльное учебное заведеніе уменьшилась еще благодаря тому, что дипломы учебныхъ заведеній сами по себѣ еще не даютъ никакихъ правъ. Въ каждомъ штатѣ есть свои законы, на основаніи которыхъ разрѣшается адвокатская или медицинская практика, и дипломы спеціальныхъ учебныхъ заведеній лишь въ ограниченныхъ предѣлахъ признаются достаточною замѣною государственныхъ экзаменовъ, дающихъ тѣ или иныя права.

Но исторія спеціальныхъ учебныхъ заведеній—юридическихъ, богословскихъ, учительскихъ и медицинскихъ — въ Америкѣ далеко не то же самое, что исторія университетовъ. Мы до сихъ поръ оставляли въ сторонѣ центральный пунктъ — колледжъ. Оглянемся еще разъ назадъ. При началѣ образованія штатовъ мы видѣли соціальную общину, въ которой подготовка къ дѣятельности учителя, адвоката или врача заключалась въ усвоеніи техническихъ и спеціальныхъ знаній, доступныхъ каждому и не требующихъ болѣе глубокой образованности. О широкомъ, самостоятельномъ научномъ образованіи, ведущемъ къ созданію свободнаго міросозерцанія, здѣсь не было и рѣчи. Но требованія, предъявляемыя при поступленіи въ спеціальныя учебныя заведенія, все повышались, продолжительность обученія все увеличивалась и характеръ его улучшался; однако и теперь еще

въ общественномъ сознаніи не только не уничтожено, но, благодаря большимъ различіямъ въ цѣнности отдѣльныхъ спеціальныхъ заведеній, еще усилилось впечатлѣніе, что практическое изученіе того, какъ надо лечить болѣзни, или вести дѣло въ судѣ, или разрѣшать техническіе вопросы, или учить дѣтей, — что такое практическое изученіе само по себѣ не создаетъ образованныхъ людей. Все это—профессіональная подготовка спеціалистовъ, которая не болѣе обогащаетъ духовный міръ, чѣмъ подготовка къ дѣятельности крупнаго коммерсанта, или фабриканта, или землевладѣльца, или моряка. Является ли человѣкъ, подготовленный къ своей профессіи, въ то же время и образованнымъ человѣкомъ, — это зависитъ отъ степени общаго образованія, которое онъ раньше получилъ. Важно то, поступилъ ли онъ въ медицинскую школу или торговую контору по окончаніи шестого или восьмого класса гимназіи или прослушавъ также нѣсколько семестровъ на философскомъ факультетѣ, а изучилъ ли онъ свою профессію на биржѣ или въ клиникѣ,—это не имѣетъ значенія для оцѣнки его въ кругу образованныхъ людей.

Нѣмцу трудно освоиться съ такимъ складомъ мыслей. Высшая школа въ Германіи такъ тѣсно связана съ научными профессіями, а послѣднія въ историческомъ процессѣ создавались всецѣло изъ научныхъ занятій такъ, что наука въ качествѣ спеціальности и высшее образованіе—сдѣлались почти равнозначущими, и соціальная оцѣнка научныхъ профессій была чрезвычайно высока. Однако многое здѣсь зависѣло отъ нѣкоторыхъ особыхъ условій, какъ видно уже изъ того, что въ Германіи офицеру отводится такое же положеніе въ обществѣ, какъ ученому. Правда, и американцы въ этомъ случаѣ не вполнѣ послѣдовательны, такъ какъ они всегда признавали образовательную цѣнность за духовною профессіей независимо отъ того, какую школу прошелъ каждый данный священникъ до поступленія въ богословскій институтъ. Здѣсь рѣшающее значеніе имѣла господствующая роль, которую священники играли въ колоніальный періодъ Америки, и тѣсная связь, существующая между богословскими занятіями и выработкой общаго міросозерцанія.

Такимъ образомъ, то обстоятельство, что данный человѣкъ случайно избралъ адвокатскую, или учительскую, или врачебную профессію, еще не выдѣляло его въ глазахъ современниковъ изъ числа обыкновенныхъ, среднихъ людей; занимающихся какимъ-нибудь другимъ честнымъ дѣломъ. Для выдѣленія людей, призванныхъ играть руководящую роль въ обществѣ, требовался, слѣдовательно, иной принципъ, независимый отъ профессіональнаго образованія. Но здѣсь вступалъ въ силу еще другой факторъ, необходимо вытекавшій изъ данныхъ исто-

рическихъ условій. Нація росла шагъ за шагомъ по мѣрѣ того, какъ находилъ себѣ приложеніе духъ коммерческой предпріимчивости; покуда задача состояла въ томъ, чтобы раскрыть богатства страны и овладѣть ими, самые сильные таланты, самыя твердыя силы, самыя гордыя личности всюду отдавали себя на служеніе этой культурно-созидательной работѣ. Что этимъ патриціямъ торговли и промышленности не можетъ отводиться второе мѣсто, это разумѣлось само собою; высшая доступная для нихъ культура, по необходимости, должна была послужить масштабомъ того идеала образованія, который вырабатывался въ обществѣ, и такимъ образомъ традиціонное понятіе о «джентльменствѣ», какъ о наиболѣе цѣнной индивидуальной общей культурѣ, должно было получить такое же значеніе для преобладанія въ обществѣ, какое въ Германіи сохранилось за профессіональной ученостью.

По внѣшнимъ формамъ это джентльменское образованіе примыкало къ англійскимъ образцамъ. Четырехлѣтній курсъ, по программѣ слѣдующій за высшей начальной школою и центръ тяжести полагающій въ занятіяхъ гуманитарными науками; учебное заведеніе, гдѣ молодой человѣкъ до 21—22-лѣтняго возраста отдается свободному искусству и наукѣ безъ мыслей о какой-нибудь практической профессіи, служащей для добыванія средствъ къ жизни, гдѣ въ теченіе четырехъ лѣтъ, вдали отъ мірского шума, въ идеалистическомъ сообществѣ съ стремящимися къ той же цѣли товарищами, въ работѣ и нравственности, въ спортѣ и свободномъ общеніи въ немъ воспитывается облагороженная человѣческая натура, — такова была исторически данная форма. Согласно англійскому обычаю, такое учебное заведеніе называлось колледжемъ. Кто прошелъ колледжъ, тотъ принадлежалъ къ числу образованныхъ людей, независимо отъ того, какой профессіи онъ себя потомъ посвящалъ, и никакое спеціальное учебное заведеніе не могло замѣнить собою культуры колледжа. Но разъ существуетъ и все увеличивается стремленіе давать молодымъ людямъ до поступленія въ спеціальное учебное заведеніе основательное общее образованіе, то это, въ концѣ-концовъ, должно повести къ тому, что отъ всякаго человѣка, приступающаго къ изученію какихъ нибудь спеціальныхъ предметовъ, будетъ требоваться законченное образованіе, даваемое колледжемъ. И дѣйствительно, эта высшая стадія развитія въ настоящее время уже достигнута въ лучшихъ учебныхъ заведеніяхъ; въ Гарвардскомъ университетѣ или въ университетѣ Джона Гопкинса для поступленія на юридическій, медицинскій или богословскій факультетъ необходимо предварительно пройти четырехлѣтній курсъ колледжа. Но даже и въ этомъ случаѣ границею между

высшимъ и низшимъ образованіемъ въ общественномъ сознаніи остается моментъ перехода изъ школы въ колледжъ, а не переходъ изъ общеобразовательнаго учебнаго заведенія въ спеціальное, какъ это мы видимъ, напримѣръ, въ Германіи. Кто успѣшно прошелъ курсъ колледжа, тотъ получаетъ ученую степень «баккалавра искусства», и обладающіе этой степенью считаются образованными людьми.

Въ колледжѣ опять-таки должно отражаться все разнообразіе мѣстныхъ условій. Колледжъ съ четырехлѣтнимъ курсомъ долженъ примыкать къ высшей народной школѣ, а мы видѣли, что эти школы сами стоятъ на очень различномъ уровнѣ. Начальный пунктъ программы разныхъ колледжей лежитъ, пожалуй, въ предѣлахъ между курсомъ шестого и восьмого класса нѣмецкихъ средне-учебныхъ заведеній, и въ то время какъ маленькій колледжъ гдѣ-нибудь въ преріи даетъ не болѣе, чѣмъ шестой и седьмой классы нѣмецкаго реальнаго училища,—лучшіе колледжи уже не могутъ быть сравниваемы съ нѣмецкими средне-учебными заведеніями; ихъ курсъ соотвѣтствуетъ восьмому классу гимназіи плюсъ первые три семестра философскаго факультета. Эта лѣстница съ незамѣтными переходами въ настоящее время представлена болѣе чѣмъ шестьюстами колледжей.

Необходимо указать еще на одно обстоятельство. Колледжъ долженъ служить высшей школой общаго образованія для джентельмена. Но къ этому идеалистическому требованію съ самаго начала должно было примѣшиваться и требованіе утилитарное. Программа, по которой получаетъ высшее образованіе джентльменъ, оказывается наиболѣе цѣлесообразной для практической подготовки школьнаго учителя; такимъ образомъ, колледжъ получаетъ до извѣстной степени какъ бы назначеніе спеціальной школы для педагоговъ. Но если требованія для поступленія въ спеціальныя юридическія или медицинскія школы постоянно повышались,—до тѣхъ поръ пока лучшія школы не стали требовать отъ поступающихъ окончанія курса колледжа,—то этотъ же процессъ долженъ былъ происходить и въ спеціальныхъ учительскихъ школахъ, программа которыхъ, такимъ образомъ, должна была сдѣлаться гораздо шире программы колледжей. Въ результатѣ долженъ былъ возникнуть философскій факультетъ, для поступленія на который опять таки требуется окончаніе колледжа; это—школа для спеціальнаго изученія наукъ, основанныхъ на критическомъ началѣ, и центръ тяжести здѣсь лежитъ въ лабораторіяхъ, семинаріяхъ, и курсахъ для наиболѣе успѣвающихъ. Такое продолженіе программы колледжа для лицъ, окончившихъ колледжъ и имѣющихъ ученую степень, т. е. для такъ называемыхъ «Graduates»,

называется «Graduate school»; окончившій эту школу получаетъ дипломъ доктора философіи. Такимъ образомъ, это высшее учебное заведеніе должно быть поставлено въ одинъ рядъ съ юридической, медицинской и богословской школой, которыя также требуютъ отъ поступающихъ окончанія курса колледжа.

Но утилитарный элементъ неизбѣжно проникаетъ въ колледжъ и съ другой стороны. Колледжъ высшаго типа не есть шаблонная школа съ разъ навсегда установленной программой. Здѣсь желательно примѣненіе къ индивидуальности отдѣльныхъ слушателей, и, если цѣлью дѣйствительно является высшая продуктивность, то въ теченіе по крайней мѣрѣ послѣднихъ лѣтъ слушателямъ колледжа должна быть предоставлена свобода въ выборѣ предметовъ для ихъ занятій, подобно тому какъ это дѣлается на философскомъ факультетѣ, чтобы каждый могъ жить соотвѣтственно своей натурѣ и удовлетворять запросы своей собственной души. Но разъ дана эта академическая свобода, путь для использованія ея въ утилитарныхъ цѣляхъ оказывается открытымъ. Будущій медикъ и будущій юристъ, выбирая предметы для своихъ занятій въ колледжѣ, будутъ уже имѣть въ виду свои дальнѣйшія занятія и станутъ къ нимъ готовиться; юристъ, быть-можетъ, станетъ заниматься преимущественно исторіей, медикъ—біологіей, богословъ—лингвистикой, фабрикантъ—физикой, банкиръ—политической экономіей, политическій дѣятель—государственными науками. И такимъ образомъ высшая школа для джентельментовъ будетъ въ концѣ-концовъ служить цѣлямъ не только общаго образованія, но и спеціальнаго, поскольку оно не носитъ техническаго характера.

Однако благодаря тому, что все техническое не имѣетъ мѣста въ колледжахъ, и большинство студентовъ и въ настоящее время еще ищутъ тамъ только общаго образованія, главнымъ же образомъ благодаря исторической традиціи и соціальному отбору, колледжъ все же остается прежде всего тѣмъ мѣстомъ, гдѣ человѣческая личность становится глубже и благороднѣе, мѣстомъ, гдѣ молодой американецъ проводитъ лучшіе, самые счастливые годы своей жизни, гдѣ складываются духовныя склонности и дружескія связи на всю жизнь, гдѣ узкое школьное образованіе уже окончено, а узкое профессіональное образованіе еще не началось, гдѣ все широко, свободно и свѣтло. Только съ колледжемъ связано въ глазахъ американца обаяніе академической жизни. Слушатели четырехъ спеціальныхъ факультетовъ уже вышли изъ этой сферы, какъ у насъ, напримѣръ, студенты медики послѣднихъ курсовъ. Колледжъ—душа университетовъ, колледжъ въ настоящее время больше, чѣмъ когда бы то ни было, есть душа всей націи.

Необходимо указать еще на одно обстоятельство, и тогда намъ будутъ ясны всѣ факторы, имѣющіе здѣсь рѣшающее значеніе. Мы видѣли, что спеціальныя школы и высшія общеобразовательныя заведенія первоначально возникали изъ различныхъ мотивовъ и первоначально были фактически не связаны между собой. Но по мѣрѣ своего историческаго развитія они должны были неизбѣжно сближаться и срастаться другъ съ другомъ. При этомъ колледжъ остается общей основою, которая даетъ цѣлому свое имя; спеціальные факультеты группируются вокругъ колледжа, но ихъ связываетъ съ нимъ общее управленіе. При этомъ возникаютъ различныя мѣстныя затрудненія. Одинъ колледжъ, напримѣръ, по мысли своихъ учредителей долженъ находиться въ красивой мѣстности, на лонѣ природы; здѣсь молодые люди должны отрѣшиться отъ привычной обстановки и жить вдали отъ большого города, въ маленькомъ мірѣ, освѣщаемомъ только славою великихъ учителей и юношескимъ счастьемъ прежнихъ поколѣній студентовъ. Наоборотъ, медицинской или юридической спеціальной школѣ, согласно американскимъ понятіямъ, надлежало находиться въ большомъ городѣ, гдѣ клиническій матеріалъ имѣется въ изобиліи, а знаменитые адвокаты находятся въ постоянномъ общеніи съ судами. Естественнымъ слѣдствіемъ было то, что обширные университеты могли удобно развиваться главнымъ образомъ тамъ, гдѣ колледжъ съ самаго начала находился по близости отъ большого города; въ такомъ положеніи былъ, напримѣръ, Гарвардскій колледжъ въ Кембриджѣ, который обладаетъ всѣми прелестями деревенской тишины и въ то же время отдѣленъ отъ города Бостона только мостами, перекинутыми черезъ рѣку Чарльза. Разумѣется, въ новѣйшее время, когда идиллическая сторона жизни въ колледжахъ всюду отступаетъ на задній планъ, а внѣшняя обстановка — особенно лабораторіи, библіотеки и т. д.—должна устраиваться въ крупномъ масштабѣ, естественныя преимущества большого города получаютъ значеніе и для процвѣтанія колледжей, и именно этимъ объясняется то обстоятельство, что внутренній ростъ учебныхъ заведеній находящихся въ большихъ городахъ, напримѣръ, въ Нью-Іоркѣ, Балиморѣ, Чикаго, С.-Франциско, совершается быстрѣе, чѣмъ ростъ многихъ колледжей, удаленныхъ отъ крупныхъ центровъ и бывшихъ знаменитыми въ прежнее время.

Во главѣ управленія всюду стоитъ президентъ, функціи котораго представляютъ собой нѣчто среднее между функціями ректора и министра народнаго просвѣщенія; его положеніе можно, пожалуй, лучше всего сравнить съ положеніемъ куратора въ нѣмецкихъ университетахъ, но оно гораздо болѣе самостоятельно и носитъ гораздо болѣе монархическій характеръ. Въ

лицѣ президента фактически сосредоточена университетская исполнительная власть, и процвѣтаніе или упадокъ учебнаго заведенія въ очень значительной степени зависятъ отъ того, какъ онъ исполняетъ свои обязанности. Въ прежнее время на этомъ мѣстѣ почти всегда находился богословъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ являлся и профессоромъ нравственной философіи. Въ настоящее время такое положеніе сохраняется еще только въ маленькихъ деревенскихъ колледжахъ, но и тамъ пуританская традиція исчезаетъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ болѣе выдвигаются на первый планъ финансовыя и административныя проблемы. Большіе университеты въ новѣйшее время всюду ставили во главѣ дѣла профессоровъ философскаго факультета. Большею частью это—люди крупнаго калибра, и только такіе люди пригодны для занятія должности, имѣющей огромное значеніе и оказывающей вліяніе на всю жизнь народа. Не только по вопросамъ обученія, но и по всѣмъ вопросамъ общественной жизни вся страна желаетъ слышать мнѣнія такихъ людей, какъ Эліотъ изъ Гарвардскаго университета, Гэдли изъ Іэльскаго, Бутлеръ изъ Колумбійскаго, Шерманъ изъ Корнелевскаго, Ремсенъ изъ университета Джонса Гопкинса, Уилеръ изъ Калифоринскаго, Гарперъ изъ Чикагскаго, Іорданъ изъ Станфордскаго, Уильсонъ изъ Принсетонскаго и т. д.

Университетскій президентъ назначается пожизненно административнымъ совѣтомъ, представляющимъ высшую инстанцію; этотъ совѣтъ состоитъ изъ людей, которые безплатно несутъ свои почетныя обязанности, управляютъ судьбами университета и какъ бы представляютъ собою по отношенію къ президенту университетскій конгрессъ; они утверждаютъ приглашенныхъ лицъ, регулируютъ расходы и, по теоріи, направляютъ внѣшнюю жизнь университета, хотя на практикѣ, конечно, слѣдуютъ предложеніямъ факультетовъ. Преподавательскій персоналъ всюду состоитъ изъ ординарныхъ профессоровъ, экстраординарныхъ профессоровъ и инструкторовъ; всѣ они получаютъ опредѣленное жалованіе, платы за слушаніе отдѣльныхъ курсовъ не существуетъ, какъ не существуетъ и лекторовъ, читающихъ безъ всякаго вознагражденія, въ родѣ нашихъ приватъ-доцентовъ. Преподаваніе всюду разбивается на годичные курсы, а не по семестрамъ; академическій годъ начинается въ концѣ сентября и оканчивается въ концѣ іюня.

Въ продолженіе четырехлѣтняго курса студентъ обыкновенно остается вѣренъ первоначально избранному колледжу; если это колледжъ не изъ лучшихъ, то окончившіе его часто переходятъ затѣмъ въ другой, лучше поставленный. Точно такъ же и въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ курсъ обыкновенно проходится студентами отъ начала до конца въ одной и той же школѣ.

Только въ такъ называемой Graduate school, соотвѣтствующей философскому факультету, все больше входитъ въ моду скитаніе по нѣмецкому образцу: студентъ на годъ поступаетъ въ одну школу, на другой годъ переходитъ въ другую и т. д., чтобы слушать лучшихъ спеціалистовъ по какому-либо предмету. Студентъ вноситъ опредѣленную сумму въ качествѣ платы за слушаніе лекцій въ теченіе всего академическаго года (иначе поставлено дѣло только въ учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ на государственныя средства въ западныхъ штатахъ), и сумма эта въ самыхъ большихъ институтахъ равняется 100—150 долларамъ. Въ маленькихъ колледжахъ четырехлѣтній курсъ проходится, въ общемъ, по разъ навсегда установленной схемѣ, и только въ теченіе послѣдняго года студентамъ предоставляется извѣстная свобода выбора. Чѣмъ выше стоитъ колледжъ, тѣмъ болѣе онъ приближается къ университетской системѣ лекцій, а въ лучшихъ колледжахъ студентъ съ самаго начала пользуется полною свободою въ выборѣ предметовъ, которые онъ желаетъ слушать.

Менѣе извѣстна въ Америкѣ свобода выбора между занятіями и манкировкой; студентъ можетъ выбрать тѣ курсы, которые онъ желаетъ слушать, но затѣмъ онъ обязанъ прослушать не менѣе опредѣленнаго числа лекцій и долженъ доказать, большею частью посредствомъ полугодовыхъ экзаменовъ, что прослушалъ онъ ихъ съ успѣхомъ. Экзамены по отдѣльнымъ курсамъ замѣняютъ собою въ колледжѣ заключительныя испытанія; дипломъ получаетъ тотъ, кто выдержалъ письменныя испытанія по опредѣленному числу прослушанныхъ курсовъ. При этомъ экзаменъ обнимаетъ не только программу того, что прочитано профессоромъ на лекціяхъ, но и все то, что студенты обязаны были усвоить дома по книгамъ. Первоначально студенты жили въ помѣщеніяхъ колледжей, но съ ростомъ послѣднихъ этотъ факторъ ихъ вліянія отступилъ на задній планъ. Въ большихъ университетахъ американскій студентъ такъ же свободенъ въ своей личной жизни, какъ и нѣмецкій; однако многіе все же очень любятъ снимать себѣ помѣщеніе въ зданіяхъ колледжа, такъ какъ благодаря совмѣстному жительству, увеличивается соціальная привлекательность академической жизни.

Чтобы перейти отъ схемы къ конкретному представленію, мы опишемъ въ краткихъ чертахъ Гарвардскій университетъ—самое старое и самое большое высшее учебное заведеніе страны. Въ 1636 году колонія Массачузетсъ основала небольшой колледжъ по близости отъ города Бостона, возникшаго незадолго передъ тѣмъ; мѣсто было названо Кембриджемъ въ воспоминаніе объ англійскомъ колледжѣ, въ которомъ полу-

чили воспитаніе многіе изъ колонистовъ. Въ 1638 году молодой англійскій священникъ Джонъ Гарвардъ завѣщалъ этой маленькой высшей школѣ половину своего состоянія, и тогда было рѣшено назвать колледжъ именемъ его перваго благотворителя. Государство дало 400 фунтовъ стерлинговъ, Джонъ Гарвардъ около 800 фунтовъ; вся школа помѣщалась въ одномъ маленькомъ зданіи; число студентовъ было очень невелико, а учителями являлись нѣсколько священниковъ. Въ настоящее время на томъ же мѣстѣ стоитъ Гарвардскій университетъ, какъ цѣлый городъ въ городѣ; въ немъ полсотни великолѣпныхъ зданій, 550 доцентовъ и свыше пяти тысячъ студентовъ, его годовой бюджетъ равняется полутора милліонамъ долларовъ, и каждый годъ пожертвованія, притекающія къ нему, выражаются милліонами.

И этотъ ростъ какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны совершался непрерывно благодаря собственнымъ силамъ и при условіи полной свободы,—именно такъ, какъ соотвѣтствуетъ духу американскихъ учрежденій. Въ семнадцатомъ столѣтіи колоніальное правительство поставило во-главѣ новаго учебнаго заведенія коллегію изъ семи человѣкъ, такъ называемую «корпорацію», и съ тѣхъ поръ до нынѣшняго дня эта маленькая коллегія пополняла сама себя посредствомъ кооптаціи; не измѣнивъ принципіально устава, она сумѣла превратить центръ пуританства въ пріютъ самаго свободнаго изслѣдованія, школу—въ міровой университетъ.

Въ настоящее время, какъ и тогда, во главѣ его стоитъ коллегія изъ семи членовъ, избираемыхъ пожизненно; входить въ ихъ число считается высшей честью. Наряду съ этой коллегіей существуетъ наблюдательный совѣтъ изъ тридцати членовъ, избираемый изъ собственной среды лицами, окончившими Гарвардскій университетъ. Ежегодно въ іюнѣ мѣсяцѣ избираются пять членовъ наблюдательнаго совѣта на шесть лѣтъ; каждый окончившій Гарвардскій университетъ пользуется здѣсь активнымъ и пассивнымъ избирательнымъ правомъ, если прошло уже пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ получилъ званіе баккалавра искусствъ. Всякое назначеніе и всякое нововведеніе должно быть утверждено наблюдательнымъ совѣтомъ. Члены совѣта не получаютъ никакого вознагражденія, и въ ихъ число также избираются только лучшіе сыны ихъ alma mater. Такимъ образомъ, въ университетскомъ управленіи существуетъ верхняя палата и нижняя палата, и очевидно, что при такомъ прочномъ самоуправленіи судьба университета обезпечена лучше, чѣмъ если бы назначенія и расходы зависѣли отъ капризовъ и политическихъ вліяній законодательнаго собранія штата, гдѣ господствуютъ политическія партіи. Именно поэтому Гарвардскій

университетъ вотъ уже почти сто лѣтъ отказывается даже отъ самой ничтожной государственной субсидіи, которою прежде онъ пользовался. Съ другой стороны, ошибочно было бы думать, что самоуправленіе университетовъ даетъ профессорамъ въ административной области большія права, чѣмъ тѣ, какими пользуются профессора, напримѣръ, въ Германіи; хотя при приглашеніи новыхъ людей или при повышеніяхъ совѣты профессоровъ на практикѣ имѣютъ рѣшающее значеніе, однако офиціально административные органы нисколько не обязаны руководствоваться предложеніями факультетовъ, и замѣчательно, что профессора и доценты являются единственными лицами изъ числа окончившихъ Гарвардскій университетъ, которыя лишаются активнаго и пассивнаго избирательнаго права при выборахъ въ наблюдательный совѣтъ.

Президентомъ Гарвардскаго университета состоитъ Чарльзъ В. Эліотъ—самая выдающаяся и самая вліятельная личность въ духовной жизни Америки. Эліотъ происходитъ изъ старинной пуританской семьи, поселившейся въ Новой Англіи; онъ былъ тридцатипятилѣтнимъ молодымъ профессоромъ химіи, который обратилъ на себя вниманіе своими статьями о методахъ преподаванія и своими организаторскими талантами, когда университетскій совѣтъ, руководствуясь вѣрнымъ инстинктомъ и вопреки сильному противодѣйствію, избралъ его въ 1869 году на высокую должность президента. Было бы преувеличеніемъ сказать, что своимъ колоссальнымъ развитіемъ за послѣднія три десятилѣтія Гарвардскій университетъ обязанъ Эліоту; въ этомъ развитіи выражается, прежде всего, тотъ огромный прогрессъ, который совершился въ духовной жизни всей страны. Но если Гарвардскій университетъ въ этотъ періодъ всеобщаго академическаго прогресса неизмѣнно сохранялъ за собою первую роль, то это, безспорно, заслуга Эліота. И даже болѣе того: если прогрессъ Гарвардскаго университета объясняется отчасти расцвѣтомъ науки во всей странѣ, то и самый этотъ расцвѣтъ въ не малой степени былъ обусловленъ работою президента Эліота, вліяніе котораго распространилось далеко за предѣлы Новой Англіи и сказывалось не только въ университетской сферѣ, но и во всей вообще учебной жизни страны. Правда, онъ не былъ человѣкомъ, который нравится толпѣ; въ его спокойной, все взвѣшивающей сдержанности есть что-то расхолаживающее. И если, несмотря на это, онъ въ настоящее время является въ серьезныхъ случаяхъ ораторомъ, на долю котораго обыкновенно выпадаетъ наибольшій успѣхъ, то это служитъ доказательствомъ побѣды ясной, объективной рѣчи надъ искусственной реторикой съ ея пышными фразами. Во всей странѣ Эліотъ считается мастеромъ, не

имѣющимъ соперниковъ, по краткости и мѣткости своихъ выраженій.

Дѣло его жизни было сдѣлано не скачками и не съ помощью неожиданныхъ реформъ. Здѣсь требовались терпѣніе и энергія, способность неуклонно и безстрашно итти къ той цѣли, которая признана правильной, и медленно, совсѣмъ медленно подвигаться впередъ. Съ каждымъ годомъ Эліотъ повышалъ требованія, предъявляемыя при поступленіи въ Гарвардскій университетъ, и этимъ косвенно вліялъ на постановку дѣла въ колледжахъ и спеціальныхъ школахъ всей страны; въ настоящее время для поступленія на любой изъ спеціальныхъ факультетовъ Гарвардскаго университета необходимо пройти полный курсъ колледжа, а самый колледжъ, благодаря стараніямъ Эліота, превратился въ современную высшую школу, гдѣ каждый студентъ совершенно свободенъ въ выборѣ своихъ занятій. Духъ безпристрастнаго научнаго изслѣдованія на всѣ времена теперь водворился въ Гарвардскомъ университетѣ и во всемъ, что къ нему примыкаетъ; даже богословскій факультетъ, который носилъ прежде сектантскій унитаристскій характеръ, подъ вліяніемъ Эліота преобразовался въ просто христіанскій, гдѣ могутъ получать подготовку будущіе священники всѣхъ сектъ. И безстрашный борецъ еще теперь, когда онъ вступилъ уже въ восьмой десятокъ, продолжаетъ съ юношескою силою вести другихъ къ новымъ цѣлямъ. Если, съ одной стороны, онъ въ колледжѣ сдѣлалъ возможною вполнѣ свободную спеціализацію, то, съ другой, онъ ясно видитъ, что курсъ колледжа долженъ быть сокращенъ или, вѣрнѣе, сконденсированъ изъ четырехгодичнаго въ трехгодичный, разъ прохожденіе его требуется отъ каждаго поступающаго на спеціальные факультеты. Оппозиція при этомъ встрѣчается съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ; всѣ традиціи и много призрачныхъ доводовъ какъ будто говорятъ противъ такого преобразованія. Но уже теперь способный студентъ можетъ при желаніи получить въ Гарвардскомъ колледжѣ дипломъ «баккалавра искусствъ» черезъ три, а не черезъ четыре года; пройдетъ нѣсколько лѣтъ, и это сдѣлается уже не исключеніемъ, а общимъ правиломъ, а спустя еще немного лѣтъ вся страна приметъ эту вполнѣ своевременную реформу.

Безспорно, внѣшнему успѣху идей Эліота способствовало видное мѣсто, которое онъ занимаетъ уже въ теченіе тридцати пяти лѣтъ и которое обезпечиваетъ ему своеобразное вліяніе на академическую жизнь. Но рѣшающую роль все же играла его личность, принадлежащая къ той породѣ, изъ которой въ Европѣ выбираются самые выдающіеся министры. Онъ полонъ энтузіазма и въ то же время консервативенъ, онъ смѣлъ

и при этомъ отличается такой терпимостью, что охотно считается съ возраженіями даже самаго юнаго доцента; онъ религіозенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ является горячимъ сторонникомъ современнаго естествознанія. Прежде всего, онъ насквозь проникнутъ аристократическимъ духомъ, потому что его интересъ принадлежитъ не массѣ, а отдѣльной, одаренной личности, потому что мысль о неравенствѣ людей служитъ исходною точкою всей его дѣятельности; и въ то же время онъ насквозь проникнутъ и демократическимъ духомъ, потому что его важнѣйшая цѣль заключается въ томъ, чтобы способный человѣкъ могъ проложить себѣ дорогу кверху и изъ самыхъ низшихъ слоевъ народа. Гарвардскій университетъ теперь глубже, чѣмъ когда бы то ни было, пустилъ корни во всей странѣ, чтобы черпать свои умственныя и нравственныя силы изъ почвы, представляемой всей націей въ ея цѣломъ.

Президенту подчинены факультеты съ деканами во главѣ. Самымъ большимъ является «факультетъ искусствъ и наукъ», философскій факультетъ, члены котораго читаютъ свои курсы какъ для студентовъ колледжа, такъ и для окончившихъ, т. е. для слушателей такъ называемой Graduate school. При этомъ рѣзкаго разграниченія не существуетъ; въ расписаніи лекцій только указывается, что опредѣленные начальные курсы предназначены для молодыхъ студентовъ колледжа, другіе же курсы, а въ особенности семинаріи и научныя работы въ лабораторіяхъ, доступны только для слушателей Graduate school; все остальное одинаково открыто какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ.

Факультетъ, какъ и повсюду, включаетъ въ себя очень разнообразныя величины; наряду съ нѣкоторымъ числомъ выдающихся ученыхъ стоятъ другіе, которые замѣчательны, главнымъ образомъ, въ качествѣ преподавателей. Въ общемъ, старшіе члены факультета принадлежатъ къ тому поколѣнію, которое преподавательскую дѣятельность считало важнѣе научной, среднее же поколѣніе, наоборотъ, всѣмъ сердцемъ предано научной работѣ. Въ самомъ молодомъ поколѣніи доцентовъ какъ будто наблюдается извѣстный расколъ: одни всецѣло проникнуты идеаломъ творческой работы и научнаго изслѣдованія, другіе возстаютъ противъ переоцѣниваемой въ настоящее время детальной работы спеціалистовъ; они желаютъ снова перенести центръ тяжести съ сухихъ мелочныхъ изслѣдованій на идеалистическую сторону академической дѣятельности, на красоту формы и на гуманитарную цѣнность образованія. Въ мелочной научной работѣ видятъ результатъ нѣмецкаго вліянія и, въ противовѣсъ ему, требуютъ французской блестящей отдѣлки и научнаго диллетантизма, присущаго англійскому джентльмену. Но такъ какъ при этомъ имѣется въ виду не сущность, а лишь

уродливыя формы нѣмецкой работы, и такъ какъ, что важнѣе всего, только настоящія научныя изслѣдованія могутъ привести къ такимъ результатамъ, которые даютъ человѣку право на занятіе высшихъ академическихъ должностей, то нѣтъ основанія опасаться, что второе теченіе нанесетъ ущербъ высшимъ сферамъ духовной жизни; въ качествѣ же предостереженія противъ омертвенія научной работы оно будетъ даже прямо благотворно. Особенно о колледжѣ надо сказать, что онъ измѣнилъ бы своимъ идеаламъ, если бы въ немъ изъ-за дѣла была забыта человѣческая личность.

Въ лекціяхъ проводится, конечно, принципъ возможно большей спеціализаціи, и читая годовой отчетъ, нельзя не удивляться тому, какъ много находится желающихъ заниматься изученіемъ ассирійскаго или исландскаго, древне-болгарскаго или средне-ирландскаго языка. Такая же спеціализація проводится всюду, до семинаріевъ на старшихъ семестрахъ включительно; такъ, напримѣръ, въ области одной лишь философіи имѣются семинаріи по этикѣ, психологіи, метафизикѣ, логикѣ, педагогикѣ, по греческой философіи и по новой философіи, и семинаріями этими руководятъ восемь различныхъ профессоровъ. Самымъ бѣднымъ является богословскій факультетъ; несмотря на выдающіяся преподавательскія силы посѣщается онъ слабо, такъ какъ объективный научный характеръ преподаванія плохо соотвѣтствуетъ строго-сектантскому духу американскихъ церквей. За то особенными симпатіями пользуется юридическій факультетъ, по общему признанію лучшій изъ всѣхъ, гдѣ ведется преподаваніе на англійскомъ языкѣ. Благодаря различіямъ между англо-американскимъ и римско-германскимъ правомъ, весь строй и всѣ методы изученія здѣсь наиболѣе отличаются отъ того, что мы видимъ въ нѣмецкихъ университетахъ. Право съ первыхъ же шаговъ выясняется на частныхъ случаяхъ, и введеніе этой «системы случаевъ», въ противоположность обычной системѣ, принятой въ учебникахъ, послужило главнымъ моментомъ, создавшимъ славу юридическаго факультета; постепенно эта система была введена во всѣхъ лучшихъ юридическихъ школахъ. Изученіе права расчитано на три года, причемъ въ теченіе каждаго года должны быть прослушаны опредѣленные курсы; такъ, на первый годъ приходятся: договорное право, уголовное право, право собственности и гражданскій процессъ. Пожалуй, еще болѣе характерное отличіе отъ положенія дѣла въ Германіи заключается въ томъ, что усиленнѣе всего работаютъ юристы. Веселое время жизни въ колледжѣ для нихъ уже миновало, и, переходя на юридическій факультетъ, они вступаютъ въ серьезную жизнь. Къ услугамъ студентовъ имѣется огромный читальный залъ съ спра-

вочной юридической библіотекой, содержащей свыше 60,000 томовъ, и еще поздно вечеромъ можно видѣть, что всѣ мѣста въ этомъ залѣ заняты, и студенты работаютъ такъ усердно, какъ будто это молодые адвокаты, поглощенные заботою о своей практикѣ.

Гораздо болѣе приближается къ нѣмецкой постановка дѣла на медицинскомъ факультетѣ, курсъ котораго продолжается четыре года; однако и здѣсь прежде всего бросаются въ глаза различія. Гарвардскій медицинскій факультетъ, помѣщающійся ради городскихъ больницъ не въ Кембриджѣ, а въ самомъ Бостонѣ, находится въ стадіи переселенія: для него уже строится новый медицинскій кварталъ съ великолѣпными дворцами въ самомъ новѣйшемъ стилѣ. Точно также и учебная сторона здѣсь носитъ какъ будто временный, переходный характеръ: ищутся и испытываются новые пути. Поразительные успѣхи медицины поставили во всемъ мірѣ передъ университетами новые вопросы; владѣть всѣмъ предметомъ представляется невозможнымъ, а удлинять продолжительность изученія можно только до извѣстнаго предѣла. Съ тѣмъ, какъ разрѣшаются эти вопросы въ Германіи, американцы не согласны. Въ своихъ новѣйшихъ реформаторскихъ опытахъ они прежде всего стараются проводить принципъ возможно большей концентраціи. Студентъ долженъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ съ утра до вечера заниматься только анатоміей, слушать лекціи по анатоміи, работать надъ трупами и съ микроскопомъ, затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ съ утра до вечера заниматься только физіологіей и такъ далѣе. Во-вторыхъ, все должно быть построено на наглядности; въ Германіи, напримѣръ, при изученіи физіологіи центръ тяжести падаетъ на лекціи; студентъ же Гарвардскаго университета долженъ въ періодъ изученія физіологіи 180 часовъ посвятить производству опытовъ по установленной программѣ, такъ что на каждую часовую лекцію приходится два часа экспериментовъ. При этомъ въ нѣкоторыхъ областяхъ наглядnаго обученія, особенно въ области патологической анатоміи, американскіе студенты находятся, безусловно, въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ, нежели ихъ нѣмецкіе главари, такъ какъ матеріала для вскрытій у нихъ меньше; народное чувство и демократическое сознаніе возстаютъ противъ того, чтобы тѣло всякаго, кто умеръ въ общественной больницѣ, подвергалось вскрытію. Клиническое же изученіе происходитъ не въ спеціальныхъ университетскихъ клиникахъ, а въ большихъ городскихъ больницахъ; всѣ врачи, завѣдующіе тамъ отдѣленіями, обязаны вести практическое преподаваніе посредствомъ демонстрацій. Наконецъ, американцы все больше пытаются придать и изученію медицины извѣстную подвижность, т. е. сдѣлать и

здѣсь возможною сравнительно раннюю спеціализацію. Изученіе естественныхъ наукъ, особенно лабораторныя работы по химіи, должны предшествовать поступленію на медицинскій факультетъ. По внутреннему своему характеру изученіе медицины въ Гарвардскомъ университетѣ и въ нѣмецкихъ университетахъ очень сходно, и сходство это все увеличивается; какъ въ американскомъ, такъ и въ нѣмецкомъ университетѣ микроскопъ и пробирка одержали побѣду надъ микстурою.

Въ Гарвардскомъ университетѣ насчитывается около пяти тысячъ студентовъ. Желающіе поступить въ него должны лѣтомъ выдержать шестидневный письменный экзаменъ, который производится приблизительно въ сорока мѣстахъ страны подъ наблюденіемъ представителей университета. Лица, переходящія изъ другихъ университетовъ, точно классифицируются сообразно тому, какое мѣсто занимаетъ покинутый ими университетъ. Опредѣленіе работы, которая должна быть здѣсь выполнена, очень легко. Основной пріемъ, незнакомый въ Германіи, заключается въ томъ, что по каждому прослушанному предмету въ концѣ года долженъ быть сданъ трехчасовой письменный экзаменъ, и только лица, выдержавшія этотъ экзаменъ, получаютъ право на зачетъ даннаго предмета. Кто въ теченіе четырехъ—а теперь и трехъ—лѣтъ пребыванія въ колледжѣ получитъ зачетъ восемнадцати трехчасовыхъ курсовъ, чтеніе которыхъ требуетъ цѣлаго года, тому дается званіе баккалавра. На практикѣ все это, правда, чрезвычайно сложно, но обширный административный аппаратъ легко устраняетъ всякія затрудненія. На юридическомъ и медицинскомъ факультетѣ все зависитъ отъ разъ навсегда установленныхъ годовыхъ испытаній, на философскомъ факультетѣ два или, по большей части, три года занятій послѣ полученія званія баккалавра ведутъ къ диплому доктора философіи; для полученія послѣдняго диплома по многимъ предметамъ требуется больше, чѣмъ въ Германіи, и экзаменъ на званіе доктора занимаетъ среднее мѣсто между нѣмецкимъ докторскимъ экзаменомъ и испытаніемъ на право чтенія лекцій.

Студентъ, окончившій колледжъ, усердно работаетъ въ теченіе всего года. Студенчество же самого колледжа обнимаетъ различные типы; одни работаютъ не менѣе прилежно, чѣмъ студенты спеціальныхъ факультетовъ, другіе—и это не худшая часть студенчества—сочли бы за оскорбленіе, если бы отъ нихъ стали ожидать такой работы. Они находятся въ колледжѣ не для того, чтобы изучать факты, а для того, чтобы въ гарвардской атмосферѣ «рефлектируя ассимилировать». Конечно, для этого требуются и лекціи вдохновенныхъ профессоровъ, и хорошія книги, — но кто можетъ сказать, что меньшее значеніе

здѣсь имѣютъ часы, проведенные въ клубѣ и на площадкѣ для игры въ мячъ, въ театрѣ и бостонскомъ салонѣ, въ лодкѣ за весломъ и верхомъ на лошади? Прежде всего, здѣсь не должно быть недостатка въ долгихъ разговорахъ о Богѣ и мірѣ, особенно о мірѣ литературы и атлетики,—въ разговорахъ, которые ведутся у друга по клубу, и во время которыхъ молодые люди лежатъ въ оконной нишѣ на темнокрасныхъ—цвѣтъ Гарвардскаго университета—бархатныхъ подушкахъ и жгутъ одну папироску за другой. Во всей странѣ Гарвардскій университетъ считается университетомъ для богатыхъ, и дѣйствительно, сотни людей живутъ тамъ въ такой роскоши, о которой не сталъ бы мечтать нѣмецкій студентъ-корпорантъ. Но не меньше и число тѣхъ, которые, быть-можетъ, должны сами добывать себѣ средства къ существованію или живутъ на стипендіи. Систематическое непосѣщеніе лекцій здѣсь не знакомо, и точно также не играютъ роли попойки и карточная игра. Специфически-студенческая сила находитъ себѣ выходъ, главнымъ образомъ, въ спортѣ, который получаетъ господство надъ умами благодаря дружественному соперничеству между студенчествомъ различныхъ колледжей. Когда, напримѣръ, въ ноябрѣ происходитъ состязаніе въ игрѣ въ «футболлъ» между Гарвардскимъ и Іэльскимъ университетомъ, или въ іюнѣ состязаніе въ игрѣ въ «бэзболлъ» и въ греблѣ, то это—національныя событія, къ которымъ въ десяткахъ спеціальныхъ поѣздовъ прибываютъ тысячи гостей. И спортъ, дѣйствительно, является тѣмъ элементомъ, который на-ряду съ сознаніемъ исторической традиціи сильнѣе всего связываетъ студенчество между собою, особенно тѣхъ, кто принадлежитъ къ одному и тому же «классу», т. е. тѣхъ, которые получаютъ въ одномъ и томъ же году званіе баккалавра. Люди, окончившіе Гарвардскій университетъ, въ теченіе всей жизни возвращаются въ Бостонъ, чтобы снова увидать за пирушкой своихъ «товарищей по классу»; они знаютъ, что принадлежать къ Гарвардскому университету значитъ — на всю жизнь принадлежать къ почетной гвардіи націи. За Гарвардскій университетъ они встанутъ горой, туда пойдутъ ихъ сыновья, туда они будутъ щедрою рукою давать отъ своихъ избытковъ.

Въ Гарвардскомъ университетѣ находятъ свое отраженіе всѣ интересы націи и всѣ ея соціальныя противорѣчія; здѣсь имѣются свои политическіе, религіозные, литературные и музыкальные клубы, свои научные и соціальные союзы, своя ежедневная газета, посвященная исключительно гарвардскимъ дѣламъ и издаваемая студентами, и три ежемѣсячныхъ студенческихъ журнала; здѣсь устраиваются самые серьезные публичные дебаты парламентскаго типа, а особенно охотно устраиваются представленія студенческихъ оперетокъ самаго безша-

башнаго рода,—и тысячи различныхъ индивидуальностей находятъ возможность приложить свои способности въ этомъ городѣ изъ аудиторій и лабораторій, музеевъ и библіотекъ, залъ для празднествъ и клубныхъ зданій, разбросанныхъ въ старомъ паркѣ. Каждый входилъ въ первый разъ съ юношескимъ стремленіемъ ко всему великому въ эти залы, гдѣ раздавалась рѣчь стольких вождей мысли и гдѣ столько великихъ людей дѣла провели годы своей юности, и каждый возвращался отсюда въ міръ лучшимъ и болѣе сильнымъ.

Европейскій посѣтитель ожидаетъ, конечно, встрѣтить женщинъ въ аудиторіи американскаго университета, но ихъ онъ въ Гарвардскомъ университетѣ не увидитъ. Имѣющія дипломъ и особенно хорошо успѣвающія женщины могутъ быть допущены въ семинаріи и къ научнымъ работамъ въ лабораторіяхъ, но въ колледжъ имъ нѣтъ доступа; точно такъ же обстоитъ дѣло въ университетахъ, Іэльскомъ, Колумбійскомъ, Принсентонскомъ и Джонса Гопкинса. Гарвардскій университетъ, конечно, ничего не имѣетъ противъ женскаго высшаго образованія, но самъ онъ предназначается только для мужчинъ. Надо однако сказать, что курсы, читаемые въ Гарвардскомъ университетѣ оказываются доступными и для женщинъ: въ нѣсколькихъ шагахъ отъ входа въ главное университетское зданіе находится колледжъ Радклиффа; это женскій колледжъ, гдѣ могутъ преподавать только гарвардскіе доценты, для которыхъ это является побочнымъ занятіемъ, и многіе изъ нихъ полностью повторяютъ тамъ свои курсы.

Нарисованная нами картина величайшаго университета можетъ считаться типичной для всѣхъ, но каждое изъ крупныхъ высшихъ учебныхъ заведеній все же имѣетъ свои отличительныя, характерныя черты. Если Гарвардскій университетъ стремится соединить гуманитарное образованіе со спеціальнымъ, то университетъ Джонса Гопкинса, наоборотъ, рѣшительно тяготѣетъ въ одну сторону, а Іэльскій и, обладающій меньшими средствами, Принсетонскій—въ другую. Университетъ Джонса Гопкинса въ Балтиморѣ представляетъ собою центръ научныхъ изслѣдованій, и въ сферѣ естествознанія и медицины онъ шелъ впереди всѣхъ, подавая блестящій примѣръ. Іэльскій университетъ въ Нью-Гэвенѣ на первое мѣсто выдвигаетъ культуру и личное развитіе, хотя и въ его спискахъ значится не мало именъ крупныхъ ученыхъ. Колумбійскій университетъ въ Нью-Іоркѣ получаетъ своеобразный характеръ благодаря фону, который создаетъ для него огромный городъ, и вліяніе послѣдняго здѣсь гораздо сильнѣе, чѣмъ въ Чикагскомъ университетѣ, который создалъ себѣ идиллическую обстановку на самомъ

краю города. Чикагскій университетъ и Корнеллевскій университетъ въ Итакѣ, Пенсильванскій университетъ, университетъ Аннъ Арборъ въ Мичиганѣ, университеты Беркли и Станфорда въ Калифорніи—вотъ самыя значительныя изъ тѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, которыя открыты и для женщинъ и которыя поэтому даже внѣшнимъ образомъ отличаются отъ крупныхъ восточныхъ институтовъ.

Студенты западныхъ университетовъ обладаютъ нѣсколько меньшимъ лоскомъ, но нисколько не менѣе прилежны; происходятъ они, по большей части, изъ небогатыхъ семей и потому не такъ безпечно относятся къ вопросу о своей будущности. При этомъ и подготовка, съ которою они поступаютъ въ университетъ, здѣсь ниже, чѣмъ на востокѣ; западныя учебныя заведенія по необходимости должны ставить менѣе строгія условія для пріема, а на югѣ до сихъ поръ и совсѣмъ нѣтъ такихъ высшихъ учебныхъ заведеній, которыя могли-бы быть серьезно сравниваемы съ крупными университетами другихъ частей страны.

Старѣйшимъ изъ существующихъ университетовъ послѣ Гарвардскаго является Іэльскій, недавно праздновавшій свой двухсотлѣтній юбилей, а затѣмъ слѣдуетъ Принсетонскій, основанный въ серединѣ восемнадцатаго столѣтія. Іэльскій университетъ былъ основанъ ради протеста противъ либеральнаго направленія, принятаго Гарвардскимъ университетомъ; въ послѣднемъ ортодоксальный пуританизмъ былъ оттѣсненъ на задній планъ, и тогда для него въ колоніи Коннектикутъ былъ созданъ болѣе надежный оплотъ. При этомъ масса населенія, безспорно, стояла на сторонѣ церкви; свободомысліе, царившее въ Гарвардскомъ университетѣ, было для толпы слишкомъ прогрессивно, и такимъ оставалось положеніе дѣла въ теченіе столѣтій, и въ этомъ заключалась сила Іэльскаго университета. Іэльскій университетъ до недавняго времени пользовался у націи наибольшею популярностью; онъ считался демократическимъ въ противоположность подозрѣваемому въ аристократическихъ тенденціяхъ Гарвардскому университету,—религіознымъ въ противоположность свободомыслящему и консервативнымъ въ противоположность прогрессивному. Нѣкоторое время казалось, что противодѣйствіе, оказываемое Іэльскимъ университетомъ современному духу научнаго изслѣдованія, нанесетъ ущербъ его значенію, и постепенно онъ сталъ оттѣсняться со своего постояннаго, второго мѣста въ ряду американскихъ университетовъ; но теперь, руководимый своимъ молодымъ президентомъ, богато одареннымъ политико-экономомъ Гэдли, онъ употребляетъ героическія усилія для того, чтобы вернуть потерянное.

Исторія Колумбійскаго университета въ Нью-Іоркѣ также начинается уже съ 1754 года; тогда это былъ королевскій колледжъ, переименованный послѣ войны за независимость въ Колумбійскій колледжъ. Значеніе крупнаго института Колумбійскій университетъ пріобрѣлъ лишь въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, а развитіе его при президентѣ Сетъ Лоу было прямотаки безпримѣрно; тогда знаменитые факультеты медицинскій, юридическій и государственныхъ наукъ тѣснѣе примкнули къ колледжу, организовалась школа для лицъ, окончившихъ колледжъ, возникъ педагогическій колледжъ, всѣ требованія для поступленія были повышены, и, наконецъ, университетъ перешелъ въ новое великолѣпное помѣщеніе. А когда послѣ десятилѣтняго образцоваго управленія университетомъ Сетъ Лоу покинулъ его, чтобы въ качествѣ ставленника партіи реформъ занять мѣсто нью-іоркскаго оберъ-бургомистра, во главѣ Колумбійскаго университета всталъ президентъ Бутлеръ, съ юныхъ лѣтъ обнаруживавшій необычайный талантъ администратора, долго издававшій лучшій педагогическій журналъ и, слѣдовательно, знакомый до мельчайшихъ деталей съ потребностями высшаго образованія. Въ настоящее время всѣ благопріятныя условія у Колумбійскаго университета имѣются на лицо, и можно, кажется, предсказать, что онъ вскорѣ на-ряду съ Гарвардскимъ будетъ занимать первое мѣсто. Въ то время какъ университеты Гарвардскій и Іэльскій, Принсетонскій, Пенсильванскій и Колумбійскій являются лучшими продуктами колоніальнаго періода, университеты Джонса Гопкинса и Чикагскій, Корнеллевскій и Станфордскій служатъ главными представителями тѣхъ институтовъ, которые въ новѣйшее время создались на частныя пожертвованія; наконецъ, университеты въ Мичиганѣ, Висконсинѣ, Небраскѣ, Миннесотѣ и Калифорніи могутъ считаться самыми значительными изъ общественныхъ учебныхъ заведеній, содержимыхъ на государственныя средства.

Джонсъ Гопкинсъ былъ простымъ президентомъ желѣзнодорожной компаніи, который въ 1873 году умеръ въ преклонномъ возрастѣ и оставилъ семь милліоновъ долларовъ на устройство высшаго учебнаго заведенія и больницы въ Балтиморѣ, мѣстѣ его жительства. Административный совѣтъ избралъ въ президенты Джильмэна, и вѣчною заслугою послѣдняго останется то, что онъ создалъ именно такую школу, въ какой Америка въ эту эпоху созиданія наиболѣе нуждалась, — высшую школу, которая сосредоточивала всѣ свои силы на самой строгой и самой возвышенной научной работѣ, которая не приспособлялась къ духу англійскихъ колледжей, не дѣлала попытокъ развиваться въ ширину, не старалась, напримѣръ, присоединить къ себѣ еще юридическую или богословскую школу. Задача

здѣсь заключалась въ томъ, чтобы привлечь дѣйствительно выдающихся спеціалистовъ въ качествѣ преподавателей на философскій и медицинскій факультеты, устроить образцовыя лабораторіи и семинаріи, наполнить ихъ наиболѣе успѣвающими студентами и все усердіе направить на продуктивную научно-литературную работу. И этотъ опытъ удался мастерски. Въ настоящее время для всѣхъ ясно, что дальнѣйшее развитіе американскихъ высшихъ школъ не пойдетъ по пути образованія чисто-спеціальныхъ учебныхъ заведеній, но что здѣсь всегда должны и будутъ соединяться культурные идеалы колледжа съ идеалами научнаго изслѣдованія. Тогда же, когда новый духъ, ввезенный изъ Германіи, только начиналъ пролагать себѣ дорогу,—тогда имѣлъ величайшую цѣнность тотъ фактъ, что подобное учебное заведеніе, вполнѣ сознательно и не стѣсняемое традиціей, отдало себя на служеніе такому методу, который вводитъ только будущаго ученаго во всѣ тайны работы. Недавно Джильмэнъ оставилъ свой постъ, и съ тѣхъ поръ его мѣсто занимаетъ знаменитый химикъ Ремсенъ. Позднѣе одинъ заслуженный профессоръ университета Джонса Гопкинса, Стэнли Голль, предпринялъ съ помощью милліоновъ филантропа Клэрка подобную же попытку въ гораздо болѣе ограниченныхъ размѣрахъ въ городкѣ Вустерѣ; университетъ Клэрка остался чѣмъ-то незаконченнымъ, хотя и онъ также содѣйствовалъ въ нѣкоторыхъ направленіяхъ развитію продуктивной научной работы.

Корнеллевскій университетъ, основанный въ 1868 году на средства Эзра Корнелля въ городкѣ Итакѣ, ставитъ себѣ почти прямо противоположныя цѣли; здѣсь задача заключалась въ созданіи такой высшей школы для народа, въ которой всякій могъ бы учиться чему угодно ради собственнаго образованія. Здѣсь было устроено великолѣпное убѣжище для духа утилитаризма; чисто-американскій духъ неутомимой самодѣятельности, пожалуй, нигдѣ въ академическомъ мірѣ не выражается такимъ характернымъ образомъ, какъ въ этомъ, исполненномъ силы, домѣ науки. Первымъ президентомъ Корнеллевскаго университета былъ историкъ Андрью Д. Уайтъ, который затѣмъ съ большимъ успѣхомъ занималъ постъ посланника въ Берлинѣ. Въ настоящее время во главѣ университета стоитъ философъ Шерманъ, эксукрсы котораго въ область колоніальной политики пользуются широкою извѣстностью. То, что Корнелль сдѣлалъ для востока, для крайняго запада старался сдѣлать калифорнскій сенаторъ Станфордъ, отдавшій въ память своего умершаго сына все свое состояніе на устройство высшаго учебнаго заведенія вблизи С. Франциско. По размѣрамъ своего капитала университетъ Леланда Станфорда, вѣроятно, является самымъ

богатымъ изъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній страны. Но о внутренней цѣнности его тридцать милліоновъ долларовъ говорятъ не много, такъ какъ западу приходится обходиться собственными силами—западными студентами и, въ общемъ, только западными профессорами, а ихъ надо брать такими, каковы они есть. Однако университетъ, руководимый своимъ, быть можетъ, слишкомъ энергичнымъ президентомъ, зоологомъ Іорданомъ, все же въ нѣкоторыхъ областяхъ даетъ прекрасные результаты. Если соперникъ его, государственный калифорнскій университетъ, находящійся у «Золотого Рога» въ С. Франциско, является, пожалуй, по своему мѣстоположенію самымъ живописнымъ въ мірѣ,—то университетъ Леланда Станфорда надо признать самымъ красивымъ: это — воплощенная въ камнѣ мечта, выросшая подъ калифорнскими пальмами.

Отличнымъ отъ всѣхъ другихъ, болѣе подвижнымъ и шумнымъ, имѣющимъ, какъ презрительно говорятъ нѣкоторые, болѣе чикагскій характеръ является, наконецъ, Чикагскій университетъ, на который уже съ дюжину милліоновъ долларовъ затратилъ керосиновый король Рокфеллеръ; а кромѣ него сюда давали сотни другихъ жертвователей. Чикагскій университетъ все имѣетъ и все можетъ; онъ платитъ своимъ главнымъ профессорамъ самое высокое жалованье въ странѣ, онъ даетъ мѣсто женщинамъ, даетъ мѣсто лѣтнимъ гостямъ и школьнымъ учителямъ, которые пріѣзжаютъ только на два—три мѣсяца, у него самая обширная программа курсовъ, читаемыхъ въ другихъ городахъ, онъ находится въ органической связи съ безчисленнымъ количествомъ небольшихъ колледжей въ странѣ, у него есть обсерваторіи на горахъ и лабораторіи на морскомъ берегу, а чего у него сегодня нѣтъ, то онъ завтра устроитъ. Есть что-то почти жуткое въ томъ, какъ въ теченіе немногихъ лѣтъ подъ дипломатическимъ руководствомъ президента Гарпера университетъ развивался на чисто-дѣловой манеръ, но въ удивленіи все же нельзя отказать этому гигантскому предпріятію. Въ настоящее время Чикагскій университетъ, пожалуй, еще не можетъ служить такимъ мѣстомъ для спокойнаго созрѣванія и тихаго, аристократическаго просвѣщенія, какими являются старѣйшіе восточные университеты, но въ смыслѣ неугомимой работы у него найдется немного соперниковъ во всемъ мірѣ.

Университеты Джонса Гопкинса и Корнеллевскій, Станфордскій и Чикагскій были созданы по заранѣе установленному, опредѣленному плану въ крупномъ масштабѣ; наоборотъ, государственные университеты, подобно старымъ институтамъ колоніальнаго періода, медленно развивались изъ маленькихъ колледжей. Ихъ исторія, по большей части, не содержитъ ни-

какихъ выдающихся событій; это постепенное, часто съ трудомъ совершающееся повышеніе, крайній предѣлъ котораго обусловливался не только финансами даннаго штата, но въ еще большей степени положеніемъ школьнаго дѣла въ данной области. Самымъ крупнымъ изъ государственныхъ университетовъ является Мичиганскій, въ Аннъ Арборъ, вблизи Детруа; по числу студентовъ онъ занимаетъ первое мѣсто послѣ Гарвардскаго. Одна изъ его особенностей заключается въ томъ, что здѣсь существуетъ гомеопатическій медицинскій факультетъ на-ряду съ аллопатическимъ.

Было-бы совершенно ошибочно думать, что съ расцвѣтомъ большихъ и среднихъ университетовъ, которые всюду включаютъ въ себя и свои колледжи, роль маленькихъ колледжей оказывается оконченной. Наоборотъ, маленькій колледжъ, гдѣ жизнь протекаетъ замкнуто на лонѣ природы, отыскалъ въ извѣстномъ смыслѣ свою настоящую задачу, какъ противоположность большимъ университетамъ. Только въ маленькомъ колледжѣ студентъ можетъ войти въ личное общеніе съ профессоромъ и пользоваться со стороны института вниманіемъ къ своей индивидуальности; не для всѣхъ годится одно и то же, и не только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ простой колледжъ представляетъ высшую доступную сейчасъ ступень обученія, но и въ областяхъ самой зрѣлой культуры колледжъ для многихъ является самымъ лучшимъ источникомъ образованія. Такъ, штаты Новой Англіи понесли бы въ культурномъ отношеніи большой ущербъ, если-бы старые колледжи, напримѣръ, Брауна и Амгерста, Вилльяма и Дартмута, просто уступили своихъ студентовъ Гарвардскому университету.

Поэтому и колледжи лучше всего выполняютъ свою спеціальную миссію въ томъ случаѣ, если не стараются казаться чѣмъ-то большимъ, нежели они есть въ дѣйствительности. Колледжамъ легко было впасть въ заблужденіе, будто они станутъ лучше, если включатъ въ свой учебный планъ различные клочки—послѣднее слово науки въ разныхъ областяхъ, если, такимъ образомъ, хорошій колледжъ, дающій гуманитарное образованіе, они испортятъ плохимъ подражаніемъ университету. О рѣзкомъ разграниченіи между колледжемъ и университетомъ въ силу всѣхъ очерченныхъ нами причинъ не можетъ и не должно быть рѣчи и въ будущемъ; здѣсь, какъ мы видѣли, долженъ существовать длинный рядъ постепенныхъ переходовъ—отъ самаго маленькаго колледжа до самаго большого университета. Несомнѣнно, что многіе изъ мелкихъ институтовъ совершенно излишни и не жизнеспособны, и дѣйствительно нѣкоторые изъ нихъ ежегодно исчезаютъ или сливаются съ другими. Значительное число ихъ является просто дѣловыми

предпріятіями, а еще большее — просто дѣломъ сектъ; въ общемъ же между учебными заведеніями происходитъ здоровая борьба за существованіе, благодаря которой только наиболѣе пригодныя получаютъ возможность развиваться. Болѣе сомнительнымъ представляется право на существованіе нѣкоторыхъ изъ мелкихъ, стоящихъ обособленно спеціальныхъ учебныхъ заведеній. Многіе изъ лучшихъ медицинскихъ, юридическихъ и богословскихъ факультетовъ уже присоединились къ колледжамъ, и всюду, сообразно господствующему теперь стремленію къ централизаціи, совершается все въ большей мѣрѣ объединеніе отдѣльныхъ, возникшихъ независимо другъ отъ друга, учебныхъ заведеній въ цѣльные и стройные университеты.

Многіе изъ мелкихъ институтовъ, какъ и всѣ учебныя заведенія, содержимыя на государственныя средства, открыты для лицъ обоего пола; но на-ряду съ этимъ процвѣтаютъ и особые женскіе колледжи. Самыми извѣстными изъ нихъ являются колледжи Брюнъ Мавръ, Вассара, Уэльсли, Смита, Радклиффа и Барнарда. Колледжъ Барнарда въ Нью-Іоркѣ стоитъ въ такой же зависимости отъ Колумбійскаго университета, какъ колледжъ Радклиффа отъ Гарвардскаго. У каждаго изъ этихъ главныхъ женскихъ колледжей своя особая физіономія, и каждый изъ нихъ какъ бы расчитанъ въ извѣстномъ смыслѣ на опредѣленную категорію молодыхъ дѣвушекъ. Колледжи Вассара, Уэльсли, Смита и Брюнъ Мавра находятся въ тихихъ, уединенныхъ маленькихъ мѣстечкахъ; въ каждомъ изъ нихъ живетъ совмѣстной жизнью около тысячи цвѣтущихъ жизнерадостныхъ дѣвушекъ, въ возрастѣ отъ восемнадцати до двадцати двухъ лѣтъ, которыя проводятъ здѣсь четыре года въ окруженныхъ парками помѣщеніяхъ колледжа; каждый изъ этихъ колледжей—маленькій міръ, чарующій своей прелестью. Только въ колледжахъ Брюнъ Мавра и Радклиффа придается серьезное значеніе настоящей критической работѣ лицъ, окончившихъ колледжъ; въ колледжахъ же Смита, Вассара и Уэльсли центръ тяжести лежитъ въ «ассимиляціи», и уровень пріобрѣтаемыхъ знаній едва ли лежитъ выше того, какой дается нѣмецкими гимназіями съ присоединеніемъ, быть можетъ, еще перваго семестра философскаго факультета. Въ колледжѣ Уэльсли преподавателями являются только женщины, въ колледжѣ Брюнъ Мавра—почти исключительно мужчины, а въ колледжѣ Смита—мужчины и женщины.

Въ числахъ все это представляется слѣдующимъ образомъ. Если соединить колледжи и школы для окончившихъ колледжъ подъ общимъ понятіемъ философскаго факультета, то оказывается, что въ 1900 году на каждый милліонъ жителей обучалось на философскомъ факультетѣ 1308 человѣкъ, на юридическомъ 166, на медицинскомъ 333, на богословскомъ 106.

Десятью годами ранѣе на тѣхъ же факультетахъ было 877, 72, 266, 112 человѣкъ, а двадцатью пятью годами ранѣе 744, 61, 196, 120. Такимъ образомъ, мы видимъ, что особенно быстро ростъ происходитъ въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, и только на богословскомъ факультетѣ наблюдается уменьшеніе числа слушателей. Если ближе присмотрѣться къ даннымъ по философскому факультету, то прежде всего бросается въ глаза поразительный фактъ, что въ теченіе послѣдняго десятилѣтія число студентовъ на этомъ факультетѣ увеличилось на 61%, а число студентокъ на 149%. Дипломовъ на степень баккалавра выдано въ 1900 году мужчинамъ 5129, женщинамъ 2140, на степень доктора философіи — мужчинамъ 322, женщинамъ 20. Частная собственность всѣхъ колледжей опредѣляется въ 360 милліоновъ долларовъ, изъ нихъ 160 милліоновъ въ денежныхъ капиталахъ. Годовой доходъ, за исключеніемъ единовременныхъ пожертвованій, составлялъ 28 милл., причемъ около 11 милл. внесено въ видѣ платы студентами, около 7 милл. получено съ принадлежащихъ колледжамъ капиталовъ, $7^1/_2$ милл. въ качествѣ правительственныхъ субсидій; такимъ образомъ, студентъ оплачиваетъ 39% тѣхъ расходовъ, которые на него производятся. Крупныя единовременныя пожертвованія составили кромѣ того 12 милліоновъ. Колледжей для мужчинъ или для лицъ обоего пола было 480, исключительно женскихъ колледжей 141; послѣднее число, однако, не позволяетъ ни о чемъ судить, такъ какъ женскія учебныя заведенія злоупотребляютъ названіемъ колледжа еще болѣе, чѣмъ остальныя, а на западѣ и югѣ его присвоиваетъ себѣ каждая женская школа, устроители которой отличаются нѣкоторымъ честолюбіемъ; всего 13 женскихъ колледжей могутъ быть признаны удовлетворяющими болѣе или менѣе строгимъ требованіямъ. Прибавимъ здѣсь же, что политехникумовъ и сельско-хозяйственныхъ академій, которыя по условіямъ пріема въ общемъ могутъ быть приравнены къ колледжамъ, существуетъ 43; и они также представляютъ собою восходящій рядъ, во главѣ котораго стоитъ политехникумъ штата Массачузетсъ въ Бостонѣ со своимъ блестящимъ руководителемъ Притчеттомъ. Почти всѣ высшія техническія учебныя заведенія содержатся на государственныя средства.

Медицинскихъ факультетовъ въ 1900 году существовало 151 съ 25213 студентами; всюду, за исключеніемъ трехъ институтовъ, курсъ обученія четырехлѣтній. На-ряду съ этимъ существовало 54 зубоврачебныхъ школы, въ которыхъ обучалось 7928 человѣкъ, и 53 фармацевтическихъ института съ 4042 учащимися. Въ юридическихъ школахъ было 12516 студентовъ, въ 154 богословскихъ школахъ 8009; при этомъ среди юристовъ женщинъ было 151, а среди богослововъ 181.

ДВАДЦАТАЯ ГЛАВА.

Наука.

Кто безъ предубѣжденія станетъ разсматривать академическую жизнь страны, имѣя въ виду ея научную сторону, на того произведетъ глубокое впечатлѣніе энергія и увѣренность, съ которою этотъ безконечно сложный національный учебный аппаратъ возбуждаетъ поступательное движеніе высшей духовной жизни. И длинный рядъ институтовъ съ ихъ постепенными переходами другъ отъ друга, этотъ учебный строй, при которомъ высшая школа можетъ примѣняться ко всякимъ мѣстнымъ потребностямъ, при которомъ ни одно проявленіе свободной иниціативы не можетъ пропасть и при которомъ всюду возможно неограниченное развитіе,—этотъ строй нельзя не признать для страны наилучшимъ изъ всѣхъ, какіе можно себѣ представить.

Однако, нельзя не признать и того, что этотъ строй имѣетъ также извѣстныя отрицательныя стороны и вызываетъ нѣкоторыя затрудненія. Административныя затрудненія, вытекающія изъ кажущейся несравнимости различныхъ учебныхъ заведеній, конечно, не опасны; иностранецъ, который привыкъ вѣрить въ равнозначность всѣхъ университетовъ, всѣхъ гимназій, всѣхъ аттестатовъ зрѣлости и всѣхъ докторскихъ дипломовъ, обыкновенно преувеличиваетъ значеніе этихъ затрудненій. Дѣйствительно, вредная сторона этихъ постепенныхъ переходовъ обнаруживается не во внѣшнемъ управленіи, а во внутреннемъ методѣ. Ученикъ восьмого класса нѣмецкой гимназіи воспринимаетъ то, чему его обучаютъ; его учитель долженъ обладать основательнымъ знакомствомъ съ преподаваемымъ предметомъ, но никто не ожидаетъ отъ школьнаго учителя, что онъ самъ будетъ содѣйствовать успѣхамъ науки. Студентъ старшихъ семестровъ долженъ критически относиться къ изучаемымъ предметамъ, и потому его учитель долженъ быть предподавателемъ метода, научнымъ работникомъ. Тамъ, гдѣ между обѣими областями существуетъ рѣзкая граница, какъ въ Германіи, тамъ духъ научнаго изслѣдованія легко можетъ быть сохраненъ въ чистотѣ. Наоборотъ, гдѣ одна область переходитъ въ другую, тамъ слишкомъ легко можетъ происхо-

дить смѣшеніе принциповъ; люди, являющіеся, собственно, только выдающимися школьными учителями, получатъ возможность стать на ряду съ лучшими научными работниками, потому что здѣсь принципъ приглашенія профессоровъ на основаніи ихъ научной дѣятельности не можетъ быть такъ строго разграниченъ отъ другихъ способовъ избранія, пригодныхъ для низшихъ ступеней учебнаго дѣла. Конечно, это приноситъ съ другой стороны и пользу, такъ какъ именно благодаря отсутствію рѣзкой границы духъ научной работы проникаетъ и сверху внизъ, и потому въ иномъ среднемъ колледжѣ въ качествѣ преподавателей встрѣчается больше научныхъ работниковъ, чѣмъ въ восьмомъ классѣ какой-нибудь нѣмецкой гимназіи, но въ общемъ покамѣстъ преобладаетъ еще вредное вліяніе, проявляющееся въ направленіи снизу вверхъ. Научная работа можетъ въ полной мѣрѣ процвѣтать лишь тогда, когда молодой ученый знаетъ, что его успѣхамъ можетъ способствовать только строго-научная дѣятельность, а не просто удачная учительская и популяризаторская работа. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ сознанію націи часто и настойчиво указывали на этотъ фактъ, и въ настоящее время во всѣхъ главныхъ университетахъ уже установлено какъ правило, что при приглашеніи профессора рѣшающее значеніе придается его научнымъ трудамъ.

Но научной работѣ мѣшаютъ и другія обстоятельства. Профессора часто въ слишкомъ большой мѣрѣ привлекаются къ административной дѣятельности, и если эта форма вліянія на ходъ дѣлъ для многихъ и очень пріятна, то она, съ другой стороны, отнимаетъ очень много времени. Главное же, въ большинствѣ институтовъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ университетовъ, занимающихъ первыя мѣста, профессора чрезмѣрно обременены чтеніемъ лекцій, и въ этомъ отношеніи постепенный переходъ отъ самаго низшаго къ самому высшему также оказываетъ неблагопріятное вліяніе. Это особенно сильно сказывается въ западныхъ институтахъ, гдѣ начальство совсѣмъ не въ состояніи понять, почему профессоръ университета не можетъ заниматься преподаваніемъ столько же часовъ въ недѣлю, какъ школьный учитель. Но наибольшій вредъ приноситъ то обстоятельство, о которомъ мы упоминали, говоря о просвѣтительной дѣятельности для народа: это — тотъ фактъ, что высшія формы почета и матеріальныя выгоды доставляются непроизводительною въ научномъ смыслѣ побочной работою ученаго, чтеніемъ публичныхъ лекцій, писаніемъ статей и множествомъ другихъ занятій, столь же почтенныхъ, но мѣшающихъ правильной работѣ.

И перечень факторовъ, препятствовавшихъ научной про-

дуктивности, можетъ быть еще продолженъ. Было бы, конечно, ошибочно повторять здѣсь розсказни о томъ, будто свобода американскаго профессора подвергается стѣсненіямъ, будто въ университетахъ, основанныхъ богатыми людьми, она особенно подчинена капризамъ диктаторовъ-капиталистовъ. Все это—только газетная болтовня. Если ближе ознакомиться съ тѣми тремя или четырьмя случаями, которые въ теченіе послѣдняго десятилѣтія привлекли къ себѣ вниманіе общественнаго мнѣнія и были безсмысленно раздуты, то окажется, что это такіе случаи, которые сходнымъ образомъ разрѣшились бы во всякомъ независимомъ институтѣ во всемъ мірѣ. Безспорно, гдѣ-гдѣ, быть можетъ, и были нѣкоторые грѣхи, университетскія власти, быть можетъ, дѣйствовали съ излишней строгостью или съ недостаточной тактичностью, но утверждать, будто гдѣ-нибудь совершена несправедливость, нельзя—это еще надо было бы только доказать. Даже въ самыхъ маленькихъ колледжахъ чисто-научная дѣятельность никогда не можетъ повредить благополучію профессора. Правда, демонстративная иррелигіозность помѣшала бы тамъ его преуспѣянію, и точно такъ же въ западныхъ институтахъ, содержимыхъ на государственныя средства, оппозиціонная политическая дѣятельность не была бы пріятна законодательнымъ собраніямъ штатовъ; но изъ-за своихъ научныхъ работъ еще ни одинъ профессоръ, даже въ самомъ маленькомъ и глухомъ колледжѣ, никогда не потерпѣлъ ни малѣйшаго ущерба. Такимъ образомъ, наука въ Америкѣ не страдаетъ отъ недостатка академической свободы.

За то американскому университету недостаетъ нѣмецкаго приватъ-доцента—лектора безъ жалованья, который посвящаетъ себя исключительно наукѣ и, не читая обязательныхъ курсовъ, ведетъ свою преподавательскую дѣятельность исключительно въ интересахъ своего собственнаго научнаго развитія. Американскій молодой ученый находитъ себѣ мѣсто только тамъ, гдѣ имѣется вакантная платная каѳедра; если ему не удастся найти такого мѣста въ одномъ изъ крупныхъ университетовъ, то онъ долженъ на первыхъ порахъ удовлетвориться должностью въ какомъ-нибудь маленькомъ колледжѣ, гдѣ вся духовная атмосфера, и характеръ занятій, и учебныя пособія, и тягость работы сперва ослабляютъ, а затѣмъ, быть можетъ и совсѣмъ убиваютъ въ немъ стремленіе къ самостоятельной научной дѣятельности. Лишь въ недавнее время большіе университеты начали вводить у себя свободную доцентуру, хотя въ административномъ отношеніи она представляетъ собою извѣстныя затрудненія. Опасна и сильная тенденція замѣщать открывающіяся въ какомъ-либо институтѣ вакансіи бывшими студентами того же института, такъ какъ благодаря этому дѣльные научные ра-

ботники часто оттѣсняются незначительными личностями. Наконецъ, надо принять во вниманіе и внѣшнія условія, какъ напримѣръ чрезвычайную дороговизну типографскихъ работъ въ Америкѣ, въ силу которой молодому ученому здѣсь часто бываетъ гораздо труднѣе, чѣмъ въ Германіи, найти издателя для своихъ трудовъ.

Всему этому изъ внѣшнихъ преимуществъ прежде всего надо противопоставить избытокъ вспомогательныхъ средствъ для разнаго рода работъ: великолѣпныя лабораторіи и библіотеки, музеи и экспедиціи, обсерваторіи и спеціальные институты—все это даетъ блестящіе плоды. Сюда надо присоединить щедрыя стипендіи, «товарищескія» мѣста, субсидіи на путешествія и т. д., дающія возможность тысячамъ людей свободно заниматься наукою. Сюда же относится и прекрасный институтъ «субботняго года». Крупные университеты предоставляютъ каждому профессору годичный отпускъ черезъ каждыя шесть лѣтъ, и именно для того, чтобы содѣйствовать его собственнымъ работамъ. Другимъ обстоятельствомъ, которое должно быть благопріятно для научной продуктивности, служитъ привычка къ труду, прививаемая каждому американцу воспитаніемъ во время его пребыванія въ университетѣ. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что средній американскій студентъ гораздо прилежнѣе, чѣмъ, напримѣръ, нѣмецкій, и что онъ долженъ быть прилежнѣе именно благодаря системѣ. Если съ перваго же дня зачитываются только тѣ курсы, по которымъ выдержанъ экзаменъ, и если экзамены поставлены такимъ образомъ, что подготовка къ нимъ требуетъ не только усвоенія прослушанныхъ лекцій, но и изученія указанныхъ профессоромъ сочиненій, то отсюда сама собою вытекаетъ необходимость болѣе или менѣе усердныхъ самостоятельныхъ занятій со стороны студента. Кто пожелалъ бы бездѣльничать такъ, какъ бездѣльничаютъ нѣмецкіе студенты, тотъ не могъ бы дойти и до второго семестра. И если болтовня о разныхъ случаяхъ при игрѣ въ футболлъ и не умнѣе, чѣмъ разговоры нѣмецкихъ студентовъ о дуэляхъ, то все же въ Америкѣ нѣтъ ничего, что по тлетворному вліянію соотвѣтствовало бы утренней выпивкѣ и картежной игрѣ; американскій студентъ ищетъ отдыха не въ пивной, а на площадкѣ для игръ. Въ Германіи время и силы используются очень строго въ средней школѣ и растрачиваются затѣмъ безплодно въ университетѣ; то и другое служитъ къ выигрышу для сильной личности и всегда приноситъ ущербъ среднему человѣку. Въ Америкѣ временемъ не экономятъ въ средней школѣ, но расчетливо обращаются съ нимъ въ университетскіе годы, и такимъ образомъ каждый пріучается къ серьезной работѣ.

Къ этому присоединяется еще и характеръ лекцій, которыя въ гораздо большей степени, нежели въ Германіи, представляютъ собою одно цѣлое, такъ что для слушанія однихъ курсовъ необходимо сперва прослушать опредѣленные другіе. Наконецъ, надо принять во вниманіе также и то, что слушаніе лекцій постоянно дополняется письменными работами и изученіемъ предмета по книгамъ; правда, курсъ лекцій, который требуетъ въ то же время занятій по книгамъ, легко можетъ получить характеръ школьнаго преподаванія, но онъ благодаря этому же можетъ быть поставленъ гораздо шире и доведенъ до гораздо болѣе высокаго уровня. Отъ американскаго студента, привыкшаго къ занятіямъ въ Америкѣ и затѣмъ посѣщающаго философскій факультетъ въ нѣмецкомъ университетѣ, постоянно приходится слышать жалобы на то, что лекціи въ Германіи слишкомъ элементарны, что въ нихъ сообщается много такихъ вещей, которыя можно найти въ любой книгѣ; американскій профессоръ предполагаетъ, что необходимыя книги уже прочитаны, онъ расчитываетъ, что на каждую часовую лекцію приходится два часа домашней работы надъ книгами, и такимъ образомъ серьезная работа не начинается только при приближеніи государственныхъ экзаменовъ. Главное же—интеллектуальный складъ американца какъ бы предназначенъ для научной работы. Правда, благодаря условіямъ развитія націи этотъ складъ ума направлялся преимущественно на политическіе, промышленные и юридическіе вопросы, но теперь поворотъ въ сторону теоретической науки уже начался, и здѣсь-то принесетъ самые блестящіе результаты счастливое соединеніе изобрѣтательнаго ума съ воодушевленіемъ и настойчивостью въ преслѣдованіи поставленной цѣли, соединеніе духовной живости со свободой, увѣреннаго чувства формы съ идеалистическимъ стремленіемъ къ самоусовершенствованію.

До сихъ поръ мы говорили только о томъ, что дѣлается для науки собственно высшими учебными заведеніями. Необходимо, однако, бросить хотя бы бѣглый взоръ и за предѣлы этого академическаго круга. И здѣсь мы прежде всего встрѣчаемся съ грандіозными правительственными институтами въ Вашингтонѣ, которые служатъ наукѣ, не будучи предназначены для преподаванія. Содѣйствіе наукамъ въ двадцати восьми особыхъ институтахъ, располагающихъ штатомъ служащихъ въ шесть тысячъ человѣкъ и ежегоднымъ бюджетомъ въ восемь съ лишнимъ милліоновъ долларовъ,—это, безспорно, самая замѣчательная черта американскаго правительства. Нѣтъ другого правительства въ мірѣ, которое организовало бы такую многостороннюю научную работу, и надо сказать, что все, что здѣсь дѣлается, стоитъ въ самой тѣсной связи съ истинными инте-

ресами правительства, т. е. не съ интересами правящей политической партіи, а съ интересами всей самоуправляющейся націи. Общимъ для всѣхъ институтовъ, при всемъ различіи ихъ частныхъ задачъ, является то, что предметомъ ихъ работъ прежде всего служатъ страна, ея населеніе, природа, условія жизни, продукты производства, отношенія къ другимъ странамъ, и что, такимъ образомъ, работы эти косвенно отвѣчаютъ экономическимъ, соціальнымъ, духовнымъ, политическимъ и гигіеническимъ потребностямъ націи и лишь въ качествѣ побочныхъ результатовъ даютъ плоды для теоретической науки.

Работа этихъ правительственныхъ институтовъ особенно замѣчательна еще и потому, что результаты ея ежегодно печатаются въ цѣломъ рядѣ томовъ, роскошно издаваемыхъ и раздающихся безплатно въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ. Часть институтовъ занимается естественно-научными, другая политико-экономическими вопросами. Къ первымъ принадлежитъ выдающееся бюро геологическихъ съемокъ, съ 600 служащихъ, которое занимается не только геологическими, но и палеонтологическими и гидрографическими изслѣдованіями и заключаетъ въ своемъ составѣ минералогическія и литологическія лабораторіи; далѣе, геодезическое бюро, изучающее берега и рѣки, озера и горы страны въ физическомъ отношеніи, морская обсерваторія для астрономическихъ наблюденій, метеорологическое бюро, управляющее болѣе чѣмъ 150 метеорологическими станціями, біологическое бюро, которое спеціально занимается изученіемъ географическаго распредѣленія животныхъ и растеній, ботаническое бюро, работающее преимущественно надъ вопросами о сѣменахъ, лѣсное бюро, подвергающее научной разработкѣ всѣ вопросы національнаго лѣсного хозяйства, важное энтомологическое бюро, изучающее съ большой пользою для земледѣльцевъ отношенія между насѣкомыми и сельскимъ хозяйствомъ, земледѣльческое бюро, подвергающее статистической обработкѣ данныя о воздѣлываніи почвъ и управляющее разсѣянными по всей странѣ опытными сельско-хозяйственными станціями, содержимыми на государственныя средства, рыболовное бюро, которымъ устроены морскія біологическія станціи, и т. д. Подъ рубрику политико-экономическихъ институтовъ, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, подходятъ рабочее бюро, которое производитъ изслѣдованія чисто соціально-политическаго характера относительно условій труда, корпораціонное бюро, изучающее положеніе торговыхъ организацій въ странѣ, общее статистическое бюро, цензовое бюро, которое производитъ черезъ каждыя десять лѣтъ такую обстоятельную перепись, какая не производится въ подобныхъ размѣрахъ нигдѣ въ мірѣ. Результаты переписи 1890 года составили 39 огром-

ныхъ томовъ въ форматѣ цѣлаго листа, и одно лишь производство ея стоило десять милліоновъ долларовъ; данныя переписи 1900 года въ настоящее время еще только частями выходятъ въ свѣтъ. Сюда же относится и бюро по вопросамъ воспитанія, также чисто-теоретически изучающее данныя учебнаго дѣла, переселенческое бюро и другія. Всѣ эти бюро могутъ только поучать и совѣтовать, они не имѣютъ права ничего предписывать. Однако, благодаря чрезвычайно широкому распространенію, которое имѣютъ ихъ труды, они все же пользуются значительнымъ вліяніемъ. А благодаря основательности, съ которою производятся ихъ работы и которая можетъ быть достигнута благодаря щедрымъ ассигнованіямъ со стороны конгресса, эти бюро стоятъ на уровнѣ перворазрядныхъ научныхъ учрежденій, работающихъ въ области естественно-научныхъ и соціально-политическихъ вопросовъ.

Но мы еще ничего не сказали о самомъ знаменитомъ изъ этихъ правительственныхъ институтовъ, о Смитсоніанскомъ институтѣ. Въ 1836 году правительство получило по завѣщанію англичанина Смитсона все его состояніе, которое предназначалось на устройство какого-либо учрежденія, носящаго его имя и служащаго для умноженія и распространенія знаній. Почему этотъ житель Оксфорда, интересовавшійся минералогіей и никогда не бывшій въ Америкѣ, завѣщалъ свое большое состояніе городу Вашингтону, который тогда насчитывалъ пять тысячъ жителей,—это остается неразрѣшенною загадкою. Одному другу своему онъ писалъ: «Лучшая англійская кровь течетъ въ моихъ жилахъ; съ отцовской стороны я принадлежу къ роду Нортумберлэндовъ, съ материнской стороны я нахожусь въ родствѣ съ королями; но я хочу, чтобы имя мое жило въ памяти людей и тогда, когда титулы Нортумберлэндовъ и Перси уже будутъ забыты». Его инстинктъ указалъ ему правильный путь: Смитсоніанскій институтъ служитъ въ настоящее время духовнымъ центромъ Вашингтона, политическаго центра Новаго Свѣта. Мимоходомъ надо замѣтить, что конгрессъ принялъ это завѣщаніе лишь послѣ оживленныхъ возраженій: много тирадъ говорилось противъ «подарка со стороны иностранца», принять который было будто бы ниже достоинства правительства. Въ дѣйствительности, однако, институтъ обязанъ своимъ успѣхомъ не внѣшнимъ средствамъ, а геніальной дѣятельности своихъ трехъ президентовъ; съ 1846 по 1878 годъ во главѣ его стоялъ физикъ Генри, съ 1878 по 1887 зоологъ Бэрдъ, съ 1887 года — физикъ Ланглей, и всѣ трое вполнѣ правильно видѣли тѣ пути, на которыхъ институтъ дѣйствительно могъ служить умноженію и распространенію знаній.

Съ перваго же момента не было разногласія по поводу того, что устраивать надо не университетъ, не учебное заведеніе, которое конкурировало бы съ существующими, а что надо создать нѣчто новое въ дополненіе къ существующимъ институтамъ, центральное учрежденіе, которое оказывало бы всѣмъ имъ поддержку. Въ настоящее время это колоссальное учрежденіе распадается на слѣдующія главныя части. Во-первыхъ, національный музей, гдѣ выставлены и обработаны наглядные результаты всѣхъ національныхъ экспедицій, раскопокъ, коллекціонерскихъ работъ. Согласно американскому идеалу музей не долженъ представлять ,собою, какъ это обыкновенно бываетъ въ Европѣ, собранія предметовъ, снабженныхъ этикетами; онъ долженъ состоять изъ ряда поучительныхъ этикетовъ, иллюстраціей къ которымъ служатъ типичные предметы, и только такимъ путемъ музей, по мнѣнію американцевъ, можетъ служить средствомъ для дѣйствительнаго народнаго образованія. Въ музеѣ, который ежегодно посѣщаютъ свыше трехсотъ тысячъ лицъ, имѣется однихъ только этнологическихъ и антропологическихъ предметовъ 750 тысячъ, около двухъ милліоновъ зоологическихъ объектовъ, четыреста тысячъ ботаническихъ, почти триста тысячъ геологическихъ и палеологическихъ. Далѣе, сюда принадлежитъ національный зоологическій паркъ, въ которомъ сохраняются вымирающіе виды животныхъ, астрофизическая обсерваторія, гдѣ Ланглей производитъ свои знаменитыя изслѣдованія невидимой части солнечнаго спектра, этнологическое бюро, спеціальностью котораго является изученіе индѣйцевъ, и т. д. Гораздо болѣе своеобразно, однако, «обмѣнное бюро» этого института, являющееся посредникомъ не только между американскими изслѣдователями, библіотеками и учрежденіями, но также между ними и европейскими учрежденіями. Хотя эти функціи и носятъ какъ-будто чисто-внѣшній характеръ, однако для литературной дѣятельности американскихъ ученыхъ они сдѣлались неоцѣненными. Такую же посредническую роль институтъ играетъ не только по отношенію къ печатнымъ произведеніямъ; онъ оказываетъ содѣйствіе всякому американскому ученому, доставляя посредствомъ обмѣна различные аппараты, препараты и естественно-научные объекты. Надо прибавить, что и библіотека института является одною изъ лучшихъ въ странѣ, и что ея изданія по вопросамъ зоологіи, этнологіи, физики и геологіи, разсылаемыя безплатно въ четыре тысячи библіотекъ, считаются уже сотнями томовъ.

Разсматривая научную работу этихъ двадцати восьми институтовъ въ Вашингтонѣ, работу, которая совершается при самыхъ благопріятныхъ матеріальныхъ условіяхъ, легко притти къ мысли, что все это могло бы быть использовано болѣе

интенсивно, если бы здѣсь преслѣдовались и цѣли преподаванія, что соединеніе институтовъ въ одинъ національный университетъ и привлеченіе студентовъ дало бы больше жизни и содѣйствовало бы успѣшности работы. И дѣйствительно, мысль о созданіи національнаго университета, въ качествѣ вѣнца всѣхъ учебныхъ заведеній страны, никогда не исчезала въ нѣкоторыхъ вашингтонскихъ кругахъ, и защитники ея могли постоянно ссылаться на отца отечества, на Георга Вашингтона, который былъ первымъ высказавшимъ этотъ планъ. Если же этотъ планъ и до сихъ поръ не осуществленъ, несмотря на оживленную, частью даже страстную агитацію, то объясняется это, прежде всего, консервативнымъ желаніемъ не нарушать традицій страны, согласно которымъ учебное дѣло должно находиться въ рукахъ отдѣльныхъ штатовъ, а руководящая роль должна сохраниться за институтами, не зависящими отъ политическихъ факторовъ.

Другой вопросъ — не наступитъ ли когда-нибудь у націи потребность въ такомъ высшемъ институтѣ, который не соперничалъ бы съ крупными университетами страны, а стоялъ бы, преслѣдуя новыя задачи, надъ всѣми университетами въ качествѣ вѣнца національной духовной жизни. Такимъ институтомъ могло бы быть чисто-научное учрежденіе, въ которое студенты допускались бы лишь по сдачѣ докторскаго экзамена, а профессора свободно избирались бы своими товарищами, занимающимися тою же спеціальностью во всей странѣ. Много обстоятельствъ ведутъ къ созданію такого университета; настало ли уже время для него,—это еще вопросъ, но если оно должно наступить и въ далекомъ будущемъ, то при американскомъ ритмѣ научнаго развитія и далекое будущее опредѣляется всего десятью или пятнадцатью годами; а за необходимою для этого дѣла сотней милліоновъ дѣло, конечно, не станетъ.

Пока, до созданія вашингтонскаго національнаго института, устроился маленькій промежуточный этапъ: это — институтъ Карнеджи, о дѣятельности котораго еще нельзя составить полнаго сужденія. Съ помощью основнаго капитала въ десять милліоновъ долларовъ, пожертвованнаго Андрью Карнеджи, здѣсь желаютъ содѣйствовать научнымъ работамъ во всей странѣ и, по указанію свѣдущихъ людей, доставлять молодымъ ученымъ необходимыя средства для ихъ научныхъ изслѣдованій. Къ сожалѣнію, этимъ создается опасность, что у отдѣльныхъ высшихъ учебныхъ заведеній уменьшится чувство отвѣтственности и что ихъ собственныя усилія, такимъ образомъ, ослабѣютъ; они могутъ въ будущемъ начать ожидать отъ центра того, что до сихъ поръ дѣлалось на периферіи, и благодаря этому интенсивности работы можетъ быть нанесенъ ущербъ.

Главное же—институту Карнеджи до сихъ поръ недостаетъ великихъ плодотворныхъ идей и планомѣрнаго руководства; если этотъ институтъ не въ состояніи дать ничего лучшаго, чѣмъ даетъ теперь, то онъ произвольностью и случайностью своихъ раздачъ, въ концѣ-концовъ, принесетъ научной жизни страны больше вреда, чѣмъ пользы.

То, что сказано о столицѣ націи, повторяется въ болѣе скромномъ масштабѣ и съ самыми разнообразными видоизмѣненіями въ сотняхъ разныхъ мѣстъ страны: вездѣ существуютъ научные музеи и коллекціи, институты для естественно-научныхъ, гигіеническихъ, медицинскихъ, историческихъ, политико-экономическихъ и статистическихъ изслѣдованій, зоологическіе и ботаническіе сады, астрономическія обсерваторіи, біологическія станціи, и всѣ они находятся въ вѣдѣніи либо отдѣльныхъ штатовъ, либо городскихъ управленій, либо мѣстныхъ обществъ и союзовъ. Такъ напримѣръ, береговая станція въ Вудсголѣ каждое лѣто служитъ мѣстомъ, гдѣ собираются лучшіе біологи. Значительныя коллекціи нерѣдко находятся въ самыхъ незамѣтныхъ мѣстахъ—напримѣръ, историческіе музеи въ гордомъ своею исторіей, но въ настоящее время замершемъ Салемѣ. Крупные же города, какъ Нью-Іоркъ, Филадельфія, Бостонъ, Чикаго, Балтимора и т. д., создали у себя грандіозные институты, которые всюду содѣйствуютъ научнымъ работамъ; рядомъ съ этими городами надо поставить политическія столицы отдѣльныхъ штатовъ, какъ, напримѣръ, Альбани. Лучшій знатокъ этого дѣла среди нѣмецкихъ ученыхъ, директоръ дрезденскихъ научныхъ музеевъ Мейеръ, въ своемъ прекрасномъ трудѣ о музеяхъ восточной части Соединенныхъ Штатовъ резюмируетъ свое мнѣніе въ слѣдующихъ словахъ: «На меня произвела значительное впечатлѣніе способность американцевъ къ работѣ въ этой области, и я готовъ утверждать, что постановка музеевъ у нихъ въ общемъ выше, нежели въ Европѣ. Поскольку дѣло касается зданій и административнаго устройства, у насъ довольно мало хорошихъ и много посредственныхъ или даже плохихъ музеевъ; у американцевъ же, наоборотъ, больше хорошихъ и меньше посредственныхъ или плохихъ; но при этомъ слабые музеи улучшаются тамъ, соотвѣтственно американскому темпу, скоро, между тѣмъ какъ у насъ это дѣлается до отчаянія медленно».

Еще и другой факторъ играетъ здѣсь значительную роль, именно—ученыя общества. Правда, большинство ихъ членовъ принадлежатъ къ личному составу высшихъ учебныхъ заведеній, но все же эти общества оказываютъ и самостоятельное вліяніе на научную жизнь страны. Официально во главѣ ученыхъ обществъ стоитъ Національная академія наукъ, основан-

ная въ 1863 году и включающая въ свой составъ около ста естественниковъ, которые ежегодно избираютъ пять новыхъ членовъ. Во время годичныхъ засѣданій въ Вашингтонѣ академія выполняетъ только обычную научную программу, но помимо этой ей принадлежитъ и особая роль совѣтника при правительствѣ и конгрессѣ по естественно-научнымъ вопросамъ. Такъ, академіей былъ выработанъ планъ организаціи географическихъ съемокъ страны, національныхъ работъ по облѣсенію и т. п. Но вашингтонская атмосфера, слишкомъ насыщенная политикой, все же не вполнѣ благопріятствовала процвѣтанію академіи, и того значенія, какое имѣютъ для своихъ странъ парижская и лондонская академіи, вашингтонская до сихъ поръ не могла пріобрѣсти.

Такой же официальный характеръ носитъ Американское историческое общество, труды котораго также печатаются на государственныя средства. Гораздо болѣе широкіе круги охватываются, конечно, популярными обществами. Такъ, существующая въ теченіе пятидесяти лѣтъ «Американская ассоціація для содѣйствія наукѣ» выполняетъ тѣ же функціи, какъ и германское общество естествоиспытателей. И она также собираетъ ежегодно то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ нѣсколько тысячъ научныхъ работниковъ и въ своихъ секціяхъ разсматриваетъ огромное количество докладовъ. Еще болѣе популярными оказываются собранія организованной сходнымъ же образомъ Національной педагогической ассоціаціи, на лѣтнія засѣданія которой, часто назначаемыя въ удаленныхъ мѣстахъ, съѣзжается свыше десяти тысячъ членовъ. На этихъ и имъ подобныхъ собраніяхъ дѣло идетъ, естественно, больше вширь, работа же, направленная вглубь, должна сосредоточиваться въ обществахъ спеціалистовъ. И дѣйствительно, нѣтъ такой спеціальности въ области медицины или естественныхъ наукъ, права или богословія, исторіи или государствовѣдѣнія, филологіи или философіи, по которой не существовало бы особаго національнаго общества, собирающагося на ежегодные конгрессы. При этомъ все болѣе укореняется обычай устраивать популярныя собранія во время лѣтнихъ каникулъ, а строго-научные конгрессы въ теченіе первой недѣли января; только медики отдаютъ предпочтеніе Пасхѣ. Для того же, чтобы разграниченіе по областямъ знанія не мѣшало личному общенію представителей смежныхъ дисциплинъ, все больше стараются организовывать одновременно цѣлыя серіи конгрессовъ. Такъ, семь обществъ — анатомы, физіологи, морфологи, ботаники-спеціалисты по физіологіи растеній, психологи, антропологи и фольклористы — теперь всегда засѣдаютъ въ одно и то же время, въ одномъ и томъ же городѣ.

Наконецъ, наряду съ этими перемѣщающимися собраніями работаютъ и мѣстныя общества. Старѣйшимъ изъ нихъ является общество естествоиспытателей въ Филадельфіи, основанное Франклиномъ въ 1743 году и имѣющее право по своему составу, собственно, также считаться національнымъ. Подобнымъ же образомъ центромъ для американской Академіи искусствъ и наукъ, основанной въ 1780 году, служитъ Бостонъ. Далѣе, сюда же относятся Нью-Іоркская академія, Вашингтонская академія, которая въ послѣднее время также начинаетъ охватывать всю страну и, вѣроятно, въ концѣ-концовъ сольется съ Національною академіей, академіи Балтиморы, Чикаго, Нью-Гэвена, классическаго мѣста, гдѣ находится Іэльскій университетъ, и сотни болѣе мелкихъ мѣстныхъ обществъ, которыя въ большинствѣ случаевъ также заботятся не только о распространеніи, но и о дѣйствительномъ умноженіи научныхъ знаній.

* * *

Здѣсь не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы дать обзоръ всей той массы научной работы, которая продѣлывается въ Америкѣ; нашей задачей было только указать на условія, какъ благопріятныя, такъ и неблагопріятныя, при которыхъ американцу приходится выполнять эту работу. И только для первоначальной оріентировки мы набросаемъ бѣглыми штрихами главнѣйшіе пути въ нѣкоторыхъ областяхъ. На первый взглядъ можетъ показаться особенно удобнымъ связать очеркъ современной научной работы непосредственно съ описаніемъ отдѣльныхъ высшихъ школъ и институтовъ. Въ глазахъ публики мысль объ опредѣленныхъ научныхъ изслѣдованіяхъ, дѣйствительно, часто связывается съ представленіемъ объ опредѣленномъ университетѣ. Каждая изъ крупныхъ высшихъ школъ издаетъ труды по самымъ разнообразнымъ отраслямъ знанія. Такъ, напримѣръ, Чикагскій университетъ, занимающій въ этомъ отношеніи первое мѣсто, издаетъ журналы соціально-научный, соціологическій, педагогическій, библейскій, геологическій, астрономическій, ботаническій и другіе, а кромѣ того—серіи правильно выходящихъ работъ по государственнымъ наукамъ, классической филологіи, германской исторіи, англійской исторіи, философіи, антропологіи и физіологіи. Университетъ Джонса Гопкинса издаетъ журналы по математикѣ, химіи, біологіи, экспериментальной медицинѣ, психіатріи, новой филологіи, исторіи и ассиріологіи. Изъ періодическихъ изданій Гарвардскаго университета наиболѣе извѣстны тѣ, которыя посвящены астрономіи, зоологіи, криптогаміи, этнологіи, Востоку, классической филологіи, новой филологіи, исторіи и полити-

ческой экономіи. Такъ же длиненъ перечень изданій, выпускаемыхъ Колумбійскимъ, Пенсильванскимъ и другими университетами. Отдѣльныя книги, напримѣръ, посвященныя экспедиціямъ или написанныя по какому-либо опредѣленному поводу, также выходятъ въ свѣтъ подъ флагомъ той или другой высшей школы. Такъ, Іэльскій университетъ издалъ въ 1901 году по случаю своего двухсотлѣтняго юбилея написанныя къ этому торжественному дню работы своихъ профессоровъ, которыя составили двадцать пять толстыхъ томовъ и въ которыхъ трактуется обо всемъ, начиная съ индусской этики и греческой метрики и кончая термодинамикой и физіологической химіей.

Ученый міръ, дѣйствительно, всегда приписывалъ отдѣльнымъ университетамъ особое значеніе въ области той или другой спеціальности. Сила университета Джонса Гопкинса была въ естественныхъ наукахъ, Колумбійскаго—въ государственныхъ наукахъ, Гарвардскаго — въ литературно-философскихъ дисциплинахъ. И все же такія опредѣленія легко могутъ ввести въ заблужденіе. Университетъ Джонса Гопкинса, напримѣръ, далъ безспорно выдающіяся работы по филологіи, Колумбійскій—по біологіи, и если славу Гарвардскаго университета составляютъ литературныя силы, какъ Лонгфелло, Гольмсъ, Нортонъ, Чайльдъ и др., то къ числу его самыхъ блестящихъ именъ принадлежатъ и такіе естество-испытатели, какъ зоологъ Агассицъ, ботаникъ Грей, астрономъ Пикерингъ и т. д.

Болѣе естественно научная работа расчленяется по отдѣльнымъ областямъ знанія. Полный перечень здѣсь былъ-бы слишкомъ длиненъ, и намъ приходится удовольствоваться только немногими указаніями. Въ спискахъ лекцій на первомъ мѣстѣ обыкновенно стоитъ достопочтенная философія. И она сразу показываетъ намъ и сильныя, и слабыя свои стороны. Правда, нѣмецъ часто бываетъ склоненъ прилагать здѣсь неправильную мѣрку; когда онъ думаетъ о нѣмецкой философіи, въ его умѣ встаютъ великія имена—Кантъ и Шопенгауэръ, Фихте и Гегель, и онъ спрашиваетъ, что можетъ противопоставить имъ Америка. Но мы видѣли, что производительная научная работа въ Новомъ Свѣтѣ есть лишь продуктъ послѣднихъ десятилѣтій, и потому нынѣшнее положеніе надо-бы сравнивать только съ нынѣшнимъ же; а если мы желаемъ быть справедливыми, то къ сравненію надо привлекать только молодое и среднее нѣмецкое поколѣніе, развившееся въ научной обстановкѣ послѣднихъ тридцати лѣтъ, т. е. людей не старше шестидесятилѣтняго возраста. Но тогда и въ Германіи мы найдемъ не много міровыхъ геніевъ; не въ одной только философіи отсутствуютъ Канты и Гегели,—и въ другихъ областяхъ

Ранке и Гельмгольцы, повидимому, не подходятъ къ нашему времени съ его духомъ спеціализаціи. Правда, теперь поднимается новая волна идеалистической мысли, стремящейся охватить цѣлое въ его совокупности. Время великихъ мыслителей вернется, но отдѣльную страну нельзя порицать за то, что она работаетъ въ духѣ настоящаго, нельзя корить, сравнивая ея труды съ гордыми воспоминаніями прошлыхъ временъ. Если мы станемъ сравнивать только то, что можетъ быть сравниваемо, то работа Америки въ области философіи покажется не ниже, чѣмъ работа любой другой страны.

Съ внѣшней стороны она, прежде всего, очень обширна, даже если не принимать въ расчетъ огромную литературу, посвященную популяризаціи философіи. Въ то время какъ въ Англіи имѣется всего два серьезныхъ философскихъ журнала, въ Америкѣ ихъ существуетъ пять, которые должны быть признаны вполнѣ равноцѣнными нѣмецкимъ пяти журналамъ, а если понимать философію, какъ это обыкновенно дѣлается, въ болѣе широкомъ смыслѣ, то сюда присоединяются еще соціологическіе и педагогическіе журналы, принадлежащіе къ числу самыхъ лучшихъ въ мірѣ. Но при этомъ работа въ Америкѣ распредѣляется иначе, чѣмъ, напримѣръ, въ Германіи, и это неравномѣрное участіе,—обнаруживающееся почти во всѣхъ научныхъ областяхъ, и иногда обусловленное случайными личными, въ большинствѣ же случаевъ болѣе глубокими причинами,—также всюду мѣшаетъ иностранцу составить правильное сужденіе. Такъ, Америка поразительно мало дала въ области исторіи философіи; всѣ потребности здѣсь удовлетворяются, главнымъ образомъ, переводами съ нѣмецкаго или компилятивными учебниками. Напротивъ, теорія познанія, этика и, больше всего, психологія находятся въ полномъ расцвѣтѣ. Споры о міросозерцаніи всегда велись въ Америкѣ; много цѣннаго здѣсь было сказано кальвинистскими богословами, и уже въ началѣ восемнадцатаго столѣтія мы встрѣчаемъ Джонатана Эдуардса, представляющаго, пожалуй, самый сильный метафизическій умъ Америки. Затѣмъ трансцендентныя стремленія, глубоко заложенныя въ американской душѣ, нашли себѣ геніальное выраженіе въ Эмерсонѣ, когда они были оплодотворены нѣмецкимъ идеализмомъ. Болѣе систематично и планомѣрно боролись противъ позитивизма находившіеся подъ шотландскимъ вліяніемъ философы, какъ Портеръ и Макъ Кошъ, и находившіеся подъ нѣмецкимъ вліяніемъ—Гаррисъ и Эверетъ, между тѣмъ какъ Дрэперъ, Фискъ, Копъ, Леконтъ и другіе проповѣдывали философію естествознанія. Въ настоящее же время на первомъ планѣ стоятъ философы Лэддъ, Деви, Фуллертонъ, Боунъ, Ормондъ, Говисонъ, Сантайана, Пальмеръ, Стронгъ, Гиббенъ,

Крейтонъ, Ллойдъ, а въ качествѣ самаго вліятельнаго—Ройсъ, послѣднее сочиненіе котораго «Міръ и индивидуумъ» представляетъ собою изложеніе, пожалуй, самаго замѣчательнаго міровоззрѣнія нашего времени.

Изъ философскихъ дисциплинъ наибольшимъ вниманіемъ пользуется въ настоящее время въ Америкѣ психологія. Даже съ внѣшней стороны объ этомъ свидѣтельствуетъ развитіе лабораторій экспериментальной психологіи, которыя и по числу, и по своему оборудованію стоятъ гораздо выше европейскихъ. Въ Америкѣ существуетъ свыше тридцати лабораторій, между тѣмъ, какъ Германіи приходится довольствоваться шестью. Во главѣ движенія стоитъ здѣсь Вилліамъ Джэмсъ, который на ряду съ Вундтомъ является самымъ крупнымъ современнымъ психологомъ и геніальныя работы котораго по анализу явленій сознанія,—работы, отличающіяся своей свѣжестью и живостью, энергіей и чуткостью,—служатъ чрезвычайно характернымъ выраженіемъ американскаго духа. Рядомъ съ Джэмсомъ работаютъ и другіе выдающіеся изслѣдователи, какъ Стэнли Голль, Каттель, Бальдуинъ, Лэддъ, Санфордъ, Тиченеръ, Анджелль, миссъ Калькинсъ, Скрипчюръ и др. Въ области педагогики, гдѣ количество печатныхъ произведеній достигло невѣроятныхъ размѣровъ, наибольшей извѣстностью пользуются имена Гарриса, Эліота, Бутлера, Голля, Да Гармо, Гануса.

Подобно тому какъ въ философіи систематической научной работѣ предшествовали, съ самаго основанія колоній, богословско-метафизическія разсужденія, такъ и въ исторической наукѣ у систематически работавшихъ изслѣдователей были предшественники, начиная съ первыхъ дней американской исторіи,—съ тѣхъ дней, когда писали Брэдфордъ и Уинтропъ. Народъ, который такъ неутомимо дѣлаетъ исторію, который такъ гордится своими дѣлами и такъ благодаренъ своимъ героямъ, который, главное, въ большей мѣрѣ, чѣмъ любой другой народъ, строитъ вполнѣ сознательно все свое право и всю свою общественную жизнь на прецедентахъ,—такой народъ всегда долженъ былъ находить удовлетвореніе въ записываніи и изображеніи того, что ему приходилось переживать. Однако, историческая наука существуетъ въ Америкѣ лишь начиная съ тридцатыхъ годовъ, и при этомъ здѣсь различаются два періода: первый, когда историки съ широкимъ кругозоромъ брались за передачу всего эпоса американской націи или, по крайней мѣрѣ, крупныхъ его частей, и позднѣйшій, обнимающій послѣднія десятилѣтія, когда всѣ интересы историковъ поглощались изслѣдованіемъ отдѣльныхъ вопросовъ. Первое движеніе началось съ Банкрофта и закончилось съ Паркманомъ. Въ 1830 году Джорджъ Банкрофтъ приступилъ

къ составленію исторіи Америки, и въ продолженіе полустолѣтія онъ неутомимо продолжалъ свою работу; къ 1883 году исторія была написана въ крупномъ масштабѣ отъ открытія страны до принятія союзной конституціи. Болѣе геніальнымъ работникомъ былъ, однако, Паркманъ, который своими изслѣдованіями и блестящимъ изображеніемъ борьбы между англійскими и французскими колонистами открылъ для американской исторіи совершенно новую перспективу. Къ этой же категоріи относятся большія работы Гильдрета, Теккера и другихъ.

Въ періодъ спеціальныхъ изслѣдованій, напротивъ, работа велась въ болѣе тѣсныхъ рамкахъ. Лучшими трудами здѣсь считаются большія монографіи Генри Адамса, Джона Фиска, Родса, Шоулера, Макъ Мастера, Эгглстона, Рузвельта и Гольста, если можно считать и послѣдняго въ качествѣ пріемнаго сына страны; они какъ бы подѣлили между собою исторію Америки, частью по періодамъ, частью по пространствамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ раздѣлились также и формы стиля: какъ отличается, напримѣръ, боевой тонъ Гольста отъ судейскаго спокойствія Родса! Къ этимъ работамъ присоединились, далѣе, біографіи, среди которыхъ наибольшей извѣстностью пользуется серія «Американскіе государственные дѣятели»; попытка освѣтить извѣстный отрывокъ національной исторіи, изображая жизнь какой-нибудь боровшейся личности,—такая попытка особенно привлекательна для американца. Въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ развилось, наконецъ, и неизбѣжное фабричное производство исторіи, типичными образцами котораго служатъ докторскія диссертаціи—результатъ работы въ семинаріяхъ—и журнальныя статьи. Большія коллективныя работы, собранія источниковъ, напримѣръ, Винзора, Гарта и другихъ, библіографическіе указатели, архивныя изслѣдованія, корреспонденціи, исторіи отдѣльныхъ мѣстностей, часто изданныя учеными обществами, серіи монографій, журналы, среди которыхъ первое мѣсто занимаетъ American Historical Review,—словомъ, все, чего требуетъ современная постановка научной работы, имѣется теперь на-лицо и пріобрѣло всѣ права гражданства. Революція, зарожденіе союза, междоусобная война и конгрессъ являются излюбленными темами. Что самостоятельныя изслѣдованія въ области европейской исторіи играютъ при этомъ второстепенную роль, это представляется почти вполнѣ естественнымъ, хотя и здѣсь нѣтъ недостатка въ важныхъ работахъ; таковы, напримѣръ, знаменитыя изслѣдованія Прескотта по исторіи Испаніи и Мотлея по исторіи Нидерландовъ. Въ недавнее время Тайлоръ обратился къ Англіи, Перкинсъ къ Франціи, Гендерсонъ къ Германіи, Тэйеръ къ Италіи, Ли и Эмертонъ къ исторіи церкви, Маганъ къ исторіи морскихъ войнъ и т. д.

Живой интересъ къ философіи и исторіи могъ бы служить достаточнымъ доводомъ для опроверженія избитыхъ розсказней, будто американская наука обращается только къ такимъ областямъ, которыя могутъ принести практическую пользу. Однако кто-нибудь можетъ полагать, что философіей занимаются ради практическаго исправленія людей, а исторіей для того, чтобы политическіе дѣятели научились чему-нибудь полезному въ ихъ практикѣ,—хотя фактически оба эти предположенія совершенно не вѣрны. Но для классической филологіи нельзя найти никакихъ мотивовъ этого рода, и тѣмъ не менѣе, слѣдя за засѣданіями Общества древней филологіи, насчитывающаго пятьсотъ членовъ, просматривая многочисленные томы его трудовъ, или Американскій филологическій журналъ, или классическія работы, опубликовываемыя Гарвардскимъ, Корнеллевскимъ, Чикагскимъ университетомъ, невозможно не почувствовать, что и здѣсь выполняется научная работа въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова, и что методическая цѣнность изслѣдованій все растетъ. Надо принять во вниманіе, что въ этой области дѣятельность началась позднѣе, чѣмъ въ другихъ, указанныхъ выше. Безспорно, съ классиками въ Америкѣ были хорошо знакомы еще столѣтіе тому назадъ, но нигдѣ не царилъ такъ безраздѣльно, какъ именно въ этой области, диллетантизмъ, отвѣчающій англійскому идеалу джентльмена. Лишь съ тѣхъ поръ, какъ молодые филологи стали посѣщать нѣмецкіе университеты, и прежде всего Геттингенскій, появились основательныя филологическія изслѣдованія; недавно, къ семидесятилѣтнему юбилею величайшаго американскаго классика Джильдерслива, профессора университета Джонса Гопкинса, 44 его ученика издали сборникъ своихъ работъ, а еще двадцать лѣтъ тому назадъ появленіе такого тома было бы невозможно. Интересы въ этой области, повидимому, сосредоточиваются главнымъ образомъ на синтаксическихъ изслѣдованіяхъ; наиболѣе извѣстны труды Гудвина, Джильдерслива и Гэля, на ряду съ ними работы по сравнительному языковѣденію и лексикографіи, въ меньшей мѣрѣ—работы, посвященныя критическому разбору текстовъ. Имена: Гэдли, Бека, Аллена, Лана, Уоррена, Смита, Уайта, Уилера, Шорея, Дреслера и многихъ другихъ знакомы всякому занимающемуся классической филологіей.

Совершенно необычайный интересъ къ восточнымъ языкамъ скорѣе объясняется до извѣстной степени нѣкоторыми побочными мотивами практическаго характера; такъ напримѣръ, при изслѣдованіи клинообразныхъ надписей, безспорно игралъ роль — не у изслѣдователей, а у большой публики, снаряжавшей экспедиціи, — религіозный интересъ къ библіи. Собраніе

ассирійскихъ рукописей, принадлежащее Пенсильванскому университету, считается въ настоящее время во многихъ отношеніяхъ важнѣйшимъ изъ всѣхъ существующихъ; завѣдующій этимъ собраніемъ, Гильпрехтъ, пользуется большой извѣстностью, а за нимъ слѣдуетъ Ліонъ, Гауптъ и другіе. Въ области санскритскаго языка первое мѣсто, безспорно, принадлежитъ Уитнею, профессору Іэльскаго университета, вторымъ послѣ него является Ланманъ, профессоръ Гарвардскаго университета, затѣмъ Джонсонъ, Беккъ, Блумфильдъ и другіе. Главнымъ представителемъ языкознанія въ области семитскихъ нарѣчій является Той.

Если бы мы стали продолжать обзоръ филологической науки и въ области новыхъ языковъ, то это завело бы насъ слишкомъ далеко. Что здѣсь пальма первенства принадлежитъ англійскому языку и англійской литературѣ, это разумѣется само собою, и можно даже сказать, что начиная съ Чайльда англійская филологія процвѣтаетъ, собственно, именно въ Новомъ Свѣтѣ. Френсисъ Джэмсъ Чайльдъ, одна изъ самыхъ свѣтлыхъ личностей въ ряду всѣхъ американскихъ ученыхъ, писалъ о Чосерѣ, о старыхъ англійскихъ драмахъ и т. д.; главнымъ же, монументальнымъ его трудомъ было десятитомное изданіе англійскихъ и шотландскихъ балладъ, на которое часто указывали, какъ на важнѣйшій вкладъ Америки въ области филологіи. Въ томъ же направленіи работаетъ преемникъ Чайльда въ Гарвардскомъ университетѣ, Китреджъ. Лоунсбюри больше всего извѣстенъ своими работами о Чосерѣ, точно такъ же и Мэнли занимался Чосеромъ и до-шекспировской драмою, Гуммеръ — балладами, Венделль и Фурнесъ являются важнѣйшими изслѣдователями шекспировскихъ драмъ. Пѣсни о королѣ Артурѣ обработаны Шофильдомъ, Мидомъ, Брюсомъ и другими, изъ работъ объ англосаксонскомъ языкѣ надо прежде всего назвать изслѣдованія Брайта, Кука, Броуна и Каллавея. Въ области литературной критики впереди всѣхъ шелъ даровитый Лоуэлль, а за нимъ слѣдовали Гэтсъ и многіе другіе. Изящная литература, въ свою очередь, уже создала обширную историческую и критическую литературу, какъ напримѣръ, прекрасныя сочиненія Стедмена, Ричардсона, Тайлера или монографіи Вудберри, Кобота, Нортона, Уорнера, Хиггинсона; лучшее же, что написано объ американской литературѣ, это — несмотря на всѣ нападки противъ замаскированнаго аристократа — «Исторія американской литературы» Баррета Венделльса. Что въ пренебреженіи не оставались также германскіе и романскіе языки и литература, объ этомъ свидѣтельствуетъ длинный рядъ извѣстныхъ сочиненій, изъ которыхъ безусловно необходимо назвать по крайней мѣрѣ одно — прекрасную

книгу о соціальныхъ силахъ въ нѣмецкой литературѣ, написанную Куно Франке, самымъ одареннымъ борцомъ за насажденіе въ Америкѣ нѣмецкой духовной культуры. Кромѣ того надо указать на работы Томаса, Гемпля и другихъ въ области германскихъ, Тодда, Элліота, Кона и т. д.— въ области романскихъ языковъ.

Однимъ изъ любимыхъ предметовъ изученія у американцевъ является политическая экономія. Это и вполнѣ понятно, такъ какъ ихъ исторія болѣе непосредственно чѣмъ исторія другихъ націй, опредѣлялась экономическими факторами, а главное—здѣсь въ сравнительно короткое время, поддающееся вполнѣ точному учету, пройдены самыя разнообразныя стадіи экономическаго развитія. Да и въ настоящее время еще страна представляется для политико-экономa какъ бы грандіозной лабораторіей, гдѣ совершаются различные эксперименты. Развитіе различныхъ частей страны настолько неодинаково, что по сосѣдству другъ съ другомъ можно найти самыя разнообразныя экономическія формы, и все это вскрывается научною статистикой благодаря производимымъ черезъ каждыя десять лѣтъ переписямъ. Страннымъ образомъ, собственно исторія экономическихъ условій въ американской политической экономіи очень слабо представлена; несмотря на многочисленныя попытки создать такую исторію, исходившія, по большей части, отъ нѣмецкой школы, главная работа націи была направлена преимущественно на систематическое дедуктивное изслѣдованіе и анализъ индивидуальныхъ явленій. На почвѣ политической экономіи стоятъ, конечно, извѣстные агитаторы въ экономической области—защитникъ покровительственныхъ пошлинъ въ первой половинѣ девятнадцатаго столѣтія Генри Карей, поборникъ аграрной реформы Генри Джорджъ, сочиненіе котораго «Прогрессъ и бѣдность» въ 1879 году получило небывалое распространеніе; потому же пути шелъ Беллами со своей извѣстной утопіей, а политически-агитаціонная литература, основанная на политической экономіи и включающая много чрезвычайно искусно написанныхъ книгъ, почти необозрима. Но обыкновенно, говоря о научныхъ работахъ, имѣютъ въ виду сочиненія другого рода. Въ этомъ смыслѣ надо прежде всего указать на капитальныя работы, написанныя въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ, на работы Уэльса о налогахъ и торговлѣ, Чарльза Френсиса Адамса о желѣзныхъ дорогахъ, Сумнера о финансовой исторіи Америки, Аткинсона о производствѣ и распредѣленіи, Райта о заработной платѣ, Нокса о банкахъ, работы Уокера, который руководилъ большой переписью 70-ю и 80-го года, и т. д. Въ новѣйшее время первое мѣсто занимали сочиненія Гэдли о желѣзныхъ дорогахъ, Кларка о капи-

талѣ, Джэмса о финансовой политикѣ и городскомъ управленіи, Эли о налогахъ, Тауссига о тарифахъ, серебрѣ и заработной платѣ, Дженкса о трестахъ, Брукса о рабочихъ движеніяхъ, Зелигмана о податной политикѣ, Г. Адамса о финансовой наукѣ, Грооса по исторіи экономическихъ условій въ Англіи, Паттена по экономической теоріи, Лоуэлля по государствовѣдѣнію. Къ услугамъ политико-экономовъ и государствовѣдовъ находится необычайно большое число періодическихъ изданій. Въ области соціологіи извѣстны въ качествѣ вождей Гиддингсъ, Смалль и Уордъ, а наряду съ ними стоятъ Вилькоксъ, Рипли и другіе.

Мы уже посвятили слишкомъ много времени историческимъ дисциплинамъ и теперь перейдемъ на противоположный полюсъ глобуса знанія: отъ гуманитарныхъ наукъ обратимся къ естественнымъ, переходомъ къ которымъ служитъ математика. Настоящія научныя работы въ широкихъ кругахъ математиковъ появились чрезвычайно поздно, собственно—лишь около десяти лѣтъ тому назадъ, такъ что продуктивными работниками-математиками являются почти исключительно болѣе или менѣе молодые профессора. Изъ прежнихъ же, довольствовавшихся, въ общемъ, составленіемъ учебниковъ, выдаются въ качествѣ крупныхъ математиковъ только Веніаминъ Пейрсъ—пожалуй, самый геніальный американскій математикъ, и его ученики Гилль и Ньюкомбъ; ихъ интересы сосредоточивались главнымъ образомъ на математической астрономіи. Рядомъ съ ними и не уступая имъ по значенію работали Виллардъ Гиббсъ надъ математической физикой, Макъ Клинтокъ надъ алгеброй, Чарльзъ Пейрсъ надъ математической логикой. Въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ рѣчь идетъ уже не объ единичныхъ величинахъ: молодое поколѣніе, находящееся частью подъ нѣмецкимъ, частью подъ французскимъ вліяніемъ, прилежно работаетъ, и при томъ почти исключительно въ области чистой математики. Какъ на типичныхъ представителей этого поколѣнія, можно указать на Мура и Диксона въ Чикагскомъ университетѣ, Стори и Табера въ университетѣ Кларка, Бохера и Осгуда въ Гарвардскомъ, Уайта въ Эванстонскомъ, Ванъ Влека въ Веслейанскомъ.

И въ области естественныхъ наукъ мы точно такъ же видимъ, что американцы нисколько не отдаютъ предпочтенія практически полезнымъ предметамъ. Нѣтъ науки менѣе важной для практики, чѣмъ астрономія, а между тѣмъ именно по астрономіи мы находимъ цѣлый рядъ прекрасныхъ работъ. Даже чисто-внѣшнимъ образомъ интересъ къ астрономіи обнаруживается въ томъ, что ни въ одной странѣ въ мірѣ нѣтъ такого числа грандіозныхъ обсерваторій, какъ въ Соединен-

ныхъ Штатахъ, и что нигдѣ изготовленіе оптическихъ стеколъ не достигло такого совершенства. Сущность самихъ работъ также отчасти принесла пользу техникѣ и методической сторонѣ дѣла; такъ, Раулэндъ блестяще преобразовалъ спектроскопію, а Пиккерингъ фотометрію. Звѣздные каталоги Гульда и Ланглея являются незамѣнимыми работами; въ дѣлѣ наблюденія астероидовъ и кометъ Америка дала чрезвычайно много; самыя же геніальныя работы принадлежатъ Ньюкомбу, который уже свыше сорока лѣтъ занимаетъ первое мѣсто; его вычисленія вѣса и путей получили капитальное значеніе. Здѣсь слѣдуетъ указать также на работы Чэндлера по опредѣленію широтъ, работы Юнга о солнцѣ, Ньютона о метеоритахъ, Барнарда о кометахъ.

Развитіе научной физики, къ удивленію, до сихъ поръ было менѣе блестяще. Дѣйствительно выдающіеся труды имѣются, собственно, только въ области оптики; здѣсь сдѣлано чрезвычайно много важнаго — Михельсономъ по измѣренію длины свѣтовыхъ волнъ, Раулэндомъ по изученію вогнутыхъ сѣтокъ, Ньюкомбомъ по измѣренію быстроты свѣта, Ланглеемъ по изслѣдованію инфракрасныхъ лучей спектра. Во всѣхъ остальныхъ областяхъ работы носятъ еще какъ бы разрозненный характеръ; въ нихъ еще не видно какихъ-либо крупныхъ, объединяющихъ цѣлей. Тѣмъ не менѣе и въ областяхъ электричества, акустики, теплоты дѣльныя работы выполнены такими людьми, какъ Траубриджъ, Вудуордъ, Барусъ, Вудъ, Кроссъ, В. О. Гирсъ-Сабинъ и многіе другіе; кромѣ того, не можетъ подлежать сомнѣнію, что и техническія работы, особенно въ сферѣ электротехники, сослужили нѣкоторую службу чистой наукѣ. Что эта техника въ области физики шла отъ одного тріумфа къ другому, извѣстно всему міру; начиная съ инструмента для ремесленника и кончая постройкою мостовъ и локомотивовъ, — всюду здѣсь механика торжествовала свои побѣды. Прикладная физика создала велосипедъ и швейную машину, типографскую машину, машину для изготовленія инструментовъ и тысячи другихъ, служащихъ для замѣны мускульнаго труда; она усовершенствовала телеграфъ, изобрѣла калильное освѣщеніе, построила телефонъ и фонографъ, и каждый день приноситъ новую славу американскимъ изобрѣтателямъ. Не слѣдуетъ только думать, что такіе люди, какъ Эдисонъ, Тесла и Белль, являются единственными представителями американской физики; въ десяткахъ большихъ лабораторій идетъ незамѣтная, чисто-научная работа. Въ качествѣ одной изъ вѣтвей физики укажемъ здѣсь и на метеорологію, которая благодаря благопріятнымъ условіямъ, представляемымъ обширностью области для наблюденій, полу-

чила блестящее развитіе въ лицѣ Ферреля Гэзена, Грили, Гаррингтона, Менденголля, Ротча и другихъ.

Съ еще большимъ основаніемъ надо сказать о химіи, что ея успѣхи въ Америкѣ были независимы отъ роста химической промышленности; всѣ наиболѣе выдающіеся химики работали исключительно въ интересахъ чистой науки. И эта работа началась уже съ первыхъ лѣтъ девятнадцатаго вѣка, когда Веніаминъ Силлиманъ, профессоръ Іэльскаго университета и издатель перваго естественно-научнаго журнала, началъ свою дѣятельность, которая повела къ образованію цѣлой школы. За нимъ слѣдовали, изъ старшаго поколѣнія, такіе люди, какъ Гаръ, Смитъ, Гунтъ и, главное, Кукъ, который замѣчателенъ своими работами по изученію закона періодичности и атомнаго вѣса кислорода. Изъ позднѣйшихъ дѣятелей прославились Виллардъ Гиббсъ, отецъ химической термодинамики, своею теоріей правила фазъ и Волькоттъ Гиббсъ своими изслѣдованіями сложныхъ кислотъ. Крафтъ извѣстенъ своими работами объ органическихъ соединеніяхъ, а изслѣдованія Маллета объ атомномъ вѣсѣ аллюминія могутъ считаться классическими. Работы Гиллебранда по анализу камней, Штиглица по изученію органическихъ соединеній, Нойса объ іонѣ, Кларка и Ричардса объ атомномъ вѣсѣ, техническіе успѣхи, достигнутые Гучемъ, работы Гилля о соединеніяхъ бензола, Джэксона объ ароматическихъ соединеніяхъ, Уоррена объ минеральныхъ маслахъ, Баскервилля о торіумѣ, — всѣ эти работы имѣютъ общепризнанную цѣнность, равно какъ и пользующіеся широкимъ распространеніемъ учебники Ремсена, открывшаго сахаринъ. Въ области физіологической и сельско-хозяйственной химіи наиболѣе извѣстны Читтенденъ, Пфаффъ и Гильгардъ; представителемъ физической химіи является Ричардсъ, профессоръ Гарвардскаго университета, — кажется, первый до настоящаго времени англо-американскій доцентъ, который получилъ приглашеніе—но, конечно, не принялъ его—занять мѣсто ординарнаго профессора въ нѣмецкомъ университетѣ, въ Геттингенѣ. Въ томъ же направленіи работаютъ также Банкрофтъ и Нойсъ.

Химія въ Америкѣ была многими путями соединена съ минералогіей, петрографіей и геологіей. При этомъ, страннымъ образомъ, у минералогіи есть всего только одинъ центръ, именно—Іэльскій университетъ. Здѣсь работалъ Дана старшій, система минералогіи котораго, вышедшая впервые въ 1837 году, затѣмъ безконечно переиздавалась и въ теченіе полустолѣтія служила основнымъ руководствомъ на всѣхъ языкахъ; его же химическое распредѣленіе минераловъ было всюду принято. Здѣсь же работалъ его сынъ кристаллографъ, а также Брешъ и

Пенфильдъ, изслѣдовавшій больше новыхъ каменныхъ породъ, чѣмъ кто-либо изъ остальныхъ ученыхъ. Рядомъ съ этими признанными вождями стоятъ такіе люди, какъ Лауренсъ Смитъ, Кукъ, Гертъ, Шепардъ, Вольфъ. Однако, еще болѣе блестящи были успѣхи геологіи, для которой страна отъ природы представляетъ собою великолѣпное мѣсто изслѣдованій. Здѣсь Голль рано уже началъ работу, а Дана и Уитней, Гейденъ и Кингъ, Пауэлль и Джильбертъ, Дэвисъ и Шалеръ и Браннеръ продолжали ее. Излюбленными темами служили слѣды ледниковаго періода и образованіе горныхъ хребтовъ. Изслѣдованія въ этой области, нерѣдко соприкасавшіяся съ практическими задачами горнаго дѣла, считаются одними изъ самыхъ важныхъ и наиболѣе цѣнимыхъ въ Европѣ результатовъ американской науки.

Въ самой тѣсной связи съ интересомъ къ геологіи развивался интересъ къ географіи. На первомъ планѣ въ этой области стояли правительственные институты для измѣренія земли, такъ какъ они располагали въ своихъ работахъ огромными средствами; особенно знамениты работы Баха, Менденголля и другихъ по съемкѣ береговъ и измѣренія страны, которыми руководили Роджерсъ, Уитней и Ганнетъ. Наибольшее значеніе для географіи имѣли, кажется, гидрографическія работы Маури; его физическая географія моря сыграла роль капитальнаго произведенія. Распространенію интереса къ географіи способствовалъ болѣе всего Гюйо. Особенно привлекали американцевъ экспедиціи въ опасныя мѣста; именно это влеченіе дѣлало ихъ піонерами, миссіонерами, путешественниками-изслѣдователями. Такъ, Льюисъ и Кларкъ направились въ неизвѣстныя мѣста на сѣверо-западъ, Уильксъ къ Великому океану, Перри въ Японію, Стэнли въ Африку; другихъ привлекала Южная Америка, но больше всего привлекаетъ сѣверный полюсъ, начиная съ первой полярной экспедиціи Кена, предпринятой въ 1853 году. Успѣхамъ геологіи не мало способствовала палеонтологія, которая въ Америкѣ была прекрасно представлена. Уже Голль занимался безпозвоночными ископаемыми, затѣмъ Гайаттъ ископаемыми головоногими, Скьюддеръ ископаемыми насѣкомыми, Бичеръ плеченогими, а ископаемыми позвоночными—Лейди, Копъ, Осборнъ и геніальный Маршъ.

Почти всѣ эти лица въ области зоологіи занимались также и систематикой. Систематика въ зоологіи вообще имѣла, особенно въ прежнее время, многочисленныхъ работниковъ, во главѣ которыхъ стоялъ сперва Одюбонъ, первая работа котораго «Американскія птицы» появилась уже въ 1827 году, затѣмъ Сэй, первый изслѣдователь бабочекъ и раковинъ, далѣе Луи Агассицъ, великій изслѣдователь акалефъ, гидроидовъ и полиповъ, сынъ

котораго, Александръ Агассицъ, произвелъ свои знаменитыя изслѣдованія на коралловыхъ островахъ. Рядомъ съ ними работали Ле-Контъ, Джилль, Паккардъ, Верилль по вопросу о безпозвоночныхъ, Бэрдъ, Риджвей, Хунтингтонъ, Алленъ, Меріамъ, Іорданъ — въ области позвоночныхъ. Въ настоящее время въ Америкѣ, какъ и повсюду, выдвигаются на первую очередь вопросы гистологіи и эмбріологіи. И здѣсь также впереди всѣхъ шли оба Агассица — отецъ своими изслѣдованіями черепахъ, сынъ своими работами о морскихъ звѣздахъ; кромѣ ихъ надо указать на прекрасныя работы Ваймена, Уитмена, Брукса, Минота, Марка, Вильсона, и на изслѣдованія разновидностей, произведенныя Давенпортомъ и другими. Жизненныя явленія изучались и зоологами, и біологами, и физіологами. Къ этой области относятся изслѣдованія ощущеній у низшихъ животныхъ, произведенныя Ли и Паркеромъ, и геніальныя изслѣдованія Жака Леба въ Калифорніи, который бросилъ совершенно новый свѣтъ, на тропизмы животныхъ и на процессы оплодотворенія. Среди его коллегъ-физіологовъ самыми крупными по праву считаются Баудитчъ, Гауэлль, Портеръ и Мельцеръ.

Высшимъ изъ живыхъ существъ, которыя можетъ изучать естествоиспытатель, является человѣкъ, разсматриваемый не съ исторической, а съ антропологической точки зрѣнія. Американецъ, естественно, долженъ былъ обратиться къ антропологіи и этнологіи, такъ какъ природа предлагала его изученію множество индѣйскихъ племенъ съ самыми разнообразными нарѣчіями и формами жизни, такъ какъ, съ другой стороны, сюда приходили представители всѣхъ народовъ міра, здѣсь находились милліоны африканскихъ негровъ, въ землѣ имѣлось много остатковъ отъ прошлаго индѣйцевъ, а рядомъ, въ Центральной Америкѣ, сохранились въ видѣ построекъ слѣды своеобразныхъ культуръ. Этнологическое бюро въ Вашингтонѣ и музей Пибоди въ Гарвардскомъ университетѣ сдѣлались центрами обширныхъ изслѣдованій и экспедицій; въ новѣйшее время работы Моргана, Гэля, Бринтона, Пауэлля, Далля, Путнама, Макъ Ги, Боса и другихъ открыли новыя преспективы въ дѣлѣ изученія индѣйцевъ.

Такъ же богатъ и такъ же новъ, какъ міръ животныхъ, былъ для науки и американскій міръ растеній. Первыя изслѣдованія здѣсь были произведены европейскими ботаниками, а въ срединѣ девятнадцатаго столѣтія началъ свою геніальную и неустанную работу Аза Грей, который, оставаясь въ самомъ тѣсномъ общеніи съ европейскими ботаниками, предпринялъ классификацію и систематическую обработку этого огромнаго сырого матеріала; имъ написано съ этой цѣлью свыше четырехсотъ сочиненій. Грей, умершій въ 1888 году, безспорно является

самымъ крупнымъ ботаникомъ Америки. Дополненіемъ къ его работамъ служатъ работы его учителя Торрея, работы Чэпмена, изслѣдовавшаго юго-восточную часть страны, работы нѣкоторыхъ путешественниковъ, какъ Райтъ и Уатсонъ, работы Энгельмана, который занялся кактусами, Бебба, посвятившаго себя изученію ивъ, Каультера, лучшаго знатока растеній Скалистыхъ горъ, Байли и другихъ. Эта общая работа, въ большей или меньшей мѣрѣ производившаяся подъ вліяніемъ Грея, за послѣднія два десятилѣтія развѣтвилась благодаря различнымъ руководителямъ въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ. Подъ руководствомъ Фарлоу началось изученіе тайнобрачныхъ, Гудаль далъ права гражданства физіологіи растеній, Саржентъ описалъ деревья страны. Рядомъ съ этимъ, при широкомъ раздѣленіи труда производились и спеціальныя работы въ ботаническихъ садахъ Нью-Іорка, Бостона, С.-Луи, въ университетскихъ гербаріяхъ и институтахъ для изученія физіологіи растеній, въ сельско-хозяйственныхъ опытныхъ станціяхъ, и работы этихъ учрежденій, публикуемыя подъ редакціей многочисленныхъ ученыхъ ботаниковъ, какъ Робинзонъ, Трелизъ, Фернальдъ, Смитъ, Трью, стоятъ не ниже, чѣмъ работы любой другой страны.

Довольно ужъ сухого перечня именъ. Быть можетъ, ихъ приведено было даже слишкомъ много, а между тѣмъ это — только примѣры для иллюстраціи какъ сильныхъ, такъ и слабыхъ сторонъ американской науки. Главное же, мы старались не переходить за предѣлы философскаго факультета. Аналогичный перечень работъ въ области богословія, права, медицины и техники былъ бы очень соблазнителенъ, но завелъ бы насъ слишкомъ далеко. Однако, безразлично, станетъ ли безпристрастный наблюдатель разсматривать только очерченныя нами науки, или обратится къ сосѣднимъ академическимъ областямъ, представленнымъ другими факультетами,— всюду онъ увидитъ одну и ту же картину: здоровое, смѣлое, разумное движеніе впередъ съ полнымъ пониманіемъ того, что такое истинная наука, съ упорнымъ прилеганіемъ, стройной организаціей и энергіей, проникнутой оптимизмомъ.

Результаты работы здѣсь, какъ и вездѣ, неоднородны: во многихъ отношеніяхъ они уже выше, чѣмъ результаты, достигаемые въ настоящее время Англіей и Франціей; кое въ чемъ они превосходятъ и Германію, въ другихъ сферахъ равноцѣнны съ продуктами германскаго труда, во многомъ же еще стоятъ позади послѣднихъ. Что условія въ Америкѣ до недавняго времени въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ были неблагопріятны, это мы ясно видѣли, но именно эти вредныя условія за послѣдніе годы неуклонно устранялись, и на сцену являлись новые благо-

пріятствующіе факторы. Изъ числа послѣднихъ обыкновенно прежде всего принимаются во вниманіе обильныя денежныя средства, которыми изслѣдователю оказывается помощь въ неограниченныхъ размѣрахъ. Но главная цѣнность этого богатства заключается не въ томъ, что оно даетъ средства для работы. Это обстоятельство ведетъ только къ тому, что никому не можетъ помѣшать заниматься наукою собственная бѣдность или недостатокъ книгъ и аппаратовъ, коллекцій и лабораторій,—но всѣмъ этимъ еще не создается крупный изслѣдователь. Средній уровень можетъ благодаря богатству повыситься, но онъ не перейдетъ извѣстнаго канцелярскаго предѣла, потому что въ наукѣ вѣдь, въ концѣ-концовъ, все зависитъ только отъ личности, а дѣльные люди могутъ очень многаго достигнуть и съ малыми средствами.

Именно въ этомъ пунктѣ сказывается болѣе важное, косвенное вліяніе той царской щедрости, съ которою жертвуются деньги на научныя цѣли: благодаря ей наука пріобрѣтаетъ болѣе высокое соціальное значеніе и потому привлекаетъ къ себѣ лучшихъ людей. Покуда наука носила на себѣ отпечатокъ бѣдности, приниженности, школьнаго ремесла, къ ней чувствовали влеченіе только люди, принадлежавшіе по натурѣ къ типу учителя-ремесленника. Сильные же умы, стремившіеся къ крупнымъ цѣлямъ, направляли свои силы на трудныя культурныя задачи экономической жизни, такъ какъ только эта область давала выдающееся соціальное положеніе. Теперь положеніе измѣнилось: крупный масштабъ, черпаніе полною чашей, элементы соціально-эстетическіе имѣются и въ большихъ университетахъ, наука получила въ національномъ сознаніи признаніе своего достоинства, ученый изслѣдователь отдѣлился отъ школьнаго учителя, на сцену выступилъ настоящій разрядъ молодыхъ работниковъ науки. Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ и другой факторъ. Фамильное богатство перешло къ третьему поколѣнію и здѣсь толкаетъ своихъ владѣльцевъ отъ коммерческой дѣятельности въ сторону искусства и науки. Молодые люди изъ лучшихъ семействъ, живые и съ опредѣленной индивидуальностью, уходятъ не въ банкъ, а въ лабораторію и здѣсь хотятъ работать; каждый изъ нихъ приноситъ съ собою интеллигентность янки и его энергію. Эта новая соціальная цѣнность науки и вліяніе ея на отборъ привлекаемыхъ сюда людей является самымъ важнымъ факторомъ, который позволяетъ ясно видѣть предстоящее американской наукѣ блестящее развитіе.

Германія въ настоящее время еще мало освѣдомлена обо всемъ этомъ; она довольствуется традиціонными представленіями, усвоенными двадцать лѣтъ тому назадъ, и не замѣчаетъ,

какъ быстро здѣсь измѣняются обстоятельства. На американскія книги не обращается вниманія, американскіе журналы получаются въ Европѣ въ ничтожномъ, до смѣшного, количествѣ, американцы постоянно жалуются, что даже въ большой берлинской библіотекѣ нѣтъ многихъ изъ важнѣйшихъ американскихъ книгъ и періодическихъ журналовъ. Что дѣло не можетъ долго оставаться въ такомъ положеніи безъ серьезнаго ущерба для нѣмецкой науки, это ясно само собою. Нѣмцевъ вводитъ въ заблужденіе тотъ фактъ, что сотни американскихъ студентовъ ежегодно отправляются въ нѣмецкіе университеты. Этому симптому придается слишкомъ оптимистическое истолкованіе. Кто знакомъ съ американскими условіями, тотъ знаетъ, что здѣсь мы прежде всего, къ сожалѣнію, имѣемъ дѣло съ большимъ числомъ такъ называемыхъ студентовъ, вышедшихъ изъ мелкихъ колледжей и пользующихся свободою доступа въ германскія аудиторіи, такъ какъ они не въ состояніи выполнить требованій, которыя предъявляются къ поступающимъ въ лучшіе американскіе университеты. Лучшая же часть—студенты, которые, обладая серьезною подготовкой, переходятъ на нѣсколько семестровъ изъ американскаго университета въ нѣмецкій,—эта часть уже не возвращается теперь, какъ тридцать лѣтъ тому назадъ, съ чувствомъ, что Германія является учителемъ всего міра, что въ ней можно найти научную постановку, качественно отличную отъ той, которая имѣется и дома. Студентъ этого типа отправляется въ Германію, чтобы въ качествѣ образованнаго человѣка расширить свой кругозоръ или чтобы изучить какой-нибудь предметъ у извѣстнаго спеціалиста; онъ ищетъ для себя такой же пользы, какую получилъ бы и нѣмецкій студентъ, если бы провелъ годъ въ школѣ для дипломированныхъ при Гарвардскомъ, или Колумбійскомъ, или Чикагскомъ университетѣ, или при университетѣ Джонса Гопкинса. Это новое теченіе въ академическомъ мірѣ дѣйствительно уже началось.

Очень часто юный студентъ, вполнѣ удовлетворенный интересной зимою, которую онъ провелъ въ Берлинѣ или Мюнхенѣ, или очарованный лѣтнимъ семестромъ въ Гейдельбергѣ или Фрейбургѣ, возвращается домой съ такимъ чувствомъ, что самыя лекціи, собственно, обманули его ожиданія. И это—вполнѣ понятный оптическій обманъ: такъ какъ американецъ чувствуетъ быстрый ростъ своей собственной науки, то ему кажется, будто нѣмецкая наука, которая еще всего тридцать лѣтъ тому назадъ стояла такъ высоко надъ нимъ, постепенно падаетъ. Этому нисколько не противорѣчитъ увеличеніе числа американцевъ, поступающихъ въ нѣмецкіе университеты, такъ какъ съ этимъ поступленіемъ, къ сожалѣнію, совсѣмъ не связано

обязательство дѣйствительно посѣщать лекціи. Еще разъ повторимъ: если въ нѣмецкіе предразсудки не будутъ вскорѣ внесены необходимыя поправки, то неожиданность американскихъ успѣховъ въ духовной области окажется еще гораздо большею, чѣмъ въ области экономической.

Въ серединѣ семнадцатаго столѣтія у каждой культурной націи были свои великіе философы: у Франціи Декартъ и Мальбраншъ, у Италіи Бруно и Кампанелла, у Англіи Бэконъ и Гоббсъ, у Нидерландовъ Спиноза и Гроцій. Только у Германіи не было никого, и насмѣшники объявляли несомнѣннымъ, что нѣмцы не обладаютъ философскимъ талантомъ. Такъ и въ Америкѣ Лейбницы и Лессинги, Канты, Фихте и Гегели, можетъ быть, уже ближе, чѣмъ это кажется насмѣшникамъ.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ ГЛАВА.

Литература.

Что читаютъ американцы?

Въ одномъ извѣстномъ разсказѣ ученикъ гамбургскаго книжнаго магазина говоритъ: «Если вы хотите послушаться моего совѣта, какъ вамъ сдѣлаться разумнымъ и мудрымъ, то отправляйтесь туда, гдѣ нѣтъ книгъ... Книги? Знаете, если бы у меня не было моего отца, я отправился бы въ Америку,— да, я сдѣлалъ бы это. И пусть бы кто-нибудь сталъ тогда совать мнѣ подъ носъ книгу». Многіе въ Германіи давно уже вышли изъ ученическаго возраста и все же остаются при подобныхъ представленіяхъ, будто тамъ, въ Америкѣ, не особенно интересуются книгами. И такіе люди недовѣрчиво отнеслись бы къ вамъ, если бы вы сказали, что нигдѣ въ мірѣ не читаютъ столько книгъ, какъ въ Америкѣ.

Наиболѣе ярко любовь американцевъ къ чтенію выражается въ развитіи библіотечнаго дѣла. Немного есть культурныхъ вопросовъ, по которымъ Америка въ такой высокой степени призвана быть учительницей Стараго Свѣта. Въ Европѣ существуетъ блестящій рядъ старыхъ большихъ книгохранилищъ, и въ этомъ отношеніи Германія занимаетъ первое мѣсто среди всѣхъ европейскихъ странъ. Общая цѣль этихъ книгохранилищъ можетъ быть указана только съ одной точки зрѣнія: они служатъ интересамъ научной работы, они являются огромными лабораторіями для изысканій. Поэтому они существуютъ по большей части при университетахъ; большія же городскія библіотеки, въ сущности, также служатъ тѣмъ, кто ищетъ матеріала для продуктивной работы или желаетъ основательно ознакомиться съ опредѣленными вопросами.

Точно такой же типъ большихъ библіотекъ развился и въ Америкѣ. И здѣсь также университеты являются главными центрами, книжныя богатства которыхъ предназначены къ услугамъ ученаго міра; на-ряду съ ними стоятъ спеціальныя библіотеки ученыхъ обществъ, юридическія государственныя библіотеки, особыя библіотеки правительственныхъ институтовъ и

музеевъ, а впереди всѣхъ огромная библіотека конгресса. Составленіе такихъ собраній научныхъ книгъ началось съ первыхъ дней существованія колоній, и очевидно, что здѣсь прежде всего играли роль богословскіе интересы. Кальвинистская церковь по самому существу больше, чѣмъ другія исповѣданія, заставляетъ людей обращаться къ изученію книгъ. Еще въ 1790 году изъ 350 страницъ въ каталогѣ книгъ Гарвардскаго колледжа 150 были заняты богословскимъ отдѣломъ. Въ настоящее время Гарвардскій университетъ обладаетъ почти милліономъ книгъ, изъ которыхъ большая часть принадлежитъ къ отдѣламъ литературы, исторіи, филологіи, философіи и юриспруденціи. Кромѣ того въ Бостонѣ имѣются юридическая библіотека штата съ болѣе чѣмъ ста тысячами томовъ, историческая библіотека Атенеума, содержащая свыше двухсотъ тысячъ томовъ, большая естественно-научная библіотека при политехникумѣ и многія другія. Подобнымъ же образомъ и въ другихъ крупныхъ городахъ университетскія библіотеки являются центрами научной работы, а вокругъ нихъ часто группируются замѣчательныя спеціальныя библіотеки, особенно въ Нью-Іоркѣ, Чикаго, Филадельфіи; маленькіе академическіе города, какъ Принсетонъ, Итака, Нью-Гэвенъ, также располагаютъ цѣнными собраніями книгъ, въ составъ которыхъ часто входятъ единственныя въ своемъ родѣ коллекціи по различнымъ спеціальнымъ вопросамъ. Въ теченіе уже многихъ лѣтъ американскія университетскія библіотеки являются лучшими покупателями для спеціальныхъ библіотекъ, остающихся послѣ европейскихъ профессоровъ. Нерѣдко единственныя въ своемъ родѣ коллекціи, представляющія величайшую научную цѣнность, переходятъ въ собственность даже небольшихъ институтовъ, особенно благодаря пожертвованіямъ со стороны ихъ преданныхъ учениковъ.

Въ крупныхъ областяхъ научной работы первое мѣсто принадлежитъ Вашингтону. Обширныя собранія книгъ, открытыя для всякаго спеціалиста, находятся тамъ при разнообразныхъ правительственныхъ институтахъ—естественно-научныхъ, политико-экономическихъ и техническихъ. Наиболѣе извѣстна единственная въ своемъ родѣ медицинская библіотека военнаго департамента. Выше ея стоитъ библіотека конгресса, которая располагаетъ болѣе чѣмъ милліономъ томовъ и въ настоящее время можетъ претендовать на значеніе національной библіотеки, такъ какъ ей предоставлено офиціальное право на полученіе одного экземпляра каждой американской книги. Правда, о всесторонней полнотѣ этого книгохранилища, какою отличается, напримѣръ, лондонская библіотека, еще не можетъ быть рѣчи. Національная библіотека составлена односторонне или, по крайней

мѣрѣ, обнаруживаетъ огромные пробѣлы; такъ какъ развивалась она въ качествѣ библіотеки конгресса, то помимо обязательныхъ экземпляровъ американскихъ книгъ и естественно-научныхъ сочиненій Смитсоніанскаго института она содержитъ книги почти исключительно историческаго, политико-экономическаго и юридическаго содержанія. Благодаря тѣснотѣ помѣщенія, въ которомъ до недавняго времени были скучены книги, казалось безполезнымъ затрачивать средства на развитіе библіотеки въ такомъ направленіи, чтобы она могла удовлетворять не только ближайшему своему назначенію въ качествѣ пособія для законодателей. Но затѣмъ американскій народъ, побуждаемый своей любовью къ книгамъ, построилъ для нея такое зданіе, какого міръ еще не видѣлъ въ роли книгохранилища. Въ 1897 году открыта новая библіотека конгресса, и такъ какъ на ея полкахъ еще есть мѣсто для милліоновъ книгъ, то развитія ея во всесторонне полную библіотеку, въ родѣ Лондонской, не долго придется ожидать. Особенную цѣнность представляетъ находящееся въ ней большое собраніе историческихъ рукописей и корреспонденцій.

Всѣ названныя библіотеки въ общемъ сходны съ нѣмецкими. Такъ какъ всѣ онѣ основаны въ девятнадцатомъ столѣтіи, то и характеръ онѣ имѣютъ болѣе современный: здѣсь меньше мертваго балласта въ видѣ не употребляемыхъ фоліантовъ и больше полноты, особенно въ отношеніи періодическихъ изданій. Но гораздо важнѣе ихъ преимущества во всемъ, что касается удобства пользованія. Ихъ читальныя залы болѣе удобны и свѣтлы; ихъ каталоги лучше и болѣе доступны, открыты онѣ для посѣтителей ежедневно гораздо дольше, а главное—требованія въ нихъ всюду удовлетворяются гораздо быстрѣе. Брукъ Адамсъ сказалъ недавно о Вашингтонской библіотекѣ: «Въ качествѣ мѣста для работы это зданіе граничитъ съ совершенствомъ. Оно просторно, свѣтло, удобно и превосходно обслуживается. Въ Парижѣ и Лондонѣ работать приходится въ мрачныхъ, непривѣтливыхъ, переполненныхъ комнатахъ; здѣсь же читальныя залы многочисленны, привлекательны и уютны. Въ Парижской національной библіотекѣ требуется цѣлый часъ, чтобы получить какую-нибудь книгу, въ Британскомъ музеѣ на это уходитъ полчаса, а въ Вашингтонѣ—пять минутъ». Въ Германіи для этого требуется обыкновенно полдня. И это быстрое удовлетвореніе спроса, столь важное для студентовъ, мы видимъ всюду въ Америкѣ; и всюду здѣсь строятъ для книгъ дворцы, хотя по красотѣ ни одинъ не можетъ соперничать съ Вашингтонскими читальными залами.

Но всѣ эти различія все же не существенны. Научныя книгохранилища какъ въ Старомъ такъ и въ Новомъ Свѣтѣ,

служатъ, собственно, однимъ и тѣмъ же цѣлямъ; великая разница между Европою и Америкой открывается лишь тамъ, гдѣ научныя цѣли исчезаютъ и на передній планъ выдвигаются цѣли образовательныя. Американская народная библіотека, которая служитъ не наукѣ, а образованію, стоитъ къ нѣмецкой народной библіотекѣ въ такомъ же отношеніи, какъ Пульмановскій поѣздъ-экспрессъ къ почтовой каретѣ.

Кто познакомился въ Бостонѣ только съ научными библіотеками, которыя, включая сюда и библіотеку Гарвардскаго университета, содержатъ почти два милліона книгъ, тотъ еще не видѣлъ величайшей библіотеки въ городѣ. На Коплеевской площади, рядомъ съ музеемъ искусствъ и насупротивъ красивѣйшей церкви въ Америкѣ, находится дворецъ, построенный въ стилѣ Возрожденія. Вестибюль изъ желтаго мрамора, знаменитыя картины на стѣнахъ, поэтическій дворъ съ колоннадой, залы, залитыя свѣтомъ—все это полно высокой красоты, и здѣсь съ утра до ночи, въ праздникъ и въ будни приходитъ и уходитъ бостонскій народъ. Людской потокъ раздѣляется въ передней залѣ: однихъ влечетъ въ первый этажъ, къ газетному залу, гдѣ развѣшано въ рамахъ нѣсколько сотъ ежедневныхъ газетъ; другіе направляются въ журнальный залъ, гдѣ къ ихъ услугамъ находятся еженедѣльные и ежемѣсячные журналы всего міра; третьи подымаются въ верхніе этажи — туда, куда привлекаютъ любителей искусства знаменитыя картины Сарджента, изображающія пророковъ, — чтобы посмотрѣть болѣе цѣнныя роскошныя изданія или художественные журналы, географическія картины или музыкальныя сочиненія. Но самый широкій потокъ устремляется въ обширныя залы второго этажа—частью въ огромный и безмолвный читальный залъ, частью въ каталожную, частью въ извѣстный своими прекрасными фресками залъ, гдѣ производится выдача книгъ. Здѣсь выдается на домъ ежегодно полтора милліона томовъ,—и при этомъ никому не приходится ожидать: съ волшебною быстротой аппаратъ уноситъ записку, на которой указана требуемая книга, а автоматическая каретка привозитъ эту книгу. Для дѣтей же существуетъ особый залъ, куда ихъ привлекаютъ собранныя здѣсь лучшія произведенія дѣтской литературы. И все здѣсь соблазняетъ даже человѣка, враждебно относящагося къ книгамъ, присѣсть: все такъ привѣтливо, удобно и уютно, такъ роскошно и красиво,—и ко всему этому открытъ свободный доступъ даже для самаго послѣдняго рабочаго.

И все же, если спросить у гражданина Массачузетса, что составляетъ его главную гордость въ дѣлѣ народныхъ библіотекъ, то онъ, пожалуй, указалъ бы не на этотъ великолѣпный дворецъ въ Бостонѣ, въ столицѣ штата; онъ можетъ больше

гордиться чѣмъ-то другимъ, болѣе важнымъ,—именно тѣмъ, что Массачузетсъ, будучи меньше, чѣмъ одна треть Баваріи, располагаетъ безплатными народными библіотеками въ 350 городахъ и мѣстечкахъ. Только этимъ путемъ вполнѣ обезпечивается выполненіе культурной миссіи народныхъ библіотекъ. Въ каждомъ мѣстечкѣ, въ каждомъ уголкѣ страны такая библіотека должна сдѣлаться центромъ умственнаго и нравственнаго образованія, она должна всюду, а не только въ большихъ городахъ, удовлетворять потребность въ самоусовершенствованіи и въ то же время пробуждать ее. Разумѣется, еще не во всей странѣ достигнуты такіе успѣхи, какъ въ Массачузетсѣ; особенно отсталымъ и медленно прогрессирующимъ является Югъ. Но болѣе или менѣе крупнаго города безъ большой народной библіотеки уже не существуетъ, и точно такъ же нѣтъ штата, который не побуждалъ бы всѣми возможными средствами маленькія общины къ устройству народныхъ библіотекъ и не поддерживалъ бы ихъ въ случаѣ нужды.

Народная библіотека сдѣлалась любимою формою подарка для филантроповъ, и если у больницъ, университетовъ и музеевъ нѣтъ основанія жаловаться, то церкви за то безусловно замѣчаютъ, что пожертвованные милліоны теперь все рѣже превращаются въ цвѣтныя церковныя окна и все чаще—въ наполненные книжные шкафы. Въ 1900 году существовало уже 5383 общественныхъ библіотеки, располагавшихъ каждая болѣе чѣмъ тысячью томовъ: изъ нихъ 144 заключали болѣе пятидесяти тысячъ, а 54 болѣе ста тысячъ томовъ. Во всѣхъ библіотекахъ вмѣстѣ, по даннымъ 1900 года, имѣлось свыше 44 милліоновъ томовъ и свыше 7 милліоновъ брошюръ, причемъ средній ежегодный приростъ составляетъ болѣе 8%; такимъ образомъ, до настоящаго времени въ библіотекахъ должно было прибавиться уже 15 милліоновъ новыхъ книгъ. При этомъ совершенно не принимаются въ расчетъ тысячи меньшихъ библіотекъ, въ которыхъ число книгъ не достигаетъ тысячи.

О составѣ подобной народной библіотеки можно легко получить представленіе по образцовому систематическому каталогу, который былъ изданъ библіотечнымъ союзомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ для библіотеки обычнаго типа приблизительно въ пять тысячъ томовъ. Въ каталогѣ, который за исключеніемъ важнѣйшихъ иностранныхъ классиковъ содержалъ только книги на англійскомъ языкѣ—въ томъ числѣ, конечно, и много переводныхъ,—справочныхъ изданій общаго характера помѣщено 227, книгъ историческаго содержанія 756, біографій 635, путешествій 413, книгъ по естественнымъ наукамъ 355, изящной литературы 694, романовъ 809, сочиненій по искусству 255, о религіи 220, по общественнымъ наукамъ 424, по техникѣ 268

и т. д. Стоимость такой образцовой библіотеки равнялась 12 тысячамъ долларовъ; относительная величина различныхъ отдѣловъ можетъ быть признана типичною и для болѣе крупныхъ библіотекъ, въ меньшихъ же отношеніе нѣсколько измѣняется обыкновенно въ пользу изящной литературы. Съ какимъ интересомъ вся страна относится къ этимъ вопросамъ, видно уже изъ того, что каталогъ этотъ, представляющій томъ въ 600 страницъ и напечатанный первоначально въ количествѣ двадцати тысячъ экземпляровъ, разошелся въ короткое время.

Разнообразіе этого каталога свидѣтельствуетъ, однако, въ то же время и о томъ, что преслѣдуемыя цѣли носятъ разнообразный характеръ. Общественная библіотека должна повышать образовательный уровень населенія, а это повышеніе должно совершаться по меньшей мѣрѣ въ трояко формѣ. Во-первыхъ, необходимо пробудить интересъ къ чтенію въ широкихъ кругахъ, во-вторыхъ—оказать помощь отдѣльнымъ лицамъ, желающимъ пріобрѣсть болѣе полныя знанія по своей спеціальности или подготовиться къ какому-нибудь опредѣленному дѣлу, и въ-третьихъ—удовлетворить существующую всюду потребность въ литературномъ развлеченіи, предлагая читателямъ хорошій литературный матеріалъ или, по крайней мѣрѣ, не допуская плохого. Во всѣхъ трехъ направленіяхъ управленіе библіотеки видитъ передъ собою серьезныя задачи. Оно, дѣйствительно, направляетъ вкусы и интересы массы, борется съ бульварною литературою при помощи лучшихъ вновь появляющихся романовъ, скабрезнымъ произведеніямъ противопоставляетъ цѣнныя въ педагогическомъ смыслѣ сочиненія, и ни одна община не удовлетворяется до тѣхъ поръ, пока ея библіотека не станетъ служить для широкихъ круговъ замѣною трактира и клуба. Америка, правда, является раемъ для рабочаго и предлагаетъ много соблазнительнаго для богатыхъ людей; самостоятельный же хозяинъ, располагающій среднимъ достаткомъ,—изъ тѣхъ, которые въ Германіи главное удовольствіе находятъ въ трактирахъ,—такой человѣкъ въ Америкѣ былъ бы въ худшемъ положеніи, если бы народная библіотека не служила для него вторымъ домомъ. Такимъ образомъ, общественная библіотека, на-ряду съ народною школой, сдѣлалась полноправнымъ орудіемъ культуры, и гдѣ Америкѣ приходится выполнять колонизаторскую работу, она всюду высылаетъ впередъ въ качествѣ піонеровъ школьнаго учителя и библіотекаря.

Научная библіотека не можетъ выполнять подобныхъ функцій. Конечно, и университетская библіотека можетъ служить цѣлямъ общаго образованія, и, наоборотъ, народная библіотека съ сотнею тысячъ томовъ можетъ въ самыхъ разнообразныхъ

направленіяхъ способствовать научной работѣ,—но центръ тяжести здѣсь долженъ лежать въ различныхъ мѣстахъ, такъ какъ иначе ни та, ни другая цѣль не были бы достигнуты полностью. Кладбищенская тишина научной библіотеки и вокзальная сутолока народной библіотеки не могутъ быть соединены; въ одномъ направленіи Америка имѣла возможность усвоить почтенныя традиціи Европы, въ другомъ она создала новые пути и прилагаетъ гигантскія силы для ихъ усовершенствованія. Съ каждымъ годомъ въ этой области появляются новыя идеи и предложенія, проекты устройства и выбора, каталогизаціи и болѣе удобнаго расположенія книгъ. Такъ, напримѣръ, когда библіотека въ Провиденсѣ начала выставлять у себя полный списокъ сочиненій по каждому вопросу, по которому въ городѣ читалась публичная лекція, то эта маленькая мѣра послужила толчкомъ къ крупному движенію. Пріобрѣтающія теперь все большую популярность отдѣленія для юношества также являются продуктомъ послѣднихъ лѣтъ. Къ нимъ присоединятся даже отдѣленія для слѣпыхъ. Новы также и государственныя комиссіи, которыя учреждены въ отдѣльныхъ штатахъ и приходятъ на помощь въ случаѣ надобности, новы и передвижныя библіотеки, снабжающія книгами деревню.

Новы и большія школы для библіотекарей. Въ Германіи библіотекарями служатъ, по большей части, ученые. Американецъ же убѣжденъ, что онъ опередилъ Европу въ библіотечномъ дѣлѣ не столько благодаря затраченнымъ крупнымъ средствамъ, сколько благодаря тому, что онъ порвалъ съ этой европейскою традиціей и всюду приставилъ къ библіотекамъ людей со спеціальной подготовкой. И такъ какъ служащіе этого рода требуются для многихъ тысячъ библіотекъ, а крупные институты нуждаются въ цѣлой арміи ихъ, то, съ одной стороны, школы для библіотекарей (нѣкоторыя съ трехлѣтнимъ спеціальнымъ курсомъ) могутъ прекрасно развиваться, а съ другой—создается достаточный контингентъ людей, изъ которыхъ можно выбирать дѣйствительно пригодныхъ для наиболѣе отвѣтственныхъ должностей. Нельзя отрицать, что благодаря этому совершенству администраціи самый техническій аппаратъ оказывается чрезвычайно дорогимъ; управленіе Бостонской библіотеки обходится ежегодно въ 250 тысячъ долларовъ. Но нѣтъ другого расхода, для котораго американскій плательщикъ налоговъ такъ охотно раскошеливался бы; онъ знаетъ, что народная библіотека служитъ самымъ лучшимъ средствомъ для борьбы съ пьянствомъ и преступностью, съ взяточничествомъ и бездѣльничаніемъ; онъ знаетъ, что демократическое государство можетъ процвѣтать только тогда, когда удовлетво-

ряется присущее каждому американцу стремленіе къ самоусовершенствованію.

Но можно ли судить о томъ, что читаетъ американскій народъ, по книгамъ, находящимся въ общественныхъ библіотекахъ? Вѣдь онѣ все же являются только дополненіемъ къ тѣмъ колоссальнымъ массамъ печатной бумаги, которыя поступаютъ въ частную собственность отдѣльныхъ лицъ. 340 американскихъ книгоиздателей ежегодно выпускаютъ на рынокъ свои изданія, и сбытъ ихъ въ библіотеки играетъ при этомъ очень скромную роль. «Ходкій» романъ достигаетъ, большей частью, въ своемъ тиражѣ третьей сотни тысячъ, и хотя подобный сбытъ возможенъ только для романовъ и учебниковъ, однако и иная книга по исторіи или политикѣ, по литературѣ или по какимъ-нибудь прикладнымъ вопросамъ выпускается въ такомъ количествѣ, о какомъ нѣмецкіе издатели не могутъ и мечтать. Если число ежегодно появляющихся названій меньше, чѣмъ въ Германіи, то здѣсь надо принять во вниманіе два обстоятельства: во-первыхъ, что американское стереотипное печатаніе не допускаетъ выпуска новыхъ, переработанныхъ изданій, и, главное, что брошюры здѣсь замѣняются журнальными статьями. Количество же печатаемыхъ экземпляровъ гораздо больше, нежели въ Германіи. Въ высшихъ слояхъ населенія надо присоединить еще не малое число нѣмецкихъ, французскихъ и итальянскихъ книгъ, ввозимыхъ изъ Европы.

Для самыхъ же широкихъ круговъ народа надо прежде всего считаться съ огромною производительностью въ области періодической литературы. Статистика показываетъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1903 году выходило 2,300 ежедневныхъ газетъ, свыше 15,000 еженедѣльныхъ журналовъ, 2,800 ежемѣсячныхъ, 200 трехмѣсячныхъ,—всего 21,000 періодическихъ изданій, т.-е. больше, чѣмъ на всемъ европейскомъ материкѣ; въ Германіи ихъ 7,500. Но поражающее значеніе этихъ чиселъ и особенно ихъ отношеніе къ соотвѣтствующимъ европейскимъ даннымъ станетъ вполнѣ понятно лишь тогда, когда мы примемъ во вниманіе тиражъ этихъ изданій. Не только газеты, издаваемыя въ трехъ городахъ съ милліоннымъ населеніемъ, но и газеты, издаваемыя въ крупныхъ провинціальныхъ городахъ, выпускаются въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ. Еще болѣе изумительнымъ является, собственно, сбытъ еженедѣльныхъ и ежемѣсячныхъ журналовъ, и притомъ не только носящихъ «семейный» или чисто-злободневный характеръ. Нѣтъ, горы самыхъ выдающихся литературныхъ журналовъ раскупаются у каждаго газетнаго прилавка въ нѣсколько часовъ, и кто знакомъ съ Новой Англіей, того не удивитъ въ воспоминаніяхъ Хиггинсона сообщеніе о томъ, что авторъ однажды прибылъ въ мѣ-

стечко въ Массачузетсѣ, насчитывавшее всего двадцать четыре дома, и что въ девятнадцати изъ этихъ домовъ получался Atlantic Monthly — журналъ, который ближе всего подходитъ къ типу солидныхъ европейскихъ ежемѣсячниковъ.

Не менѣе отраденъ, чѣмъ массовое распространеніе журналовъ въ среднихъ слояхъ населенія, поразительно большой сбытъ дорогихъ, даже драгоцѣнныхъ роскошныхъ изданій, расчитанныхъ на богатыхъ частныхъ людей. Художественныя изданія при баснословныхъ цѣнахъ часто бываютъ распроданы еще до своего выхода въ свѣтъ, и точно такъ же иллюстрированныя научныя произведенія, стоящія сотни долларовъ, легко находятъ себѣ покупателей. Все это свидѣтельствуетъ только о томъ фактѣ, что большее или меньшее—смотря по средствамъ—собраніе книгъ составляетъ принадлежность каждаго американскаго дома, и что большія частныя библіотеки имѣются не у однихъ лишь ученыхъ и спеціалистовъ. Во дворцахъ крупныхъ коммерсантовъ библіотека часто является самымъ красивымъ помѣщеніемъ, и если иногда случается попасть въ обставленную книгами роскошную комнату, имѣющую такой видъ, какъ будто архитектору было поручено между прочимъ позаботиться и о книгахъ въ ихъ пестрыхъ переплетахъ, — то гораздо чаще приходится все же наблюдать, что именно библіотечная комната является самой уютной и оживленной во всемъ домѣ. И кто оглядится въ этихъ сокровищницахъ, тотъ скоро перестаетъ удивляться: самыя рѣдкія старыя изданія, чрезвычайно полныя коллекціи и цѣнныя достопримѣчательности съ любовью и пониманіемъ собраны здѣсь въ художественно-изукрашенныхъ хранилищахъ. Есть ли въ какомъ-нибудь нѣмецкомъ частномъ домѣ такое собраніе книгъ и художественныхъ произведеній, какъ въ домѣ Монгомери Сирса въ Бостонѣ? Тамъ находишься въ такомъ царствѣ красоты, что кажется почти вполнѣ естественнымъ, если въ библіотекѣ встрѣчаешь стихотворенія и письма Гёте и Шиллера въ ихъ собственныхъ рукописяхъ.

Но начиная съ библіотеки милліонера и кончая тщательно подобранной библіотечкой бѣдной учительницы, начиная съ дворцовъ національной библіотеки и кончая скромной деревенской народной библіотекой, отъ ученаго, поглощающаго много книгъ, до работника, покупающаго газету на углу и медленно ее прочитывающаго, до продавщицы, которая сидитъ съ новѣйшимъ романомъ въ вагонѣ трамвая, — всюду кипитъ жизнь въ области печатнаго слова. И этотъ культъ книги еще день ото дня развивается.

Наибольшая часть того, что читаютъ въ настоящее время американцы, написано американцами. Это не значитъ, что отъ американскихъ читателей ускользаетъ какое-нибудь явленіе міровой ли-

тературы. Наоборотъ, подобно тому, какъ во всемъ американецъ желаетъ получать только самое лучшее, какъ онъ вводитъ новѣйшія машины или желаетъ слушать самыхъ знаменитыхъ виртуозовъ, такъ и въ области литературы характеръ американской духовной жизни требуетъ, чтобы внимательно улавливался каждый новый звукъ въ поэзіи,—безразлично, исходитъ ли онъ изъ Россіи или изъ Норвегіи. А великія произведенія міровой литературы имѣютъ здѣсь кругъ искреннихъ почитателей: въ Бостонѣ, вѣроятно, найдется больше знатоковъ Данта, чѣмъ въ Берлинѣ. Изъ нѣмецкихъ произведеній читаются научныя книги,—строго-научныя читаются ограниченнымъ кругомъ лицъ въ оригиналѣ, популярно-научныя болѣе широкими кругами въ переводахъ. Въ области изящной литературы сочиненія Шиллера и Лессинга откладываются въ сторону вмѣстѣ съ учебниками, Гете же и Гейне продолжаютъ читаться, а на-ряду съ ними, въ переводахъ, произведенія новѣйшихъ романистовъ, начиная съ Фрейтага и Шпильгагена и кончая Зудерманомъ. Французская литература нѣсколько больше читается въ оригиналѣ, чѣмъ нѣмецкая, но съ все возрастающей антипатіей; нравственное сознаніе американца отдѣлено такою пропастью отъ морали парижскаго романа, что новѣйшая французская литература никогда не пріобрѣтала въ Америкѣ такой популярности, какую она получила, напримѣръ, въ Германіи.

За то дѣйствительно рѣшающее значеніе имѣетъ, конечно, англійская литература, и при этомъ литература всякаго рода. Правда, англійскіе журналы не пользуются большой любовью и мало читаются, но англійская изящная литература—стихотворенія, романы, драмы и произведенія, представляющія общій интересъ—пользуется въ Америкѣ не меньшимъ успѣхомъ, чѣмъ въ самой Англіи. Такія неодинаковыя сочиненія, какъ романы мистрисъ Уордъ, Дю-Моріе и Киплинга имѣли въ равной мѣрѣ баснословный сбытъ, и вся огромная литература объ Англіи, начиная съ Чосера до Браунинга, составляетъ основной образовательный фондъ всякаго американца, а еще больше—всякой американки. И все же можно сказать, что наибольшая часть того, что въ настоящее время читается въ Соединенныхъ Штатахъ, написана американцами.

* * *

Что пишетъ американецъ и какъ онъ пишетъ?

Европеецъ очень склоненъ напередъ отвѣтить на этотъ вопросъ и, основываясь на своихъ предразсудкахъ, представить себѣ «чисто-американскую» манеру письма. Онъ вспоминаетъ при этомъ о биллѣ Буффало и о циркѣ Барнума. Многіе еще помнятъ, какъ Англія внезапно признала грубыя, лишенныя

художественности стихотворенія Джокина Миллера о преріяхъ великимъ продуктомъ американской литературы и провозгласила зауряднаго, совершенно незамѣченнаго на родинѣ поэта американскимъ Байрономъ,—а между тѣмъ онъ былъ не только незначительной величиной, но и не былъ типичнымъ представителемъ американскаго духа. И представленія нѣмцевъ объ американскомъ юморѣ подчинены такимъ же вліяніямъ. Только въ тѣхъ случахъ, когда этотъ юморъ создаетъ грубыя карикатуры, ему удѣляется вниманіе. Первыя сочиненія Марка Твэна, дѣйствующія на читателя только своими необузданными преувеличеніями, въ Германіи больше понравились, нежели въ Америкѣ; истинно же американскій, тонкій юморъ, напримѣръ юморъ Лоуэлля или Гольмса, не привлекъ къ себѣ вниманія. У американца безусловно не допускается наличность чувства мѣры, чувства формы, вообще—способность къ искусству, и для того, чтобы былъ признанъ у Новаго Свѣта какой-нибудь истинный поэтъ, онъ долженъ свалиться съ неба съ грохотомъ, подобнымъ грохоту Ніагары. Въ этомъ смыслѣ настоящая американская литература до сихъ поръ носила совершенно не-американскій характеръ, пожалуй даже слишкомъ не-американскій, потому что если ей чего недоставало, такъ это силы. Въ поэтахъ, подобныхъ Уланду, Гейбелю, и Гейзе недостатка нѣтъ, но такого писателя, какъ Геббель, еще не появлялось.

У американской литературы нѣтъ такой абсолютно новой черты, и вообще нѣтъ такой одной черты, которая наблюдалась бы во всѣхъ американскихъ сочиненіяхъ и въ то же время отсутствовала бы во всѣхъ европейскихъ. Если у американской литературы есть какая-нибудь особенность, то она можетъ заключаться только въ особомъ сочетаніи старыхъ, знакомыхъ элементовъ. Одинъ восторженный американецъ утверждалъ, что быть американцемъ значитъ обладать свѣжестью и въ то же время зрѣлостью, и это опредѣленіе, дѣйствительно, выражаетъ такую комбинацію, которая является новою и даетъ характеристику лучшихъ сторонъ литературнаго темперамента американцевъ. Быть свѣжимъ, быть молодымъ значитъ—быть не зрѣлымъ; быть зрѣлымъ, быть опытнымъ значитъ—оставить уже позади энтузіазмъ и свѣжесть молодости; быть зрѣлымъ и въ то же время свѣжимъ—это значитъ быть настоящимъ американцемъ. Здѣсь вовсе не соединяется несоединимое. Несоединимо было бы сочетаніе зрѣлости и наивности; но американецъ не наивенъ и никогда не былъ наивнымъ. Подобно тому какъ американскій народъ въ качествѣ націи не прошелъ періода дѣтства и не могъ создать наивныхъ балладъ, эпоса и народныхъ пѣсенъ, потому что пришелъ изъ Европы съ готовою культурой, такъ и въ ны-

нѣшнемъ литературномъ темпераментѣ націи свѣжесть и молодость нисколько не сопровождаются наивною нетронутостью; это — энтузіазмъ юноши, а не невинность мальчика. Несоединимы, однако, также свѣжесть и упадочность; американецъ зрѣлъ, но онъ никогда не бываетъ перезрѣлымъ, ослабленнымъ зрѣлой скептической усталостью старѣющаго человѣка.

Быть свѣжимъ значитъ чувствовать довѣріе къ себѣ, питать оптимизмъ и воодушевленіе, это значитъ быть оживленнымъ, не испорченнымъ, смѣлымъ, стремиться къ высшему въ силу идеализма и юношескаго пыла. Быть зрѣлымъ значитъ смотрѣть на вещи съ исторической точки зрѣнія, ставить каждую вещь на ея мѣсто, обладать чувствомъ формы; быть зрѣлымъ значитъ быть простымъ. Но если всѣ эти черты гармонически соединены, то при этомъ не могутъ не быть на лицо и слабыя стороны. Это оптимистическое чувство силы, это полное энтузіазма довѣріе къ себѣ можетъ помѣшать развитію болѣе тонкихъ, болѣе деликатныхъ ростковъ; здѣсь — яркій солнечный свѣтъ, но нѣтъ сумерекъ съ ихъ мечтательной красотой; здѣсь нѣтъ заглушенныхъ тоновъ, нѣтъ сантиментальныхъ и подавленныхъ настроеній,— вѣдь самое чудесное появляется въ душѣ лишь тогда, когда пессимизмъ хотя бы только коснулся ея. А главное—юношескій энтузіазмъ не желаетъ только созерцать, онъ желаетъ и дѣйствовать, убѣждать, преобразовывать, и потому американецъ не столько художникъ, сколько провозвѣстникъ; позади созерцателя стоитъ моралистъ-реформаторъ, энтузіазмъ котораго стремится исправить міръ. Съ другой стороны, зрѣлое пониманіе должно смягчать страсти, сглаживать все демоническое и трагическое и со спокойнымъ изяществомъ, съ глубокимъ знаніемъ человѣческой природы, избѣгать драматическаго возбужденія. Отсюда вытекаетъ тотъ фактъ, что восторженное стремленіе ввысь оказывается лишеннымъ достаточной художественной силы, что идеализму недостаетъ чувственной страсти, что мы находимъ совершенное чувство формы и въ то же время больше этическаго, чѣмъ художественнаго содержанія, что встрѣчаемъ юморъ безъ его излюбленной спутницы, сантиментальности. Разумѣется, тотчасъ же оказываются и исключенія, какъ будто опровергающія эту формулу. Развѣ Поэ не былъ полонъ демонизма, развѣ Готорнъ не былъ настоящимъ художникомъ, развѣ Уитмэнъ не разрушилъ всѣхъ законовъ формы, развѣ Генри Джемсу не знакомы заглушенные тона? Конечно, такъ, но такія уклоненія отъ средняго уровня всегда становятся ясны, если принять во вниманіе особыя условія, формулы же можно искать только для большого числа.

Можно замѣтить, что въ отмѣченныхъ крупныхъ чертахъ

духовнаго склада отражается вліяніе великихъ факторовъ. Восторженный юношескій оптимизмъ въ литературѣ, полный довѣрія къ себѣ, является только инымъ выраженіемъ стремленія къ самодѣятельности, — стремленія, которое такъ сильно развилось въ борьбѣ съ природою, во время колонизаціонной работы американцевъ, и которое создало экономическое могущество Америки. И, какъ замѣтилъ удачно Барретъ Вендель, этотъ восторженный, дѣятельный характеръ въ не малой степени былъ унаслѣдованъ американцами отъ прежнихъ англичанъ, отъ тѣхъ англичанъ, которые жили триста лѣтъ тому назадъ. Въ самой Англіи ходъ экономическаго развитія измѣнилъ характеръ народа: подданные королевы Викторіи не похожи уже на подданныхъ королевы Елизаветы, живость шекспировской эпохи уже не къ лицу нынѣшнему уравновѣшенному англичанину. Въ Америкѣ же люди попали въ такія условія, которыя должны были возбуждать именно этотъ живой энтузіазмъ.

Если, съ другой стороны, спокойная, просвѣщенная зрѣлость, увѣренно владѣющая формою, придаетъ благородный характеръ произведеніямъ юной страны, то это, конечно, прежде всего является результатомъ гордаго вліянія англійской литературы; древняя культура Англіи избавила народъ отъ годовъ ученической незрѣлости. Далѣе, здѣсь сыграло роль исторически создавшееся преобладаніе штатовъ Новой Англіи, пуританскій духъ которыхъ придалъ литературѣ этической характеръ, но въ то же время и возвышенное, стоящее надъ сутолокой, спокойствіе и зрѣлость. И еще одно обстоятельство имѣло значеніе въ теченіе всего столѣтія и имѣетъ его до сихъ поръ: значительная часть лучшей литературы создавалась въ такихъ кругахъ, которые сознательно шли противъ вульгарнаго вкуса толпы. Именно потому, что число покупающихъ и читающихъ книги здѣсь гораздо больше, чѣмъ въ Европѣ, не широкая читательская масса, не обладающая литературнымъ вкусомъ и получающая здѣсь, какъ и всюду удовольствіе отъ безцвѣтныхъ банальныхъ сочиненій,—эта масса должна уже по одному своему объему тѣмъ сильнѣе вызывать непріятное чувство въ истинныхъ друзьяхъ литературы, а благодаря этому сознанію борьбы, которая въ то же время становится обязанностью передъ націей, художественная совѣсть должна дѣлаться болѣе чуткою, чувство формы болѣе твердымъ, а все незрѣлое должно быть преодолѣно.

Безспорно, однако, что какъ хорошія стороны, такъ и многія дурныя и слабыя объясняются вліяніемъ внѣшнихъ условій. Прежде всего надо отмѣтить недостатокъ промежуточныхъ тоновъ, сѣрыхъ мечтательныхъ, демоническихъ, пессимистическихъ, сантиментальныхъ, декадентскихъ оттѣнковъ: это—недостатокъ самой американской жизни, недостатокъ, который, прав-

да, въ другихъ отношеніяхъ можетъ быть признанъ за выигрышъ. Здѣсь нѣтъ древнихъ замковъ и заброшенныхъ развалинъ, нѣтъ живописныхъ народныхъ обычаевъ, нѣтъ церковной мистики, нѣтъ разноцвѣтныхъ символовъ и пестрыхъ оттѣнковъ различныхъ соціальныхъ группъ, нѣтъ ни романтическаго горя нищеты, ни ослѣпляющей роскоши монарховъ,—всюду только здоровое, прочное довольство, работящіе люди, въ хорошей одеждѣ, на широкой улицѣ, въ солнечномъ свѣтѣ. Не случайностью было то, что настоящіе поэты на первыхъ порахъ совсѣмъ не интересовались окружающей ихъ средою, а подобно Гауторну брали свои американскія темы изъ прошедшей колоніальной эпохи, которая уже отодвинулась въ романтическую даль, или изъ жизни индѣйцевъ, или позднѣе изъ жизни искателей приключеній далекаго Запада, или изъ негритянской жизни, или изъ сельской жизни отдаленныхъ странъ; жизнь, окружавшая поэтовъ, лишь постепенно могла сдѣлаться достояніемъ поэзіи, и такъ какъ она была полна такого яркаго свѣта, лишена сумеречной атмосферы и не вызывала поэтическаго отношенія къ себѣ, то всему литературному движенію въ своей средѣ она придала характеръ чего-то бѣднаго оттѣнками, чего-то доморощенно-здороваго.

Изящная литература занимаетъ центральное мѣсто среди писаній, въ которыхъ отражается характеръ пишущаго, но если взять и литературу въ болѣе широкомъ смыслѣ, включивъ все, что служитъ истолкованіемъ человѣческой судьбы, т. е. исторію и философію, или даже если взять литературу въ самомъ широкомъ смыслѣ, какъ совокупность всего, что написано народомъ, то она должна отражать въ себѣ всѣ главныя черты литературнаго темперамента этого народа. И дѣйствительно, не художественная литература также самымъ яснымъ образомъ отражаетъ физіономію американца. Прежде всего—наиболѣе читаемая печатная вещь, газета. Въ лучшихъ американскихъ кругахъ мода велитъ относиться къ газетѣ, въ качествѣ литературной величины, съ презрѣніемъ и терпѣть ее только какъ необходимое зло. И не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что большинство газетъ, дѣйствительно, преподноситъ безконечно много вульгарнаго и пошлаго, а главное—онѣ часто представляютъ то, что даютъ, въ вульгарномъ и пошломъ видѣ. Но никто не вынужденъ черпать свой матеріалъ для ежедневнаго чтенія изъ этого большинства, если его къ тому не побуждаетъ собственная любовь къ сенсаціи; всякій знаетъ, что къ его услугамъ и меньшинство серьезныхъ, благородныхъ газетъ. Если оставить въ сторонѣ газетную политику и изумительную экономическитехническую сторону дѣла—о томъ и другомъ мы уже говорили раньше,—то надо признать, что газетный міръ всей страны все

же представляетъ собою литературную область высокой цѣнности, которая слишкомъ часто неправильно умаляется. Американскія газеты, и при томъ не только самыя крупныя, но и сотни среднихъ, являются поразительно однородными продуктами американскаго духа.

Безспорно, стиль здѣсь часто бываетъ бѣглымъ, логика—мало состоятельной, знаніе дѣла—поверхностнымъ, но въ той формѣ, въ какой предлагается газетный матеріалъ, онъ обладаетъ единствомъ характера. Безспорно, на поприще журналистики болѣе, чѣмъ на какое-либо другое, ежегодно устремляются тысячи слабыхъ въ духовномъ смыслѣ натуръ, но американская журналистика, какъ и американская нація, обладаетъ изумительной силою ассимиляціи. Подобно тому какъ въ Америкѣ ежегодно высаживаются тысячи русскихъ и итальянцевъ, оборванныхъ и некультурныхъ, которые, однако, спустя нѣсколько лѣтъ оказываются серьезно интересующимися политикой американцами, такъ и къ берегу американской журналистики ежегодно пристаютъ слишкомъ многіе, рѣшительно не подготовленные быть учителями человѣчества, или содѣйствовать ему или хотя бы только развлекать его съ помощью печатнаго слова, и тѣмъ не менѣе спустя нѣсколько лѣтъ они вполнѣ ассимилируются. Да, американская газета отъ Бостона до С. Франциско представляетъ собою однородный продуктъ американскаго духа, обладающій однороднымъ стилемъ, и несмотря на всѣ предубѣжденія надо сказать, что американская газета принадлежитъ къ литературѣ, и принадлежитъ въ большей мѣрѣ, нежели нѣмецкая.

Американцу незнакомо разграниченіе между не-политической болтовней, проникнутой литературнымъ тщеславіемъ, въ нижней половинѣ листа, и не-литературными поученіями, проникнутыми политическимъ тщеславіемъ, въ верхней. Вся газета носитъ въ извѣстномъ смыслѣ политическій характеръ, и въ то же время вся она носитъ характеръ фельетона. Начиная съ руководящихъ статей, которыхъ въ каждой крупной газетѣ ежедневно помѣщается три — четыре, и кончая мелкими сообщеніями, замѣтками и статейками легкаго содержанія, которыя предшествуютъ непосредственно объявленіямъ, начиная съ очерка изъ жизни вашингтонскаго Капитолія и кончая болтовнею о новостяхъ спорта—каждая строчка стремится быть въ своемъ родѣ художественнымъ произведеніемъ и каждая носитъ отпечатокъ американской литературы. Педантическаго здѣсь нѣтъ ничего; безспорно, сообщаемыя свѣдѣнія часто бываютъ недостаточно основательны, часто не выдержана перспектива, слишкомъ часто мало добросовѣстна и провѣрка обвиненій, но все носитъ характеръ свѣжести и оптимизма, все преподносится

наглядно и настойчиво, а между строкъ всюду слышится лукавый смѣхъ.

Въ области еженедѣльныхъ журналовъ, которые часто представляютъ собою просто снятыя съ газетъ пѣнки, Америка достигла блестящихъ результатовъ. Здѣсь наиболѣе подходящее мѣсто для легкаго, свѣжаго, полнаго непосредственности стиля американца. То же самое, но въ болѣе серьезной и долговѣчной формѣ мы видимъ въ ежемѣсячныхъ журналахъ. Главные соціально-политическіе ежемѣсячные журналы, какъ старый и почтенный North American Review, придающій только слишкомъ большое значеніе именамъ знаменитыхъ сотрудниковъ, Forum и другіе должны быть поставлены на-ряду съ лучшими англійскими журналами; Atlantic Monthly, журналъ преимущественно литературнаго характера, основанный въ 1857 году бостонскимъ кружкомъ друзей—Лоуэллемъ, Лонгфелло, Эмерсономъ, Гольмсомъ, Уиттіеромъ и Мотли—и въ теченіе долгаго времени привлекавшій къ себѣ лучшія силы страны, скорѣе всего можно сравнить съ Revue de deux Mondes. Ежемѣсячные журналы всякаго рода способствуютъ развитію той литературной формы, для которой Америка, повидимому, обладаетъ наиболѣе сильно выраженнымъ талантомъ, именно—формы очерка. Журнальный очеркъ служитъ, прежде всего, замѣною брошюрамъ, которыя Америкѣ почти не знакомы. Для того, чтобы самостоятельная брошюра при своей краткости привлекла къ себѣ вниманіе публики, она должна дѣйствовать агитаціонно, громкими средствами. Очеркъ же, предлагаемый читателю подъ отвѣтственностью журнала, не нуждается въ этомъ; онъ стоитъ въ ряду другихъ и приспособляется къ своему положенію; онъ не требуетъ всего вниманія, а только своей части, принадлежащей ему въ гармонической системѣ.

Въ нѣмецкихъ литературныхъ кругахъ споръ о настоящихъ боевыхъ вопросахъ обыкновенно ведется съ помощью брошюръ, а журналаный очеркъ является книгою въ миніатюрѣ, написанною для легкаго просвѣщенія образованной публики, которой некогда читать длинныя книги; американскій же очеркъ представляетъ собою нѣчто среднее—онъ носитъ живой, свѣжій, сатирическій характеръ, какъ нѣмецкая брошюра, и въ то же время сохраняетъ извѣстную мѣру и поучаетъ подобно нѣмецкой статьѣ. Лишь тогда, когда можно объединить рядъ очерковъ, принадлежащихъ одному и тому же автору и написанныхъ въ одномъ общемъ направленіи, въ болѣе или менѣе значительное цѣлое, они появляются въ качествѣ самостоятельной книги. Мы уже упоминали раньше, что Америка чрезвычайно богата такими сборниками очерковъ, исторія которыхъ почти всегда одинакова. Эти очерки создаются сперва въ ка-

чествѣ лекцій, затѣмъ они становятся журнальными статьями и, наконецъ, въ переработанной формѣ объединяются въ одномъ томѣ. Цѣнность ихъ, разумѣется, бываетъ очень различна, но въ общемъ содержаніе ихъ интересно и важно, часто ведетъ на совершенно новые пути, а форма изумительно хороша. Тонкая обработка темы, мѣткій юморъ, богатый, образный языкъ съ необыкновенно удачными сравненіями и тщательная отдѣлка слога—все это соединяется и заставляетъ забывать о поспѣшно собранномъ матеріалѣ, чего часто нельзя отрицать, и о поверхностности объясненій. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что составители такихъ сборниковъ пользуются, въ противоположность своимъ нѣмецкимъ коллегамъ, у читающей публики величайшимъ успѣхомъ, и что ежегодно выходитъ въ свѣтъ около сотни томовъ различныхъ очерковъ. Нигдѣ не подходитъ въ большей степени, чѣмъ здѣсь, приведенное опредѣленіе: свѣжесть и въ то же время зрѣлость.

Но американецъ остается американцемъ и тогда, когда онъ переходитъ на интернаціональную, казалось бы, почву науки. Что стиль историка имѣетъ индивидуальный характеръ, это вполнѣ естественно; Паркмэнъ и Мотли, Прескоттъ и Фискъ представляютъ собою совершенно различные типы историковъ, и все же американская манера, выражающаяся въ томъ, какъ они подходятъ къ своему матеріалу, какую форму ему придаютъ и какъ его оживляютъ, обща имъ всѣмъ. Или стоитъ посмотрѣть на такую строго-научную работу, какъ двухтомное сочиненіе Уилльяма Джэмса «Основы психологіи». Только американецъ способенъ находить яркіе образные обороты, такую индивидуальную форму для отвлеченныхъ знаній, такую свѣжесть при столь зрѣломъ мастерскомъ господствѣ надъ предметомъ.

Въ качествѣ отпрыска письменной литературы надо разсмотрѣть и свободную устную рѣчь. Народъ политиковъ долженъ отводить оратору почетное мѣсто, и дѣйствительно, во всѣ времена въ народной жизни множество факторовъ вліяло въ томъ смыслѣ, чтобы способствовать развитію ораторскаго искусства, чтобы дать школу самому скромному ораторскому таланту и оцѣнить его, чтобы возвысить всякаго великаго оратора. Каждое болѣе или менѣе глубокое движеніе въ американской исторіи начиналось съ выступленія сильныхъ ораторовъ; передъ революціей Адамсъ и Отисъ, Квинси и Генри были не только буревѣстниками, указывавшими на то, что должно совершиться: своими огненными рѣчами они сами помогали вызвать революцію. И можно ли говорить о міровомъ движеніи, которое повело къ войнѣ изъ-за освобожденія невольниковъ, не упоминая объ ораторахъ, о Шотѣ и Клейѣ, о Кальгунѣ и Гэйнѣ, о

Гаррисонѣ и Сумнерѣ, о Венделлѣ Филлипсѣ, величайшемъ демагогѣ, объ Уилльямѣ Эвереттѣ, величайшемъ академикѣ, а прежде всего о Даніелѣ Уебстерѣ, величайшемъ государственномъ дѣятелѣ среди ораторовъ.

Въ нынѣшнее спокойное время ораторъ уступаетъ первое мѣсто писателю, составителю очерковъ, и огромное количество современныхъ партійныхъ рѣчей не имѣетъ абсолютно никакого значенія въ литературѣ. Но кто участвовалъ когда-нибудь въ предвыборной кампаніи передъ избраніемъ президента, или слышалъ въ судѣ самыхъ выдающихся адвокатовъ, или наблюдалъ студенческіе дебаты, которые ведутся въ университетѣ по всѣмъ правиламъ спорта, тотъ знаетъ, что ораторскій талантъ американцевъ не заглохъ послѣ прежнихъ дней расцвѣта, что онъ снова достигъ бы большой высоты, если бы націю снова взволновалъ какой-нибудь крупный вопросъ въ родѣ серебряной валюты или филиппинской политики. Интенсивное отношеніе къ предмету, прекрасная форма какъ въ отдѣльной фразѣ, такъ и въ построеніи цѣлаго, неожиданныя сравненія, всепобѣждающая насмѣшка, захватывающій подъемъ и тонъ искренняго убѣжденія—все это здѣсь какъ будто имѣется въ распоряженіи всякаго. Кое-гдѣ фразы оказываются пустыми, а красивая интонація должна возмѣщать слишкомъ многое, но въ общемъ въ настоящее время наблюдается тенденція къ простотѣ выраженій и безхитростности языка. Самый пріятный видъ ораторскаго искусства представляютъ собою застольныя рѣчи. Настоящая американская «послѣобѣденная рѣчь» есть чрезвычайно тонкое художественное произведеніе. Разумѣется, часто приходится слышать и не настоящія, въ которыхъ анекдоты слѣдуютъ другъ за другомъ непрерывною цѣпью и гдѣ ораторъ довольствуется тѣмъ, чтобы хорошо ихъ разсказать. И въ настоящей рѣчи не долженъ отсутствовать остроумный анекдотъ, но здѣсь онъ служитъ только украшеніемъ вступительной части. Ораторъ скоро подходитъ къ своей главной темѣ, и тогда онъ начинаетъ, граціозно играя, полу-серьезно, полу-небрежно, въ центральномъ пунктѣ съ пафосомъ, но всегда какъ будто непроизвольно, облекать въ слова свои мысли. Въ вашингтонскомъ Капитоліи говорятъ лучше, нежели въ германскомъ рейхстагѣ, на американскихъ же банкетахъ говорятъ не только лучше, чѣмъ на нѣмецкихъ парадныхъ обѣдахъ и товарищескихъ собраніяхъ,—это просто качественно различныя вещи; застольная рѣчь представляетъ собою особую область литературнаго искусства,—область, къ которой американецъ предрасположенъ благодаря всей своей натурѣ, съ ея свѣжестью, юморомъ, чувствомъ формы и восторженностью.

Оглядываясь въ мірѣ журналистовъ, историковъ, ораторовъ,

приходится не разъ бросить взглядъ въ область изящной литературы. Въ Америкѣ съ этимъ приходится считаться въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ любой другой странѣ. Съ одной стороны, какъ мы видѣли, у изящной литературы есть сильное стремленіе къ тому, что можетъ имѣть практическое вліяніе; она съ радостью служитъ распространенію великихъ идей моральнаго или соціальнаго характера. Сама поэзія здѣсь обращается въ трактатъ и проповѣдь. При этомъ не надо имѣть въ виду чисто-агитаціонные, и потому въ художественномъ отношеніи второразрядные романы, какъ «Хижина дяди Тома», или такія ничтожныя въ литературномъ смыслѣ произведенія, какъ утопія Беллами; даже и настоящіе поэты, какъ Уиттіеръ, не могутъ быть выдѣлены въ исторіи освобожденія невольниковъ изъ круга политическихъ писателей, и если тенденціозные романы по поводу злободневныхъ вопросовъ, написанные въ духѣ трехтомныхъ англійскихъ романовъ съ безконечными разговорами, не пользовались любовью въ Америкѣ, потому что претили американскому чувству формы, то тѣмъ большій успѣхъ имѣли рѣзко очерченные, короткіе сатирическіе романы изъ общественной жизни, такъ какъ они всегда легко переходятъ въ тонъ журнальной статьи или очерка. Съ другой стороны, самый ходъ развитія американскаго общества заставлялъ писателя быть больше, чѣмъ только писателемъ. Та духовная аристократизація общества, при которой занятіе поэзіей можетъ быть единственнымъ занятіемъ человѣка, еще не могла возникнуть въ боевой экономическій періодъ, и самые выдающіеся стихотворцы работали почти во всѣхъ областяхъ литературы. Они не рѣдко начинали свою дѣятельность въ качествѣ журналистовъ и почти всегда писали въ то же время очерки, были редакторами или профессорами.

* *
*

Восемнадцатый вѣкъ былъ бѣденъ и мало далъ въ Америкѣ въ области какъ лирической, такъ и эпической поэзіи. Въ исторіи литературы мы встрѣчаемъ уже много именъ, но они не говорятъ о самостоятельномъ творчествѣ, которое могло бы быть поставлено наравнѣ съ высоко развитымъ англійскимъ искусствомъ. Внутренняя зависимость Америки отъ Англіи была такая же, какъ и внѣшняя. Болѣе того, если кто-нибудь сравнитъ полную духовную безплодность нынѣшней Канады съ лихорадочной жизнью сосѣдней американской страны, то онъ невольно долженъ будетъ задуматься надъ вопросомъ, въ состояніи ли политическія колоніи вообще развить собственное литературное творчество. Лишь когда была достигнута свобода и затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ десятилѣтій безпокойства и не-

увѣренности, установилось новое состояніе равновѣсія,—лишь тогда пробудилась американская литература. И теперь она не была, да и не хотѣла быть свободной отъ англійскихъ образцовъ, но теперь на передній планъ выдвинулись самостоятельныя личности. Вашингтонъ Ирвингъ былъ, какъ выразился Теккерей, «первымъ посланникомъ, котораго литературный Новый Свѣтъ отправилъ къ Старому». Нельзя не видѣть, что и на немъ отражались англійскія вліянія, но это былъ все же сильный, своеобразный талантъ; изъ всѣхъ его книгъ наибольшей популярностью пользовался сборникъ набросковъ 1819 года, и съ береговъ Гудзона, гдѣ мечталъ Рипъ ванъ Винкль, никогда уже не могли быть изгнаны добрые духи поэзіи.

Но американскій романъ въ то время еще не возникалъ. Правда, уже имѣлись романы Брауна изъ пенсильванской жизни, но несмотря на захватывающія описанія они были въ высшемъ смыслѣ все же не художественны. И вотъ Фениморъ Куперъ открылъ нетронутыя еще сокровища необъятной страны: въ 1821 году появился его «Слѣдопытъ» и американскій Вальтеръ Скоттъ сразу сталъ знаменитъ. Въ слѣдующемъ году начала выходить серія его разсказовъ о „Кожаномъ чулкѣ“ изъ жизни дикихъ индѣйцевъ, а слѣдомъ за тридцатью двумя романами Купера потянулись исторіи болѣе мелкихъ кладоискателей. Среди нихъ миссъ Седжвикъ была первою женщиной, пріобрѣвшею литературную извѣстность, а романы ея были, кажется, первыми, въ которыхъ описывалась жизнь штатовъ Новой Англіи. Въ то же самое время въ одномъ изъ городковъ Новой Англіи одинъ юноша писалъ стихи, мраморная красота которыхъ не допускала сравненія ни съ какими болѣе ранними лирическими произведеніями его родины. Въ 1821 года появился первый томъ стихотвореній Брайанта. Теперь надо было признать, что американская литература существуетъ, и ироническій вопросъ, раздававшійся въ Англіи въ началѣ столѣтія: «кто станетъ читать американскую книгу?»—этотъ вопросъ исчезъ разъ навсегда.

Вскорѣ послѣдовалъ и первый крупный подъемъ. Въ тридцатыхъ годахъ начинается блестящій періодъ, когда Готорнъ, Гольмсъ и Эмерсонъ, Лонгфелло и Торо, Куртисъ и Фуллеръ давали изъ Новой Англіи тепло и свѣтъ всей Америкѣ. И какъ предвѣстникъ великой эпохи раздавалась пѣснь несравненнаго поэта, который не желалъ, подобно нравственнымъ писателямъ Новой Англіи, съ помощью своей пѣсни бороться за извѣстныя идеи, а желалъ просто пѣть: это—пѣснь Эдгара Аллена Поэ. Его меланхолическая, демоническая и мелодическая поэзія является чудеснымъ источникомъ въ странѣ, которая до того времени знала только тяжелый трудъ; и Поэ былъ

первымъ, чья фантазія возвела коротенькую повеллу въ форму чистѣйшей поэзіи. Но въ Новой Англіи никто не былъ въ такой мѣрѣ поэтомъ въ душѣ, какъ Натаніэль Гауторнъ, авторъ «Scarlet Letter». Его «Morble Faune», гдѣ дѣйствіе разыгрывается въ Италіи, пожалуй, показываетъ намъ его въ полной зрѣлости, но главная сила его сказалась въ романахъ изъ жизни Массачузетса, которые по своей задушевности и художественной законченности прекрасны, какъ осенній день въ Новой Англіи. А Ральфъ Уальдо Эмерсонъ, философъ-рапсодъ, писалъ стихотворенія, полныя мыслей, но при этомъ все же настоящія стихотворенія, а Уиттіеръ въ качествѣ вдохновеннаго барда пѣлъ свои пѣсни свободы, и рядомъ съ ними стояли трое друзей, Лонгфелло, Лауэлль и Гольмсъ,— гарвардскіе профессора, люди высокой духовной зрѣлости, люди, которыхъ литературное искусство сдѣлало воспитателями націи. Одинъ только Томасъ Уентвортъ Хиггинсонъ, восьмидесятилѣтній старецъ, сохранился еще отъ того золотого времени до нашихъ дней —нѣкогда борецъ за освобожденіе невольниковъ и за освобожденіе женщины, теперь, какъ и тогда, великій мастеръ писать полные настроенія очерки. Въ его воспоминаніяхъ живетъ еще время литературнаго расцвѣта.

На Лонгфелло можно смотрѣть прежде всего, какъ на автора, сумѣвшаго тонко передать Америкѣ нѣмецкую поэзію. Его книга набросковъ «Гиперіонъ» открыла для американцевъ міръ германскихъ сказаній и перенесла нѣмецкую романтику за океанъ, а въ его балладахъ и прелестной идилліи «Евангелина» міръ Новой Англіи является проникнутымъ нѣмецкими чувствами; даже его «Пѣснь о Гайаватѣ», эта индѣйская эдда, звучитъ такъ, какъ будто ее поетъ нѣмецкій странникъ, попавшій въ страну индѣйцевъ. Лонгфелло сдѣлался любимымъ поэтомъ въ американскихъ домахъ, и въ Кембриджъ, гдѣ жилъ покойный, еще и теперь направляется на поклоненіе американская молодежь. Лауэлль былъ, пожалуй, болѣе способнымъ и, во всякомъ случаѣ, болѣе многостороннимъ. Его искусство охватываетъ собою и самый высокій пафосъ, до котораго поднимался американскій патріотизмъ въ дни опасности, и самую безудержную веселость, выливающуюся въ жаргонныхъ стихахъ, и безхитростность идиллическихъ стихотвореній, и ѣдкую насмѣшку въ критическихъ статьяхъ. Его юмористическія стихотворенія «Bigelow Papers», принято считать самымъ типичнымъ американскимъ литературнымъ произведеніемъ; но въ дѣйствительности академическое достоинство ему все же болѣе къ лицу. Кромѣ того, истинно-американскій юморъ, кажется, болѣе геніально выражается у Гольмса. И Гольмсъ также былъ лирическимъ поэтомъ, и среди поэтовъ

ему по праву принадлежитъ видное мѣсто, но самымъ блестящимъ его произведеніемъ былъ рядъ «книгъ объ автократахъ»; въ его «Автократѣ за завтракомъ» звучитъ тотъ серьезный смѣхъ, который находитъ отголосокъ въ міровой литературѣ. Это была первая книга изъ длиннаго ряда; когда Гольмсъ писалъ ее, онъ былъ профессоромъ анатоміи и ему было сорокъ шесть лѣтъ.

Вокругъ крупныхъ писателей группируются и болѣе мелкіе. Въ началѣ столѣтія Гарріета Бичеръ Стоу написала свою «Хижину дяди Тома», которая въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ расходилась ежедневно въ десяти тысячахъ экземпляровъ, и литература романовъ начала разростаться вширь. Около того же времени стали появляться прекрасныя пѣсни Байарда Тайлора и едва ли менѣе цѣнныя лирическія стихотворенія Стедмэна и Стоддора; Тайлоръ впослѣдствіи далъ также переводъ «Фауста», лучшій изъ всѣхъ появлявшихся до сихъ поръ. Такимъ образомъ, къ тому времени, когда разгорѣлась междуусобная война, когда продуктивная наука, за исключеніемъ исторіи, представляла собою только зачатки и еще почти не существовала, у Америки имѣлась уже блестящая литература. Для науки требовалось предварительное и медленное созиданіе прочныхъ академическихъ учрежденій, здѣсь надо было съ трудомъ класть камень за камнемъ, и послѣднія три десятилѣтія девятнадцатаго вѣка были посвящены этой трудной работѣ. Поэзія же нуждалась только во внутренномъ голосѣ своихъ выразителей и въ радостной готовности къ ней народа. И наука, дѣйствительно, со времени своего возникновенія росла тихо и неуклонно вмѣстѣ съ ростомъ учрежденій; для поэзіи же смѣнялись періоды расцвѣта и упадка. Когда разсѣялся пороховой дымъ гражданской войны, счастливый періодъ поэзіи уже миновалъ; начался періодъ упадка, и лишь въ наши дни, кажется, начинаетъ медленно возвращаться періодъ подъема.

Это не значитъ, конечно, будто за послѣднія три десятилѣтія не появлялось талантовъ или что внѣшнимъ образомъ остылъ интересъ къ литературѣ. Проникнутые высокими стремленіями авторы романовъ, какъ Гауэллльсъ, Джэмсъ, Крауфордъ и Кэбль, новеллисты, какъ Альдрихъ, Бретъ Гартъ и Гэль, какъ Мэри Уилькинсъ и Сара Орнъ Джеветъ, лирическіе поэты, какъ Ланіеръ и Уитмэнъ, юмористы, какъ Стоктонъ и Маркъ Твэнъ, дали прекрасныя, частью даже великія произведенія и вновь открыли для поэзіи новыя обширныя области; только по сравненію съ предшествовавшимъ большимъ подъемомъ ихъ время представляется скорѣе періодомъ покоя. И тѣмъ не менѣе многіе готовы считать Гауэлльса величайшимъ американскимъ писателемъ и ставить его реалистическій анализъ вы-

ше всѣхъ современныхъ романовъ. А самъ Гауэллсъ отдаетъ пальму первенства позднѣйшимъ, наиболѣе зрѣлымъ произведеніямъ Марка Твэна.

Но есть одинъ замѣчательный поэтъ, о которомъ рѣшительное слово скажетъ лишь будущее: это Уальтъ Уитмэнъ. Его «Leaves of grass» со своей какъ будто безформенной лирикой у однихъ вызывали обоготвореніе, другими признавались за варварскую безвкусицу,—это былъ такой же споръ, какъ по поводу Заратустры. Да и по внутреннему содержанію можно Уитмэна сравнивать съ Ницше, радикальнаго демократа съ крайнимъ аристократомъ, потому что, переходя за извѣстный предѣлъ, демократическое право личности должно привести къ такому пункту, гдѣ отдѣльный человѣкъ—все, гдѣ онъ поэтому чувствуетъ себя единственнымъ и гордо требуетъ для себя правъ сверхчеловѣка. «Когда они спорятъ, я безмолвствую, иду купаться или удивляюсь самому себѣ», говоритъ этотъ пророкъ демократіи. «Поучаясь сидѣлъ я у ногъ великихъ учителей,—о, если бы великіе учителя вернулись, чтобы учиться у меня». Такое сопоставленіе американскихъ и нѣмецкихъ умовъ легко можно было бы продолжить, и оно, пожалуй, могло бы дать нѣкоторыя перспективы во всемірной литературѣ. Подобно тому, какъ Уитмэна и Ницше, можно было бы сопоставить, напримѣръ, Брайанта и Платена, Поэ и Гейне, Гауторна и Фрейтага, Лоуэлля и Уланда, Уиттіера и Рюккерта, Гольмса и Келлера, Гауэллса и Фонтана, Крауфорда и Гейзе и такъ дальше безъ конца, и при этомъ въ каждой парѣ стояли бы приблизительно равныя величины. Не слѣдуетъ только ни въ какомъ случаѣ стараться провести вполнѣ точную параллель, такъ какъ еще легче было бы у каждой пары отыскать такія черты, благодаря которымъ сравненіе могло бы показаться почти безсмысленнымъ.

Въ почти необозримой нынѣшней литературѣ преобладаютъ романъ и новелла, извѣстная подъ именемъ short story. Американцы всегда обнаруживали особенное пристрастіе къ «короткимъ исторіямъ» и талантъ въ ихъ составленіи; Поэ былъ ихъ учителемъ, и истинное искусство сказывается въ той граціи, съ которою, напримѣръ, Альдрихъ разсказываетъ свою исторію Marjorie Daw или Дэвисъ свои «Van-Bibber-stories», въ той силѣ, съ которою Гэль описываетъ человѣка безъ отечества, а Бретъ Гартъ искателей приключеній на Западѣ, въ той сердечности, которая звучитъ въ разсказахъ миссъ Уилькинсъ или миссъ Джеветтъ о тихой жизни. Глубокое пониманіе, свѣжесть и живость, тонкое чувство формы, изящный юморъ,—всѣ положительныя качества американской литературы соединяются въ «короткой исторіи», чтобы содѣйствовать ея побѣдѣ. Это—не нѣмецкая новелла; ее скорѣе можно сравнить съ

французскимъ разсказомъ. Она не представляетъ собою и какого-нибудь одного типа; можно почти сказать, что существуетъ два типа—женскій и мужской. Къ женскому типу принадлежитъ тонко отдѣланная короткая исторія, короткая потому, что прелесть разсказываемаго событія была бы разрушена, если бы разсказъ былъ растянутъ большими подробностями, а мужская сила сказывается въ похожей на вспышку молніи короткой исторіи, короткой потому, что все съ величайшей энергіей ведетъ къ одному событію, и всякое медленное дѣйствіе вызывало бы нетерпѣніе, поэтому и въ томъ, и въ другомъ случаѣ все несущественное опускается, какъ подразумѣвающееся само собою. Быть можетъ, ни въ чемъ не проявляется такъ своеобразность американца; короткія исторіи въ настоящее время начинаютъ создаваться массами, и большею частью первый пріютъ имъ даютъ ежемѣсячные журналы.

Менѣе слышны теперь въ хорѣ юмористы. Ни тонкій юморъ Ирвинга, Лауэлля и Гольмса, ни болѣе грубый юморъ Бретъ Гарта и Марка Твэна не находятъ въ настоящее время много послѣдователей, представляющихъ дѣйствительную литературную цѣнность. Есть, правда, много людей, которые наслаждаются написанными на ирландскомъ нарѣчіи комментаріями Дулея къ современнымъ событіямъ. Но гораздо больше истиннаго юмора заключается въ соціальныхъ романахъ Генри Джэмса, романахъ съ легкимъ сатирическимъ оттѣнкомъ, или въ стоящихъ значительно ниже романахъ Гранта, Геррика, Бэтса и множествѣ другихъ, или въ романахъ изъ народной жизни, какъ напримѣръ «David Harum» Уэстготта.

Сильнѣе всего, однако, развился историческій романъ. Сперва фантазія устремлялась въ далекія страны, и шаблонныя фигуры дѣйствующихъ лицъ облекались въ самые пестрые иностранные костюмы; наибольшую популярность пріобрѣлъ «Бенъ Гуръ» Уоллеса. Теперь же авторы давно уже пошли по другому пути, и сочиненія ихъ должны отражать въ себѣ прошлое собственной націи. Безспорно, колоссальный сбытъ книгъ этого рода въ значительной степени объясняется образовательными потребностями, не имѣющими никакого отношенія къ художественности; съ тѣхъ поръ какъ національное сознаніе стало такъ неуклонно расти, публика желаетъ безъ труда изучать свою національную исторію, и не подлежитъ сомнѣнію, что благодаря этимъ романамъ милліоны американцевъ имѣютъ въ настоящее время болѣе живое и наглядное представленіе о соціальной жизни Америки въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ столѣтіи, чѣмъ нѣмецкая масса объ исторіи своего народа въ тѣ же вѣка. Но впереди другихъ все же дѣйствуютъ эстетическіе мотивы. Такія книги, какъ «Crisis» Чирчелля, «D'ri and I» Бакелора, «Audrey»

миссъ Джонстонъ, «Janice Meredith» Форда и всѣ прочія этого рода, конечно, являются недолговѣчными произведеніями, и черезъ годъ на елкѣ дѣтямъ будутъ дарить уже другія книги, но тѣмъ не менѣе за ними надо признать не совсѣмъ малую художественную цѣнность. Особенно надо отмѣтить, что яркость описаній, живость дѣйствія, удачные замыслы и прелестный языкъ встрѣчаются у необычайно многихъ авторовъ романовъ. И въ настоящее время средній уровень американскихъ романовъ, безспорно, не ниже нѣмецкихъ.

Историческій романъ прежде всего имѣетъ цѣлью пробуждать національное сознаніе; такъ, напримѣръ, романы геніальнаго филадельфійскаго врача по нервнымъ болѣзнямъ Уэйра Митчелля являются прежде всего разсказами изъ великой эпохи національной революціи, элементы же изъ исторіи Пенсильваніи играютъ лишь второстепенную роль. На-ряду съ этимъ, однако, процвѣтаютъ и разсказы, носящіе мѣстный колоритъ, и въ нихъ именно съ особенной яркостью появляется та черта, которую можно замѣтить во всей американской литературѣ, начиная съ Ирвинга, Купера и Брайанта и до настоящаго времени; это—любовь къ природѣ и сліяніе съ нею. Каждая группа людей нашла своего поэта, который описалъ ее вмѣстѣ съ ея натуральною обстановкой; въ новыхъ разсказахъ мы встрѣчаемъ не только своеобразныя фигуры обитателей преріи и золотыхъ розсыпей, но и неинтересныхъ по внѣшности жителей деревень Новой Англіи и горъ вокругъ Тонпесскаго озера, южныхъ плантацій и западныхъ городовъ. Особенно громко говоритъ о себѣ въ литературѣ юный Западъ, и пѣснь этого новаго, стремящагося впередъ духа, которымъ выстроенъ городъ Чикаго, не безъ таланта была пропѣта уже много разъ; романы Фуллера, Норриса и другихъ представляютъ огромный интересъ, какъ описаніе культуры американскаго Запада. Нынѣшній Югъ съ его новыми симптомами приспособленія, кажется, больше описывался съ сѣверной, чѣмъ съ южной точки зрѣнія. Удивительно, что душевная жизнь нынѣшнихъ американскихъ негровъ еще такъ мало привлекала къ себѣ вниманіе; короткій разсказъ Честнета «The wife of his youth» показываетъ, что здѣсь имѣются еще нетронутыя сокровища.

Болѣе или менѣе крупные разсказы всегда пишутся въ прозѣ; стихотворный эпосъ послѣ Евангелины имѣлъ совершенно ничтожное число представителей, и стихи остаются исключительно лирической формой. Въ превосходныхъ большихъ трудахъ Стэдмена, Ондердонка и другихъ изложена исторія американской лирики, и это, пожалуй, исторія самаго прекраснаго, что создано американскою литературой. Кто знаетъ аме-

риканца только по его карикатурѣ и никогда не понималъ идеалиста въ янки, тотъ, пожалуй, будетъ удивленъ, что именно лирика сдѣлалась его излюбленной областью; романтическій романъ, написанный для толпы, своимъ распространеніемъ бываетъ обязанъ и книгопродавческому искусству, сборникъ же стиховъ долженъ всегда самъ говорить за себя.

Лирика въ своихъ свѣжихъ, глубокихъ и свѣтлыхъ по формѣ пѣсняхъ выражаетъ собою самую сущность американской литературы. Въ области лирики и теперь создается чрезвычайно много; можно ли себѣ представить, что даже ежедневныя политическія газеты, какъ напримѣръ главная бостонская газета Transcript каждый день помѣщаетъ нѣсколько лирическихъ стихотвореній. И если здѣсь, какъ вездѣ, ежегодно появляется много дюжинныхъ сборниковъ стихотвореній, то все же чувство формы здѣсь такъ высоко развито, что рѣдко случается встрѣтить произведенія абсолютно плохія, и поразительно часто—стихи значительные и глубоко прекрасные. И въ этой области самый громкій успѣхъ не всегда является самымъ заслуженнымъ; такъ, слишкомъ много приходилось слышать о сочиненіи Маркгэма «The Man with the Hoe» и слишкомъ мало о сонетахъ Сантаяны, слишкомъ много объ Эмиліи Диккинсонъ и слишкомъ мало о Жозефинѣ Пибоди. И здѣсь также часто отражается самымъ удачнымъ образомъ мѣстный колоритъ, какъ напримѣръ въ извѣстныхъ стихахъ Райлея. У западныхъ поэтовъ иная манера, чѣмъ у восточныхъ, у Юга же никогда больше не было такого богатаго мелодіями пѣвца, какъ Сидней Ланіеръ.

Сильный лирическій оттѣнокъ замѣчается и въ современной драматической поэзіи. Собственно драма находилась всегда въ большемъ пренебреженіи, чѣмъ всѣ остальныя области духовной жизни, и если правда, что американцы въ своемъ темпераментѣ и склонностяхъ сохранили натуру англичанъ времени королевы Елизаветы, то пора бы уже появиться и потомкамъ Шекспира. До сихъ поръ они такъ боялись всякаго сравненія, что намѣренно скрывались; поразительно мало театральныхъ пьесъ, имѣющихъ дѣйствительное литературное значеніе, было написано между Атлантическимъ и Великимъ океаномъ.

Въ драматургахъ, конечно, никогда не было недостатка, и теперь американская сцена больше, чѣмъ прежде, снабжается продуктами мѣстнаго производства, но литература при этомъ мало выигрываетъ. Народныя пьесы изъ жизни Виргиніи, Новой Англіи и т. д., часто тепло написанныя, бываютъ при этомъ обыкновенно лучше, чѣмъ драмы изъ жизни общества, а пользующіяся большой любовью драматическія передѣлки романовъ

большею частью смотрятся съ захватывающимъ интересомъ, но въ художественномъ отношеніи онѣ не представляютъ никакой цѣнности. Напротивъ, лирическое дарованіе американца часто выливалось въ прекрасныхъ драматическихъ поэмахъ и въ драмахъ, отличающихся философскою глубиной; таковы напримѣръ, великолѣпный «Lucifer» Сантаяны или «Masque of Judgement» Mygu. Если американская драма не получила сколько-нибудь значительнаго развитія, то этотъ фактъ стоитъ въ тѣсной связи съ исторіей американскаго театра, и такимъ образомъ отъ поэзіи мы должны перейти теперь къ остальнымъ искусствамъ.

ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ ГЛАВА.

Искусство.

Рѣчь о драмѣ привела насъ къ вопросу о театрѣ, а исторія театра заставляетъ насъ вернуться къ роли пуританскаго духа Новой Англіи. Что сцена представлялась пуританамъ источникомъ грѣха, это понятно само собою, а обычное въ прежнее время, по англійскому образцу, соединеніе театральныхъ помѣщеній съ кабачками, конечно, не могло способствовать смягченію общественнаго мнѣнія въ этомъ дѣлѣ. Въ 1750 году театральныя представленія въ Бостонѣ были строго запрещены; въ 1794 году былъ устроенъ одинъ театръ, затѣмъ еще нѣсколько, но неудовольствіе по поводу развращающаго вліянія сцены возрастало такъ сильно, что вскорѣ одно театральное зданіе за другимъ перестало предназначаться для свѣтскихъ цѣлей и было превращено въ залы для проповѣдей и т. п. Въ 1839 году было объявлено во всеобщее свѣдѣніе, что Бостонъ никогда болѣе не потерпитъ у себя театра. Правда, уже въ 1870 году въ Бостонѣ существовало пять театровъ, а въ настоящее время ихъ существуетъ пятнадцать; другіе же города съ самаго начала были болѣе великодушны: такъ, въ Нью-Іоркѣ начиная съ 1733 года выстроено всего 95 театровъ, и изъ нихъ свыше 30 еще теперь каждый вечеръ бываютъ наполнены публикой. Такимъ образомъ, можетъ казаться, что пуританскій духъ давно улетучился и что если въ настоящее время театральное дѣло стоитъ низко, то это не имѣетъ никакого отношенія къ религіозному прошлому страны. Но въ дѣйствительности это все же не такъ.

Очертимъ вкратцѣ положеніе дѣла. Въ театрахъ, безспорно, нѣтъ недостатка; даже въ маленькихъ мѣстечкахъ существуютъ театры, а въ большихъ городахъ ихъ слишкомъ много. Нѣтъ недостатка и въ драматическомъ талантѣ. Правда, величайшій исполнитель шекспировскихъ драмъ, Эдвинъ Бутсъ, не имѣетъ равнаго себѣ преемника, но любимцы публики, Манфильдъ и Сотернъ, Джефферсонъ, Дрью и Джиллетъ, Модъ Адамсъ и мистрисъ Фискъ, Бланшъ Бэтсъ и Генріэтта Кроссманъ, Юлія Артуръ и Юлія Марлоу, Ада Реганъ и Нансъ О'Нейль и многіе другіе, безспорно, являются выдающимися художниками, а самые блестящіе артисты Европы, какъ Ирвингъ и Три, Элеонора Дузе и Сарра Бернаръ, Сорма и Кэмпбелль—

это ежегодные гости Америки. Прирожденная способность американца къ приспособленію ставитъ его въ благопріятныя условія на театральномъ поприщѣ, и не случайностью, вѣроятно, объясняется тотъ фактъ, что нигдѣ въ мірѣ не процвѣтаетъ любительскій театръ такъ, какъ въ Америкѣ, особенно среди студентовъ и студентокъ. И съ внѣшней стороны постановка спектаклей оставляетъ малого желать; нерѣдко оно превосходитъ все, что можно въ этомъ отношеніи увидѣть въ Европѣ. Часто приходится видѣть восхитительные эффекты, часто получается захватывающая иллюзія, а американскій юморъ, американская дерзость и задоръ и красота американскихъ женщинъ, съ своей стороны, способствуютъ тому, чтобы постановка какой-нибудь изящной комедіи или веселой оперетки дѣйствительно достигла художественнаго совершенства. Главное же—большая публика довольна, театры переполнены, и можетъ даже показаться несправедливымъ отрицательный взглядъ на положеніе театральнаго дѣла въ странѣ.

Но большая публика—не единственная и не самая важная сторона въ этомъ дѣлѣ. Маленькая публика недовольна. Художественныя явленія болѣе высокаго стиля тонутъ въ морѣ не имѣющихъ никакой цѣнности представленій, единственная цѣль которыхъ—развлеченіе; и какъ бы ни были забавны и возбуждающи комедіи и фарсы, народныя пьесы, оперетки, мелодрамы и драматизированные романы,—все же недостойнымъ народа, такъ неутомимо стремящагося къ образованію и самоусовершенствованію, остается тотъ фактъ, что это легкомысліе можетъ въ столь сильной степени заглушать собою голосъ истиннаго искусства. Если просмотрѣть афиши, напримѣръ, въ Нью-Іоркѣ за одинъ вечеръ, то незначительность числа хорошихъ пьесъ не такъ сильно бросается въ глаза, но впечатлѣніе становится нестерпимымъ благодаря отвратительному обычаю ставить одну и ту же пьесу каждый вечеръ въ теченіе цѣлыхъ недѣль, такъ что для человѣка, который ищетъ искусства и не желаетъ повтореній, репертуаръ часто скоро изсякаетъ. Нью-Іоркъ въ этомъ отношеніи безусловно стоитъ ниже Парижа, Берлина или Вѣны; онъ стоитъ приблизительно на томъ же уровнѣ, что и Лондонъ, а въ другихъ американскихъ городахъ съ милліоннымъ населеніемъ положеніе, пожалуй, еще хуже. Всюду—полное приспособленіе къ вкусамъ толпы: на одно представленіе «Гамлета» приходится десятокъ «Микадо».

Иначе оно и не можетъ быть. Театръ является въ глазахъ своего руководителя всецѣло коммерческимъ предпріятіемъ. Встрѣчаются, конечно, и большіе художники, подобно Дэли, готовые руководить сценою въ интересахъ чистаго искусства и дающіе, дѣйствительно, нѣчто превосходное, но такая дорогая

роскошь не можетъ не быть исключеніемъ. Если дѣло идетъ о зарабатываніи денегъ, то на первомъ планѣ должна стоять забота о такихъ пьесахъ, веселыхъ или сантиментальныхъ, которыя давали бы полный сборъ. Сюда присоединяется еще другой мотивъ, почти неизвѣстный въ Германіи. Содержать труппу, механически повторяющую одну и ту же пьесу въ теченіе года, стоитъ дешевле, чѣмъ содержать труппу, которая разучиваетъ постоянно измѣняющійся репертуаръ; при безпрерывномъ повтореніи даже посредственные актеры могутъ достигнуть извѣстной виртуозности, между тѣмъ какъ при болѣе или менѣе обширномъ репертуарѣ только хорошій артистъ можетъ дать что-нибудь удовлетворительное, посредственный же своимъ исполненіемъ не въ состояніи будетъ привлечь избалованную публику. Точно также и обстановка обходится гораздо дешевле, когда всѣ старанія сосредоточены на одной пьесѣ.

Но въ не очень большомъ городѣ одну и ту же пьесу нельзя долго повторять. Поэтому труппа должна путешествовать. Первоклассныя компаніи за единицу времени принимаютъ недѣлю; смотря по величинѣ города, онѣ остаются въ немъ отъ одной или двухъ до шести недѣль. Каждая изъ лучшихъ труппъ извѣстна какой-нибудь одной пьесою, на постановку которой она имѣетъ исключительное право, или по своей «звѣздѣ» — главному артисту. Самые театры, такимъ образомъ, превращаются въ мертвыя зданія, и у каждаго владѣльца театра уже съ осени помѣщеніе сдано понедѣльно различнымъ компаніямъ на весь сезонъ, продолжающійся тридцать недѣль. Благодаря этому, правда, даже и средній по величинѣ городъ получаетъ возможность ежегодно видѣть лучшія силы и новѣйшія пьесы; но безплодность этого принципа въ художественномъ отношеніи становится вполнѣ ясной, если разсмотрѣть самое крайнее его приложеніе: Джефферсонъ играетъ своего Рипъ ванъ Винкля и, въ сущности, ничего болѣе въ теченіе тридцати лѣтъ, и молодежь въ Чикаго, Филадельфіи, Бостонѣ чувствовала бы себя несчастной, если бы онъ не игралъ каждую зиму въ каждомъ изъ этихъ городовъ двѣ-три недѣли; при этомъ самъ онъ скопилъ нѣсколько милліоновъ.

Но коммерческій духъ не можетъ на этомъ остановиться. Сотни компаній конкурировали другъ съ другомъ, и потому слѣдующимъ шагомъ должно было быть образованіе трестовъ. Синдикатъ, который составили Клау, Эрлангеръ и Фроманъ, началъ свою дѣятельность въ 1896 году въ крупнѣйшихъ городахъ съ помощью 37 главныхъ театровъ, которые обязались отдавать свои помѣщенія только труппамъ синдиката; взамѣнъ трестъ давалъ гарантію въ томъ, что театръ будетъ занятъ въ теченіе каждой недѣли всего сезона. Наиболѣе любимые театры

и пользующіяся наибольшимъ успѣхомъ труппы были вовлечены въ это дѣло, и независимымъ артистамъ, которые возставали противъ этой тираніи, можно было, такимъ образомъ, именно въ большихъ городахъ пользоваться только второразрядными театрами. Вскорѣ и они начали сдаваться одинъ за другимъ, и въ настоящее время гигантскій трестъ подъ управленіемъ Фромана держитъ въ своихъ рукахъ всѣ драматическіе театры въ странѣ. Трестъ работаетъ умѣло и честно, онъ знаетъ свою публику, заботится о разнообразіи, слѣдитъ за модою, оставляетъ крупнымъ артистамъ ихъ любимыя роли, дѣла покладливыхъ актеровъ и владѣльцевъ театральныхъ помѣщеній идутъ хорошо, они преуспѣваютъ безъ труда, публика получаетъ удовольствіе,—словомъ, о возмущеніи противъ этой среды, гдѣ улучшается искусство, какъ будто не можетъ быть рѣчи.

Всѣ согласны, что положеніе можетъ быть улучшено только однимъ путемъ. Въ городахъ, прежде всего въ большихъ городахъ, постоянныя труппы съ перемѣннымъ репертуаромъ должны въ какой-нибудь формѣ пользоваться поддержкой и, такимъ образомъ, сдѣлаться независимыми отъ вкусовъ большой публики; лишь тогда можетъ ожить драматическое творчество, лишь тогда театръ сдѣлается воспитательнымъ учрежденіемъ и будетъ пробуждать новыя, высшія потребности, а благодаря послѣднимъ, въ концѣ-концовъ, и самый лучшій театръ будетъ въ состояніи содержать самъ себя. Такъ оно и было всегда на европейскомъ континентѣ: города и государи соперничали въ томъ, чтобы поднять драматическое искусство выше того уровня, на которомъ оно должно оставаться, если въ финансовомъ отношеніи оно предоставлено самому себѣ. Въ средствахъ и въ желаніи содѣйствовать образовательнымъ начинаніямъ, конечно, нѣтъ недостатка въ Соединенныхъ Штатахъ; несчетные милліоны отдаются на библіотеки и музеи, университеты и коллекціи, — почему же нигдѣ не дѣлается даже слабой попытки на общественныя средства или съ помощью пожертвованій создать храмъ для драматическаго искусства?

Здѣсь мы приходимъ къ тому пункту, въ которомъ еще и теперь даетъ себя чувствовать пуританскій духъ. Запретъ, висѣвшій надъ театромъ въ прежнее время, исчезъ, но онъ продолжаетъ жить въ тѣхъ предразсудкахъ, которые и теперь еще не позволяютъ ничего сдѣлать для поддержки театра. Поддерживать театръ на средства плательщиковъ налоговъ — это и въ настоящее время еще показалось бы большинству американцевъ чудовищнымъ, точно такъ же, какъ если бы государственную субсидію захотѣли давать гостиницамъ и ресторанамъ; театръ остается мѣстомъ удовольствія, почти чѣмъ-

то фривольнымъ. И подъ вліяніемъ такого общественнаго мнѣнія еще ни одна рука милліонера не раскрылась для театра. Такіе люди, какъ Карнегги, слишкомъ хорошо знаютъ, что народная масса осудила бы ихъ, если бы они отдали свои милліоны на театръ въ то время, когда у какой-нибудь общины еще есть не исполненныя желанія относительно народной библіотеки или высшей школы.

Что можетъ быть достигнуто съ помощью субсидій, какъ въ публикѣ могутъ быть развиты потребности, благодаря которымъ въ концѣ-концовъ и самыя возвышенныя вещи пользуются надежною охраной со стороны массы,—это показываетъ намъ исторія американской музыки. Типично было, напримѣръ, развитіе бостонскаго симфоническаго оркестра, который и въ настоящее время еще занимаетъ въ музыкальномъ мірѣ первое мѣсто. Америка знала, что симфоническіе концерты, стоящіе такъ же высоко, какъ лучшіе нѣмецкіе концерты, не могутъ окупать себя при сравнительно маломъ музыкальномъ развитіи населенія. Въ 1880 году въ Бостонѣ существовало два симфоническихъ оркестра, но оба были довольно слабы и состояли изъ очень занятыхъ музыкантовъ, не имѣвшихъ времени для репетицій и разучиванія. Тутъ выступилъ на сцену въ Бостонѣ одинъ изъ самыхъ даровитыхъ въ художественномъ отношеніи людей страны, Генри Хиггинсонъ; онъ пригласилъ лучшія музыкальныя силы, поставилъ ихъ такъ, чтобы онѣ могли посвящать всѣ свои силы оркестру и гарантировалъ расходы; въ теченіе первыхъ лѣтъ имъ истрачено цѣлое состояніе, но поддержка съ его стороны постепенно могла уменьшаться, а теперь 24 зимнихъ симфоническихъ концерта пользуются во всемъ Бостонѣ такимъ успѣхомъ, что огромная музыкальная зала едва можетъ вмѣстить всѣхъ желающихъ, а въ смыслѣ исполненія оркестръ не уступаетъ ни одному изъ европейскихъ оркестровъ. И этотъ образецъ оказалъ свое вліяніе: въ Нью-Іоркѣ, Чикаго, Филадельфіи и другихъ городахъ въ настоящее время регулярно даются прекрасные симфоническіе концерты.

Точно также въ странѣ существуетъ нѣмецкая, французская и итальянская опера — прежде всего въ Нью-Іоркѣ, а на короткое время и во многихъ другихъ городахъ, — не уступающая лучшимъ европейскимъ оперным театрамъ и часто соединяющая у себя самыхъ выдающихся пѣвцовъ Европы и Америки. Въ отношеніи оперы любовь къ музыкѣ оказалась сильнѣе, нежели предубѣжденіе противъ театра; здѣсь большую помощь оказала чрезвычайно высокая подписная плата на ложи, и главное, отказъ отъ платы за помѣщеніе въ выстроенномъ друзьями искусства оперномъ театрѣ «Метрополитэнъ». Не вступая въ обсужденіе принципіальныхъ вопросовъ, безпри-

страстный любитель музыки долженъ признать что даже постановка «Парциваля» здѣсь не уступала байрейтской, и что настроеніе слушателей отвѣчало безподобному произведенію въ не меньшей степени, чѣмъ настроеніе байрейтской публики, состоящей изъ туристовъ. Художественное воспитаніе, источникомъ котораго служатъ эти центры, ясно чувствуется всѣмъ народомъ, и потребность въ постоянныхъ небольшихъ оперныхъ театрахъ все возрастаетъ.

Опера и симфонія — не единственные показатели серьезной музыкальной жизни Америки; въ каждомъ болѣе или менѣе крупномъ городѣ имѣется консерваторія и множество спеціальныхъ учителей музыки, почти въ каждомъ есть общества для постановки ораторій и даются концерты камерной музыки; пѣвческихъ обществъ существуетъ безконечное количество, музыкальныя празднества принадлежатъ къ числу постоянныхъ явленій, а концерты отдѣльныхъ виртуозовъ всегда привлекаютъ массу публики, даже когда на эстрадѣ не фигурируетъ любимецъ американскихъ дамъ, Падеревскій. Оперные спектакли ставились въ Нью-Іоркѣ уже въ 1750 году, и за англійской оперой восемнадцатаго столѣтія въ 1825 году послѣдовала итальянская. Рано началось музыкальное развитіе также въ Балтиморѣ, Филадельфіи, Новомъ Орлеанѣ.

Въ дѣлѣ постановки ораторіи Бостонъ сохранилъ первое мѣсто. Общество Генделя и Гайдна возникло въ 1810 году, а въ 1820 году уже во всей восточной части страны, даже въ маленькихъ городахъ, концерты становятся обычнымъ явленіемъ. Затѣмъ, въ серединѣ столѣтія начинается могущественное вліяніе нѣмецкой музыки; въ 1848 году въ Бостонѣ основанъ оркестръ «Германія», а теперь и западные города, гдѣ поселяется много нѣмцевъ, какъ Мильвоке, Цинциннатти, Чикаго, С.-Луи, становятся музыкальными центрами, мужской хоръ процвѣтаетъ, и въ домахъ музыка все болѣе распространяется.

Ко всему этому присоединяется еще тотъ толчекъ къ дальнѣйшему развитію, который долженъ былъ получиться отъ взаимодѣйствія музыки и церкви. Пуританскій духъ ненавидѣлъ свѣтскую музыку не меньше, чѣмъ театръ; пѣніе же псалмовъ, исполняемое общиной, было тѣсно связано съ богослуженіемъ. Отсюда-то и возникъ интересъ къ музыкѣ, и ее начали культивировать. Отъ самыхъ простыхъ напѣвовъ скоро перешли къ построенію фугъ, ввели струнные инструменты и органъ, стали поощрять музыкальное воспитаніе юношества, пока, наконецъ, въ послѣднемъ столѣтіи, ради большей привлекательности церковной службы, на служеніе общинѣ не была привлечена лучшая музыка. Такимъ образомъ, хоровое пѣніе, пѣніе solo и культъ

музыки въ общемъ обязаны, своимъ распространеніемъ по всей странѣ религіозности населенія.

Все это относится однако только къ музыкальному исполненію; было бы нелѣпо выдать столь же хорошую аттестацію и музыкальному творчеству. Достаточно просмотрѣть оперныя и концертныя программы за послѣдніе годы. Въ оперѣ первое мѣсто занимаетъ Вагнеръ, за нимъ идетъ Верди, Гуно и Моцартъ; въ концертномъ залѣ неограниченно властвуетъ Бетховенъ, изъ ораторій самыми любимыми остаются «Мессія» и «Сотвореніе». То и дѣло высказывается подозрѣніе, что американскихъ композиторовъ сильно подавляетъ вліяніе главныхъ нѣмецкихъ дирижеровъ, какъ Дамрошъ, Зейдль, Герике, Томасъ, Пауръ, но это подозрѣніе не имѣетъ ни малѣйшаго основанія. Скорѣе американская публика заслуживаетъ упрека въ томъ, что она въ области музыки встрѣчаетъ съ недовѣріемъ всякое отечественное произведеніе, между тѣмъ какъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ она настроена націоналистически; даже американскому артисту-исполнителю она не оказываетъ должнаго пріема, пока онъ не пріобрѣтетъ лавровъ въ Европѣ.

Конечно, и въ Америкѣ нѣтъ недостатка въ собственномъ творчествѣ. Уже въ восемнадцатомъ вѣкѣ были религіозные композиторы, и когда во время революціи рѣшили вывести все англійское изъ обихода американской жизни, то начали замѣнять нривезенные напѣвы псалмовъ собственными. Особенно широкую популярность пріобрѣлъ Биллингсъ и его школа, хотя ихъ фуги или то, что они называли фугами, вскорѣ вызвали реакцію. Девятнадцатый вѣкъ не отставалъ, хотя дѣло не шло дальше внѣшнихъ оркестровыхъ формъ; о настоящемъ же вдохновеніи въ серіозной симфонической или оперной музыкѣ едва ли можетъ быть и рѣчь. Лишь въ новѣйшее время появились композиторы, вполнѣ достойные большого вниманія, какъ Пэнъ, Чедвикъ, Стронгъ, Макъ-Доуэль, Бекъ, Паркеръ, Футъ и др. Опера Пэна «Азара» или увертюры Чедвика и интересныя произведенія Макъ-Доуэля указываютъ направленіе, въ какомъ будетъ развиваться музыка въ Америкѣ.

Гораздо большей популярностью пользуется болѣе скромный родъ музыкальныхъ произведеній: пѣсня въ народномъ духѣ. Настоящихъ народныхъ пѣсенъ Америка, какъ нація, не произвела. Въ воображеніи неофиціальныхъ круговъ европейскаго общества истинно-американской пѣсней слываетъ ужасное «Yankee Doodle», неизвѣстнаго происхожденія, а при офиціальной Европѣ аккредитовано для дипломатическихъ цѣлей въ качествѣ американскаго гимна устарѣлое, тяжеловѣсное «Hail Columbia». Сами американцы не признаютъ ни того, ни другого. «Star-spangled Banner» — единственная пѣсня, которую

народное сознаніе считаетъ національной; слова ея были написаны въ 1814 году къ болѣе старой, вѣроятно, англійской мелодіи. Другія пѣсни, захватывающія всякаго патріота-американца, появились въ гражданскую войну.

Народныя пѣсни развились и пріобрѣли вполнѣ мѣстный колоритъ только въ одной части страны, на южнымъ плантаціяхъ. Пѣвцами были негры-рабы. Разумѣется, невѣроятно, чтобы здѣсь мы имѣли дѣло съ настоящими африканскими пѣснями. Ирландскія и шотландскія баллады, которыя негръ слышалъ на пароходахъ Миссисиппи, старинные баптистскіе и методистскіе напѣвы псалмовъ, французскія пѣсни,—все это воспринято музыкальными неграми и потомъ воспроизведено въ характерномъ для нихъ ритмѣ и со свойственной имъ манерой. Своеобразная грусть сквозитъ въ этихъ южныхъ напѣвахъ.

На это, пожалуй, наиболѣе оригинальное музыкальное творчество страны и опирались все новые и новые сочинители пѣсенъ. Особенно Стефанъ Фостеръ быстро пріобрѣлъ извѣстность въ серединѣ столѣтія; его «Old folks at home» стало самой популярной пѣсней въ странѣ и соперничала съ «Home, sweet home»,—пѣсней, слова которой взяты изъ текста одной американской оперы, а мелодія, говорятъ, родилась въ Сициліи. Сочинители сантиментальныхъ романсовъ, опереточные композиторы, банальности которыхъ вдругъ начинаютъ исполнять отъ Атлантическаго до Тихаго океана всевозможными способами: поютъ, насвистываютъ, играютъ на органѣ и, (самый жестокій способъ) усиливши мегафономъ, исполняютъ на графофонѣ на лѣтнихъ верандахъ; далѣе, композиторы церковныхъ гимновъ, фабриканты салонныхъ фортепіанныхъ вещей и сочинители маршей à la Суза, — все это имѣется и сейчасъ въ огромномъ количествѣ. Впрочемъ, всѣ серіозные музыканты сходятся во мнѣніи, что американецъ, въ противоположность англичанину, обладаетъ большими музыкальными способностями. Лучшимъ артистомъ онъ является въ одной только крошечной области музыкальнаго искусства: онъ умѣетъ насвистывать, какъ никто другой изъ смертныхъ.

Въ отличіе отъ американской музыки, американская живопись въ настоящее время уже не является чужой для европейца. Въ художественномъ отдѣлѣ послѣдней всемірной выставки въ Парижѣ американцы получили награды, и на многихъ берлинскихъ и мюнхенскихъ выставкахъ картинъ американцамъ удѣлялся живой интересъ. Наиболѣе извѣстны Сарджентъ и Уистлеръ. Сарджентъ, художникъ изящныхъ женщинъ, мужчинъ съ положеніемъ и благородныхъ дѣтей, обнаруживаетъ, безъ сомнѣнія, самое утонченное и увѣренное владѣніе

кистью, какое достигнуто кѣмъ-либо изъ сыновей Новаго Свѣта. Когда онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ собралъ всѣ свои произведенія въ Бостонѣ въ залѣ Копли, то при видѣ этой массы дышащихъ жизнью свѣтскихъ людей чувствовалось, что въ ней изящный міръ получилъ свое неподражаемое и геніальнѣйшее, хотя, правда, и не наиболѣе привлекательное изображеніе. Но Уистлеръ все-таки крупнѣе, выше. Съ чутьемъ, отъ котораго становится жутко, изображалъ этотъ наиболѣе нервный изъ художниковъ своихъ людей, свои жертвы; какъ Генри Джемсъ, поэтъ, онъ разгадываетъ непостижимое и высказываетъ это почти въ безтѣлесныхъ образахъ. Все обратилось въ настроеніе, въ чувство, и самое тяжелое изъ окружающей обстановки исчезло; все превращается въ скептическую игру сумеречныхъ тоновъ.

Америка гордится обоими художниками, и все-таки можно сомнѣваться, было ли бы представлено искусство Новаго Свѣта въ его особенностяхъ, если бы посланниками его явились за океанъ только эти двое избалованныхъ, капризныхъ удачника. Прежде всего, несмотря на много талантливыхъ побочныхъ работъ, оба они, въ сущности,—портретисты; между тѣмъ теперь все болѣе и болѣе выясняется, что американская живопись выражается скорѣе въ пейзажѣ. Глубокое пониманіе природы, которое проникаетъ поэзію амернканца и отражаетъ его національную жизнь и борьбу съ природой, влечетъ его къ пейзажу. Однако, сколько бы полотенъ американскіе художники ни посылали за океанъ, посѣтитель европейскихъ галлерей, по мнѣнію многихъ, не могъ бы составить себѣ правильнаго сужденія о живописи страны, такъ какъ лучшія силы работаютъ надъ болѣе крупной задачей, надъ стѣнной живописью. Огромная потребность въ монументальныхъ сооруженіяхъ, открывающихъ большія поверхности, и стремленіе къ грандіозному творчеству влекутъ американца въ настоящее время къ стѣнной живописи, и уже дѣлаются попытки подкрѣпить національный характеръ этого стремленія демократической quasi философіей Полотно, говорится, это—роскошь, предназначенная для дома богача, это—декадентство; искусство же народа, давшаго окончательное развитіе демократіи, должно принадлежать самому народу и украшать стѣны общественныхъ зданій, библіотекъ и залъ суда, парламентовъ и театровъ, вокзаловъ и ратушъ, какъ нѣкогда храмы и церкви. Поэтому чѣмъ больше теперь осуществляется это направленіе, тѣмъ меньше слѣдуетъ по выставкамъ картинъ судить о художественныхъ стремленіяхъ нынѣшней эпохи. Безспорно, впрочемъ, и то, что американскіе художники, пользующіеся какъ разъ наибольшимъ успѣхомъ, вовсе отказываются посылать картины за океанъ. Важнѣе однако

другое обстоятельство. Сарджентъ и Уистлеръ говорятъ на чужомъ языкѣ, Америка же начинаетъ говорить на своемъ собственномъ, и именно болѣе національные художники рѣдко показываются въ Европѣ. Какъ во многихъ другихъ областяхъ, такъ и въ живописи Соединенные Штаты перешли послѣдовательно отъ провинціализма къ космополитизму и отъ космополитизма къ національному; въ настоящее время какъ разъ и совершается переходъ со второй ступени на третью.

И здѣсь характерно то обстоятельство, что безпомощный провинціализмъ никогда не доростаетъ прямо до національнаго, а нуждается въ переходѣ черезъ космополитизмъ; слабая первоначальная техника не становится самоувѣренной выразительницей народной индивидуальности, пока прилежное, систематическое подражаніе чужимъ законченнымъ образцамъ не научитъ вполнѣ владѣть художественной техникой.

Первоначально страна, бѣдное населеніе которой и безъ того не могло удѣлять много вниманія картинамъ, совершенно удовлетворялась искусствомъ Англіи. Уестъ и Копли—единственные американцы до-революціонной эпохи, картины которыхъ еще и теперь имѣютъ значеніе. Портреты ихъ предшественниковъ, висящіе въ залѣ Гарвардскаго университета, натянуты, невыразительны и жестки. Затѣмъ въ концѣ восемнадцатаго вѣка появляется художественный геній въ лицѣ Джильберта Стюарта, прославившагося портретами Вашингтона и достигшаго высоты величайшихъ англійскихъ портретистовъ, и, одновременно съ нимъ и еще важнѣе для національной исторіи, въ лицѣ Джона Трембеля, офицера революціонной арміи, батальныя картины котораго, особенно изъ его лучшей эпохи, далеко превосходили произведенія его современниковъ. Историческія картины, которыми онъ въ 1817 г. украсилъ стѣны Капитолія въ Вашингтонѣ, относятся къ періоду упадка его творчества. Онѣ шаблонны и скучны, какъ и все, что составляетъ такъ называемыя украшенія Капитолія, и если перейти изъ библіотеки конгресса, показывающей искусство конца девятнадцатаго вѣка, въ Капитолій, гдѣ сохраняется искусство первой трети этого столѣтія, то тутъ только убѣждаешься, насколько вкусъ публики былъ въ то время еще далекъ отъ истиннаго искусства. Только портретная живопись достигла извѣстной средней высоты, кромѣ Стюарта, и у другихъ художниковъ, какъ Пиль, Райтъ и Севеджъ. Вскорѣ затѣмъ появился «американскій Тиціанъ» Ольстонъ, библейскія картины котораго славились своими теплыми тонами.

До сихъ поръ ѣздили въ Англію, иногда въ Италію; въ средней трети столѣтія стали паломничать въ Дюссельдорфъ. Изучали, правда, и американскій пейзажъ, прислушивались

къ американской народной жизни, чествовали американскихъ героевъ, но героевъ группировали на нѣмецкій манеръ, развлекались жанровыми сценами по дюссельдорфской методѣ, надъ Гудзономъ проливали нѣмецкій лунный свѣтъ. Въ то время какъ масса все еще рисовала весь міръ въ комнатныхъ тонахъ, началась, наконецъ, эпоха Secession, приблизительно со времени гражданской войны. Теперь стали ѣздить въ Парижъ и Мюнхенъ, и только съ этого времени началось болѣе свободное развитіе американской живописи. Это былъ періодъ настоящаго ученія, основательнаго, неумолимаго изученія, къ которому до тѣхъ поръ относились легкомысленно. Учились рисовать, учились замѣчать важное и, въ концѣ концовъ, научились быть самими собой. При этомъ непрерывно увеличивались и вклады въ искусство. Теперь американцы даютъ ежегодно тысячи картинъ, и кто лѣтомъ посѣщаетъ нѣмецкія выставки, а зимой американскія, тотъ не получаетъ впечатлѣнія, будто онъ къ Рождеству опускается на низшій уровень искусства.

Во главѣ этого движенія въ эпоху Ольстона стояли такіе пейзажисты, какъ Коль и Бирстэдъ, Кенсетъ и Гиффордъ, жанристы, какъ Лесли, Удвиль и особенно Маунтъ, историческіе живописцы, какъ Ленце и Уайтъ, портретисты, какъ Инмэнъ и Элліотъ. Первый, кто училъ индивидуальности и краскамъ въ новомъ духѣ, былъ Гентъ, а къ началу семидесятыхъ годовъ молодая школа, учившаяся въ Парижѣ и Мюнхенѣ, уже смѣло и усердно работала. Перечень именъ за послѣднія три десятилѣтія великъ, и въ вопросѣ, какія картины выдѣлить изъ общей массы, многое зависитъ отъ индивидуальной точки зрѣнія. Ни въ одномъ перечнѣ, разумѣется, не должно быть пропущено имя Джоржа Иннеса, который понималъ американскій пейзажъ, какъ никто другой. Кромѣ того, каждому извѣстны марины Уинсло Гомера и уличныя сцены Чайльдъ Гассама, головки Итона и осенніе лѣсные виды Эннекинга, яблоки Брауна и тонкіе пейзажи Уэйра и Трайона, стѣнная живопись Аббея и Кокса, изящныя фигурки Гаугенджигля и грандіозные символы Веддера, образцовые портреты Цецилія Бо и Чеза и женскія головки Тарбеля, идеальныя фигуры Абботъ Тайера и жанры Брёша,—и съ сотню другихъ настоящихъ американцевъ, не говоря ужъ о тѣхъ изъ нихъ, которые живутъ въ Лондонѣ, Парижѣ и Мюнхенѣ больше, чѣмъ на родинѣ.

На ряду съ масляными картинами не слѣдуетъ забывать и объ акварелляхъ, панно, рисункахъ карандашемъ и, можетъ-быть, о самомъ характерномъ, объ оконныхъ транспарантахъ. Великолѣпныя работы дали рисовальщики. Наибольшей извѣстностью изъ нихъ пользуется Гибсонъ; его фигуры амери-

канскихъ дѣвушекъ оказали не только художественное, но и прямо соціальное вліяніе и участвовали въ созданіи типа современнаго американца; его рисунки сдѣлались даже образцами для жизни.

Гораздо медленнѣе шла по своему пути скульптура. Съ одной стороны, она сама по себѣ предполагаетъ болѣе глубокое пониманіе искусства, чѣмъ живопись; съ другой стороны, пуританскій духъ фиговаго листа болѣе всего угрожаетъ именно ея прогрессу. Когда Джонъ Фрэзи, первый американскій скульпторъ-диллетантъ, обратился въ началѣ девятнадцаго вѣка за совѣтомъ къ президенту нью-іоркской академіи художествъ, то послѣдній ему посовѣтовалъ лучше погодить съ американской скульптурой еще лѣтъ сто. Этимъ отвѣтомъ мѣтко охарактеризовано отсутствіе у публики истиннаго пониманія и интереса къ пластикѣ; однако бурное стремленіе націи къ самосовершенствованію позаботилось о томъ, чтобы вѣка были пройдены въ десятилѣтія. Начали паломничать въ Италію. Грино, Пауерсъ, Крафордъ, Пальмеръ были піонерами, но ихъ статуи имѣютъ теперь только историческій интересъ. Большую популярность пріобрѣли жанровыя группы Джона Роджерса, а его однофамилецъ Рандольфъ Роджерсъ, создавшій бронзовую дверь Колумба въ Капитоліи, былъ уже настоящимъ художникомъ. За нимъ появились Сторей и Балль, Райнгартъ, Гослеръ, Мидъ и многіе другіе съ все болѣе и болѣе зрѣлыми произведеніями. Правда, площади и общественныя зданія еще слишкомъ часто наполнялись статуями и бюстами, которые служили больше политикѣ, чѣмъ искусству, и еще сегодня ждутъ милосерднаго землетрясенія, но ужъ обиліе этой тривіальной скульптуры само по себѣ указывало на растущую потребность въ пластическомъ искусствѣ.

Новѣйшія движенія, съ которыми связаны имена Уорда и Уорнера, Партриджа и Френча, Макъ Монниса и Ст. Гауденса, уже опираются на населеніе, знающее толкъ въ искусствѣ. Города ревниво слѣдятъ за тѣмъ, чтобы на площадяхъ появлялось только настоящее искусство, и чтобы произведенія, на которыя глядятъ милліоны людей, были, дѣйствительно, образцами для развитія художественнаго вкуса въ надлежащемъ направленіи. Прежде всего скульптура уже давно заключила союзъ съ архитектурой и союзъ, можетъ-быть, болѣе тѣсный, чѣмъ въ другихъ странахъ. Полноцѣнныя работы по украшенію всемірной выставки въ Чикаго и замѣчательной тріумфальной арки Девея, болѣе долговѣчныя пластическія украшенія библіотеки конгресса и по своей скромности болѣе благородныя украшенія аппелляціоннаго суда въ Нью-Іоркѣ и другихъ подобныхъ зданій показали ясно, что и американская скульптура

вышла изъ періода ученія и странствій. Такое произведеніе, какъ Ст. Гауденсовскій памятникъ Шо въ Бостонѣ, принадлежитъ къ лучшимъ вещамъ, какія гдѣ бы то ни было дало современное пластическое искусство. И произведеніе это—чисто американское не потому только, что за всадникомъ-командиромъ изъ войны за освобожденіе рабовъ тамъ идутъ негры-солдаты, а потому, что въ обработку американской темы вложенъ американскій духъ: съ захватывающей свѣжестью поставлены эти люди, и съ пуританской зрѣлостью схваченъ молодой герой, идущій на смерть. Свѣжо и зрѣло—значитъ по-американски; это относится, въ концѣ-концовъ, одинаково къ образовательному искусству какъ и къ поэзіи.

Совсѣмъ иначе шло развитіе архитектуры. Съ архитектурой населеніе не можетъ ждать, пока послѣ дневной борьбы не пробудится чувство прекраснаго. Къ поэзіи, музыкѣ, живописи нѣтъ охоты, пока приходится защищаться отъ индѣйцевъ и выкорчевывать лѣса; дома же нужно строить съ перваго дня. Такъ какъ однако въ такой ранней стадіи не можетъ быть самостоятельнаго интереса къ искусству, то вначалѣ только подражаютъ привычнымъ формамъ и ставятъ колонію въ полную зависимость отъ архитектурныхъ вкусовъ метрополіи. Такъ оно и было. Но хотя строитель и болѣе необходимъ, чѣмъ живописецъ, пѣвецъ и поэтъ, его нельзя съ ними сравнивать, потому, что даже если онъ только подражаетъ, онъ не вездѣ все можетъ создать. Онъ зависитъ отъ климата, отъ особенныхъ соціальныхъ потребностей, въ особенности же отъ строительнаго матеріала, и новыя условія его тотчасъ же заставляютъ пойти собственной дорогой.

Однако какъ ни было сильно вліяніе англійскихъ архитектурныхъ формъ на американскаго колониста, обстоятельства заставили его прежде всего строить свой домъ въ Америкѣ изъ дерева, а не изъ камня, какъ въ Англіи, и ужъ одно это не дало возможности прямо копировать оригиналъ. Отъ новыхъ выдумокъ мѣнялась по необходимости основная идея; должно было развиться новое искусство. Этимъ, очевидно, объясняется, что архитектура, съ одной стороны, наиболѣе рабски подчинялась метрополіи, а съ другой, раньше другихъ искусствъ начинала развиваться самостоятельно. Она была зависима, въ формахъ, но самостоятельна въ исполненіи, и въ то время какъ она медленно стала создавать новыя идеи стиля и внутренно освобождаться отъ Европы, самостоятельность ея техники стала еще быстрѣе развиваться подъ вліяніемъ перемѣны внѣшнихъ условій. Исторія зодчества отражаетъ на себѣ больше, чѣмъ любой иной культурный факторъ, дѣйствительно, всю исторію народа, начиная отъ эпохи хижинъ пуританъ-переселенцевъ и кончая

эпохой домовъ, «царапающихъ облака»; и ужъ, конечно, въ ней больше, чѣмъ въ исторіи всякаго другого искусства, принимаетъ участіе вся страна,—особенно Западъ съ его колоссальной силой, неловкій тамъ, гдѣ дѣло идетъ о смычкѣ и о кисти, но отлично умѣющій взгромоздать огромныя плиты.

Такимъ образомъ, въ эпоху колоній преобладали деревянныя подражанія англійскому ренессансу; перемѣна матеріала сдѣлала колонны стройнѣе, детали тоньше и разработаннѣе, все зданіе изящнѣе, чѣмъ допускало каменное строеніе. Еще теперь можно найти много такихъ зданій неизмѣненными, особенно въ штатахъ Новой Англіи, и наиболѣе богатыя изъ нихъ въ Салемѣ, Кембриджѣ, Нью-Портѣ обнаруживаютъ, несмотря на свою простоту, такую чопорную гордость и аристократическое благородство, какого европеецъ едва ли могъ ожидать отъ демократическаго древеснаго матеріала. Большія, красивыя сѣни съ просторными легкими лѣстницами и широкими перилами, большіе камины, покрытые богатой рѣзьбой, высокія деревянныя панели на стѣнахъ, красивая система перекладинъ на потолкахъ, — вотъ что встрѣчаетъ тамъ посѣтитель. Въ домахъ поскромнѣе оказывается то же, но въ болѣе простой формѣ, потому что стиль былъ одинъ во всемъ городишкѣ, и его предписанія исполнялись, какъ догматы. То обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ страны на ряду съ этимъ обнаруживалось еще испанское, французское и голландское вліяніе, не имѣетъ существеннаго значенія, хотя эти зданія теперь придаютъ, особенно на югѣ, большую живописность общему виду, потому что и изъ нихъ многія сохранились.

Когда прошелъ періодъ революціи, нужно было покончить съ чисто англійскими традиціями Штатовъ, а сильный космополитическій потокъ переселенцевъ принесъ въ страну импульсы отовсюду. Начался періодъ международнаго подражанія, потому что и здѣсь пришлось проходить отъ провинціализма къ національному черезъ космополитизмъ. Въ концѣ восемнадцатаго вѣка увлеклись классической Греціей. Мотивы греческихъ храмовъ заблудились въ усадьбахъ фермеровъ, но при шаблонномъ ихъ примѣненіи они производили такое монотонное впечатлѣніе, что ими вскорѣ перестали пользоваться для домовъ частныхъ лицъ. Однако, тогда же былъ сооруженъ въ Вашингтонѣ Капитолій, начатый Латробомъ и законченный болѣе выдающимся Бѣльфинчемъ; онъ сталъ образцомъ для всѣхъ государственныхъ зданій Союза. Бѣльфинчъ одинъ построилъ знаменитое зданіе Совѣта штата Массачузетсъ; пуританскій духъ Бостона избралъ этически-строгій стиль греческаго храма образцомъ выраженія общественнаго сознанія. Все столѣтіе подчинялось этому вліянію несмотря на всѣ перемѣны

стиля, и до недавняго времени никто не рѣшился бы строить зданіе, которое должно быть выразителемъ общественной совѣсти, въ болѣе легкомъ, свободномъ, болѣе живописномъ стилѣ.

Изъ правительственныхъ зданій отдѣльныхъ штатовъ, выстроенныхъ въ теченіе этого столѣтія, нѣкоторыя превосходны, напримѣръ, въ Альбани и многихъ другихъ главныхъ городахъ. Наоборотъ, почтамты, таможни и т. п. зданія, подвѣдомственныя національному правительству, строились еще до недавняго времени чисто механически, невыразительно и дешево; лишь недавно стали и здѣсь давать больше простора художнику. Тѣмъ временемъ отъ древности перешли къ среднимъ вѣкамъ; вошла въ моду, какъ и въ Европѣ, готика, здѣсь спеціально англійская. Мѣсто классической строгости заняла романтическая фантазія; стали строить живописно. Важнѣе всего это вліяніе было для архитектуры церковной. Ричардъ Эпджонъ, «отецъ американской архитектуры», создалъ въ серединѣ столѣтія рядъ извѣстнѣйшихъ американскихъ церквей въ готическомъ стилѣ. Но въ обычныхъ постройкахъ это обратилось, въ сущности, въ архитектурную разнузданность. Еще не успѣли пройти серіозной школы, чтобы сумѣть въ свободной красотѣ соблюсти дисциплину стиля. Не получившій исторической выучки архитекторъ рѣшался на самыя безумныя дѣла только потому, что ему не хватало вѣрнаго сужденія. Но еще вреднѣе дѣйствовала, особенно на Западѣ, безвкусица быстро разбогатѣвшихъ заказчиковъ, которые хотѣли перещеголять все доселе существовавшее. Это была та эпоха безпокойства и тщеславія, когда часто на одной и той же улицѣ столицы поверхностно подражали дворцамъ всѣхъ странъ свѣта и, совсѣмъ какъ въ Европѣ, по внѣшности возвращались къ забытымъ стилямъ. Особенно въ моду вошла «королева Анна», но и изъ собственнаго прошлаго откапывался колоніальный стиль и старо-голландскіе мотивы.

Теперь уже и этотъ періодъ давно прошелъ. За послѣднія 25 лѣтъ на Востокѣ, и за послѣднія 10 лѣтъ на Западѣ покончили съ этой неувѣренной, безвкусной, поверхностной игрой стилями, и хотя иногда, какъ и вездѣ, еще появляется безъ вкуса построенное зданіе, тѣмъ не менѣе теперь, въ общемъ, строятъ со вкусомъ, оригинально и увѣренно. Сначала сама архитектура прошла строгую школу, а потомъ уже строитель воспиталъ и публику. Разумѣется, отъ прежняго періода сохранилось еще слишкомъ много зданій, такъ что общее впечатлѣніе часто и сейчасъ еще очень пестро. Но новыя улицы, какъ въ обитаемыхъ, такъ и въ дѣловыхъ кварталахъ городовъ производятъ впечатлѣніе полныхъ достоинства мѣстъ для

жилья и работы богатаго, независимаго и любящаго искусство народа. При сравненіи съ Европой можно отмѣтить прежде всего отрицательную особенность, именно: поразительное отсутствіе мотивовъ въ стилѣ рококо. Во внутреннемъ устройствѣ рококо иногда еще встрѣчается, въ архитектурѣ же крайне рѣдко.

Положительные же факторы, которые вездѣ бросаются въ глаза европейцу, это — сводчатыя зданія и скай-скреперы (дословно: «царапающіе облака»). Романскія тѣсныя арки происходятъ изъ южной Франціи, но съ тѣхъ поръ какъ онѣ благодаря геніальному Ричардсону перешли въ Америку, онѣ получили небывалое въ Европѣ развитіе и создали характерный американскій стиль, дающій въ настоящее время по всей странѣ физіономію многимъ сотнямъ громадныхъ зданій. Что-то тяжелое, строгое, но въ то же время и сильное, даже могучее заключается въ этихъ исполинскихъ аркахъ на коротких, массивныхъ колоннахъ, въ этихъ громадныхъ круглыхъ остроконечныхъ башняхъ, въ этихъ низкихъ аркадахъ и тяжелыхъ балконахъ. Вся могучая сила Америки получила въ нихъ свое художественное выраженіе, а увѣренность, съ какой новый стиль приспособляется къ самымъ разнообразнымъ цѣлямъ въ замкахъ, музеяхъ, банкахъ, торговыхъ рядахъ, и такъ же быстро появляется на старыхъ улицахъ Бостона, какъ и на новыхъ въ Чикаго и Миннеаполисѣ, — все это показываетъ что это—дѣйствительно жизнеспособный, развивающійся стиль, а не просто архитектурный капризъ.

Сводчатый стиль созданъ художественными воззрѣніями; наоборотъ, скай-скреперъ созданъ экономическими соображеніями. Нью-Іоркъ—островъ; площадь, на которой разыгрывается дѣловая жизнь, не можетъ быть расширена. Поэтому явилась настоятельная необходимость лучше использовать мѣсто: пришлось строить выше, чѣмъ когда-либо пробовали въ Европѣ строить дома для жилья. Стали строить двадцать, наконецъ, тридцать этажей. Для того, чтобы поддерживать такія громады, каменныя стѣны нижнихъ этажей должны были бы быть настолько толсты, что отняли бы лучшее мѣсто. Поэтому камень замѣнили сталью: нижніе этажи обратились въ сплошной облицованный стальной остовъ. Такимъ образомъ возникли совершенно новыя архитекурныя проблемы. Расчлененіе двадцатиэтажнаго фасада было при этомъ ничтожнымъ дѣломъ рядомъ съ расчлененіемъ внутренняго пространства, гдѣ въ одномъ зданіи летитъ вверхъ и внизъ до двадцати подъемныхъ машинъ и гдѣ тысячъ десять человѣкъ совершаютъ свою ежедневную работу. Задача разрѣшена въ совершенствѣ. Полнѣйшая приспособленность зданія къ его задачѣ, исполненіе изъ наиболѣе

прочнаго матеріала, изъ стали и мрамора, цѣлесообразное устройство помѣщеній и художественное выполненіе каждой детали,— все это превращаетъ посѣщеніе лучшихъ домовъ - колоссовъ Нью-Іорка въ сплошное несравненное художественное наслажденіе. А съ тѣхъ поръ какъ они появились въ большомъ числѣ рядомъ, они придаютъ небесной линіи города такую силу и значеніе, что невольно захватываютъ каждаго, кто достаточно зрѣлъ, чтобы видѣть красоту и въ непривычномъ. Разъ задача была рѣшена, то, естественно, примѣру послѣдовали и другіе торговые города, и скай - скреперы привились и на Западѣ.

Главное счастье американской архитектуры заключается въ сочетаніи быстраго роста населенія, неслыханнаго богатства и серіознаго стремленія къ искусству. Если строителю приходится экономничать, то онъ вынужденъ жертвовать красотой ради пользы. Правда, на западѣ страны и теперь еще часто экономничаютъ, но въ худшемъ смыслѣ слова: отъ эффектной внѣшности не отказываются, но пользуются современной техникой для того, чтобы достигнуть тѣхъ же эффектовъ болѣе дешевымъ способомъ: тисненіемъ вмѣсто рѣзьбы по дереву, штукатуркой вмѣсто камня,—и, можетъ быть, это дѣлается не столько ради самой экономіи, сколько вслѣдствіе эстетической невоспитанности. Населеніе можетъ съ разочарованіемъ отвернуться отъ олеографіи, принятой за картину; въ области же архитектуры оно еще не ощущаетъ такой разницы. Въ общемъ, однако теперь строятъ богато и солидно. Блестящимъ примѣромъ служатъ большія общественныя и полуобщественныя зданія, суды и университеты, парламенты и ратуши, библіотеки и музеи. То же относится и къ дворцамъ торгово-промышленныхъ корпорацій, банковъ, гостиницъ, страховыхъ обществъ, биржъ, къ конторамъ, вокзаламъ, театрамъ, клубамъ, которые всѣ стараются сразу и возбудить довѣріе, и привлечь своей современной красотой, и которые оперируютъ такими большими капиталами, что экономія на самомъ зданіи не составляетъ никакого расчета. Архитекторъ тутъ можетъ творить, не стѣсняясь. Такъ, Нью-Іоркъ обладаетъ, пожалуй, дюжиной большихъ гостиницъ, съ мраморнымъ великолѣпіемъ которыхъ не можетъ итти въ сравненіе ни одинъ отель въ Германіи, и въ нѣсколькихъ меньшей степени то же относится къ Чикаго, Бостону и другимъ городамъ.

Это баснословно быстрое, хотя и относительно позднее появленіе великолѣпнѣйшихъ общественныхъ зданій въ теченіе послѣдняго десятилѣтія интересно еще въ одномъ отношеніи. Оно указываетъ, при сравненіи съ Европой, на одну черту въ народномъ сознаніи Америки, которую мы постоянно подчер-

кивали. Дѣятельность американца исходитъ изъ стремленія къ самосовершенствованію. Его собственная личность должна быть образцомъ ухода за тѣломъ, чистоты и эстетики въ костюмѣ; съ этимъ связывается красота собственной комнаты, собственнаго дома,— и ужъ впослѣдствіи, когда вся нація достигнетъ красоты въ индивидуальной жизни, только тогда эстетическое сознаніе можетъ распространиться съ отдѣльной личности на общество въ цѣломъ, съ собственнаго тѣла на городъ, съ дома частнаго лица на общественныя зданія. На континентѣ Европы дѣло шло какъ разъ обратнымъ путемъ. Идеальная личность сдѣлалась продуктомъ идеальной общественности; въ Европѣ строили великолѣпныя общественныя зданія, а жили въ некрасивыхъ и грязныхъ домахъ.

Было время, когда американца ничуть не стѣсняло, что изысканно одѣтый, послѣ ежедневной ванны и изъ своего дома, гдѣ нога ступала по дорогимъ коврамъ, онъ долженъ былъ отправляться на вокзалъ или въ судъ, поражавшіе своею грязью и безобразнымъ видомъ. И точно также было время, когда нѣмецъ и французъ не стѣснялись посѣщать чудесные архитектурные памятники своего прошлаго въ грязнѣйшемъ сюртукѣ и, можетъ-быть, не мывшись въ банѣ уже нѣсколько недѣль. Въ Германіи общественное зданіе дало эстетическое воспитаніе частному человѣку и украсило его домъ; въ Америкѣ же, наоборотъ, частный человѣкъ и его домъ медленно подчинили всю общественность эстетическимъ идеаламъ индивидуума, — два противоположныхъ пути, которые въ обѣихъ странахъ должны, въ концѣ концовъ, привести къ одной и той же цѣли. Это вполнѣ совпадаетъ съ такими же отношеніями въ области этики: въ Германіи общественная мораль привела къ личной, въ Америкѣ личная къ общественной. Какъ только этотъ переходъ начался, ужъ быстро доходитъ онъ до конца.

Въ Германіи теперь, вѣроятно, мало строится домовъ безъ ванной, а въ Америкѣ мало общественныхъ зданій безъ художественной идеи. Достаточно прослѣдить хоть развитіе вокзаловъ, чтобы представить себѣ быстроту этой перемѣны. Еще лѣтъ десять тому назадъ они представляли собою въ городахъ не болѣе, какъ громадные сараи, а въ мѣстечкахъ хлѣвы безо всякаго отношенія къ красотѣ, такъ что эстетическая критика должна была съ самаго начала чувствовать себя обезоруженной. Теперь же, большинство крупныхъ городовъ обладаетъ вокзалами-дворцами, и нѣкоторые изъ нихъ относятся къ лучшимъ въ свѣтѣ, а нѣкоторыя желѣзныя дороги украсили даже самыя маленькія станціи прелестными постройками. Лишь только достигнута эта ступень, начинается взаимодѣйствіе между стремленіями къ личному и общественному совершенствованію; отъ этого общій эстетическій уровень націи долженъ съ каждымъ

днемъ повышаться. Точно также ужъ не прекращается и взаимодѣйствіе между различными искусствами. Въ проектѣ архитектора съ каждымъ годомъ все больше и больше участія принимаютъ художникъ и скульпторъ, такъ что обиліе построекъ, богатство и ростъ населенія идутъ на пользу не только архитектурѣ, но и всѣмъ искусствамъ.

Но еще и другіе факторы вліяютъ на непрерывный подъемъ художественной жизни Соединенныхъ Штатовъ; сюда относится, прежде всего, все то, что сдѣлано за послѣднія десятилѣтія для организаціи художественной профессіи. Въ прежнія времена настоящій американскій художникъ долженъ былъ предпочесть Европу своей родинѣ, потому что дома онъ не встрѣчалъ сочувствія; художникъ жилъ изолированной жизнью. Все это давно перемѣнилось. Правда, и теперь еще часто жалуются, что въ крупныхъ американскихъ городахъ мало искусства, и если сравнивать съ Мюнхеномъ и Парижемъ, то это будетъ вѣрно. Нью-Іоркъ не въ большей, но и не въ меньшей степени городъ искусствъ, чѣмъ Берлинъ. Во всѣхъ большихъ городахъ существуютъ клубы художниковъ, гдѣ встрѣчаются артисты и цѣнители. Національные союзы архитекторовъ, художниковъ, скульпторовъ стали вліятельными факторами общественной жизни. Большія школы искусствъ съ мастерскими и извѣстными преподавателями сдѣлались центрами новыхъ теченій, а архитектура на широкой, художественно-исторической основѣ получила даже доступъ въ университеты. Теперь учрежденіе національной академіи художествъ обсуждается съ такимъ жаромъ, что и ея день, вѣроятно, ужъ недалекъ. Конечно, и въ будущемъ каждый американскій художникъ будетъ ѣздить въ Италію или Парижъ; но теперь уже даны всѣ условія для того, чтобы онъ могъ черпать всю силу изъ родной земли.

Кромѣ профессіональнаго образованія художника, не мѣнѣе важно и художественное воспитаніе публики. Мы уже говорили, какую роль въ этомъ дѣлѣ играетъ архитектура; меньше бросается въ глаза безмолвная работа музеевъ. Общественныя художественныя коллекціи американцевъ, разумѣется, значительно уступаютъ европейскимъ; все историческое искусство было уже распредѣлено по рукамъ, когда здѣсь только начали собирать. Тѣмъ болѣе приходится поражаться, какія сокровища имъ удалось собрать, а въ нѣкоторыхъ областяхъ новѣйшаго искусства и художественной промышленности ими созданы ни съ чѣмъ несравнимыя коллекціи. Такъ, напр., японская коллекція въ Бостонѣ не имѣетъ себѣ равной, а музей «Метрополитэнъ» въ Нью-Іоркѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ опередилъ весь свѣтъ. Новѣйшее нѣмецкое искусство представлено вездѣ, къ сожалѣнію, слабо, французское же блестяще. Здѣсь открывается ши-

рокое поле дѣятельности для законнаго нѣмецкаго честолюбія; нѣмецкое искусство должно съ гораздо большей энергіей добиваться вліянія въ странѣ. Разумѣется, ему нечего являться за океанъ съ покровительственнымъ видомъ и указывать, что Америка должна еще всему у него научиться. Но оно должно показать, что недовѣріе американцевъ неосновательно, что нѣмецкое искусство сдѣлало успѣхи и что нѣмецкія картины стоятъ того, чтобы ихъ приняли въ художественныя коллекціи.

Въ особенности, частныя коллекціи часто бываютъ поразительной красоты. Собираніе было точно также дѣломъ космополитическаго періода американскаго искусства. Совершенно такъ же, какъ подражали въ архитектурѣ, такъ стали, не стѣсняясь цѣной, привозить домой изъ-заграницы сокровища искусствъ и художественной промышленности и благодаря огромному богатству составляли прекрасныя коллекціи, часто, можетъ-быть, безъ глубокаго пониманія, но всегда съ пользой. Постоянно съ удивленіемъ встрѣчаешь въ частныхъ домахъ, часто въ отдаленныхъ городахъ Запада, знаменитыя европейскія картины; это не могло не оказать вліянія, и за послѣднія десятилѣтія американцы являются лучшими знатоками искусствъ на міровомъ рынкѣ. На высотѣ этого періода составленія коллекцій само американское искусство, вѣроятно, страдало; посредственную французскую картину предпочитали лучшей американской. Но косвеннымъ образомъ всѣ эти сокровища все-таки сослужили службу родному искусству и настолько помогаютъ ему еще и теперь, что болѣе развитые художники страны рѣшительно возстаютъ противъ нелѣпой ввозной пошлины на произведенія искусства. Высшее мѣсто изъ частныхъ коллекцій занимаетъ итальянскій дворецъ г-жи Гарднеръ въ Бостонѣ, но онъ-то яснѣе всего и убѣждаетъ, что космополитическій періодъ собиранія и подражанія могъ быть только однимъ изъ эпизодовъ въ исторіи американскаго искусства: итальянское палаццо не можетъ имѣть органическихъ жизненныхъ силъ въ Новой Англіи. По художественному же размѣщенію сокровищъ Гарднеровскій домъ не превзойденъ, пожалуй, нигдѣ въ мірѣ.

Быть можетъ, еще больше вліянія, чѣмъ постоянные музеи, мимо которыхъ можно спокойно пройти, оказываютъ кратковременныя выставки, посѣщеніе которыхъ стало требованіемъ моды. Въ каждомъ крупномъ городѣ ежегодно бываетъ выставка, а въ художестенныхъ столицахъ одна спеціальная выставка слѣдуетъ за другою. Но самые сильные импульсы исходятъ отъ всемірныхъ выставокъ. Когда въ 1876 г. Филадельфія пригласила къ себѣ народы, интересъ къ искусству у

американцевъ только пробуждался. Полученныя впечатлѣнія оказали рѣшающее вліяніе; говорятъ, что только съ этой выставки въ странѣ появился вкусъ къ краскамъ въ домѣ, къ богатымъ коврамъ и занавѣсамъ. Когда же въ 1893 году Чикаго выстроилъ свой художественный отдѣлъ красивѣе, чѣмъ это удалось даже Парижу семь лѣтъ спустя, тогда только страна въ первый разъ сознала, что теперь ея искусство можетъ держаться на своихъ собственныхъ ногахъ. Этимъ эстетическимъ самосознаніемъ проникласъ вся нація и получила отъ него импульсы къ дальнѣйшему развитію. Въ Чикаго же впервые научились цѣнить сочетаніе архитектуры и скульптуры. И еще одно важное обстоятельство: искусство всего міра было тутъ въ первый разъ перенесено на западъ Америки, и то, что было до сихъ поръ доступно широкимъ кругамъ только береговой полосы между Бостономъ на Сѣверѣ и Вашингтономъ на Югѣ, стало достояніемъ массъ въ Иллинойсѣ и Мичиганѣ, Огіо и Миссури. Съ этихъ поръ Чикаго сталъ главнымъ центромъ американской архитектуры, а эстетическій уровень всего Запада значительно повысился, хотя онъ все еще много ниже, чѣмъ на американскомъ Востокѣ. А С.-Луи со смѣлымъ честолюбіемъ, послѣ такого короткаго промежутка, уже снова повторяетъ на Западѣ небезопасный опытъ, котораго Нью-Іоркъ и Бостонъ, какъ Берлинъ и Мюнхенъ, всегда тщательно избѣгали. Несомнѣнно, что всемірная выставка въ С.-Луи означаетъ новый прогрессъ американскаго искусства, и что она будетъ способствовать подъему художественной жизни особенно въ западныхъ штатахъ.

Если дѣйствительно стремиться къ тому, чтобы художественнымъ чутьемъ былъ проникнутъ весь народъ, то необходимо прививать это чутье не съ того возраста, когда посѣщаютъ художественныя выставки. Еще ребенкомъ человѣкъ долженъ пройти эстетическую школу. Уроки рисованія или, вѣрнѣе, преподаваніе искуствъ, которое пользуется рисованіемъ, какъ однимъ изъ средствъ, должно взять на себя эстетическое воспитаніе юношества въ школѣ. Нельзя отрицать, что американская молодежь больше нуждается въ этой эстетической культурѣ, чѣмъ напр. германская. Англосаксонскій спортъ даетъ юношеству только подвижныя игры, которыя меньше возбуждаютъ фантазію, чѣмъ нѣмецкія дѣтскія игры; да и вообще, въ Америкѣ не хватаетъ нѣкоторыхъ вліяній, которыя могли бы наставить дѣтскую душу на путь эстетики.

Однако надо, съ другой стороны, и сознаться, что эта задача здѣсь разрѣшена такъ, какъ въ Европѣ даже приблизительно не сумѣли рѣшить. Въ американской школѣ преподается искусство по системѣ Пранга, которой въ настоящее время придер-

живается на своихъ урокахъ болѣе двадцати тысячъ учителей рисованія, и этимъ дѣйствительно воспитывается врожденное чувство прекраснаго. Ребенокъ научается наблюдать, обучается техникѣ, узнаетъ значеніе линій и красокъ и прежде всего научается создавать прекрасное. Вмѣсто мертваго срисовыванія онъ учится красиво дѣлить и наполнять данное пространство и отсюда постепенно поднимается до настоящаго искусства. Поколѣнія, которыя были подъ такимъ вліяніемъ, должны новыми глазами смотрѣть на все окружающее и даже въ самой убогой обстановкѣ инстинктивно отдавать дань красотѣ.

Этому влеченію народа къ красотѣ соотвѣтствуетъ и стремленіе придать эстетическій видъ реальной окружающей обстановкѣ; даже болѣе скромные круги стараются придать привлекательность, краски, жизнь своему жилищу, которое слишкомъ долго имѣло трезвый и монотонный видъ. Художественная промышленность пошла впередъ гигантскими шагами, на ея службу поступили настоящіе художники и достигли чудесныхъ результатовъ. Переливчатыя стекла Тиффини и многое другое изъ его всемірно-знаменитой мастерской выше всякаго сравненія; серебряныя вещи Горгэма, фарфоровыя вазы Роквудскаго завода, шлифованная стеклянная посуда, жемчужныя украшенія, мебель староанглійскихъ и колоніальныхъ мотивовъ и многое другое,—все это отличается чарующей прелестью. Но еще гораздо важнѣе и для художественнаго интереса болѣе доказательно то обстоятельство, что, наконецъ, и дешевые фабричные товары, расчитанные на большія массы населенія, стали принимать съ каждымъ днемъ все больше и больше участія въ этомъ стремленіи къ красотѣ. Теперь и дешевая мебель, и дешевыя украшенія имѣютъ стиль; не менѣе характерно массовое потребленіе восточныхъ ковровъ, какого не знаетъ Европа. Расточительное цвѣточное богатство городовъ, великолѣпное устройство парковъ, какіе окружаютъ почти весь Бостонъ, украшеніе всего пейзажа, за которое сознательно выступилъ Чарльзъ Эліотъ, или въ соціальной жизни растущій интересъ къ цвѣтнымъ эстетическимъ символамъ, напр. къ пестрымъ академическимъ костюмамъ, къ красивой печати и богатымъ переплетамъ и тысяча подобныхъ вещей,—все это—признаки молодого сильнаго, жизнерадостнаго чувства красоты.

Такимъ образамъ, богатство и художественное воспитаніе страны взрастило сильную любовь къ видимой красотѣ. Ко всему этому присоединилось еще одно особенное обстоятельство, вліяющее не только на изящныя искусства, но совершенно такъ же и на поэзію и литературу. Это—громадный подъемъ политическаго сознанія націи, который больше, чѣмъ что-либо другое, подвинулъ впередъ литературно-художественную жизнь.

Американецъ чувствуетъ, что онъ вступилъ въ тѣсный кругъ міровыхъ державъ, и что, равный лучшимъ, онъ долженъ исчерпать самого себя. Онъ знаетъ, что у него есть миссія; вѣдь все его національное сознаніе держится не столько общими воспоминаніями, сколько общимъ идеаломъ будущаго. Его національное сознаніе опирается не на сантиментальное чувство, а на боевое настроеніе. Американецъ знаетъ, что нужно еще добиться того, чтобы стать насквозь американцемъ. Все это придаетъ ему мужество самостоятельнаго и имѣющаго собственныя точки зрѣнія человѣка, и теперь, когда онъ успѣлъ коечему дѣльному научиться и овладѣлъ деталями, эта самостоятельность—уже не безплодный капризъ и произволъ, она содержитъ въ себѣ, дѣйствительно, новыя цѣли и новую работу. Только теперь онъ сталъ ясно сознавать, какое обиліе художественныхъ и литературныхъ задачъ доставляетъ ему его собственный матеріалъ, окружающая его природа, его исторія и его соціальныя условія. Какъ американская наука съ наибольшимъ успѣхомъ взялась за разработку исторіи, географіи, геологіи, зоологіи, антропологіи американской земли, такъ и новое искусство и литература теперь пользуются американскимъ матеріаломъ.

Надежды витаютъ высоко. Уже чувствуютъ приближеніе новаго, всепобѣждающаго искусства; уже ясно видятъ пришествіе мірового поэта, который въ большомъ американскомъ романѣ дастъ лозунгъ Новаго Свѣта. Кто рѣшится сказать, что эти надежды, быть можетъ, завтра же не оправдаются? Одно несомнѣнно: здѣсь скопилось необыкновенное множество выгодныхъ условій, для того чтобы выковать міровую силу. Здѣсь живетъ народъ, широчайшія массы котораго пріучены къ литературнымъ и художественнымъ наслажденіямъ; народъ, который отъ ослѣпительнаго блеска своихъ успѣховъ поднимается въ собственныхъ глазахъ и благодаря своему экономическому процвѣтанію отдаетъ въ распоряженіе искусства богатѣйшія средства; народъ, который находитъ въ своей собственной странѣ непочатый край художественныхъ и литературныхъ задачъ и поощряетъ талантъ въ его національномъ видѣ вездѣ, гдѣ только находитъ намекъ на него; народъ, который въ періодъ космополитическихъ странствій многому научился и основательно овладѣлъ деталями всякой техники; народъ, который воспринялъ въ себя темпераменты и стремленія всевозможныхъ народовъ и все-таки выработалъ единое и цѣльное національное сознаніе, представляющее никогда не виданную смѣсь упорной воли, изобрѣтательнаго ума, пуританской нравственности и неистощимаго юмора. Времена, повидимому, созрѣли для великаго.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Религія.

Индивидуалистическій взглядъ на жизнь и религіозное міровоззрѣніе поддерживаютъ другъ друга. Чѣмъ больше религіозное чувство видитъ въ земной жизни только подготовку къ небесной, тѣмъ сильнѣе всѣ стремленія должны быть направлены на развитіе индивидуальной личности. Общія понятія, культуры, народы не могутъ войти въ небесныя врата, какъ нѣчто цѣлое; только совершенствованіе каждой души въ отдѣльности ведетъ къ вѣчному блаженству. Съ другой стороны, чѣмъ сильнѣе народъ охваченъ индивидуалистическимъ стремленіемъ къ самосовершенствованію, тѣмъ глубже должно укорениться и убѣжденіе, что короткимъ путемъ до смерти не исчерпывается весь смыслъ человѣческаго существованія, что это стремленіе къ личному развитію важно для загробной жизни. Конечно, такой индивидуализмъ сдѣлаетъ религіозность въ извѣстномъ смыслѣ узкой, идею безсмертія души онъ подчеркнетъ слишкомъ односторонне, но вся жизнь индивидуалистическаго народа будетъ исполнена религіи. И дѣйствительно, религіей полонъ весь американскій народъ, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ высадились его набожные предки, и до нынѣшняго дня.

Съ другой стороны, индивидуализмъ самъ по себѣ еще не даетъ основаній обращаться къ Богу со страхомъ или съ радостью, считать человѣческую природу грѣшной или доброй, а Бога мстительнымъ или милосерднымъ. Два наиболѣе самостоятельныхъ американскихъ мыслителя восемнадцатаго вѣка, Джонатанъ Эдуардсъ и Веніаминъ Франклинъ, являются представителями обѣихъ крайностей. Богъ, котораго зналъ Эдуардсъ, «держитъ грѣшника надъ огненной пещью на тонкой нити, вокругъ которой пылаютъ языки пламени гнѣва; каждое мгновеніе они могутъ опалить и сжечь нить. И гнѣвъ вѣченъ. Нестерпимо выносить эту ярость Божію даже одинъ мигъ, но грѣшникъ будетъ терпѣть ее во всѣ времена. Не будетъ конца этому изысканному страшному мученію. Милліоны и милліоны вѣковъ будетъ онъ бороться съ безпощадной местью Божіей, и когда они пройдутъ, онъ будетъ знать, что все это только одно мгновеніе по сравненію съ тѣмъ, что еще осталось». Грѣшникомъ же является отъ природы каждый, кого не возвысила особая милость Божія. Франклинъ же, наоборотъ, писалъ: «Благодарю тебя за пожеланія вѣчнаго и земного счастья;

я не сомнѣваюсь, что вкушу отъ нихъ, сколько мнѣ положено. Существо, которое дало мнѣ жизнь, шестьдесятъ лѣтъ оказывало мнѣ добро, и даже его наказанія обращались для меня въ благословенія. Могу ли я сомнѣваться, что оно меня любитъ, и если оно меня любитъ, могу ли я сомнѣваться, что оно и въ будущемъ, не только здѣсь, но въ той жизни будетъ ко мнѣ расположено?» Люди, которые создали американскую исторію и культуру, стояли первоначально на точкѣ зрѣнія Эдуардса, теперь же держатся приблизительно франклиновскихъ взглядовъ. Можно ли однако теперь утверждать, что Америка религіозна? Первое впечатлѣніе, получаемое европейцемъ, какъ будто противорѣчитъ этому. Онъ видитъ прежде всего, что государству совершенно нѣтъ дѣла до церкви. 6-й параграфъ конституціи категорически запрещаетъ ставить въ Соединенныхъ Штатахъ занятіе какой-либо должности или почетнаго политическаго поста въ зависимость отъ религіи, а первая поправка къ закону прибавляетъ къ этому, что конгрессъ не имѣетъ права издать законъ, который вводилъ бы религію или препятствовалъ свободному исповѣданію вѣры. Такое отношеніе конституціи Союза повторяется почти одинаково и въ конституціяхъ отдѣльныхъ штатовъ: правительство совершенно не касается церкви. Другими словами, церковь лишена въ Америкѣ той могущественной поддержки со стороны государства, которой она пользуется во всѣхъ монархическихъ странахъ. Это обязательное по конституціи отдѣленіе государство проводитъ даже настолько строго, что, напримѣръ, для большой переписи, совершаемой каждыя десять лѣтъ, данныя о вѣроисповѣданіи должны получаться отъ церковныхъ общинъ, потому что государство не имѣетъ права ставить на переписной карточкѣ вопросъ о религіи. Проповѣдникъ не держитъ государственнаго экзамена, милліоны людей не принадлежатъ ни къ какой церковной общинѣ, низшіе слои населенія большихъ городовъ для церкви не доступны, въ общественныхъ школахъ нѣтъ преподаванія религіи. Можетъ почти показаться, что въ странѣ господствуетъ религіозный индифферентизмъ, и европейскимъ журналистамъ всегда казалось остроумнымъ говорить, что единственное божество американца это—долларъ.

Кто ближе присмотрится, тотъ скоро придетъ къ противоположному выводу. Правда, государству нѣтъ дѣла до религіи. Но даже это постановленіе конституціи вовсе не обозначало поощренія религіознаго индифферентизма. Штаты, которые составили союзъ, были проникнуты религіознымъ духомъ; протестанты и католики искали здѣсь, въ Новомъ Свѣтѣ, религіозной свободы, они пошли на лишенія, чтобы свободно исповѣдывать свою вѣру, не терпя преслѣдованій отъ Стараго

Свѣта, и каждая церковь, которая имѣла въ Европѣ приверженцевъ, была представлена и по ту сторону океана. Многіе изъ штатовъ по всему своему устройству были прямо теократичны. Не только въ пуританской Новой Англіи вся власть была въ рукахъ церкви; въ виргинской колоніи, въ средоточіи англиканской церкви вначалѣ каждый, кто два раза не былъ въ церкви, наказывался плетью, кто три раза,—смертью. Когда Америка оторвалась отъ Англіи, то почти каждый штатъ имѣлъ свою особенную строго религіозную окраску. Чаще всего большинство населенія каждой отдѣльной колоніи обращало свою религію въ дѣло всей общины, и вездѣ интересы религіи стояли на первомъ планѣ.

Если тѣмъ не менѣе предложеніе Джефферсона: внести въ конституцію отдѣленіе церкви отъ государства,—получило, въ концѣ концовъ, санкцію, то это сочувствіе могло, слѣдовательно, быть вызвано не равнодушіемъ, а единственно желаніемъ избѣжать религіозной борьбы. При столь выраженной дифференцировкѣ на пуританъ, квакеровъ, епископальныхъ, католиковъ и т. д. возвышеніе одной церкви до роли государственной церкви союза поставило бы другія церкви въ подчиненное положеніе, которое испытывалось бы, какъ угнетеніе. Отдѣлить государство отъ церкви значило, такимъ образомъ, предоставить каждой церкви полную свободу. Впрочемъ, далеко не всѣ штаты послѣдовали тотчасъ примѣру конституціи Союза. Штаты Новой Англіи покровительствовали кальвинистской церкви путемъ законовъ о налогахъ даже до начала девятнадцатаго столѣтія, а Массачузетсъ ввелъ полную религіозную безпартійность въ послѣднюю очередь, лишь въ 1833 году. Въ южныхъ штатахъ отдѣленіе отъ церкви совершилось легче, а въ центральныхъ даже въ колоніальную эпоху господствовала широкая религіозная свобода.

Однако, какъ бы это освобожденіе ни совершилось, быстро или медленно, при пассивномъ ли отношеніи или при энергичномъ сопротивленіи духовенства, вездѣ сама церковь стала вскорѣ самой горячей защитницей новаго порядка; вездѣ духовенство сознало, что такимъ путемъ лучше всего охраняются интересы религіи. Вся нынѣшняя дѣятельность государства въ пользу церкви сводится къ законодательству отдѣльныхъ штатовъ противъ богохульства и нарушенія богослуженія и къ признанію, но не требованію церковнаго обрученія. Признаки связи обнаруживаются еще также въ правѣ президента назначать день для ежегоднаго благодарственнаго молебствія, а въ случаѣ бѣдствія дни покаянія и молитвы, а также въ ежедневномъ открытіи законодательныхъ собраній молитвой. Въ остальномъ, государство и церковь движутся въ двухъ различныхъ измѣ-

реніяхъ, и еще ни разу не было сдѣлано ни малѣйшей попытки что-либо измѣнить въ этомъ порядкѣ.

Здѣсь, слѣдовательно, не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы какое-нибудь ортодоксальное меньшинство было вынуждено мириться со свободнымъ отъ церкви государствомъ; ни одинъ штатъ, ни одна партія, ни одна секта не выразила ни разу ни малѣйшаго желанія снова связать церковь и государство другъ съ другомъ. Благодать этой обоюдной независимости чувствуется настолько сильно, что общественное настроеніе тотчасъ же обращается противъ каждой церкви, которая заводитъ обмѣнъ политическихъ услугъ, напримѣръ, поддерживаетъ на мѣстныхъ выборахъ ту политическую партію, которая за это удѣляетъ общественныя деньги воспитательнымъ учрежденіямъ или больницамъ этой церкви. И если, напримѣръ, главнѣйшій антикатолическій союзъ, такъ наз. американское охранительное общество получило на нѣкоторое время такое нежелательное распространеніе, то въ этомъ выражался не отпоръ протестантской церкви, а только политическая антипатія къ той церкви, которая больше другихъ склонна оказывать такое не американское побочное вліяніе на политическія партіи; слишкомъ ясно чувствовалось, что здѣсь дѣло идетъ о великомъ американскомъ принципѣ. Такимъ образомъ, для закона церковь является большой частной корпораціей, и никто не обязанъ приписаться къ какой бы то ни было церкви. Особое церковное право оказывается, слѣдовательно, излишнимъ. Каждая церковь можетъ организоваться, назначать своихъ должностныхъ лицъ, распоряжаться своимъ имуществомъ, исправлять свое ученіе, какъ ей удобно; ея судебныя дѣла подчиняются гражданскому праву, которое имѣетъ одинаковую силу для всѣхъ корпорацій. Какъ отъ коммерческаго общества, требуется и здѣсь извѣстная форма отвѣтственнаго правленія, наблюдательный совѣтъ или что-нибудь въ этомъ родѣ, но конкуренція остается такъ же неограниченной, какъ и для промышленныхъ корпорацій, а отношенія отдѣльнаго лица къ его церкви являются въ глазахъ закона чистоконтрактными обязательствами. 148 различныхъ сектъ стараются въ настоящее время расположить публику въ свою пользу. Для нѣмца все это звучитъ прежде всего какъ «обмірщеніе», какъ приниженіе до уровня акціонернаго общества съ биржевымъ курсомъ, какъ профанація. И все-таки ни одинъ католическій епископъ, ни одинъ ортодоксальный баптистъ не пожелалъ бы ничего другого. Что же этимъ достигнуто?

Прежде всего индивидуализмъ и въ этой области осуществилъ свое стремленіе къ самоопредѣленію. Никто не обязанъ вступать въ общину; кто въ нее вошелъ, тотъ по собственному рѣшенію вступилъ въ ея организацію, подчинился ея предпи-

саніямъ и выразилъ согласіе участвовать въ ея расходахъ. Никто не обязанъ платить офиціальную подать въ пользу церкви, никто не обязанъ подчиняться какой-либо духовной власти, если онъ ея не признаетъ по убѣжденію. Такимъ образомъ, церковь ставится, по существу, внѣ всякаго подозрѣнія, будто она посягаетъ на свободу личности. Индивидуумъ же получилъ такимъ путемъ не только возможность свободно обращаться къ религіи или отказываться отъ нея, но прежде всего полнѣйшую свободу проводить свое личное убѣжденіе, неограниченно измѣняя вѣроученіе. Только тамъ, гдѣ церковь не насилуетъ ума, стремленіе къ самосовершенствованію можетъ быть исчерпано въ церковныхъ формахъ. Такъ, въ меннонитской церкви развилось уже двѣнадцать, въ баптистской тринадцать, въ методистской семнадцать сектъ, и всѣ имѣютъ одинаковыя права. Вмѣстѣ съ тѣмъ устраняется и упрекъ, что церковь обязана своимъ успѣхомъ государственной помощи. То, что она дѣлаетъ, она дѣлаетъ собственными силами. Это облагораживаетъ и придаетъ внутреннюю глубину ея успѣху, возбуждаетъ ея усердіе, а всѣ ея труды держитъ вдали отъ міра политической борьбы и обращаетъ ихъ на идеалы.

Церковь, которая не охраняется или, по крайней мѣрѣ, не поддерживается писаннымъ закономъ государства, опирается тѣмъ не менѣе не только на религіозный идеализмъ вѣрующихъ; за нею стоитъ неписанный законъ общества. Чѣмъ слабѣе вліяніе государства, тѣмъ сильнѣе само общество сознаетъ свои обязанности. Оно можетъ оставаться внутренне равнодушнымъ, пока существуетъ внѣшнее механическое принужденіе, но оно развиваетъ энергію, какъ только почувствуетъ, что отъ него зависитъ рѣшеніе. Никогда церковь не выигрывала больше, чѣмъ отъ отдѣленія отъ государства, когда религія стала дѣломъ самаго общества. Тутъ могъ развиться гнетъ, можетъ быть, болѣе своевольный и упорный, чѣмъ государственный, но онъ не ощущается, какъ насиліе, потому что принадлежность къ извѣстному кругу общества не дается само собою; ея нужно достичь и она почетна. Разумѣется, и общественный гнетъ не могъ бы развиться, если бы въ населеніи не жило глубокаго религіознаго сознанія, и обратно, въ соціально благодатной почвѣ религіозность сама по себѣ могла пустить болѣе глубокіе корни. Религіозное населеніе, которое возвысило принадлежность къ церкви до общественнаго требованія, доставляетъ для процвѣтанія американской церкви наивыгоднѣйшія мыслимыя условія.

Какъ сильно церковь опирается на общество, видно уже изъ группировки сектъ. Если демократія гдѣ-нибудь естественна, то, нужно думать, это предъ глазами Бога; но если у аме-

риканцевъ гдѣ обнаруживаются соціальныя градаціи, то именно въ области религіи. Это относится не только къ различнымъ церковнымъ зданіямъ, въ которыхъ мѣста настолько разнятся въ цѣнѣ, что въ большихъ городахъ богатый и бѣдный отдѣлены другъ отъ друга по воскресеньямъ гораздо больше, чѣмъ въ будни,—это относится и къ цѣлымъ сектамъ. Методисты и епископальные или баптисты и унитаріи представляютъ, въ среднемъ, совершенно различныя общественныя группы. При этомъ въ одной части страны одни, въ другой другіе занимаютъ господствующее положеніе въ обществѣ. Но именно потому, что религіозныя отличія опираются въ такой сильной степени на существующія въ мірѣ соціальныя различія, отношенія между сектами безусловно дружественны; у каждой изъ нихъ есть своя естественная сфера вліянія. Несомнѣнно, что этому помогаетъ большое число всѣхъ сектъ, благодаря чему различіе между двумя родственными религіями часто бываетъ понятно только для ученаго спеціалиста, часто основывается только на разницѣ въ мѣстности или въ происхожденіи. Такъ, нѣмецкая реформатская церковь и голландская реформатская считаются двумя сектами, и даже «американскіе епископалметодисты» и «цвѣтные епископалметодисты» различаютъ себя другъ отъ друга на ряду со многими другими негрскими сектами. Если другъ предъ другомъ стоятъ двѣ большія партіи, то можетъ вспыхнуть борьба за принципы; если же религіи посредствомъ множества промежуточныхъ формъ переходятъ другъ въ друга, то сознаніе различія не такъ легко переходитъ въ чувство противоположности. Дѣйствительный противникъ для нихъ всѣхъ одинъ: атеистъ, хотя болѣе ортодоксальныя общины не вполнѣ увѣрены, не будетъ ли правильнѣе отнести и унитаріевъ, соотвѣтствующихъ нѣмецкому протестантскому союзу, въ разрядъ атеистовъ. Наконецъ, зависть и ревность вообще не свойственны оптимистической натурѣ американца, который всегда охотно мирится съ чужимъ успѣхомъ. Все это вмѣстѣ ведетъ къ тому, что церкви мирно уживаются другъ съ другомъ. Какъ единая полная радуга, религія охватываетъ страну во всемъ богатствѣ своихъ красокъ.

Тѣсная связь церкви и общества обнаруживается во всемъ. Вездѣ церковь популярна, религія въ домѣ занимаетъ видное мѣсто, проповѣдникъ въ почетѣ, богослуженіе посѣщается усердно, работа церкви встрѣчаетъ добровольную поддержку, требованія религіи поддерживаются обществомъ. Эти контуры можно дополнить еще нѣсколькими штрихами. Американецъ выростаетъ на знаніи библіи; церковная воскресная школа и домашнее вліяніе дѣйствуютъ совмѣстно: въ домѣ каждаго фермера гос-

подствуетъ постоянная религіозность. Кто говоритъ о лицемѣріи или фарисействѣ, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія объ истинномъ положеніи вещей. Въ домахъ многихъ городскихъ рабочихъ не знаютъ библіи и не желаютъ ее знать; ничто здѣсь не побуждаетъ къ лицемѣрію. Въ самой же странѣ религіозность сидитъ настолько глубоко, что скорѣе можетъ явиться опасность, что люди станутъ лицемѣрно притворяться просвѣщенными, чѣмъ чтобы они, не будучи вѣрующими, признавали религію. Поэтому само собою понятно, что торжества, банкеты и собранія, на которыхъ въ Германіи никто не сталъ бы думать о религіозныхъ аксессуарахъ, начинаются и заканчиваются молитвой. Поэтому же религіозные разговоры ведутся съ особенной охотой на всѣхъ ступеняхъ образованія. Кто много путешествуетъ по странѣ, знаетъ, что дѣла и религія составляютъ главныя темы разговоровъ, за ними уже идетъ политика. Только среди столь религіозно настроенныхъ людей могли вызвать такое огромное возбужденіе всѣ заблужденія сверхчувственнаго сознанія, какъ спиритизмъ, заговариваніе болѣзней и многое другое. Но и нормальные религіозные интересы занимаютъ обширнѣйшіе круги населенія; девятьсотъ церковныхъ газетъ и журналовъ выходятъ правильно во многихъ милліонахъ экземпляровъ.

Мы говорили далѣе, что богослуженіе посѣщается усердно и что проповѣдникъ пользуется почетомъ. Въ неполитической жизни, особенно на Востокѣ, выдающіеся проповѣдники принадлежатъ къ наиболѣе вліятельнымъ людямъ нашего времени. Самой геніальной фигурой въ области церкви былъ за послѣднія десятилѣтія, по общему единодушному отзыву, Филлипсъ Брукъсъ, рѣчь котораго все увлекала за собою, а личность все облагораживала. Часто говорили, что его смертью, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, страна была такъ опечалена, какъ только еще смертью Линкольна. Послѣ него не было ни одного ему равнаго; однако и сейчасъ нѣтъ недостатка въ священникахъ, нравственное вліяніе которыхъ должно быть причислено къ важнымъ факторамъ общественной жизни. Это относится не только къ евангелическому духовенству, но въ высокой степени и къ нѣкоторымъ католическимъ епископамъ.

Все это въ болѣе скромномъ видѣ повторяется на тысячу ладовъ и въ тѣсномъ кругу; вліяніе проповѣдника въ маленькомъ городѣ глубже, чѣмъ въ Германіи. Но это вліяніе тотчасъ уменьшается, какъ только представитель церкви опускается до политики. Только на границѣ политики и нравственности, напримѣръ, въ вопросѣ о борьбѣ съ алкоголизмомъ, является онъ агитаторомъ по профессіи. Интересно отмѣтить, что высокое положеніе священника сказывается и въ томъ, что профессія проповѣдника привлекаетъ особенно много элементовъ изъ

лучшихъ круговъ общества. Въ виду стараній американца, по возможности, затушевать соціальную дифференцировку, трудно установить съ увѣренностью это обстоятельство. Но, кажется, нельзя сомнѣваться, что тотъ человѣческій матеріалъ, который готовится къ должности проповѣдника, особенно у епископальныхъ, пресвитеріанъ, конрегаціоналистовъ и унитаріевъ, въ соціальномъ отношеніи выше того, изъ котораго образуются учителя и врачи.

Способъ обращенія проповѣдника съ каѳедры къ своимъ слушателямъ носитъ специфически американскій характеръ. Разумѣется, нечего думать привести къ одной формулѣ методы проповѣдниковъ въ 194.000 церквахъ страны; однако одно обстоятельство бросается европейцу въ глаза, какъ контрастъ съ его родиной: очевидное отношеніе проповѣди къ мірскимъ интересамъ общины. Это выдаетъ уже сама внѣшняя форма: сравненія изъ области мелочей и даже изъ области низменнаго, прямо тривіальные, но по своей наглядности захватывающіе обороты, даже анекдоты, передаваемые весело въ разговорномъ стилѣ, — все это вплетается въ проповѣдь. А въ особенности предметъ ея: дѣло касается почти лично каждаго изъ сидящихъ тамъ, на церковныхъ скамьяхъ. Послѣдняя забота, послѣднее огорченіе, ближайшая надежда, ближайшая задача даетъ исходную точку, и тогда слово библіи входитъ желаннымъ гостемъ въ кругъ собственныхъ мыслей. Проповѣдникъ не желаетъ отвлекать душу отъ обыденнаго и вводить ее въ праздничный міръ высшихъ идеаловъ; наоборотъ, въ обыденномъ онъ желаетъ вызвать къ жизни высшее, и если только проповѣдникъ настоящій, то получается не приниженіе божественнаго, а возвышеніе человѣческаго.

Нѣтъ сомнѣнія, что поэтому-то церковь такъ популярна, а богослуженія такъ усердно посѣщаются. Несомнѣнно, конечно, и то, что иной разъ на каѳедрѣ оказывается не проповѣдникъ, а ищущій сенсаціи комедіантъ, который широко распространяется о послѣднемъ скандалѣ или новѣйшемъ спорномъ вопросѣ, для того чтобы доставить удовольствіе публикѣ и наполнить церковь любопытными. Сильно свѣтскій характеръ проповѣди ведетъ часто къ другому виду вырожденія: проповѣдь обращается въ лекцію просвѣтительнаго общества съ естественно-историческимъ объясненіемъ и тенденціознымъ полуобразованіемъ. Само собою разумѣется, что отказъ отъ религіозной формы ведетъ къ разнообразнымъ соблазнамъ для того, кто не рожденъ проповѣдникомъ. Обыкновенно же американская проповѣдь производитъ сильное впечатлѣніе.

Однако популярность церкви зависитъ не только отъ наглядности проповѣди. Къ этому присоединяется еще одинъ

фактъ, который въ его здѣшней силѣ неизвѣстенъ во всей Европѣ. Если само общество желаетъ привязать общину къ церкви, то этой цѣли оно достигаетъ вѣрнѣе всего, если употребитъ еще и индифферентныя въ религіозномъ отношеніи приманки. Въ концѣ концовъ, и эти средства могутъ косвеннымъ путемъ сослужить службу нравственнымъ цѣлямъ церкви, но первая ихъ задача — привлечь къ церкви. Кто идетъ въ церковь только ради прекрасной музыки, вынужденъ выслушать и проповѣдь, а кто присоединяется къ церкви для того, чтобы участвовать въ ея свѣтскихъ собесѣдованіяхъ, отвлекается тѣмъ самымъ, по крайней мѣрѣ, отъ фривольныхъ удовольствій нерелигіозныхъ круговъ. Такимъ образомъ, церковь постепенно сдѣлалась соціальнымъ центромъ съ функціями, которыя въ Германіи такъ же неизвѣстны, какъ и «салоны», существующіе въ Америкѣ у всѣхъ церквей. Соціальныя приманки должны, конечно, быть приноровлены къ характеру общины. Обычные въ маленькихъ городахъ пикники съ розыгрышами и общественными играми, съ лимонадомъ и пряниками совершенно не подходили бы для церквей милліонеровъ пятаго авеню. Въ большихъ городахъ за то должны выступить на сцену эстетическія средства: роскошные ковры и окна, артистическая музыка, изящные туалеты, фешенебельные благотворительные базары.

Общество пользуется однако церковью не только въ предѣлахъ его стѣнъ; на Западѣ въ особенности, но также въ небольшихъ городахъ и деревняхъ на Востокѣ церковь помогаетъ въ общественныхъ сношеніяхъ и встрѣчахъ. Кто переселяется въ другую часть города или въ совершенно новое мѣсто, вступаетъ въ общину для того, чтобы въ ея средѣ найти для себя общество; и все это происходитъ тѣмъ естественнѣе, что въ Америкѣ и въ церковной, и въ чисто общественной жизни самымъ активнымъ членомъ семьи является женщина. И союзы молодежи, и тому подобныя общественныя организаціи съ религіозной окраской точно также играютъ выдающуюся роль,—совсѣмъ не такъ, какъ въ Европѣ. Въ Германіи народное сознаніе считаетъ ихъ чѣмъ-то безсильнымъ, ихъ имя имѣетъ приторный привкусъ. Въ Америкѣ же въ большихъ городахъ они являются центрами широкой соціальной дѣятельности съ чрезвычайнымъ вліяніемъ, и сотни тысячъ ихъ членовъ, встрѣчаясь въ прекрасныхъ зданіяхъ клубовъ, предаются спорту и ученію не меньше, чѣмъ религіи.

Насколько церковь господствуетъ надъ соціальной жизнью, объ этомъ можно судить, между прочимъ, и по распространенности церковнаго обрученія. Государство не признаетъ обязательнаго гражданскаго обрученія. Когда мѣстныя власти дали

по должности свое согласіе на заключеніе брака, то вѣнчаніе можетъ быть одинаково совершено, какъ чиновникомъ, такъ и священникомъ; но для громаднаго большинства населенія и теперь еще само собою разумѣется, что кольцами нужно обмѣняться передъ алтаремъ. Открытый атеистъ не могъ бы свободно двигаться ни въ одномъ общественномъ кругу выше кабацкаго уровня. Ни одному политику не приходится бояться, что его особенная религія создастъ ему препятствія со стороны другихъ церквей; но онъ не имѣлъ бы ни малѣйшихъ шансовъ на какихъ бы то ни было выборахъ, если бы вздумалъ открыться въ матеріалистической философіи. Когда пресловутый американскій атеистъ Ингерсоль годами путешествовалъ изъ города въ городъ, для того чтобы за входную плату вызванивать аргументы Давида Фридриха Штраусса въ грубо-агитаціонномъ видѣ, то его блестящее краснорѣчіе, правда, привлекало массы слушателей, но среди множества любопытныхъ было лишь немного приверженцевъ.

Кто убѣжденъ, что всю сущность міра составляетъ механическая игра матеріальныхъ предметовъ, и кто даже въ глубинѣ души не признаетъ связи между своей волей и какой-то нравственной духовной силой, короче сказать, кто не вѣруетъ, будто церковное или философское исторически сложившееся вѣроученіе,—тотъ въ глазахъ типичнаго американца является, въ концѣ концовъ, странной человѣческой разновидностью низшаго порядка. Онъ не можетъ хорошенько понять, чего собственно ищетъ такой человѣкъ отъ жизни. И кто себѣ ясно представляетъ, насколько исторія Америка есть исторія народа, который самъ произошелъ отъ людей, терпѣвшихъ преслѣдованіе за вѣру и для гонимыхъ за вѣру всегда становился родиной съ того дня, какъ причалилъ «Mayflower» съ пуританами, и до того времени, когда за океанъ стали спасаться евреи изъ Россіи и армяне изъ Турціи; кто себѣ представляетъ, какъ этотъ народъ принужденъ былъ тяжелой борьбой открывать и подчинять себѣ страну и потому былъ воспитанъ на строгомъ сознаніи долга, на серіозномъ взглядѣ на жизнь и на бѣдной удовольствіями жизни, и какъ затѣмъ всѣ соціальныя и историческія традиціи, все воспитаніе и обученіе подкрѣпляли духъ упованія на Бога и стремленія къ спасенію души,—тотъ знаетъ, что иначе и быть не можетъ, и что нравственную увѣренность невозможно поколебать такъ называемыми аргументами.

Все это однако не исключаетъ того, что со всѣхъ сторонъ слышатся жалобы на учащающееся отпаденіе отъ церкви. Прежде всего безспорно, что въ большихъ городахъ пролетаріатъ стоитъ большею частью внѣ церкви; людей, не желающихъ примкнуть ни къ какой церкви, насчитываютъ даже до 5 мил-

ліоновъ. Но среди нихъ относительно большую часть составляютъ равнодушные, которые просто избѣгаютъ всякаго труда; открыто враждебное отношеніе къ церкви встрѣчается рѣдко. Если американецъ чувствуетъ, что его церковь болѣе не соотвѣтствуетъ его убѣжденіямъ, то благодаря многочисленнымъ градаціямъ сектъ онъ легко можетъ подобрать себѣ подходящую. Онъ выходитъ изъ своей церкви, но только для того, чтобы вступить въ другую. Но даже если онъ предоставляетъ посѣщеніе церкви женѣ и дочерямъ или выходитъ изъ общины со всей семьей, то это только означаетъ, что онъ можетъ служить своему Богу и безъ проповѣдника. Дѣйствительное невѣріе не подходитъ къ его характеру, а тѣ сомнѣнія, которыя подноситъ ему наука, не приводятъ къ потерѣ вѣры, а только дѣлаютъ его религію либеральной. Этотъ процессъ, путемъ котораго церковь постепенно освобождается отъ догмы и начинаетъ все больше и больше отвѣчать запросамъ ума, совершается въ высшихъ слояхъ безостановочно; наиболѣе важнымъ для духовной жизни націи было развитіе унитарной церкви изъ ортодоксальнаго кальвинизма, но основное религіозное настроеніе этимъ не уничтожается.

Чтобы принадлежать къ церкви, еще недостаточно только принимать охотно то, что церковь даетъ; нужно еще жертвовать на задачи церкви и участвовать въ ея работѣ. А такъ какъ государство не знаетъ церковныхъ налоговъ, то обезпеченіе матеріальныхъ средствъ зависитъ вполнѣ отъ доброй воли членовъ общины. Въ дѣйствительности, вездѣ прежде всего помогаетъ работа добровольцевъ. Типичнымъ образчикомъ являются воскресныя школы, посѣщаемыя восемью милліонами дѣтей и поддерживаемыя добровольнымъ трудомъ безплатныхъ учителей и учительницъ. Застрахованное церковное имущество оцѣнивается въ 700 милліоновъ долларовъ; продажа церковныхъ мѣстъ приноситъ большой доходъ; кромѣ того, церковное имущество вездѣ свободно отъ налоговъ.

Тѣмъ не менѣе остается еще столько неудовлетворенныхъ нуждъ, что для покрытія расходовъ необходимо постоянно давать вещественныя доказательства интереса къ церкви, отъ кружечнаго сбора и до офиціальной подписки и завѣщаній. Но церковь рѣдко проситъ напрасно. Миссіонерство среди невѣрующихъ въ большихъ городахъ и среди язычниковъ отдаленнѣйшихъ странъ, церковныя зданія и жалованье духовенству, школы и больницы сектъ,—все это ложится на плечи членовъ общины. Церковными учрежденіями являются, естественно, и богословскіе факультеты, безразлично, принадлежатъ ли они къ университетамъ или существуютъ отдѣльно. Въ настоящее время такихъ высшихъ школъ 154, и это число съ нѣкоторыхъ

поръ мало измѣняется. Еще въ 1870 г. ихъ было только 80, но уже въ 1880 г. ихъ было 142, а въ 1890—145. Изъ статистики мы узнаемъ, что только въ 21 изъ 153 школъ было больше 100 студентовъ, а 12 довольствовались меньше, чѣмъ десятью студентами. Общее число студентовъ было 8009, а доцентовъ 994. Имущество этихъ проповѣдническихъ школъ равнялось 54 милл. долларовъ, а въ теченіе послѣдняго года имъ пожертвовано болѣе милліона.

Однако педагогическія функціи церкви не ограничиваются воскресными школами для дѣтей и высшими школами для проповѣдниковъ. Только въ этихъ обѣихъ областяхъ ей принадлежитъ монополія; въ остальныхъ же, отъ начальной школы до университета, она конкурируетъ со свѣтскими учрежденіями или, лучше сказать, дополняетъ ихъ. Мы уже выяснили, какую важную роль играетъ частная иниціатива въ учебномъ дѣлѣ въ Соединенныхъ Штатахъ. Естественно, что такія частныя учрежденія встрѣчаютъ со стороны широкихъ круговъ общества особенно благосклонный пріемъ, если они работаютъ въ духѣ извѣстнаго исповѣданія. Среднія школы, гимназіи, коллегіи, университеты различнѣйшихъ сектъ служатъ этой потребности. При этомъ они могутъ стоять въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ къ религіи, отъ тѣснѣйшей связи до самой поверхностной. Такъ напримѣръ, Бостонская коллегія—дѣльное католическое учрежденіе, состоящее изъ гимназіи и коллегіи; въ немъ преподаваніе ведется іезуитами, и вся система на каждомъ урокѣ носитъ строго католическій отпечатокъ. Университетъ въ Чикаго считается также учрежденіемъ секты, онъ принадлежитъ баптистамъ, но никому нѣтъ дѣла до того, баптистъ ли приглашаемый профессоръ или нѣтъ; ни одинъ студентъ не чувствуетъ баптистскаго характера учрежденія, и ни одна лекція этого не выдаетъ. Все отношеніе къ баптизму ограничивается тѣмъ, что по статуту президентъ университета и двѣ трети наблюдательнаго совѣта должны быть баптистами, соотвѣтственно вѣроисповѣданію основателя.

Въ то время какъ крупнѣйшіе университеты: Гарвардскій, Колумбійскій, Джона Гопкинса, Принсетона, Корнеля и всѣ государственные университеты официально не имѣютъ отношенія ни къ одной изъ сектъ, Іельскій, напримѣръ, обозначается конгрегаціоналистскимъ, хотя доцентамъ и студентамъ до этого нѣтъ никакого дѣла. Скорѣе меньшія коллегіи носятъ извѣстную сектантскую окраску, и несомнѣнно, что широкимъ кругамъ населенія, особенно въ центральныхъ штатахъ и на Западѣ, это именно нравится. И дѣйствительно, сектантскія коллегіи численно преобладаютъ надъ неимѣющими отношенія къ исповѣданію. Возьмемъ любой примѣръ: въ штатѣ Мичи-

ганъ только государственная коллегія въ Аннъ-Арборѣ не имѣетъ отношенія ни къ одной изъ сектъ, за то коллегія Адріана принадлежитъ методистамъ, коллегія Альбіона епископальнымъ, коллегія Альма пресвитеріанамъ, коллегія Детруа католикамъ, коллегія Гильделя баптистамъ, коллегія Надежды реформатамъ и коллегія Оливе конгрегаціоналистамъ. И въ этой распространенной особенно въ сельскихъ кругахъ склонности хоть къ легкой религіозной окраскѣ воспитанія также обнаруживается, насколько глубоко вся жизнь народа проникнута религіей.

Мы не беремся прослѣдить здѣсь отдѣльныя религіи и развѣтвленія религій въ ихъ различіяхъ; пусть читатель удовольствуется нѣсколькими бѣглыми указаніями. Совершенно новыхъ религіозныхъ идей, все равно, отмѣтить не придется. Американской религіи еще ни разу не появлялось; исторія церкви Новаго Свѣта повѣствуетъ только о томъ, какъ развивались европейскія религіи при новыхъ условіяхъ. Кажущіяся новыя религіи представляли собою только расколъ или незначительныя видоизмѣненія. Правда, постоянно появлялись мечтатели, которые со своеобразнымъ переусиленіемъ нравственныхъ или соціальныхъ чувствъ провозглашали новую религію, но такъ какъ она не выражала нравственнаго требованія вѣка, то и не оставляла сколько-нибудь глубокаго слѣда. Это объясняется въ значительной степени консервативнымъ характеромъ американца: онъ съ энтузіазмомъ хватается за новѣйшее улучшеніе и новѣйшую реформу, но это должна быть именно реформа, а не переворотъ; историческая преемственность должна сохраниться. Скорѣе всего можно бы признать чисто американскими сектами мормоновъ, спиритуалистовъ и заговаривающихъ болѣзни послѣдователей христіанской науки; но хотя всѣ эти три секты и возбуждаютъ общественное любопытство, однако въ ряду религій, создающихъ культуру, они не имѣютъ никакого значенія.

Наиболѣе распространены въ Соединенныхъ Штатахъ религіи методистовъ, баптистовъ и римско-католическая; но въ культурномъ отношеніи важнѣе секты конгрегаціоналистовъ, епископальныхъ, пресвитеріанъ и унитаріевъ. За ними слѣдуютъ прежде всего лютеране, реформаты и евреи, всѣ остальныя церкви невелики или лишены вліянія. Перечисленныя церкви можно уже пространственно раздѣлить, хотя онѣ смѣшиваются почти въ каждомъ штатѣ; все-таки можно указать, что конгрегаціоналисты и унитаріи особенно многочисленны, главнымъ образомъ, въ штатахъ Новой Англіи, епископальные и пресвитеріане въ Нью-Іоркѣ и Пенсильваніи, методисты на Югѣ, баптисты на центральномъ Западѣ, католики на Востокѣ. Это про-

странственное раздѣленіе зависитъ прежде всего отъ связи церквей съ различными народностями, которыя поселились на разныхъ мѣстахъ. Такъ, епископальные и конгрегаціоналисты по преимуществу англійскаго происхожденія, пресвитеріане шотландскаго, католики ирландскаго и южно-германскаго, лютеране сѣверо-германскаго и скандинавскаго, реформаты германскаго и голландскаго; методизмъ распространился среди негровъ.

Въ близкой связи съ этимъ стоитъ, въ концѣ концовъ, и соціальное раздѣленіе: методизмъ, баптизмъ и католицизмъ— главныя религіи массъ; остальныя болѣе замкнуты и требовательны. Эти-то религіи простого народа легко уступали всякой попыткѣ къ образованію сектъ и раскалывались; только католизмъ стоитъ единый и сомкнутый въ Новомъ Свѣтѣ, какъ и въ Старомъ.

Въ церкви конгрегаціоналистовъ еще живетъ старая кальвинистская вѣра, которую первые переселенцы-пуритане принесли съ собою въ колоніи Новой Англіи. Эта церковь болѣе всѣхъ другихъ играла политическую роль, начиная съ ранніхъ временъ, когда она одна давала гражданское право голоса въ Новой Англіи, и до тѣхъ дней, когда она выступила за уничтоженіе рабства. Ея распространеніе было сильно стѣснено соглашеніемъ съ пресвитеріанами; только тогда, когда оно было расторгнуто, она распространилась по всѣмъ штатамъ. Но и сейчасъ на Массачузетсъ приходится почти 700 конгрегаціоналистскихъ зданій церквей и 400 на маленькій Коннектикэтъ, тогда какъ въ Нью-Іоркѣ ихъ всего 300, въ Пенсильваніи только 100, на Западѣ немного, на Югѣ еще меньше.

Указать, какая часть населенія принадлежитъ къ этой церкви, возможно, какъ и для всѣхъ остальныхъ церквей, только приблизительно. Такъ какъ народная перепись не имѣетъ права вводить индивидуальные вопросы вѣроисповѣданія, то приходится руководствоваться данными самой церкви о числѣ членовъ общины. Однако условія, для того чтобы считаться членомъ, настолько различны въ евангелическихъ, католическихъ и еврейскихъ общинахъ, что полученныя числа несравнимы между собою. Даже для однѣхъ евангелическихъ церквей очевидно неправильно отыскивать число населенія, умножая число членовъ на среднее число, обычно на 3,5. При соціальныхъ и этическихъ различіяхъ церквей, напримѣръ, обиліе дѣтей въ различныхъ сектахъ очень неодинаково. Только съ большой осторожностью можно утверждать, что конгрегаціоналистское населеніе составляетъ около двухъ милліоновъ. Но его значеніе въ созданіи американской культуры во много разъ превышаетъ его численную долю во всемъ населеніи. Духъ

этой церкви далъ всей націи строгость нравовъ и сознаніе долга, основалъ первыя школы и принесъ странѣ независимость.

Еще важнѣе не считать, а взвѣшивать голоса, когда рѣчь идетъ объ оптимистической дочерней церкви мрачнаго кальвинизма, объ унитаризмѣ. Къ унитаристской церкви принадлежитъ не болѣе четверти милліона, но вліяніе унитаріевъ на литературу и жизнь, на науку и философію ни съ чѣмъ не сравнимо. Церковь дѣйствуетъ офиціально съ 1815 года, хотя новое ученіе много раньше начало распространяться въ кальвинистской церкви. Новаго въ богословскомъ отношеніи въ немъ нѣтъ ничего, потому что главное его ученіе, что нужно отвергнуть Троицу и признавать Бога въ его единствѣ унитарнымъ, а Христа прообразомъ человѣка,—беретъ, какъ извѣстно, начало еще въ четвертомъ вѣкѣ; это—аріанскія идеи, которыя постоянно появлялись и въ Европѣ. Значеніе американскаго отрицанія Троицы лежитъ не въ области богословія. Унитаристская церковь, въ извѣстномъ смыслѣ, вообще не хочетъ устанавливать какое бы то ни было обязывающее исповѣданіе, она желаетъ быть «движеніемъ возрастающаго упованія на Бога», которое привѣтствуетъ «изслѣдованіе, прогрессъ, различіе индивидуальной мысли въ единствѣ нравственно-идеалистическаго міровоззрѣнія».

Поэтому было вполнѣ естественно, что, напримѣръ, богословскій факультетъ Гарвардскаго университета во второмъ десятилѣтіи прошлаго вѣка перешелъ отъ конгрегаціональнаго исповѣданія къ унитаристскому, а въ послѣднее время къ внѣисповѣдному признанію христіанства и свои каѳедры замѣстилъ богословами самыхъ различныхъ наименованій. Культурное значеніе имѣло не унитаристское пониманіе Бога, а антикальвинистское воззрѣніе на человѣка: невѣрно, будто человѣкъ грѣховенъ; какъ подобіе Божіе, онъ отъ природы добръ, и не извнѣ предопредѣленная милость, а благородное стремленіе приноситъ душевное спасеніе. Чаннингъ былъ вожакомъ, мыслители и поэты средины вѣка пошли по его пути; ихъ твореніе было источникомъ нравственнаго оптимизма. Община не могла стать большой, потому что богословскій радикализмъ слишкомъ мало отвѣчаетъ потребностямъ болѣе глубокой религіозности, но унитаристскія идеи проникли всюду въ богослуженіе аристократическихъ церквей.

Епископальная англиканская вѣра, протестантство Англіи, вступила на берегъ Новаго Свѣта еще раньше кальвинистской. Въ 1607 году въ Виргиніи англійскій культъ былъ уже организованъ, и долгое время тамъ не допускали никакого другого исповѣданія. И въ центральныхъ колоніяхъ также быстро

распространилась англиканская церковь; ей служили миссіонеры изъ Англіи въ большомъ числѣ. Отдѣленіе колоній отъ метрополіи должно было произвести рикошетный ударъ, но вскорѣ послѣ войны американская епископальная церковь организовалась самостоятельно и на Востокѣ непрерывно росла. Теперь у нея 75 епископовъ. Церковь подчиняется законодательному собранію, которое собирается чрезъ каждые три года. Ея верхняя палата состоитъ изъ епископовъ, нижняя палата изъ делегатовъ отъ округовъ; округа же сами выбираютъ себѣ епископа. Ихъ ученіе, въ главномъ, тождественно съ ученіемъ англійской церкви. Къ ней принадлежитъ около двухъ милліоновъ населенія.

И пресвитеріанская церковь Новаго Свѣта уходитъ назадъ въ 17-е столѣтіе, но впервые ей дана была прочная организація шотландцами и ирландцами въ Филадельфіи въ началѣ 18-го вѣка. Она также стоитъ на кальвинистской почвѣ, но ее отдѣляетъ церковное управленіе: пресвитеры, старшіе, стоятъ во главѣ ея. Изъ ея среды развились 12 различныхъ сектъ, какъ, напримѣръ, кемберлендскіе пресвитеріане, которые отдѣлились въ 1810 году во время народнаго религіознаго движенія. Другія секты образовались еще въ Европѣ. Такъ, напримѣръ, въ Америку была пересажена пресвитеріанская церковь Уэльса. Пресвитеріанское населеніе доходитъ, вѣроятно, до четырехъ милліоновъ.

Общины методистовъ и баптистовъ гораздо больше предыдущихъ. Методизмъ происходитъ отъ того великаго движенія, которое было поднято Джономъ и Чарльсомъ Уесли въ 1729 г. изъ Оксфордскаго университета. Ихъ «священный клубъ» съ его обожаніемъ библіи называли въ насмѣшку клубомъ методистовъ за ихъ методическія дѣйствія. Кличка была принята и осталась за ними. Дѣло шло о томъ, чтобы приблизить англійскую церковь къ сердцу, встряхнуть каждаго человѣка, внести въ народъ глубокое благочестіе. Чтобы проповѣдывать слово Божіе, не нужно ни профессіональнаго проповѣдника, ни церковнаго зданія; проповѣдникомъ пусть будетъ доброволецъ, а церковью открытое небо. Въ Америкѣ это движеніе начинаетъ распространяться съ 1766 г. Въ то время какъ въ Англіи оно еще долго совершалась въ предѣлахъ государственной церкви, американскій методизмъ уже рано отдѣлился отъ епископальной церкви.

На первомъ планѣ стоятъ своеобразныя особенности общинной жизни; сюда относится принятіе обращенныхъ послѣ шестимѣсячнаго испытанія, народныя молитвенныя собранія на любыхъ мѣстахъ, добровольцы-проповѣдники, которымъ дается разрѣшеніе произносить религіозныя проповѣди, причемъ не

требуется, чтобы они оставили свои гражданскія профессіи, установленіе, чтобы ни одинъ пасторъ не оставался больше пяти лѣтъ въ одной и той же общинѣ, и другія подобныя черты, которыя соотвѣтствовали религіознымъ требованіямъ низшихъ круговъ. Особенности вѣроученія, которыя мало отступали отъ англиканской церкви, имѣли сравнительно съ этимъ меньшее значеніе. Число приверженцевъ росло какъ лавина; этому много способствовали собранія въ полѣ, особенно на Югѣ среди негровъ, гдѣ многія тысячи въ открытомъ полѣ вмѣстѣ молятся и поютъ и приходятъ въ болѣе или менѣе истерическія состоянія возбужденія. Въ соотвѣтствіи со стремленіями низшихъ классовъ, образованіе сектъ было здѣсь особенно значительно. Постоянно отвѣтвлялись небольшія группы, не удовлетворявшіяся какими-нибудь чертами общинной жизни. Различаютъ, въ общемъ, семнадцать главныхъ группъ; нѣкоторыя изъ нихъ различаются только цвѣтомъ кожи своихъ членовъ. Епископальные методисты наиболѣе многочисленны; всѣ методистскія церкви вмѣстѣ охватываютъ, вѣроятно, болѣе шестнадцати милліоновъ населенія.

Изъ двѣнадцати или тринадцати баптистскихъ сектъ нѣкоторыя значительно отличаются другъ отъ друга по своему ученію. Главная масса, регулярные баптисты, суть кальвинисты, а организація общины, какъ у кальвинистовъ, конгрегаціональная: каждая община вѣдаетъ свои дѣла. Общимъ для всѣхъ сектъ является только отрицаніе крещенія дѣтей; только тотъ, кто сознательно принимаетъ христіанство, можетъ получить крещеніе, и крещеніе должно совершаться не посредствомъ окропленія, а погруженіемъ. Въ такомъ видѣ это ученіе возникло въ эпоху реформаціи въ Швейцаріи и постепенно нашло во всей Европѣ отдѣльныхъ послѣдователей. Но только въ Америкѣ оно получило широкое распространеніе и насчитываетъ въ настоящее время до двѣнадцати милліоновъ. Какъ методизмъ является, до извѣстной степени, народнымъ изданіемъ епископальной церкви, такъ баптизмъ сталъ народнымъ изданіемъ конгрегаціональной. Регулярные баптисты дѣлятся главнымъ образомъ на сѣверную и южную церковь; это раздѣленіе внесъ боевой вопросъ о рабствѣ. Къ нимъ примыкаетъ третья большая группа негровъ-баптистовъ.

Первыми лютеранами, явившимися въ Новый Свѣтъ, были голландцы, которые поселились на островѣ Манатанъ, слѣдовательно, въ нынѣшнемъ Нью-Іоркѣ, но голландскія власти систематически угнетали всякую другую церковь, кромѣ реформатской. Только когда Нью-Іоркъ перешелъ въ руки англичанъ, лютеранская церковь получила полную свободу. Въ 1710 году образовались въ Пенсильваніи колоніи лютеранскихъ

переселенцевъ изъ Пфальца, а въ срединѣ восемнадцатаго вѣка, подъ вліяніемъ пастора Мюленберга, началась болѣе прочная организація въ синоды. Сильный наплывъ германскихъ, а позже и скандинавскихъ переселенцевъ укрѣпилъ церковь. Еще теперь преобладаютъ не англійскія нарѣчія: нѣмецкій языкъ, шведскій, норвежскій, финскій, исландскій; англійскія общины происходятъ, большей частью, отъ нѣмцевъ. Всѣ вмѣстѣ насчитываютъ, вѣроятно, до четырехъ милліоновъ населенія; пятая часть приходится на одну Пенсильванію. И здѣсь различаютъ до шестнадцати сектъ.

Изъ Германіи также происходитъ одна небольшая протестантская секта,—секта меннонитовъ. Какъ извѣстно, они соединили баптистское отрицаніе крещенія дѣтей съ принципомъ непротивленія. Уже въ концѣ семнадцатаго вѣка пришли они изъ Германіи въ Пенсильванію, чтобы уйти отъ преслѣдованій. Они были извѣстны подъ именемъ «нѣмецкихъ друзей», и ихъ кучкѣ принадлежитъ честь составленія еще въ 1689 г. перваго протеста противъ американскаго рабства для актовъ всемірной исторіи. Сильный притокъ явился изъ Голландіи, Швейцаріи, Германіи и Россіи, и теперь, говорятъ, большая часть меннонитовъ живетъ въ Америкѣ. Тѣмъ не менѣе ихъ едва ли больше, чѣмъ 150.000 человѣкъ.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ ними можно сравнить «друзей» или, подъ другимъ именемъ, «квекеровъ», церковь которыхъ была основана англичаномъ Фоксомъ въ срединѣ семнадцатаго столѣтія, и которые еще въ 1656 году появились въ Америкѣ. Они распространены преимущественно въ Индіанѣ, Огіо и Пенсильваніи; ихъ насчитывается не болѣе 400.000 человѣкъ. Извѣстно, какое значеніе они придаютъ молчанію. Даже на своихъ собраніяхъ они устраиваютъ продолжительныя паузы, когда каждаго осѣняетъ Святой Духъ. Въ перечнѣ грѣховъ, за которые квекеръ изгоняется, значится: отрицаніе божественности Христа, отрицаніе божественнаго происхожденія библіи, поступленіе въ армію, проповѣдь войны, торговля алкоголемъ, пьянство, ругань, держаніе пари, игра въ лоттерею, присяга передъ судомъ или же принятіе присяги отъ другихъ. Они одѣваются въ скромные цвѣта. Имъ всѣмъ точно свойственно что-то мягкое, нѣжное, уступчивое.

Римско-католическая церковь Америки мало отличается отъ европейской. Быстрый ростъ ея приходится, главнымъ образомъ, на девятнадцатый вѣкъ, когда въ страну влились громадныя массы переселенцевъ изъ Ирландіи, южной Германіи, Польши, Венгріи, Италіи и Испаніи. Католическіе миссіонеры были, конечно, первыми христіанскими проповѣдниками въ Новомъ Свѣтѣ. Они сопровождали испанскія экспедиціи,

и первый епископъ вступилъ на берегъ Флориды еще въ 1528 г. Въ англійскихъ колоніяхъ центромъ католиковъ былъ Мерилэндъ; большинство остальныхъ колоній относились въ высшей степени нетерпимо къ римской церкви. Еще около 1700 года Нью-Іоркъ, гдѣ теперь живетъ полъ-милліона католиковъ, говорятъ, давалъ пріютъ только семи католическимъ семействамъ, и даже около 1800 года все католическое населеніе Соединенныхъ Штатовъ насчитывало менѣе 150.000 человѣкъ. Въ 1840 г. оно было уже въ десять разъ больше, а въ настоящее время оно, вѣроятно, дошло почти до десяти милліоновъ. Въ Америкѣ шестнадцать архіепископовъ и одинъ кардиналъ. Главными центрами, въ порядкѣ величины общины, являются Нью-Іоркъ, Бостонъ, Чикаго, Филадельфія, С.-Поль, Новый Орлеанъ, Балтимора, Клевелэндъ, Буффало, Нью-Аркъ, Проведенсъ, Питтсбургъ, Цинциннати, Мильвоке.

Евреи—первые, говорятъ, пришли въ 1654 г. изъ Бразиліи—сильно увеличились въ числѣ также въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, особенно благодаря чрезвычайной иммиграціи изъ восточной Европы. Ихъ численность, вѣроятно, доходитъ теперь до милліона, и если вѣрны новѣйшія исчисленія, то почти половина ихъ не пошла дальше Нью-Іорка. Если это такъ, то въ Нью-Іоркѣ больше еврейскаго населенія, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ городѣ въ мірѣ. Главную часть ихъ составляютъ мало еще американизированные русскіе евреи, живущіе въ страшной бѣдности. Подраздѣленіе въ переписи на ортодоксальныхъ и реформированныхъ евреевъ не указываетъ на секты, а даетъ только критерій для группировки, такъ какъ общины представляютъ, несомнѣнно, цѣлый рядъ переходовъ отъ неподвижной азіатской ортодоксальности до такой высоты реформы, когда почти нѣтъ рѣчи о еврействѣ, и раввины проповѣдуютъ, въ общемъ, «этическую культуру».

Можно было бы назвать еще нѣсколько другихъ церквей, напримѣръ, широко распространенную, возникшую въ Америкѣ секту «учениковъ Христа» или церкви пришедшихъ изъ Европы моравовъ, Dunkards и др. Здѣсь достаточно сказать еще о нѣсколькихъ особенно характерныхъ сектахъ, сфабрикованныхъ въ самой Америкѣ. Это грубое выраженіе здѣсь вполнѣ умѣстно, потому что всегда дѣло идетъ о такой искусственной, сложной конструкціи, что съ трудомъ вѣрится въ полную искренность ихъ творцовъ. Мы говоримъ объ адвентистахъ, мормонахъ, спиритистахъ и послѣдователяхъ христіанской науки. Адвентисты собрались вокругъ Вильяма Миллера изъ Массачузетса, который въ 1833 году математическимъ расчетомъ надъ числами изъ библіи доказалъ, что Христосъ снова явится на землю въ 1843 году. Это пророчество стало

исходной точкой для дѣятельнаго образованія общины; когда же указанный годъ принесъ разочарованіе и новый срокъ такъ же прошелъ безъ результатовъ, общины не распались, а удовольствовались менѣе отвѣтственной формулировкой, что пришествіе Христа нужно ждать въ скоромъ времени. Адвентисты представлены во всѣхъ штатахъ, больше всего въ Мичиганѣ. И они подраздѣлились на меньшія секты, изъ которыхъ нѣкоторыя все еще высчитываютъ новые сроки. Всего же ихъ только около 200.000 человѣкъ.

Болѣе извѣстны или, можетъ-быть, болѣе прославлены мормоны. Ихъ первый пророкъ Джозефъ Смитъ началъ въ 1823 году, восемнадцати лѣтъ отъ роду, со сновидѣній, которыя возложили на него религіозную миссію. Четыре года спустя съ помощью образовъ изъ своихъ сновъ онъ открылъ «книгу мормоновъ», металлическія таблицы, на которыхъ «реформированно-египетскими» знаками записана истинная исторія Америки. По этой книгѣ мормоновъ первая американская колонія была основана племенемъ, которое участвовало въ сооруженіи вавилонской башни и потомъ въ 600-мъ году до Р. Х. населило Южную Америку. Отъ этого племени произошли индѣйцы. Христосъ также былъ въ Америкѣ. Въ концѣ концовъ явился ангелъ, который избралъ Смита и одного изъ его друзей священниками. Съ этихъ поръ началось правильное образованіе церкви: объявлялись чудеса, разсылались миссіонеры, и во многихъ штатахъ образовались общины еще раньше, чѣмъ была объявлена полигамія. Лишь въ 1843 году на Смита низошло откровеніе, съ котораго начался новый «небесный порядокъ брака». Въ слѣдующемъ году Смитъ былъ убитъ, а его преемникъ, Бригхэмъ Юнгъ, когда усилились нападки, повелъ толпу вѣрующихъ въ смѣлый походъ на почти неприступный въ то время Западъ, въ Уту, къ Соленому озеру.

Община росла, и то, что она совершила въ хозяйственномъ отношеніи подъ строго теократическимъ управленіемъ, по меньшей мѣрѣ, достойно удивленія. Среди глуши расцвѣлъ огромный садъ. Теперь Сольтъ-лекъ-сити (Городъ Соленаго озера)—большой современный городъ на желѣзнодорожномъ пути въ Калифорнію, и мормоны составляютъ только половину его населенія; но они одни перенесли туда съ невѣроятными трудностями культуру черезъ преріи, и какъ знакъ ихъ усердія, тамъ стоитъ величайшая церковь Америки, мормонскій храмъ, который они строили сорокъ лѣтъ, въ точности по планамъ, видѣннымъ Юнгомъ во снѣ. Оригинальный молитвенный залъ показываютъ охотно, въ храмъ же чужой не имѣетъ права входить. Многобрачіе было введено, несомнѣнно, не изъ безнравственности, а на основаніи религіозныхъ

идей, по которымъ незамужняя женщина не можетъ попасть на небо. Можетъ-быть, тутъ дѣйствовали и хозяйственныя соображенія, такъ какъ священники разрѣшали новые браки только въ тѣхъ случаяхъ, когда хватало средствъ для поддержанія нѣсколькихъ семействъ, и давали удовлетвореніе полигамнымъ инстинктамъ какъ бы въ награду за повышенную хозяйственную дѣятельность.

Строгая нравственность американцевъ всегда ощущала поведеніе мормоновъ, какъ занозу въ тѣлѣ націи, но долго не рѣшались прекратить безобразіе вмѣшательствомъ союзнаго правительства. Только въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ началась серьезная борьба съ принятіемъ спеціальныхъ законовъ. Тысячи попали въ тюрьму, изъ штрафовъ составлялись милліоны. Мормоны боролись всѣми законными средствами, но Высшая Судебная Палата имъ отказала, и они, въ концѣ концовъ, сдались. Въ 1890 году ихъ президентъ Удруфъ издалъ указъ, которымъ запрещались новые полигамные браки. Тѣмъ не менѣе мормонъ и теперь еще считаетъ многобрачіе священнымъ, а отказъ отъ него только подчиненіемъ внѣшнему насилію. Браки, заключенные до 1890 года, остались въ силѣ. На чужестранца эти полигамныя семейства производятъ благопріятное впечатлѣніе; ихъ семейная жизнь, несмотря на ея сложность, видимо, счастлива. Изъ Уты секта распространилась въ Итахо и другіе западные штаты и охватываетъ до полумилліона населенія.

Впрочемъ, и кромѣ мормоновъ не было недостатка въ своеобразныхъ общинахъ съ ненормальными брачными отношеніями. Такъ, напримѣръ, въ обществѣ Онеида существуютъ, видимо, весьма безнравственныя формы полового сожительства. Но по большей части, здѣсь дѣло идетъ, въ сущности, не о религіозныхъ, а о коммунистическихъ хозяйственныхъ экспериментахъ, которые живутъ обыкновенно недолго и процвѣтаютъ всегда подъ покровомъ тайны. Безбрачіе существуетъ у пятнадцати общинъ шекеровъ (трясуновъ), которые живутъ также на коммунистическихъ началахъ. Въ концѣ восемнадцатаго вѣка они отдѣлились отъ квекеровъ и выработали самостоятельныя религіозныя представленія. Богъ и вмѣстѣ съ нимъ всякая человѣческая душа есть двойственное начало, одновременно мужское и женское. Мужское проявилось въ Христѣ, женское въ англичанкѣ Аннѣ Ли изъ секты квекеровъ; ея видѣнія въ тюрьмѣ послужили толчкомъ къ образованію секты.

Шекеры получили свое названіе оттого, что въ религіозныхъ экстазахъ они «трясутся». Этотъ элементъ экстаза, истеріи, религіознаго перевозбужденія, который всегда помогаетъ образованію сектъ, встрѣчаетъ въ низшихъ слояхъ американ-

скаго населенія необыкновенно сильное расположеніе. Собранія для пробужденія, служенія въ полѣ народныхъ церквей, истерически-шумныя молитвенныя сборища съ театральными обращеніями и откровеніями,—все это играло всегда большую роль. Такъ, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ послѣ періода ослабленія религіозности прошла по всей странѣ волна религіознаго обращенія со всѣми признаками нервной заразы. Представленія быстро растущей арміи спасенія носятъ часто также невротическій характеръ.

Трудно сказать, отчего это происходитъ. Само собою разумѣется, что главнымъ факторомъ, какъ и при всякой истеріи, является подраженіе; но явленія настолько рѣзки, что должно существовать особое предрасположеніе. Кажется, будто недостатокъ въ другихъ возбуждающихъ средствахъ вызываетъ патологическую потребность въ религіозномъ возбужденіи. Жизнь въ этихъ мѣстностяхъ страны, по крайней мѣрѣ, до недавняго времени, отличалась, несомнѣнно, безцвѣтной трезвостью; недоставало возбужденія воображенія, какое даетъ католическая церковь и романтика монархической исторіи. Возбужденіе отъ развлеченій, торжествъ, театра, музыки было слабо; будничная жизнь была сурова, нравственность строга, а употребленіе алкоголя считалось грѣхомъ. Если одна только религія даетъ душевное возбужденіе, то она становится возбуждающимъ средствомъ, которымъ томящійся упивается, пока имъ не овладѣетъ нѣчто въ родѣ истерическаго отчужденія отъ дѣйствительности.

На почвѣ этого предрасположенія и сѣмена мистики должны легко пускать корни. И дѣйствительно, нѣтъ никакой случайности въ томъ, что самыя сильныя мистическія движенія новѣйшаго времени происходили именно въ Америкѣ, въ странѣ, которая столь многимъ представляется только ареной чисто реалистическихъ интересовъ. Сюда относится прежде всего спиритизмъ. Движеніе началось съ 1848 года, когда въ семействѣ Фоксъ, въ одной деревнѣ штата Нью-Іоркъ, стали слышаться сигналы ударами. Звуки эти были истолкованы, какъ знаки, подаваемые умершими, а лишь только покойники начали выражать свою волю матеріальными способами, достаточно было уже небольшого шага, чтобы добиться ихъ тѣлеснаго появленія. Козыремъ спиритизма является, въ сущности, его доказательство загробной жизни; все остальное имѣетъ второстепенное значеніе.

Съ другой стороны, естественно, что ученіе, зависящее отъ такихъ чудесъ, направляетъ свое вниманіе на кажущіяся необъяснимыми явленія и становится такимъ образомъ средоточіемъ всей мистики. Хотя въ общинахъ спиритовъ въ настоящее время состоитъ около 50 000 офиціальныхъ членовъ,

но этимъ не указано даже приблизительное число фактическихъ спиритовъ въ Америкѣ. Если понимать спиритизмъ въ широкомъ смыслѣ слова, т. е. включить въ него вѣру въ телепатическое вліяніе, мистическое дѣйствіе на разстояніи и т. п., то число послѣдователей можно считать милліонами, съ отростками, идущими въ наиболѣе образованные круги. Даже въ просвѣщенномъ Бостонѣ, въ самой благородной части города, стоитъ великолѣпная церковь спиритовъ. Постоянно тамъ происходятъ печальныя разоблаченія, и такъ же постоянно эти разоблаченія быстро забываются; даже безсовѣстнѣйшіе обманы постоянно встрѣчаютъ вѣру. Еще недавно въ Филадельфіи въ одномъ хорошо платящемъ кружкѣ духъ Дарвина почувствовалъ потребность написать піэтистское дополненіе къ своимъ сочиненіямъ на открыто стоящей пишущей машинѣ,—которой можно было, очевидно, отлично управлять съ помощью электричества изъ сосѣдней комнаты.

Несправедливо, конечно, сводить весь спиритизмъ къ обману, хотя желаніе видѣть снова умершихъ родственниковъ или получить отъ нихъ какіе-нибудь знаки склонно особенно хорошо платить за невинный обманъ и вызывать его. Нельзя даже утверждать, что представленія спиритовъ во всѣхъ ихъ формахъ противорѣчатъ законамъ природы, потому что съ представленіемъ объ эѳирномъ организмѣ, который проникаетъ собою молекулярное тѣло и сохраняется послѣ смерти, философіи спиритизма, повидимому, удалось довольно ловко приспособиться къ требованіямъ причинности. А что въ мірѣ духовныхъ вліяній многое теперь такъ же неизвѣстно, какъ, можетъ-быть, сто лѣтъ тому назадъ были гипнотизмъ и рентгеновскіе лучи, это тоже достаточно вѣроятно. Поэтому вполнѣ понятно, что широкіе круги усердно стараются принять участіе въ разгадкѣ этихъ тайнъ.

Но даже въ тѣхъ случаяхъ, когда преобладаютъ самые серьезные мотивы и исключена всякая мысль о сознательномъ обманѣ, вся метода показываетъ, насколько умственный интересъ заглушенъ мистикой. Даже въ обществѣ «Psychical Research», которое выступило для того, чтобы внести научный духъ въ изслѣдованіе мистическихъ явленій, удержались, въ концѣ концовъ, только люди, для которыхъ мистика была дороже науки. Госпожа Пайнеръ изъ Арлингтона должна считаться важнѣйшимъ медіумомъ въ мірѣ спиритовъ, а Годжсонъ наиболѣе интереснымъ ея пророкомъ. Въ сущности, все это осталось религіей. Спиритамъ родственны теософы, распространившіеся особенно въ Калифорніи. Ихъ ученіе — индусская мистика. Благодаря высокимъ литературнымъ достоинствамъ индусской философіи, мистическія идеи въ этой формѣ привлекаютъ и такіе умы, которыхъ не удовлетворяетъ обычный школьный

спиритизмъ. Индусская мистика имѣетъ еще будущность въ Америкѣ.

Еще обширнѣе кругъ послѣдователей христіанской науки, изобрѣтенной Мери Бекеръ Эдди. Когда госпожа Эдди лежала въ тяжелой болѣзни въ Линнѣ въ 1867 году, ее осѣнила мысль, что всякая болѣзнь можетъ быть только чѣмъ-то призрачнымъ, что она не болѣе, какъ безсознательное заблужденіе души, потому что все истинное, дѣйствительное есть Богъ, а въ Богѣ живетъ только добро. Поэтому стоитъ только убѣдиться въ этой призрачности, чтобы освободить душу отъ заблужденія и такимъ образомъ выздоровѣть. Сама она выздоровѣла и съ этихъ поръ начала втискивать въ библію принципъ исцѣленія души и развивать его въ метафизическую систему.

Она начала лечить другихъ, не прибѣгая къ медицинѣ, и опубликовала въ 1875 году свое сочиненіе «Наука и здоровье съ ключемъ къ Священному Писанію». Книга эта представляетъ собою посредственную стряпню, не безъ ловкости въ построеніи системы, но очень неудачную по слогу. Тѣмъ не менѣе книга имѣла успѣхъ, какъ немногія въ новѣйшее время; объемистое дорогое изданіе расходилось въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, по всей странѣ образовались общины, которыя выстроили кое-гдѣ великолѣпныя церкви, и, въ концѣ концовъ, заразное начало этой соціальной болѣзни было перенесено и за океанъ. На первомъ планѣ у новой секты стоитъ практическая лечебная дѣятельность. Почти въ тридцати институтахъ преподается «метафизическое» лечебное искусство, и тысячи цѣлителей души имѣютъ паціентовъ.

Этому движенію помогаетъ широко распространенное въ низшихъ народныхъ кругахъ Америки недовѣріе къ школьной медицинѣ; доказательствомъ служитъ уже одно безсмысленное распространеніе патентованныхъ средствъ. Конечно, больше всего это движеніе, несомнѣнно, поддерживается фактическими, часто поразительными исцѣленіями. Что вѣра исцѣляетъ, это— не новое открытіе; самовнушеніе всегда имѣетъ значеніе тамъ, гдѣ затронута нервная система и, наконецъ, немного встрѣчается патологическихъ процессовъ, въ которыхъ нервная система не играла бы никакой роли. То, чего въ Лурдѣ католицизмъ достигаетъ возбуждающими воображеніе средствами, то производитъ въ пріемной учениковъ госпожи Эдди запутывающая сомкнутость метафизической системы, которой не разбить среднему паціенту съ его логикой. Главное же все-таки заключается въ широко распространенномъ мистически-религіозномъ расположеніи. Тамъ, гдѣ религія играетъ такую огромную роль въ народномъ сознаніи, тамъ въ порядкѣ вещей религіозныя заблужденія и вырожденія. Но даже вырожденія свидѣтель-

ствуютъ прежде всего о томъ, насколько весь американскій народъ, дѣйствительно, исполненъ религіознаго влеченія.

Мы допустили бы несправедливость, если бы стали судить о религіи Америки по ея дегенеративнымъ формамъ. Но даже если бы мы изобразили религіозную жизнь во всемъ многообразіи ея различныхъ формъ, общинъ и исповѣданій, мы все-таки упустили бы изъ виду самое главное, то, что составляетъ общую черту всѣхъ здоровыхъ религій страны: духъ нравственнаго самоусовершенствованія. Не о томъ рѣчь, что у этого народа вся нравственность имѣетъ религіозное происхожденіе. Да это и невѣрно. Кто всмотрится попристальнѣе, тотъ скоро замѣтитъ, что существуетъ соціальная нравственность, совершенно независимая отъ религіозной, и что часто для одного и того же поступка мотивы исходятъ изъ обѣихъ сферъ. Американецъ выработалъ бы строго очерченную мораль и въ томъ случаѣ, еслибы церковь не участвовала въ его воспитаніи. Но она принимала участіе и энергичнѣе всего въ дни юности народа, когда нужно было дать рѣшающіе импульсы для развитія. Въ то время какъ формы вѣрованій измѣнились, нравственныя требованія остались, въ сущности, неизмѣнными.

Веньяминъ Уодсуортъ былъ президентомъ Гарварда въ началѣ восемнадцатаго вѣка. Нѣтъ большей противоположности въ религіозномъ отношеніи, какъ между нимъ и его нынѣшнимъ преемникомъ, между ортодоксальнымъ кальвинистомъ, по словамъ котораго «мы всѣ только по незаслуженной милости Божіей не жаримся давнымъ давно въ пламени ада, потому что по грѣхамъ нашимъ мы этого вполнѣ заслужили», и нынѣшнимъ либеральнымъ унитаріемъ.

И тѣмъ не менѣе президентъ Эліотъ имѣлъ полное право сказать, что теперь, двѣсти лѣтъ спустя, онъ готовъ подписаться подъ всѣми нравственными требованіями своего предшественника. Уодсуортъ говорилъ родителямъ: «учите своихъ сыновей жить трезво, честно и богобоязненно; не давайте въ нихъ развиваться праздности, гордости, зависти и злости; учите ихъ простому, доброму, вѣжливому поведенію; позаботьтесь, чтобы они научились нести въ этомъ мірѣ дѣйствительную службу и чтобы ихъ жизнь въ занятіи и въ бракѣ сложилась такъ, чтобы они какъ можно меньше подвергались искушеніямъ, а добродѣтель ихъ и страхъ Божій возростали».

Рядъ добродѣтелей, которыя хотѣлъ осуществить въ себѣ Веніаминъ Франклинъ, былъ слѣдующій: умѣренность, молчаливость, порядокъ, простота, прилежаніе, искренность, справедливость, самообладаніе, опрятность, спокойствіе, цѣломудріе и смиреніе. Онъ мало думалъ при этомъ о церкви, но пуританское вліяніе церкви было рѣшающимъ для характера и этой

жизненной морали, которая должна была быть чисто мірской: Вездѣ цѣлью является нравственное самосовершенствованіе. учись прежде всего владѣть своими естественными влеченіями и подавлять ихъ; важно дѣйствовать не на другихъ, а на самого себя. Допуская крайность, можно бы сказать: подавай милостыню не для того, чтобы у другого было больше, а для того, чтобы у тебя было меньше; не для того, чтобы другой радовался жизни, а для того чтобы, подавляя свою алчность, ты самъ очистился. Религіозная мораль не была единственной; рядомъ съ нею изъ другихъ психическихъ факторовъ развилась мораль соціальная, но еще и теперь можно всюду прослѣдить сплетеніе обоихъ мотивовъ, а во многихъ актахъ благотворительности можно ясно видѣть, какъ соединяются оба источника: соціальный энтузіазмъ для оказанія помощи и, въ сущности, религіозное настроеніе для подачи милостыни.

Церковное вліяніе и сказывается вездѣ прежде всего на нравственныхъ усиліяхъ, направленныхъ на собственную личность: будь трезвъ, умѣренъ, прилеженъ, смиренъ и богобоязненъ. Говорятъ, что эта вѣковая школа самовоспитанія—причина конечнаго тріумфа американской дѣятельности. При этомъ упускается изъ виду слишкомъ много другихъ факторовъ; но несомнѣнно одно, что теократическая дисциплина, сдерживавшая всякую разнузданность и страсть къ удовольствіямъ и часто съ нетерпимостью уничтожавшая низшія влеченія, оказала глубочайшее вліяніе на жизнь народа, и къ ней, въ концѣ концовъ, стали совмѣстно стремиться всѣ церкви. Въ догматическомъ отношеніи кальвинистскаго суроваго Бога какъ будто дополнялъ Богъ любви, но на практикѣ всѣ церкви дѣйствовали такъ, точно важнѣе всего было исправить закоренѣлыхъ дурныхъ людей, обратить злодѣевъ, вытравить естественныя склонности. Американская церковь осталась и теперь, чѣмъ всегда была, какъ въ кальвинизмѣ, такъ и внѣ его: боевой церковью. Борьба съ дурными страстями даетъ ей силу. Быть преданнымъ церкви значитъ находиться въ военномъ лагерѣ какой-либо партіи. Въ самомъ лагерѣ все возвышенно, но все на готовѣ противъ врага.

Въ общемъ итогѣ получается необыкновенно высокая по сравненію съ Европой степень личной чистоты въ широчайшихъ слояхъ народа. При этомъ нечего имѣть въ виду ни заразу большихъ городовъ, ни массу еще не американизированныхъ переселенцевъ изъ южной Европы, ни тѣ группы населенія, которыя находятся подъ вліяніемъ временныхъ ненормальныхъ условій, какъ, напримѣръ, авантюристовъ, стекающихся туда, гдѣ находятъ золото или серебро. Нужно наблюдать народъ на его землѣ и за работой, въ деревнѣ и въ небольшомъ городѣ,

въ большомъ же городѣ нужно принять въ расчетъ средній типъ, и тогда вся жизнь и дѣятельность этихъ милліоновъ дастъ вездѣ впечатлѣніе нравственной строгости, нравственной простоты, нравственной чистоты. Пусть эти люди будутъ бѣдны фантазіей, можетъ-быть, вульгарны, и все-таки чувствуется, что въ крестьянской избѣ, гдѣ, можетъ-быть, выросъ этотъ средній человѣкъ, на столѣ лежала фамильная библія. Не по случайности ревностные пуритане ранней колоніальной эпохи вѣрили, съ одной стороны, въ то, что только по особенной милости Божіей люди не попадаютъ въ адъ, а съ другой стороны, вѣрили, что въ колоніяхъ живетъ также избранный народъ, среди котораго число награжденныхъ милостью Божіей необыкновенно велико. Они видѣли вездѣ строгую нравственность и не могли вѣрить, чтобы такая пуританская жизнь была путемъ къ вѣчнымъ мученіямъ. Съ тѣхъ поръ жизнь безконечно усложнилась, давленіе условій возросло, искушеній стало въ тысячу разъ больше, и въ связи съ этимъ сдвинулся нормальный уровень нравственныхъ запросовъ: многое считается теперь невиннымъ, что раньше считалось грѣхомъ. Но и теперь, какъ и прежде, число тѣхъ, кто всегда держится выше нормальной линіи нравственныхъ требованій, поразительно велико.

Въ Америкѣ, какъ и вездѣ въ мірѣ, соблазнъ и угнетеніе постоянно создаетъ преступленія и наполняетъ тюрьмы заблудшими и погибшими, но въ этомъ случаѣ дѣйствуютъ совершенно другія соціальныя сочетанія. Здѣсь же мы имѣемъ въ виду больше ту сферу жизни, къ которой законъ относится безразлично. Неумѣренность, алчность, отсутствіе цѣломудрія, безнравственность, угодливость, жестокость, безхарактерность, безжалостность и низость сами по себѣ не наказуемы. По сю сторону закона жизнь въ Америкѣ чище, скромнѣе и нравственнѣе, чѣмъ въ Европѣ, и если средній американецъ поживетъ нѣкоторое время на европейскомъ материкѣ, то онъ возвращается домой съ сознаніемъ, что въ Европѣ есть только наружный лоскъ и что американцы, какъ люди, стоятъ выше. Французскій развратъ въ бракѣ, нѣмецкая неумѣренность въ питьѣ, мошенничества въ комерціи на Югѣ Европѣ,—все это у американца любимые примѣры континентальной распущенности. Даже безъ этой мѣстной дифференцировки ему вездѣ представляются симптомы нравственнаго упадка и гніенія, и если онъ ихъ находитъ въ американскихъ большихъ городахъ, то вину онъ приписываетъ европейскому вліянію.

На первый взглядъ можетъ показаться, что тутъ бросаетъ камни человѣкъ, который самъ живетъ въ стеклянномъ домѣ. Особенно у иностранца всегда является желаніе тотчасъ же освѣтить оборотную сторону медали, какъ только рѣчь заходитъ

о святости у американцевъ воскреснаго дня, объ ихъ благочестіи, объ умѣренности въ употребленіи спиртныхъ напитковъ и о половой нравственности, объ ихъ благотворительности и честности. Ему извѣстны случаи ханжества и притворнаго воздержанія; ему знакома статистика разводовъ и банковыхъ кражъ, подкупы и своекорыстная благотворительность.

Все это вѣрно и въ то же время невѣрно. Стоитъ только внимательнѣе присмотрѣться къ условіямъ, чтобы вскорѣ убѣдиться, что, сколько бы здѣсь ни грѣшили, а весь тонъ народной жизни даетъ чистота нравовъ и внутреннее благочестіе. Конечно, разводъ случается часто, и въ нѣкоторыхъ штатахъ онъ производится чрезвычайно легко; но поводомъ рѣдко является невѣрность. Тутъ сказывается демократическій духъ самоопредѣленія, не поддерживающій связи, если она болѣе не отвѣчаетъ свободному желанію. Это, можно почти сказать,— высшая личная нравственность, такъ какъ она не желаетъ сохранять бракъ, потерявшій свою внутреннюю святость. Американскій разводъ вовсе не говоритъ о безнравственности въ бракѣ; брачная жизнь во всемъ народѣ безусловно чище, чѣмъ въ Европѣ. Это еще болѣе справедливо по отношенію къ жизни холостой молодежи. Правда, не трудно собрать матеріалъ для пикантныхъ брошюръ „Въ американскихъ трущобахъ"; о Чикаго, Новомъ Орлеанѣ, Санъ-Франциско говорятъ много дурного. Американецъ—не святой, а большой городъ вездѣ въ мірѣ одинаковъ. Но не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что напряженность половой жизни въ Америкѣ несравненно слабѣе, чѣмъ въ Европѣ: стоитъ только сравнить жизнь американскихъ студентовъ съ жизнью ихъ нѣмецкихъ сверстниковъ. Причина тутъ вовсе не въ недостаткѣ романтическаго чувства. Нигдѣ такъ не „флиртуютъ", какъ въ Америкѣ; но прочное уваженіе къ женщинѣ, притомъ къ женщинѣ безъ различія классовъ, вноситъ чистоту въ жизнь мужчины.

Точно также и умѣренность американцевъ въ употребленіи спиртныхъ напитковъ вовсе не доказываетъ, что никто не пьетъ лишняго, а существующіе въ нѣкоторыхъ штатахъ запретительные законы нисколько не усыпили влеченія къ физіологическому раздраженію. Можно даже прямо утверждать, что въ тѣхъ штатахъ или общинахъ, гдѣ за воздержаніе стоитъ не громадное большинство населенія, законодательное запрещеніе продажи алкоголя принесло больше нравственнаго вреда, чѣмъ пользы. Но что столѣтняя борьба съ алкоголемъ, особенно со стороны церкви, принесла безконечно много пользы и улучшенія, это совершенно очевидно. Нравственное отвращеніе къ попойкамъ охватило весь народъ; въ «Салунѣ» собираются только поддонки общества. Нужно приписать скорѣе

вліянію нравственнаго воздѣйствія, чѣмъ вліянію закона, что въ низшихъ слояхъ все болѣе и болѣе уменьшается губительное дѣйствіе пьянства съ его послѣдствіями, преступленіемъ и помѣшательствомъ, и что среди высшихъ круговъ почти неизвѣстно поглупѣніе, какъ результатъ сидѣнія по трактирамъ съ его растратой силъ, времени и строгости нравовъ. Въ лучшемъ обществѣ вообще избѣгаютъ пить при дамахъ, кромѣ обѣда; непьющіе такъ же мало бросаются при этомъ въ глаза, какъ, напримѣръ, въ Германіи некурящіе, и даже тѣ, кто пьетъ за обѣдомъ, довольствуется немногимъ. Всякіе коммерши, или сидѣніе по цѣлымъ часамъ за виномъ считается, по меньшей мѣрѣ, неподходящимъ; пьянство же обезчещиваетъ. Все больше и больше это распространяется внизъ. Теперь уже общества желѣзныхъ дорогъ и другія корпораціи безъ труда находятъ служащихъ, если они нанимаютъ только членовъ общества умѣренности. Движеніе въ пользу умѣреннаго употребленія алкоголя, несмотря на всѣ крайности и извращенія, составляетъ не только огромный объективный выигрышъ для здоровья соціальнаго организма,—оно сильно двигаетъ впередъ нравственное самосовершенствованіе. Народъ, который считаетъ безнравственнымъ всякое употребленіе алкоголя, когда оно ограничиваетъ свободное самоопредѣленіе, пользуется колоссальными нравственными преимуществами.

Еще легче найти каррикатуру почитанія воскреснаго дня. Если законъ воспрещаетъ по воскресеньямъ театральныя представленія, въ которыхъ мѣняются декораціи и падаетъ занавѣсъ, а нѣкоторые нью-іоркскіе театры преподносятъ воскресной публикѣ глупѣйшіе фарсы безъ занавѣса и перемѣны декорацій, то свободно можно бы смѣяться надъ лицемѣріемъ. Но въ дѣйствительности, даже это обстоятельство доказываетъ только то, что сильная иммиграція создаетъ въ столицѣ условія, не гармонирующія съ простыми воззрѣніями большинства населенія въ государствѣ. Въ Бостонѣ, напримѣръ, никому не пришло бы въ голову обойти такой законъ, потому что театръ былъ бы пустъ. Всѣ попытки оставлять большія выставки открытыми по воскресеньямъ также оканчивались вездѣ неудачей.

Американское населеніе строго соблюдаетъ празднованіе воскресенья въ тишинѣ, и день покоя и уединенія составляетъ одну изъ главныхъ чертъ страны. Ни законъ, ни сомнѣнія не могли бы помѣшать желѣзнодорожнымъ обществамъ пускать какъ у нѣмцевъ по воскресеньямъ больше поѣздовъ, чѣмъ въ будни. Между тѣмъ желѣзнодорожное движеніе вездѣ ограничивается нѣсколькими поѣздами, да и тѣ почти пустуютъ. По воскресеньямъ не ѣздятъ, хотя теперь

уже и не считаютъ, какъ прежніе пуритане, единственной подходящей воскресной прогулкой хожденіе на кладбище. Въ общемъ, уступокъ дѣлается все больше и больше: съ разныхъ сторонъ уже выступаютъ въ защиту игры въ гольфъ по воскресеньямъ, а воскресные номера газетъ, въ противоположность Англіи, настолько объемисты, что у того, кто вздумалъ бы прочитать ихъ пятьдесятъ—шестьдесятъ страницъ, навѣрно, не осталось бы времени для церкви. Въ общемъ же, все рожденное въ Америкѣ населеніе, безъ внѣшняго принужденія и поэтому безъ лицемѣрія, считаетъ воскресенье днемъ самоограниченія, и даже многіе изъ тѣхъ, кто въ будни не думаетъ объ умѣренности въ винѣ, считали бы неприличнымъ пить вино въ воскресенье.

Правдивостью и честностью проникнута вся масса населенія. Справедливо сказать, что у американца нѣтъ таланта ко лжи; недовѣріе европейца къ чужимъ словамъ кажется янки специфически европейскимъ свойствомъ. Начиная отъ уличнаго мальчишки и кончая министромъ, у всѣхъ честность является господствующей чертой, и всѣ учрежденія построены на самомъ широкомъ, часто даже преувеличенномъ довѣріи. Мы уже раньше указывали, что трамваи, напримѣръ, почти не контролируютъ публики, что въ деревняхъ двери домовъ открыты день и ночь, что отъ каждаго иностранца принимаютъ въ уплату чеки и что крупнѣйшія торговыя сдѣлки заключаются однимъ устнымъ словомъ, однимъ кивкомъ головы. Есть, конечно, преступники, которые всѣмъ этимъ злоупотребляютъ, обманываютъ трамвай и размѣниваютъ фальшивые чеки; но существующіе обычаи никогда не могли бы укорениться, если бы въ массѣ не оправдывалось слѣпое довѣріе. Конечно, иной банкиръ исчезаетъ вмѣстѣ съ кассой, но гораздо характернѣе то, что если вы дадите разносчику газетъ нечаянно пять центовъ вмѣсто одного, то онъ будетъ за вами бѣжать цѣлыя улицы, чтобы возвратить излишекъ. Разумѣется, не одинъ городской политикъ изъ ирландцевъ суется въ общественныя дѣла только для того, чтобы красть изъ общественныхъ средствъ, но гораздо характернѣе, что вездѣ въ странѣ большіе почтовые пакеты кладутъ на почтовые ящики и складываютъ почту на углахъ улицъ въ полной увѣренности, что ничего не пропадетъ. Если ученикъ обманетъ учителя, то въ Европѣ весь классъ часто стоитъ за него, въ Америкѣ же всегда противъ него. Для ребенка ложь является просто презрѣнной, и въ этомъ смыслѣ американецъ остается ребенкомъ всю жизнь.

Совершенно такъ же, какъ къ правдивости, люди подъ американскимъ вліяніемъ пріучаются и къ самопожертвованію, этому конечному выводу пуританской идеи самосовершенство-

ванія. Аскетическая жертва ради жертвы противорѣчитъ творческой потребности американца, хотя, впрочемъ, и эта разновидность мнимаго угожденія Богу, судя по множеству народныхъ разсказовъ Новой Англіи, встрѣчается нерѣдко на сѣверовостокѣ Штатовъ. Но жертвы ради цѣлей, хотя бы даже самыхъ отвлеченныхъ и безличныхъ, наполняютъ жизнь народа во всѣхъ его слояхъ. Въ жертвѣ будетъ фальшь, если о ней поднимать трезвонъ; настоящая жертва любитъ тишину. И вотъ, если прослѣдить тихую жизнь и присмотрѣться, напримѣръ, къ тому, какъ складывается по всей странѣ жизнь учителей, проповѣдниковъ, врачей, если посмотрѣть, какимъ путемъ родители достигаютъ возможности дать дѣтямъ лучшее воспитаніе, чѣмъ они получили сами, — то приходится поражаться той безконечной массѣ безмолвныхъ жертвъ, какія ежедневно приносятся этими людьми въ ихъ суровой жизни. Духъ молчаливаго терпѣнія мало замѣтенъ съ поверхности, но онъ ясно ощутимъ для всякаго, кто глубже вникаетъ въ жизнь американскаго народа.

Поэтому-то американца всегда привлекала миссіонерская дѣятельность въ ея наиболѣе опасныхъ формахъ, а уходомъ за больными, требующимъ огромнаго терпѣнія, нигдѣ не занято столько женщинъ, какъ здѣсь. Міръ знаетъ, какая готовность къ жертвамъ была проявлена во времена войны за освобожденіе рабовъ. Во времена мира та же картина: готовность поставить на карту свою жизнь для спасенія другихъ даетъ себя знать ежедневно, и только постоянно удивляешься тому, насколько просто народное сознаніе принимаетъ такія жертвы, какъ нѣчто само собою разумѣющееся. Гораздо чаще встрѣчается, конечно, болѣе скромная форма жертвы, матеріальная, начиная отъ милостыни въ кружку арміи спасенія и кончая милліонными пожертвованіями на благотворительныя учрежденія. Разумѣется, частная благотворительность также имѣетъ недостатки: нерѣдко она является только средствомъ, чтобы пріобрѣсть общественное вліяніе, чаще же она поверхностна, дѣйствуетъ безъ плана, безъ изученія ближайшихъ условій, и потому бываетъ часто даже вредна для общины, но сколько бы отъ нея ни отнимать, размѣры пожертвованій на всѣ благотворительныя цѣли все-таки изумительны. Исторія эволюціи и здѣсь также показываетъ, что наиболѣе сильнымъ изъ всѣхъ мотивовъ былъ религіозный.

Тѣмъ не менѣе религіозный мотивъ спасенія души является во всѣхъ этихъ движеніяхъ только однимъ изъ импульсовъ на ряду съ другими, соціальными импульсами. Благотворительность имѣетъ въ Америкѣ, можетъ-быть, въ большей степени религіозную окраску, чѣмъ въ Германіи; однако чѣмъ больше

она переходитъ въ руки организацій съ обученными силами, тѣмъ больше выступаетъ на передній планъ соціальный и экономическій моментъ. Равнымъ образомъ, даже соблюденіе воскреснаго дня и умѣренность въ употребленіи вина обратились скорѣе въ соціальную проблему, которая почти потеряла связь съ церковными вопросами. И если американецъ правдивъ, честенъ и нравственно чистъ, то онъ, пожалуй, и самъ не знаетъ, поступаетъ ли онъ такъ въ качествѣ христіанина или джентльмена. Вопросы нравственности показываютъ всюду переходъ отъ религіозныхъ мотивовъ къ соціальнымъ.

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ.

Соціальная жизнь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Духъ самостоятельности.

Европеецъ, сходя на берегъ въ Нью-Іоркѣ, ожидаетъ новыхъ впечатлѣній и сюрпризовъ прежде всего отъ проявленій всеобщаго равенства въ Новомъ Свѣтѣ. Одни дрожатъ передъ ужасами «равенства олуховъ», большинство же съ радостной надеждой ждетъ страны, гдѣ нѣтъ устарѣлаго духа касты, который вносилъ бы различіе межъ людей, и гдѣ декларація независимости торжественно признала безспорнѣйшей истиной, что всѣ люди свободны и равны. Тѣ, кто боится «равенства», скоро успокоиваются: соціальные слои и въ Нью-Іоркѣ весьма тщательно раздѣлены; въ обществѣ фраковъ нѣтъ мѣста для грязной рабочей куртки. Но обыкновенно такъ же быстро получается разочарованіе у тѣхъ, кто надѣялся на равенство: слишкомъ коротокъ путь отъ роскоши пятаго авеню до нищеты кварталовъ Тенементъ; и здѣсь зіяютъ соціальныя противорѣчія во всей ихъ остротѣ и жестокости, какъ и въ Старомъ Свѣтѣ.

Если новоприбывшій обратится въ своемъ недоумѣніи къ человѣку, знающему страну, то на свой вопросъ онъ отъ разныхъ людей получитъ разные отвѣты. Средній гражданинъ попытается спасти равенство: нѣтъ никакого сомнѣнія, здѣсь въ Америкѣ господствуетъ равенство, равенство передъ закономъ и равенство политическихъ правъ; съ изумленіемъ подобный патріотъ узнаетъ, что къ этому сорту равенства привыкли и въ Европѣ и что отъ американскаго равенства ждутъ чего-то особеннаго. Но можетъ-быть, нашему пріѣзжему придется встрѣтить не вполнѣ дюжинный умъ. Въ этомъ случаѣ умный американецъ съ неподражаемымъ плутовскимъ подмигиваніемъ сошлется на общепризнанный будто бы фактъ, что въ Америкѣ такъ же мало равенства, какъ и въ Европѣ. Мы позволяемъ себѣ, скажетъ онъ, роскошь подобныхъ «блестящихъ банальностей» въ нашей декларації независимости, для

того чтобы честные ораторы на окружныхъ собраніяхъ имѣли по торжественнымъ днямъ благодарную тему и для того чтобы плохо оплачиваемые приказчики находили въ этихъ рискованныхъ утвержденіяхъ извѣстную компенсацію своихъ жалкихъ доходовъ; въ остальномъ же мы не настолько безразсудны, чтобы затушевывать природу, которая благоразумно создаетъ людей неравными.

Оба отвѣта однако невѣрны, или, по крайней мѣрѣ, ни одинъ изъ нихъ не попадаетъ въ суть вопроса. Нѣтъ, конечно, никакого сомнѣнія, что теперь уже не можетъ быть и рѣчи о равенствѣ имущества, о равенствѣ въ наслажденіи жизнью и, несмотря на кое-какія робкія возраженія, даже о равенствѣ въ условіяхъ развитія. Тѣмъ не менѣе мы судили бы поверхностно, если бы рѣшили, что духъ равенства существуетъ только въ юридической и политической сферѣ. Есть еще другое равенство, соціальное, котораго большинство американцевъ не сознаютъ по той простой причинѣ, что они не знаютъ и едва-ли могутъ себѣ представить жизнь безъ этого равенства. Они не размышляютъ о соціальномъ равенствѣ, потому что оно не формулировано въ программахъ, какъ равенство политическое или юридическое. Оно проникаетъ въ сознаніе американца только тогда, когда онъ поживетъ нѣкоторое время въ Европѣ, а европейцу оно становится понятнымъ, какъ только онъ начнетъ внимательнѣе наблюдать американскую жизнь.

Сознаніе соціальнаго равенства, которое, несмотря на множество оттѣнковъ, въ сущности, одинаково вездѣ въ Соединенныхъ Штатахъ, нисколько не отрицаетъ соціальныхъ различій, созданныхъ различіемъ образованія, имущества, профессіи и дѣятельности, но оно требуетъ признанія всѣхъ этихъ различій чѣмъ-то внѣшнимъ по отношенію къ самой личности: въ сущности, всѣ мы равноцѣнны. Во избѣжаніе неправильнаго пониманія, нужно указать, что подобный принципъ нисколько не покрывается религіознымъ убѣжденіемъ, что всѣ мы равны передъ Богомъ; религіозно-этическія представленія не играютъ здѣсь никакой роли. Равенство передъ Богомъ, равноцѣнность нравственнаго поступка со стороны высшаго и низшаго на землѣ, все это—не соціальныя представленія. Они относятся прежде всего къ религіозной, а не къ общественной жизни, и оба принципа можно вездѣ отдѣлить другъ отъ друга. Можно прямо сказать: какъ ни глубоко жизнь американскаго народа проникнута религіей, а основной принципъ равенства въ соціальной жизни не стоитъ ни въ какой зависимости отъ этики Новаго Завѣта.

Еще того меньше здѣсь можетъ быть рѣчь о какомъ-нибудь метафизическомъ представленіи. Духъ американскаго

народа нисколько не симпатизируетъ философской идеѣ, будто всякая индивидуальность есть лишь видимость и что, въ сущности, мы всѣ представляемъ собою одно и то же. Американецъ мыслитъ множественно и противоставляетъ подобной метафизикѣ твердую вѣру въ абсолютное значеніе индивидуума. Наконецъ, тотъ принципъ, который мы пытаемся опредѣлить, не имѣетъ даже раціоналистически-гуманистическаго характера: равны ли всѣ люди, этотъ вопросъ остается, собственно, открытымъ; дѣло идетъ только о той соціальной группѣ, которая живетъ въ Соединенныхъ Штатахъ и должна урегулировать свои соціальныя отношенія.

Представимъ себѣ, что какой-нибудь кружокъ друзей съ одинаковымъ общественнымъ положеніемъ отправляется, напримѣръ, на прогулку, и молодые люди для развлеченія уговариваются въ теченіе нѣсколькихъ часовъ изображать представителей различныхъ профессій: одинъ играетъ роль милліонера, другой—роль нищаго; здѣсь есть и судьи и учителя, ремесленники и фабричные рабочіе, высшіе чиновники и низшіе служители, и каждый разыгрываетъ свою роль съ величайшимъ стараніемъ. Одинъ приказываетъ, другой повинуется, одинъ бездѣльничаетъ, другой изнемогаетъ,— и подъ всѣмъ этимъ все же скрывается радостное чувство, что всѣ они въ сущности равны, что играть въ эту игру стоитъ только потому, что они сознаютъ свое равенство; если бы въ ихъ кружокъ вошелъ настоящій нищій или слуга, то удовольствіе было бы разрушено и все потеряло бы смыслъ. Какъ ни странно это можетъ звучать, но именно такое чувство даетъ основной тонъ соціальной жизни въ Америкѣ. Впечатлѣніе получается такое, какъ будто каждый говоритъ себѣ: всѣ мы, населяющіе эту безподобную страну, въ сущности товарищи; одинъ печетъ пироги, другой съ удовольствіемъ ихъ ѣстъ, одинъ сидитъ на козлахъ, а другой въ каретѣ, но это только потому, что всѣ мы согласны на такое распредѣленіе ролей. Одинъ приказываетъ, другой исполняетъ, но оба дѣлаютъ это, признавая, что при данныхъ случайныхъ условіяхъ, въ которыхъ мы сейчасъ находимся, таково самое удобное распредѣленіе функцій.

Люди чувствуютъ, что настоящая человѣческая личность этой дифференціаціей не затрогивается и что не стоило бы ни приказывать, ни повиноваться, если бы при этомъ молчаливо не предполагалось, что мы уважаемъ другъ друга, какъ равноцѣнныя величины. Раздѣленіе труда необходимо, но пока я исполняю выпавшую на мою долю работу, я, разумѣется, точно такъ же принадлежу къ товарищескому труду, какъ и тотъ, на кого въ силу экономическихъ условій или прирожденныхъ способностей возложена болѣе видная или болѣе пріятная за-

дача. И кто въ душѣ честно относится такимъ образомъ къ самому себѣ, тотъ отдаетъ справедливость и всякому другому. Кто считаетъ только себя равнымъ съ людьми выше поставленными, людей же, стоящихъ ниже, въ сущности, считаетъ не равноцѣнными, тотъ вѣдь и свое притязаніе, собственно, заявляетъ не потому, что чувствуетъ себя дѣйствительно равнымъ съ высшими, а наоборотъ, именно потому, что видитъ въ неравенствѣ нѣчто существенно важное и его хотѣлъ бы устранить своимъ беззастѣнчивымъ притязаніемъ. Кто въ дѣйствительности смотритъ на соціальную равноцѣнность, какъ на главное условіе соціальныхъ отношеній, тотъ долженъ непремѣнно испытывать одинаковое чувство къ высшимъ и къ низшимъ, долженъ отстаивать самого себя и, тѣмъ самымъ, давать признаніе другимъ. Духъ соціальной самостоятельности прямо требуетъ признанія равноцѣнности всѣхъ, кто принадлежитъ къ замкнутому соціальному цѣлому.

Покуда мы стремимся къ равенству, стараясь подражать болѣе образованнымъ, болѣе могущественнымъ, болѣе богатымъ и стараясь стереть разницу между собою и ими, или же, наоборотъ, сознательно спускаясь къ бѣднымъ, безсильнымъ, невѣжественнымъ и уничтожая различіе своей духовной или матеріальной помощью,—до тѣхъ поръ мы въ дѣйствительности не вѣримъ въ настоящее равенство и смотримъ на внѣшнія различія, какъ на нѣчто существенно важное; и усердіе, съ которымъ мы стараемся умалить эти различія, служитъ самымъ яснымъ показателемъ того, что мы видимъ здѣсь различія по существу въ соціальныхъ отношеніяхъ. Гдѣ дѣйствительно царитъ духъ самостоятельности и признаніе другого за равноцѣнное соціальное существо, тамъ стремленіе къ внѣшнему сглаживанію различій, стремленіе къ соціальному возвышенію и соціальная помощь, конечно, не будутъ отсутствовать, но все это будетъ разсматриваться, главнымъ образомъ, какъ техническія средства внѣшней соціальной организаціи, а не какъ способы внутренняго воздѣйствія на самихъ носителей различныхъ соціальныхъ ролей.

Можно сомнѣваться, способенъ-ли европеецъ вообще вполнѣ усвоить себѣ такую точку зрѣнія на соціальныя отношенія. Его мысль слишкомъ легко принимаетъ этическое направленіе. Онъ готовъ съ помощью искусственнаго отвлеченнаго мышленія оставить въ сторонѣ всѣ соціальныя различія, чтобы на мѣсто соціальнаго расчлененія поставить духъ чистой нравственности: тогда, какъ показываетъ религія, основою всѣхъ соціальныхъ отношеній является мораль. Американецъ же идетъ именно обратнымъ путемъ: что граждане Соединенныхъ Штатовъ равноцѣнны въ соціальномъ отношеніи—без-

различно, работаютъ ли они въ Бѣломъ домѣ или въ угольныхъ копяхъ,—это разумѣется само собою, и это соціальное воззрѣніе не опирается на этику, а, наоборотъ, само служитъ основою этическихъ понятій. Говоря о вліяніи религіи на нравственность, мы особенно подчеркивали, что дополненіемъ къ религіозной этикѣ всюду является этика чисто-соціальная, и здѣсь мы встрѣчаемся именно съ этой новой формою нравственности. Религія требуетъ такой нравственности, основной принципъ которой, правда, принижается, но все же становится вполнѣ понятнымъ, когда при философскомъ обсужденіи она опредѣляется, какъ мораль терпимости. Въ качествѣ своей противоположности она требуетъ господской морали, которая въ сознаніи своей силы подавляетъ все слабое. Одинаково далекій какъ отъ морали рабовъ, такъ и отъ морали господъ, американецъ строитъ свою «товарищескую мораль», которая не основывается, подобно морали терпимости, на религіозныхъ вѣчныхъ идеалахъ или, подобно морали ницшеанцевъ, на преходящихъ біологическихъ цѣляхъ, но которая цѣликомъ вытекаетъ изъ соціальныхъ идей.

При этомъ дѣло заключается, однако, не въ томъ, что предписанія морали должны выполняться ради избѣжанія соціальныхъ затрудненій или ради достиженія соціальнаго почета; дѣло заключается въ томъ, что предписанія этой морали только благодаря своей соціальной функціи становятся предписаніями. Какія-нибудь дѣйствія могутъ быть опредѣлены, какъ нравственныя дѣйствія, потому что они безкорыстны и не вызваны никакимъ инымъ принудительнымъ факторомъ кромѣ внутренняго голоса, и въ то же время они въ обычномъ смыслѣ не нравственны, такъ какъ не имѣютъ абсолютнаго значенія и значеніе ихъ существуетъ только въ кругу соціальной общины даннаго народа. Ихъ можно сравнить съ тѣми требованіями, которыя вытекаютъ изъ особаго понятія о чести, свойственнаго какой-либо опредѣленной группѣ, только здѣсь группою является цѣлый народъ безъ кастъ и разграниченій. Кромѣ того, понятіе чести получаетъ силу благодаря признанію цѣнности и отстаиванію собственной личности; соціальная мораль въ равной мѣрѣ проистекаетъ изъ требованія, чтобы признавалась личность другого. Основное чувство здѣсь именно то, что вся эта соціальная игра и борьба совсѣмъ не имѣли бы смысла, что все удовольствіе отъ соціальныхъ стремленій и успѣха было бы разрушено, если бы не считали само собою понятнымъ, что всякій другой въ этомъ соціальномъ цѣломъ нашего народа намъ равноцѣненъ и имѣетъ полное право отстаивать себя, какъ равноцѣнную величину.

Преступникъ и безчестный человѣкъ потеряли свое право;

они изгоняются изъ общины и больше не участвуютъ въ игрѣ. Однако, нѣтъ ничего общаго между различіями положенія, образованности, богатства и этимъ одинаковымъ правомъ для всѣхъ. Внѣшнимъ образомъ возвышаться надъ людьми, имѣющими меньшую соціальную цѣнность, это такъ же малаго стоитъ, какъ пріобрѣтать согласіе и одобреніе идіотовъ или выигрывать игру съ помощью фальшивыхъ картъ. Чтобы стремиться къ соціальнымъ успѣхамъ, намъ надо прежде всего вѣрить и не сомнѣваться, что мы — товарищи, исполняющіе столь различную работу въ этомъ пестромъ мірѣ, только съ взаимнаго согласія и при взаимной одинаковой оцѣнкѣ. А что мы вѣримъ въ это, тому доказательствомъ должны служить наши дѣйствія.

Но именно потому, что во всемъ этомъ нѣтъ никакой твердо установленной морали, а есть только моральные выводы изъ соціальныхъ воззрѣній, — нравственное здѣсь путемъ незамѣтныхъ переходовъ превращается въ нравственно-безразличныя жизненныя формы и обычаи и во многихъ пунктахъ граничитъ съ вредными явленіями и злоупотребленіями, вытекающими изъ тѣхъ же взглядовъ. Мы охарактеризуемъ самыя важныя изъ тѣхъ чертъ, которыя въ силу необходимости присущи такому духу соціальной самостоятельности.

Чужестранцу, быть-можетъ, прежде всего бросается въ глаза та спокойная увѣренность, съ которою каждый идетъ своимъ путемъ, не чувствуя подавленности въ присутствіи высшихъ или приподнятости въ присутствіи низшихъ; въ сущности, каждый знаетъ, что онъ — равный среди равныхъ. Здѣсь нѣтъ снисходительности по отношенію къ низшимъ и угодливости передъ высшими; съ простой увѣренностью въ себѣ и вѣжливой откровенностью, сдержанный, но всегда любезный, типичный американецъ чувствуетъ себя равноцѣннымъ и спокойнымъ во всякой соціальной средѣ. Дѣйствительно, всякое милостивое снисхожденіе кажется ему такимъ же недостойнымъ, какъ и льстивая услужливость; снисходительностью также подчеркивается различіе положеній; она ясно даетъ почувствовать, что временно это различіе игнорируется, причемъ не скрывается, что принципіально обѣ стороны признаютъ его существованіе. Кто считаетъ себя равноцѣннымъ и во всякомъ другомъ порядочномъ человѣкѣ предполагаетъ такой же духъ самостоятельности, тотъ едва способенъ понять, какимъ образомъ чисто-техническія различія соціальнаго положенія могутъ отражаться на внутреннемъ отношеніи человѣка къ человѣку.

Кто выросъ въ такой соціальной атмосферѣ, тотъ не утратитъ этой увѣренности, попавъ и въ совсѣмъ иного рода общество. Англичанинъ Арчибальдъ Форбсъ слѣдующимъ обра-

зомъ описываетъ американскаго военнаго корреспондента Макъ-Гахана, сына крестьянина изъ Огіо, во время его пребыванія въ русскомъ лагерѣ. «Никогда раньше,—пишетъ онъ,—я не видѣлъ молодого человѣка, который такъ увѣренно чувствовалъ бы себя среди высшихъ чиновниковъ и офицеровъ. Въ его манерахъ не было и тѣни назойливости или дерзости. Онъ какъ будто бы свелъ всю исторію къ одному простому принципу: я – человѣкъ, который честнымъ образомъ ради опредѣленной цѣли, тебѣ извѣстной или которую я охотно тебѣ сообщу, нуждается въ томъ, что ты лучше всѣхъ можешь мнѣ дать—будетъ ли это справка, паспортъ или что-нибудь другое, —и потому я прошу тебя объ этомъ. Для логики такого положенія совершенно безразлично, поручикъ ли ты или командующій генералъ, мальчикъ для посылокъ или имперскій канцлеръ». А другой прибавляетъ къ этому: «И Макъ-Гаханъ могъ, дѣйствительно, всего добиться у Игнатьева; онъ спокойно ухаживалъ при этомъ за госпожей Игнатьевой, покровительствовалъ князю Горчакову и самымъ дружескимъ образомъ кивалъ головой великому князю Николаю Николаевичу».

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что именно англичанамъ особенно бросается въ глаза эта черта въ характерѣ американцевъ: Англія, въ политическомъ отношеніи наиболѣе сходная съ Америкой, въ этомъ пунктѣ, что касается дѣйствительной вѣры въ соціальную равноцѣнность людей, наименѣе похожа на Америку; этимъ она составляетъ замѣчательный контрастъ съ Россіей, которая въ политическомъ отношеніи наиболѣе далека отъ Америки, но въ своей народной жизни скорѣе всѣхъ другихъ развиваетъ чувство соціальной равноцѣнности. А между тѣмъ американское чувство очень отлично и отъ русскаго. Настроеніе русскаго въ своей глубинѣ опредѣляется представленіями, имѣющими религіозную окраску: я, въ сущности, не лучше и не больше, чѣмъ бѣднѣйшій; у американца же господствуетъ противоположное чувство: я, въ сущности, не меньше и не хуже, чѣмъ самый высшій. Русское чувство равноцѣнности тянетъ книзу, американское возвышаетъ.

Какое впечатлѣніе эта черта производитъ на англичанина, объ этомъ свидѣтельствуетъ Мюрхедъ въ своей «Странѣ контрастовъ»: «Есть что-то замѣчательно изысканное и тонкое въ нѣжнѣйшихъ цвѣтахъ американской культуры — нѣчто, чего почти невозможно найти въ Европѣ. Духъ, возрастающій здѣсь въ средѣ, свободной отъ произвольныхъ мѣрилъ и условныхъ разграниченій, пріобрѣтаетъ единственное въ своемъ родѣ, свободное отъ предразсудковъ, не связанное, чисто-человѣческое мірососерцаніе. Онъ увѣренно разсматриваетъ жизнь, какъ

нѣчто цѣльное. И именно такого воззрѣнія нельзя достигнуть у насъ въ Англіи. Настоящій американецъ совершенно неспособенъ понять то различіе между лордомъ и плебеемъ, которое навязывается каждому изъ насъ однимъ лишь давленіемъ соціальныхъ отношеній. Для него это то же, что четвертое измѣреніе въ пространствѣ; о немъ можно говорить, но оно не обладаетъ непосредственной реальностью. Англійскій радикальный мыслитель способенъ съ помощью усилій подняться на такую высоту, гдѣ онъ можетъ сказать: цѣною большихъ жертвъ я добылъ себѣ свободу, американецъ же можетъ съ полной искренностью отвѣтить: а я и родился свободнымъ».

Но то, что Мюрхедъ говоритъ объ окраскѣ нѣжнѣйшихъ цвѣтковъ, можетъ быть сказано, если только ближе присмотрѣться, обо всей флорѣ; хотя и не въ такомъ нѣжномъ и изысканномъ видѣ, какъ у самыхъ чистыхъ, хотя часто и покрытую болѣе грубыми красками, эту окраску получило отъ почвы Новаго Свѣта въ какой-нибудь мѣрѣ каждое растеніе, за исключеніемъ развѣ только самыхъ негодныхъ сорныхъ травъ.

Неправильно было бы думать также, будто различія матеріальнаго благосостоянія сами по себѣ мѣшаютъ развитію этого чувства. Несмотря на все стремленіе къ богатству и на склонность къ блеску и расточительности, у американцевъ отсутствуютъ именно тѣ черты, которыя могутъ изъ различія благосостоянія дѣлать различія въ оцѣнкѣ человѣческой личности: оскорбительно чванство передъ низшими и зависть къ высшимъ. Если американецъ любитъ пріобрѣтать самое лучшее и самое дорогое, что только доступно ему по его средствамъ, то при этомъ у него совершенно нѣтъ потребности дать почувствовать разницу человѣку менѣе состоятельному. Американецъ не желаетъ перещеголять болѣе бѣдныхъ; его роскошь выражаетъ собою, прежде всего, личное наслажденіе и удовольствіе отъ расходовъ, какъ показателя успѣшной дѣятельности; поскольку же при этомъ принимаются во вниманіе другіе, его чувство всегда направлено на сравненіе съ болѣе богатыми, которымъ онъ хотѣлъ бы подражать, а не на сравненіе съ тѣми, кто вынужденъ остаться позади.

Зависти же вообще нѣтъ въ душѣ американца; вѣдь зависть относится не къ предмету обладанія, а къ обладателю; здѣсь слѣдовательно, должно признаваться, что послѣдній самъ возвышается благодаря тому, чѣмъ обладаетъ. Кто отстаиваетъ самого себя, тотъ употребитъ всѣ свои силы на улучшеніе своего внѣшняго положенія, но никогда не будетъ завидовать человѣку поставленному, въ болѣе благопріятныя условія. Зависть показалась бы ему такъ же унизительною, какъ и сми-

ренное повиновеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что отсюда вытекаетъ и одинъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ импульсовъ противъ соціализма. Безспорно, соціализмъ не есть продуктъ зависти, но группа населенія, въ которой существуетъ зависть, будетъ болѣе склонна принять соціалистическое ученіе; въ Америкѣ же соціализмъ остается импортированной теоріей, которая не находитъ слушателей. Кто чувствуетъ свое неравенство и завидуетъ другимъ, выше оцѣниваемымъ, тотъ можетъ желать искусственнаго установленія равенства съ помощью равнаго благосостоянія для всѣхъ; кто же считаетъ себя всегда равноцѣннымъ всѣмъ другимъ, тотъ охотно принимаетъ и внѣшнее неравенство, вносящее въ жизнь свѣжія стремленія и отважные труды. Онъ принимаетъ его тѣмъ охотнѣе, что накопленіе капиталовъ становится просто техническимъ процессомъ, не имѣющимъ никакого непосредственнаго отношенія къ интенсивности пользованія жизнью: вѣдь милліардеръ пользуется не большими благами, чѣмъ милліонеръ, онъ только работаетъ съ помощью болѣе сложнаго и болѣе могущественнаго аппарата.

Даже прямая экономическая зависимость не оказываетъ угнетающаго дѣйствія на духъ самостоятельности. Правда, намъ придется еще говорить о сильныхъ тенденціяхъ противоположнаго рода и о соціальной дифференціаціи, но указанную черту все же можно всюду подмѣтить. Въ деревнѣ и въ маленькомъ городѣ она гораздо болѣе замѣтна, чѣмъ въ большихъ городахъ, и на Западѣ гораздо болѣе, чѣмъ на Востокѣ. «Тамъ», говоритъ тонкій наблюдатель Мервинъ, «работодатель, конечно, ожидаетъ, что нанятые имъ люди во время работы будутъ исполнять его приказанія, но ему показалось бы въ высшей степени комичнымъ, если бы, напримѣръ, его подчиненный, когда къ нему обращаются, прикладывалъ руку къ козырьку или какимъ-нибудь другимъ способомъ выражалъ въ своемъ поведеніи, что принадлежитъ къ какому-то низшему разряду».

Типичными здѣсь могутъ считаться символы привѣтствія. Американецъ снимаетъ шляпу передъ дамами: уваженіе выражается полу. Напротивъ, мужчины, привѣтствуя другъ друга, шляпъ не снимаютъ, и различные оттѣнки кивковъ, подмигиваній и жестовъ руками свидѣтельствуютъ только о степени близости и личнаго знакомства; къ соціальному положенію они не имѣютъ никакого отношенія. Положеніе—это нѣчто внѣшнее, техническое, имѣющее значеніе въ профессіональной области, но совершенно не имѣющее значенія при встрѣчѣ двухъ людей на улицѣ; они привѣтствуютъ другъ друга, потому что знакомы между собою, и въ этомъ взаимномъ знакомствѣ между ними существуетъ только отношеніе равноцѣнныхъ людей, а не

стоящихъ на различныхъ ступеняхъ дѣятелей въ какой либо области. Поэтому нѣмецкій обычай—отмѣривать размахъ шляпы и уголъ наклоненія головы въ зависимости отъ соціальнаго положенія раскланивающихся—представляется американцу либо безсмысленнымъ, либо недостойнымъ.

Въ тѣсной связи съ этой чертой, конечно, стоитъ принципіально-отрицательное отношеніе къ титуламъ и орденамъ. И здѣсь есть, правда, оборотная сторона, а главное, и здѣсь есть исключенія, о которыхъ мы не умолчимъ, но общимъ явленіемъ все же остается отвращеніе къ титуламъ и орденамъ. Американецъ слишкомъ ясно чувствуетъ, что всякое возвышеніе непремѣнно принижаетъ, потому что только въ такомъ обществѣ, гдѣ всѣ равны между собою, не имѣешь никого надъ собою; если же допустить собственное возвышеніе надъ другими, то этимъ признаешь принципъ неравенства и, слѣдовательно, ставишь себя ниже тѣхъ, чье возвышеніе еще больше.

Было бы совершенно неправильно заключать отсюда, будто американцу вообще ненавистно всякое подчиненіе. Наоборотъ, кто наблюдалъ американскихъ рабочихъ во время работы, или знакомился съ организаціей крупныхъ торговыхъ домовъ, или хотя бы слѣдилъ за совмѣстной игрой въ спортѣ, тотъ знаетъ, что подчиненіе ради опредѣленной цѣли, для разрѣшенія опредѣленной задачи, достигаетъ здѣсь самой высокой степени; столь прославленный американскій организаціонный талантъ не могъ бы такимъ блестящимъ образомъ обнаруживаться, если бы всюду ему не шла навстрѣчу полнѣйшая готовность къ сознательному подчиненію. Но здѣсь дѣло вездѣ именно и заключается въ временномъ, намѣренномъ подчиненіи ради общей цѣли, въ раздѣленіи труда, которое необходимо только для дѣла и совершенно не затрогиваетъ самой человѣческой личности. Человѣкъ, участвующій въ игрѣ футболлъ, не чувствуетъ себя ниже предводителя, которому онъ повинуется. Глубокая антипатія возникаетъ только тамъ, гдѣ командованіе означаетъ не раздѣленіе труда, а различную оцѣнку людей; и она, естественно, достигаетъ высшей степени въ отношеніи къ наслѣдственнымъ титуламъ, такъ какъ здѣсь отличіе, очевидно, не можетъ основываться на личныхъ заслугахъ наслѣдника.

Одно изъ самыхъ интересныхъ слѣдствій такого взгляда особенно бросается въ глаза иностранцу: американецъ принципіально считаетъ всякій честный трудъ пристойнымъ для всякаго человѣка. И здѣсь также на практикѣ дѣло обстоитъ не совсѣмъ такъ, какъ въ теоріи; банкиръ не желаетъ сдѣлаться комми-вояжеромъ, комми-вояжеръ — трактирщикомъ, трактирщикъ—чистильщикомъ улицъ, и не желаетъ не только потому, что работа менѣе пріятна, но и потому, что она менѣе почетна.

Тѣмъ не менѣе съ перваго взгляда поражаетъ та готовность, съ которою признается полноцѣнною всякая полезная работа; и если европеецъ, принадлежащій къ высшимъ классамъ, находясь въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, мучается надъ вопросомъ, какимъ образомъ можно работать и все же пользоваться уваженіемъ, то американцу гораздо труднѣе бываетъ понять, какимъ образомъ можно не работать и пользоваться уваженіемъ. Типичны тѣ побочныя занятія, съ помощью которыхъ тысячи молодыхъ студентовъ и студентокъ добываютъ себѣ средства для продолженія своего образованія. Нѣмецкій студентъ считалъ бы приличнымъ для себя только уроки или литературную работу; переписка на пишущей машинѣ представляетъ для него, пожалуй, крайній предѣлъ допустимаго. Мы видѣли уже, когда говорили объ университетахъ, что не имѣющій средствъ американскій студентъ не стыдится въ теченіе лѣта занимать мѣсто швейцара въ гостиницѣ или кучера на конно-желѣзной дорогѣ, чтобы имѣть возможность лишній годъ пробыть въ университетѣ, или что во время учебнаго года онъ принимаетъ на себя обязанность топить печи въ какой-нибудь семьѣ и за это пользуется безплатнымъ столомъ. И никто изъ сыновей милліонеровъ, сидящихъ рядомъ съ нимъ на лекціяхъ, не посмотритъ за это высокомѣрно на товарища сверху внизъ; презрительное отношеніе къ себѣ заслужилъ бы только легкомысленный человѣкъ, живущій въ домѣ, а не сынъ поденщика, рано по утру разносящій молоко, чтобы въ теченіе дня имѣть возможность заниматься наукой.

Рѣшающее значеніе имѣетъ именно общая основа соціальныхъ воззрѣній: никакой честный трудъ не можетъ унижать, потому что подлинная соціальная личность совсѣмъ и не затрогивается той ролью, которую ей случайно приходится играть въ экономическомъ круговоротѣ. Очень характерно поэтому, что дѣйствительное отвращеніе существуетъ только по отношенію къ такимъ работамъ, сущность которыхъ основана на непосредственной личной зависимости; такова, напримѣръ, работа прислуги. Работа горничной большей частью гораздо легче, чѣмъ трудъ фабричной работницы, и однако всѣ стремятся на фабрику, между тѣмъ какъ американской прислуги, можно сказать, не существуетъ: вся прислуга поставляется иммигрантами, главнымъ образомъ ирландцами, шотландцами, шведами и нѣмцами, не говоря уже о неграхъ и, въ западной части страны, о китайцахъ. Уже дѣти иммигрантовъ, родившіяся въ Америкѣ, не желаютъ поступать на мѣста прислуги. Въ отдѣльномъ человѣкѣ здѣсь говоритъ, конечно, только подражаніе окружающимъ и подчиненіе господствующимъ предразсудкамъ. Но сами эти предразсудки вполнѣ логически

развились изъ основныхъ соціальныхъ воззрѣній: рабочій по своей профессіи служитъ какой-нибудь объективной культурной задачѣ, у прислуги же единственная цѣль заключается въ повиновеніи волѣ другого лица; такимъ образомъ, рабочій подчиняется безличной задачѣ, которой работодатель служитъ точно такъ же, какъ и онъ самъ, между тѣмъ какъ слуга отказывается отъ части своей свободы воли и, слѣдовательно, своей соціальной равноцѣнности въ пользу другого человѣка.

Особенно широко распространено извѣстное ложное представленіе, будто изъ всѣхъ личныхъ услугъ самою унизительной является чистка сапогъ; это—навязчивая идея, которою страдаютъ не только уроженцы страны, но и всякій переселенецъ изъ сѣверной Европы, разъ онъ проѣхалъ мимо статуи Свободы въ гавани Нью-Іорка. Вопросъ о чисткѣ сапогъ разрѣшается тѣмъ, что страна держитъ у себя нѣсколько милліоновъ негровъ и, кромѣ того, эксплуатируетъ многочисленныхъ переселенцевъ изъ южной Европы, у которыхъ вакса пока еще не вызываетъ такихъ большихъ нравственныхъ колебаній. Теоретически же не разрѣшенъ еще вопросъ о томъ, почему прислуга охотно выполняетъ самыя утомительныя работы, но бастуетъ, именно когда дѣло касается чистки сапогъ. Безспорно, здѣсь играетъ извѣстную роль смутное чувство, какъ будто чистка сапогъ есть символъ лежанія у ногъ и что она, слѣдовательно, требуетъ самаго яснаго отказа отъ собственной личности.

Въ тѣсной связи съ этимъ стоитъ и отвращеніе американца къ безобразнымъ подачкамъ на-чай. Если бы кто-нибудь захотѣлъ дать на-чай кондуктору конки, какъ это дѣлается въ Германіи, то вызвалъ бы просто недоумѣніе; и американцу, путешествующему по Европѣ, немногое бываетъ такъ антипатично, какъ манера низшихъ классовъ — за всякую мелкую услугу, за всякую помощь сейчасъ же ожидать подачки. Если бы вы захотѣли дать нѣсколько денегъ въ награду бѣдному мальчику, который проводилъ васъ, чтобы показать вамъ дорогу, то онъ принялъ бы это за оскорбленіе. Ресторанная прислуга въ большихъ городахъ, правда, не такъ склонна обижаться, когда ей даютъ на-чай, но и здѣсь это — только привезенный европейскими служителями обычай, который еще почти не проникъ въ мелкія мѣстечки. Въ общемъ же и теперь еще во всей странѣ считается правиломъ, что американецъ желаетъ принимать плату лишь въ томъ размѣрѣ, въ какомъ онъ имѣетъ право требовать ея за свой трудъ; все, что дается сверхъ того, дѣлаетъ его зависимымъ отъ милости другого человѣка, все это носитъ не дѣловой, а личный характеръ и для даннаго момента уничтожаетъ соціальную равноцѣнность.

Если всякая работа, не требующая отказа отъ свободной воли, достойна всякаго человѣка, то, съ другой стороны, и отдѣльный человѣкъ въ Америкѣ въ меньшей степени отожествляется съ какой-нибудь спеціальной формой работы, чѣмъ, напримѣръ, въ Германіи. Перемѣна занятій въ Соединенныхъ Штатахъ совершается гораздо чаще. Проповѣдникъ, которому наскучило его дѣло, становится коммерсантомъ, купецъ, интересы котораго получили новое направленіе, начинаетъ заниматься наукою, адвокатъ дѣлается промышленникомъ, фабрикантъ—политическимъ дѣятелемъ, книгопродавецъ берется за веденіе мебельнаго магазина, почтальонъ становится хозяиномъ пивной. У американца нѣтъ такого чувства, будто случайная внѣшняя экономическая дѣятельность составляетъ сущность человѣка; она для него то же, что и платье, которое можно надѣть и снять, причемъ самъ человѣкъ отъ этого нисколько не мѣняется. Благодаря вѣрѣ въ соціальную равноцѣнность перемѣнѣ занятій придается очень малое значеніе, и можно думать, что именно она, главнымъ образомъ, даетъ американцу его прославленную многосторонность и приспособляемость; онъ болѣе любого европейца сознаетъ, что перемѣна обстоятельствъ ничего не измѣняетъ въ его личности и что, слѣдовательно, здѣсь не требуется дѣйствительно новаго внутренняго приспособленія, а требуется только новая техническая внѣшняя выучка.

Самымъ поразительнымъ образомъ это обнаруживается въ тѣхъ случаяхъ, когда перемѣна обстоятельствъ вызвана внезапнымъ паденіемъ; увѣренность и спокойствіе, съ которыми американецъ принимаетъ такую перемѣну, были бы рѣшительно невозможны, если бы духъ самостоятельности не училъ его въ теченіе всей его жизни, что внѣшнія обстоятельства не выражаютъ собою сущности самаго человѣка. Милліонерша, мужъ которой сегодня потерялъ свое состояніе, устроитъ завтра безъ всякаго смущенія «домашній столъ»; обстоятельства измѣнились до сихъ поръ ея дѣломъ было имѣть открытый салонъ въ роскошномъ домѣ, а теперь она будетъ готовить вкусные обѣды для молодыхъ конторскихъ служащихъ. Первое занятіе доставляло ей больше удовольствія, но въ концѣ концовъ и оно имѣло нѣкоторыя тягостныя стороны; въ сущности, все это только перемѣна занятія, а личность сама по себѣ не измѣнилась. Наблюдателю невольно напрашивается все время мысль объ актерахъ, мѣняющихъ свои роли; они какъ будто живутъ въ каждой роли, которую въ данный моментъ играютъ, но въ сущности для нихъ имѣетъ мало значенія, приходится ли играть роль въ горностаевой мантіи или въ крестьянскомъ армякѣ;

они равноцѣнны между собою, хотя бы роли требовали, чтобы одинъ наслаждался, а другой трудился.

Разъ члены общины дѣйствительно чувствуютъ себя равноцѣнными, то въ ихъ соціальной жизни особое значеніе должны получить всѣ тѣ факторы, которые сами способствуютъ сглаживанію внѣшнихъ различій и соединенію людей между собою, независимо отъ ихъ положенія, богатства и степени культуры. Этимъ объясняется и огромное значеніе, какое имѣетъ спортъ въ американской жизни. Американецъ любитъ спортъ всякаго рода, прежде всего спортивныя игры, какъ футболлъ и лапта, гребля и борьба, теннисъ и гольфъ, поло и бѣга,—игры, требующія физическихъ упражненій; на второмъ мѣстѣ стоятъ охота и рыбная ловля, парусныя яхты и верховая ѣзда, гимнастика и плаваніе. Лазаніе менѣе распространено, какъ и прогулки пѣшкомъ, къ которымъ американецъ не очень склоненъ.

Нельзя отрицать, что къ американскому спорту примѣшано много элементовъ, не имѣющихъ со спортомъ ничего общаго. Съ одной стороны, пари приняли такіе размѣры, что денежный интересъ начинаетъ играть неподобающую роль, а съ другой—отожествленіе борющихся партій съ опредѣленными союзами, университетами и городами доходитъ до того, что настоящее спортсменское желаніе—чтобы побѣдила болѣе сильная сторона—очень часто заглушается другимъ, противнымъ идеѣ спорта, желаніемъ—видѣть во что бы то ни стало побѣду на сторонѣ своей партіи. Но въ концѣ-концовъ и самая страстность, съ которою и зрители на трибунахъ часто раздѣляются на двѣ противоположныя партіи, служитъ только особымъ выраженіемъ того факта, что интересъ къ спортивной игрѣ всецѣло захватываетъ средняго американца, а этотъ интересъ вѣдь, въ сущности, направленъ на искусственную группировку, въ которой всѣ соціальныя различія отпадаютъ и для всѣхъ устанавливаются совершенно равныя условія.

Наибольшей популярностью среди всѣхъ игръ пользуется весенняя и лѣтняя игра — игра въ лапту. Осенняя игра — въ футболлъ — слишкомъ сложна и, кромѣ того, она пріобрѣла въ слишкомъ большой степени характеръ «науки», чтобы быть дѣйствительно народной игрой; среди огромной массы зрителей, которые слѣдятъ за игрой какого-нибудь университета, часто лишь очень немногіе могутъ разобраться въ томъ, что собственно происходитъ въ каждый данный моментъ, и только отдѣльные случаи блестящей удачи для всѣхъ понятны. Теннисъ и гольфъ слишкомъ дороги, для спорта на водѣ не вездѣ есть подходящія условія, въ лапту же играетъ каждый деревенскій мальчуганъ и каждый ребенокъ въ большомъ городѣ; въ лапту можно играть всюду, игра эта понятна всякому

зрителю, и здѣсь соединяется интересъ къ общей игрѣ съ интересомъ къ блестящимъ пріемамъ отдѣльныхъ игроковъ. Утверждаютъ, что лѣтомъ въ каждый теплый субботній день послѣ обѣда въ лапту играютъ въ болѣе чѣмъ пятидесяти тысячахъ мѣстъ и что публику при этомъ составляютъ пять милліоновъ любителей спорта. Вокругъ площадокъ сидятъ ремесленники и священники, приказчики и профессора, пролетаріи и милліонеры, и всѣ они такъ единодушны въ своемъ интересѣ, такъ проникнуты чувствомъ равенства, какъ будто отъ нихъ безконечно далека та мелочная жизнь, въ которой придается значеніе соціальнымъ различіямъ.

Есть только одна сила, которая еще болѣе могущественно, чѣмъ спортивный духъ, разрушаетъ всѣ соціальныя перегородки въ американской жизни; эта сила—юморъ. Мы не могли не отмѣтить неизсякаемаго юмора, когда говорили о политической и о духовной жизни Америки; говоря же о соціальной жизни, слѣдовало бы почти безпрерывно указывать на юморъ, потому что вліяніе его отражается на всѣхъ соціальныхъ явленіяхъ. Сомнѣваться можно только въ томъ, служитъ ли юморъ средствомъ, устраняющимъ всякое нарушеніе соціальнаго равновѣсія и, такимъ образомъ, постоянно возстанавливающимъ сознаніе самостоятельности и равноцѣнности, или, наоборотъ, сознаніе равноцѣнности служитъ поддержкою для юмора и въ его добродушной непочтительности находитъ свое самое непосредственное выраженіе? Всякое превознесеніе, всякое неосновательное притязаніе, всякое чванство можетъ держаться только до тѣхъ поръ, пока не будетъ сказано первое острое слово, а этого у американца никогда не приходится долго ожидать; при всеобщемъ смѣхѣ лопается маленькій мыльный пузырь, и равноцѣнность оказывается возстановленной—безразлично, происходитъ ли дѣло въ самомъ тѣсномъ кругу или касается всей націи. Вся жизнь здѣсь наполнена скрытымъ юморомъ.

Ни одна американская газета не выходитъ ежедневно безъ какого нибудь политическаго остраго слова, безъ остроумныхъ замѣтокъ, безъ веселаго разсказа или безъ сатирической статьи, и кто, привыкнувъ къ американскимъ газетамъ, беретъ затѣмъ въ руки нѣмецкія газеты, тотъ прежде всего и сильнѣе всего замѣчаетъ контрастъ именно въ отсутствіи юмора. То же самое надо сказать и о повседневной жизни; къ шуткѣ американецъ всегда готовъ, и нигдѣ ораторы не обладаютъ такой способностью парировать удары, нигдѣ аудиторія не умѣетъ такъ быстро схватывать острое словцо. Какъ бы сухъ ни былъ обсуждаемый предметъ, какъ бы различно ни было соціальное «положеніе» присутствующихъ, удачный юмористическій оборотъ сразу

напомнитъ всѣмъ, что они—равноцѣнные люди и что къ своимъ различнымъ функціямъ въ жизни имъ не слѣдуетъ относиться такъ серьезно, какъ будто не одинаковымъ внѣшнимъ положеніемъ создается дѣйствительное неравенство. Когда американцамъ случается слышать веселый разсказъ, «они понимаютъ другъ друга»,—и извѣстно, что иные политическіе дѣятели возвышались благодаря своимъ острымъ словечкамъ, хотя бы, какъ это было у сенатора Дюпюи, они брали не столько качествомъ, сколько количествомъ.

Наиболѣе типиченъ бываетъ американскій юморъ тогда, когда онъ преподносится съ серьезнымъ видомъ; сказать самое коварное словечко или самую отчаянную безсмыслицу съ такой невозмутимой серьезностью, какъ будто говорящій и не подозрѣваетъ значенія произносимой фразы, — на это американцы великіе мастера. Много разъ было указано на неспособность англичанъ подражать имъ въ этомъ, и обычное утвержденіе американцевъ, будто на родинѣ Диккенса вообще отсутствуетъ юморъ, безспорно преувеличено, несмотря на доказательство, представляемое «Пончемъ»; но что американскій юморъ въ настоящее время является болѣе свѣжимъ, болѣе непосредственнымъ, это не подлежитъ сомнѣнію, и объясняется это, вѣроятно, въ значительной степени именно незаглушимымъ чувствомъ равноцѣнности, которое позволяетъ юмору проникнуть во всѣ соціальные слои. Изъ прочности этого же чувства вытекаетъ и тотъ фактъ, что американецъ охотно рисуетъ карикатуры на самого себя и своимъ остроуміемъ не щадитъ даже лучшихъ друзей. Если слѣдить за массами, за участниками какого-нибудь торжества или за избирателями, за толпой на улицѣ или въ закрытомъ помѣщеніи, то можно особенно замѣтить, какъ неизсякаемъ юморъ и какъ онъ надъ всѣмъ господствуетъ; удачное восклицаніе заставляетъ совершенно забыть о политикѣ, забавное происшествіе вознаграждаетъ за всякое разочарованіе. Достаточно есть глупыхъ споровъ изъ-за преходящихъ различій; будемъ-же лучше радоваться, когда намъ напоминаютъ, что несмотря на всѣ различія мы все же равноцѣнны въ соціальномъ отношеніи.

Однако, изъ этого чувства равенства положеній вытекаютъ и обширныя обязанности. Центральное мѣсто среди нихъ занимаютъ обязанности по отношенію къ собственной личности, обязанности, источникомъ которыхъ послужилъ пуританскій духъ самоусовершенствованія; это—тѣ же требованія, только выраженныя на другомъ этическомъ языкѣ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ также съ иной окраской. Основной мотивъ въ этой области чувствъ носитъ совсѣмъ не пуританскій, а чисто-соціальный характеръ: я хочу доказать свою равноцѣнность съ тѣ-

ми, кто пользуется уваженіемъ, поэтому я долженъ принять на себя обязанности, выполняемыя въ нашей соціальной общинѣ выше стоящими, болѣе образованными, болѣе богатыми, словомъ—я тоже долженъ вести себя, какъ джентльменъ. Девизомъ здѣсь является имѣющее очень мало общаго съ религіей «noblesse oblige»; только благородство здѣсь заключается въ томъ, чтобы принадлежать къ американскому народу и, слѣдовательно, не быть никому подчиненнымъ. Но вытекающія отсюда обязанности вполнѣ сходны съ религіозными. Джентльменъ требуетъ отъ себя прежде всего самообладанія и соціальной дисциплинированности. И въ этой сферѣ мы также встрѣчаемся тотчасъ же съ такой нравственной чистотой половыхъ отношеній, какой нѣтъ на европейскомъ континентѣ. Вы можете сто разъ просидѣть послѣ обѣда въ веселой мужской компаніи за сигарой у камина и ни разу не услышите какого-нибудь сальнаго анекдота; человѣка, который по заграничному обычаю попытался бы въ холостомъ обществѣ разсказывать съ гордостью о своихъ похожденіяхъ, не стали бы и терпѣть, и нигдѣ въ мірѣ молодая дѣвушка, находясь подъ охраной молодого человѣка, не обезпечена въ такой степени отъ всякихъ непріятностей.

Но джентльменство обнаруживается прежде всего въ образѣ мыслей: все низкое и недостойное, злорадство и даже мелочность, по самому существу своему, ему противно. Нельзя судить объ американцѣ по его скандальной прессѣ и городской политикѣ. Кто знаетъ его въ частной жизни, тому извѣстно, что его соціальное мышленіе носитъ возвышенный характеръ, что онъ питаетъ настоящее отвращеніе, часто съ эстетическимъ оттѣнкомъ, ко всему грязному и пошлому какъ въ самыхъ широкихъ, такъ и въ самыхъ узкихъ сферахъ. Пусть въ своей экономической дѣятельности онъ очень оберегаетъ свою выгоду,—скупымъ и мелочнымъ онъ и въ экономической жизни никогда не бываетъ, и мелочной выигрышъ съ помощью сомнительныхъ средствъ, безчестная лесть и самоуничиженіе ради достиженія цѣли, жестокость въ эксплуатаціи слабѣйшихъ—все это противорѣчитъ американскому характеру; но всѣ эти черты не совсѣмъ чужды нѣкоторой части еще не ассимилировавшихся иммигрантовъ, особенно ирландцамъ.

Чистотѣ соціальнаго мышленія соотвѣтствуетъ и непосредственное отношеніе къ другимъ людямъ: духъ самостоятельности воспитываетъ въ человѣкѣ вѣжливость и готовность помочь, добродушіе и душевное благородство. Въ европейскихъ сочиненіяхъ объ Америкѣ особенно часто указывается, что правило «помогай самъ себѣ» служитъ основнымъ принципомъ американской жизни. Если подъ этимъ понимать, что каждый

человѣкъ здѣсь не дожидается помощи со стороны начальства, чтобы взяться за то или другое дѣло, а берется самъ за него, то такое указаніе будетъ правильно. Мы всюду встрѣчали принципъ индивидуальной частной иниціативы въ качествѣ основной движущей силы американскаго государства; послѣднее въ цѣломъ должно браться за дѣло только тамъ, гдѣ силы отдѣльнаго человѣка недостаточно. Еще и въ другомъ смыслѣ признаетъ американецъ самопомощь: онъ рано пріучаетъ своихъ дѣтей думать объ экономической независимости; сыновья даже у состоятельнаго человѣка должны начинать съ маленькаго содержанія и собственными силами добиваться большаго. Здѣсь какъ бы продолжаетъ еще жить традиція піонеровъ, которые должны были каждый собственнымъ трудомъ сдѣлать свои участки земли годными для обработки. Эта привычка къ самопомощи много способствовала тому, чтобы закалить американца, и можно ожидать, что въ качествѣ воспитательнаго принципа она и дальше будетъ жить въ американскихъ воззрѣніяхъ, какъ ни сильно противодѣйствуетъ этому все возрастающее благосостояніе.

Но правило «помогай самъ себѣ» было бы истолковано совершенно ложно, если бы его понимать въ томъ смыслѣ, будто оно означаетъ, что каждый долженъ обходиться собственными силами, такъ какъ сосѣди не склонны оказывать помощь другъ другу. Готовность помогать другому—это одна изъ самыхъ яркихъ чертъ въ характерѣ американца, и она сказывается во всемъ, начиная отъ мелкой услуги, оказываемой изъ вѣжливости, и кончая самыми великодушными жертвами. Извѣстно также безграничное гостепріимство американца. Когда дѣло идетъ просто объ общеніи между знакомыми, то гостепріимство не представляется особенной добродѣтелью, а расточительность и преувеличенность нынѣшняго гостепріимства скорѣе приближаются къ недостаткамъ. Иное дѣло, когда гостемъ является чужой человѣкъ, которому открыли доступъ въ домъ, быть-можетъ, только нѣсколько краткихъ рекомендательныхъ словъ; сердечность, съ которою весь домъ предоставляется въ распоряженіе гостя, имѣетъ своимъ источникомъ гораздо болѣе глубокія побужденія, нежели простое удовольствіе отъ общенія съ разнообразными людьми. Американецъ и въ большомъ городѣ принимаетъ гостей въ свой домъ на жительство съ такою же радостью, съ какой въ Германіи это случается только въ деревенскихъ усадьбахъ.

Однако, всякое гостепріимство въ извѣстномъ смыслѣ есть только обмѣнъ; совершенно же односторонній актъ мы видимъ тогда, когда въ дѣло вступаетъ духъ благотворительности. Если люди чувствуютъ себя внутренно равноцѣнными, то они охотно

будутъ принимать внѣшнее неравенство, которое возбуждаетъ къ дѣятельности всѣ силы, но они ни въ какомъ случаѣ не допустятъ, чтобы это неравенство перешло за извѣстную низшую границу. Различіе власти, образованія и благосостоянія необходимо для того, чтобы поддерживалась жизнь въ соціальномъ организмѣ; но когда достигнута извѣстная низшая граница, тогда отсутствіе власти, образованія и благосостоянія начинаетъ уже угрожать человѣческой личности, а вмѣстѣ съ этимъ теряетъ смыслъ и вся соціальная жизнь. Человѣкъ не долженъ быть униженъ, лишенъ своего достоинства, его внутренняя равноцѣнность не должна быть уничтожена внѣшними условіями. Онъ долженъ имѣть возможность участвовать въ этой борьбѣ изъ-за культуры, власти и благосостоянія, такъ какъ иначе возникло бы такое внутреннее неравенство, съ признаніемъ котораго были бы уничтожены самыя основы демократическаго общества. Противъ отсутствія власти возстаетъ чувство права, отсутствіемъ культуры вызывается стремленіе къ реформамъ, въ противовѣсъ отсутствію благосостоянія развивается несправенный духъ благотворительности.

По своимъ внѣшнимъ проявленіямъ готовность оказывать помощь приходитъ, такимъ образомъ, къ тѣмъ же результатамъ, какъ и религіозная благотворительность, но по своему существу они глубоко различны, и въ какой бы мѣрѣ мотивы того и другого порядка ни поддерживали другъ друга, ихъ различія все же нельзя не видѣть. Въ мірѣ самоусовершенствованія господствуетъ состраданіе къ страждущему, и благодѣяніе здѣсь приносится въ качествѣ религіозной жертвы; въ мірѣ же самостоятельности царитъ правосознаніе, которое не терпитъ, чтобы отсутствіе благосостоянія унижало, и здѣсь благодѣяніе чувствуется, какъ соціальная обязанность, выполненіе которой служитъ защитою соціальной равноцѣнности. Естественнымъ слѣдствіемъ состраданія и жертвъ, осуществляемыхъ на практикѣ, является развитіе нищенства и привычка подавать милостыню безъ всякой системы; и если въ Америкѣ все направлено къ полному искорененію нищенства и къ тому, чтобы отнять у альтруистической дѣятельности характеръ подачи милостыни, то это свидѣтельствуетъ, что здѣсь сильнѣе соціальный мотивъ, нежели религіозный. Получающій милостыню унижается, между тѣмъ какъ задача именно и заключается не въ сострадательной поддержкѣ униженнаго, а въ томъ, чтобы освободить соціальный организмъ отъ патологическаго симптома—униженія его членовъ: вѣра въ равноцѣнность и въ право на самостоятельность не должна быть убита ни въ одномъ человѣкѣ. Противоположная крайность—вмѣшательство государства, обязательное страхованіе отъ болѣзни или несчастныхъ случаевъ,

отъ старости или безработицы — была бы политически невозможна; это было бы нарушеніемъ личнаго права на самоопредѣленіе, нарушеніемъ, противъ котораго принципіально необходимо было бы бороться. Поэтому американская соціальная система требуетъ, чтобы развитіе совершалось по тому направленію, которое составляетъ какъ разъ середину между личною подачей милостыни и государственнымъ страхованіемъ. Задача заключается въ томъ, чтобы создать прочныя соціальныя организаціи, которыя дѣловымъ образомъ противодѣйствовали бы бѣдности, болѣзнямъ, одинокости, пороку и которыя систематически устраняли бы личную нужду.

При этомъ связь съ государствомъ не порывается, такъ какъ все дѣло регулируется государственными законами о бѣдныхъ. Съ другой стороны, сохраняется связь и съ отдѣльными личностями, такъ какъ организаціи получаютъ большую часть своихъ средствъ отъ частныхъ пожертвованій и требуютъ огромнаго количества частнаго труда, преимущественно женскаго. На-ряду съ этими частными и общинными организаціями создается затѣмъ дополненіе къ нимъ, съ одной стороны, въ видѣ государственныхъ учрежденій, съ другой—въ видѣ той безшумной частной благотворительности, для которой и при всѣхъ организаціяхъ остается еще достаточно мѣста. Попеченіе о бѣдныхъ и о дѣтяхъ, «соціальныя поселенія» и стипендіи на воспитаніе—во всемъ этомъ, во всѣхъ формахъ помощи сказывается одинъ и тотъ же духъ почти избыточной готовности не только давать деньги изъ неограниченныхъ средствъ, но и отдавать свои мысли, время и силы. Нельзя отрицать, что въ нѣкоторыхъ штатахъ внѣшняя постановка дѣла еще требуетъ многихъ улучшеній, что часто вредное вліяніе оказываетъ политика, что часто на дѣло кладетъ свой отпечатокъ диллетантизмъ и религіозная узость, что усилія часто бываютъ направлены другъ противъ друга, что есть еще много неразрѣшенныхъ вопросовъ, связанныхъ съ такими нуждами, которыя вытекаютъ изъ особенностей огромной, мало заселенной страны съ ея смѣшаннымъ населеніемъ,—но все это нисколько не мѣшаетъ оцѣнкѣ основныхъ чертъ.

Готовность американца приноситъ жертвы для хорошихъ цѣлей производитъ тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ ближе ее видишь. Издали обращаютъ на себя вниманіе большей частью милліонныя пожертвованія, которыя кажутся въ нравственномъ отношеніи безразличными; всѣмъ извѣстно, что Карнеги и Рокфеллеры, Морганы и Вандербильты не подвергаютъ себя никакимъ лишеніямъ, жертвуя суммы, выражающіяся семью или даже восемью знаками. Но кто стоитъ близко къ дѣлу, тотъ видитъ, что и въ лептахъ вдовицы нѣтъ недо-

статка, что лица средняго состоянія, главнымъ образомъ, часто отдаютъ такую часть своихъ доходовъ, какая съ нѣмецкой точки зрѣнія показалась бы совсѣмъ несообразной. При этомъ пигдѣ не царитъ безразличное раздаваніе; каждый разбирается въ вопросѣ, почти у каждаго есть свои круги, которыми онъ интересуется и гдѣ добросовѣстно исполняетъ свой долгъ благотворительности. Тщеславіе играетъ при этомъ самую ничтожную роль; очень крупныя пожертвованія часто бываютъ анонимны, и газеты получаютъ о сборахъ мало свѣдѣній. Болѣе того, кому часто случается обращаться по поводу высокихъ цѣлей къ общественному чувству американцевъ, тотъ скоро теряетъ впечатлѣніе, будто онъ напоминаетъ о долгѣ или требуетъ жертвы; манера американца давать вызываетъ скорѣе такое чувство, что дающій радъ этому предложенію пожертвовать для столь полезной цѣли; и къ самому пожертвованію, превышающему ожиданія, большей частью бываетъ присоединено выраженіе благодарности за то, что собирающій обратилъ вниманіе дающаго на благородное дѣло.

Но готовность къ помощи выражается далеко не только посредствомъ чековой книжки. Сорветъ ли вѣтеръ на улицѣ шляпу съ головы или жестокая судьба разрушитъ счастье человѣка,—въ самыхъ крупныхъ, какъ и въ самыхъ мелкихъ дѣлахъ американецъ чувствуетъ, что онъ живетъ среди общества, всегда готоваго оказать помощь. Никогда чувство товарищества не проявляется болѣе непосредственно, чѣмъ въ подобномъ случаѣ внезапной нужды; у вновь прибывшаго всегда вызывается изумленіе тѣмъ, какъ американецъ, напримѣръ, при какомъ нибудь несчастномъ случаѣ самоотверженно берется за дѣло или какъ толпа, руководимая твердымъ инстинктомъ, молча организуется, чтобы оказать помощь.

Основной импульсъ при этомъ бываетъ чрезвычайно разнообразенъ. Однимъ изъ самыхъ характерныхъ является душевное благородство. Американецъ не желаетъ извлекать выгоды изъ слабости или изъ несчастія другого; онъ любитъ состязаніе, но при состязаніи всегда предполагается одинаковость условій; если противникъ находится въ затрудненіи, то этимъ уничтожается удовольствіе отъ побѣды. Во время испанской войны овваціи, которыя устраивались испанскимъ «героямъ», заходили иногда дальше, чѣмъ допускались бы хорошимъ вкусомъ. Даже во время войны изъ-за освобожденія невольниковъ люди старались перещеголять другъ друга хорошимъ обращеніемъ съ плѣнными, а недавно выдающіеся люди Сѣвера въ восторженныхъ рѣчахъ высказывались за то, чтобы былъ поставленъ памятникъ генералу Ли, великому предводителю южныхъ штатовъ. И поведеніе одинаково какъ на войнѣ, такъ

и въ мирное время. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ кандидаты на президентское мѣсто отъ обѣихъ партій должны были въ теченіе одной и той же недѣли выступить съ рѣчами въ одномъ мѣстѣ; одного изъ нихъ задержала болѣзнь кого-то изъ членовъ его семейства, и тогда другой кандидатъ тотчасъ же отказался выступить, чтобы не воспользоваться несчастіемъ своего противника. А когда гдѣ нибудь борьба рѣшается голосованіемъ, то меньшинство съ полнѣйшею дисциплиною и величайшей готовностью подчиняется постановленію большинства, но послѣднее обыкновенно обнаруживаетъ еще большее благородство въ своей предупредительности по отношенію къ побѣжденнымъ.

Та же волевая тенденція обнаруживается еще и въ добродушіи, которое побуждаетъ оказывать помощь слабѣйшему. Поскольку дѣло касается соціальной стороны жизни, не существуетъ народа болѣе добродушнаго и снисходительнаго, нежели американцы. Спокойный темпераментъ обличаетъ такое отношеніе къ вещамъ, а юморъ ему способствуетъ. Въ сущности же здѣсь главную роль играетъ чувство, что всѣ мы равны, и что если сегодня другой дѣлаетъ какую-нибудь ошибку, то вчера мы сами нуждались или завтра будемъ нуждаться въ снисхожденіи къ себѣ; не станемъ поэтому придавать слишкомъ большого значенія тому, что мы случайно поступаемъ въ данный моментъ такъ, какъ надо, между тѣмъ какъ другой ведетъ себя небрежно, или неловко, или не умно; не будемъ на этомъ основаніи считать, что мы — какая-то лучшая порода людей. И это добродушіе создаетъ для всѣхъ общее мирное настроеніе.

Среди нѣмецкихъ американцевъ, которымъ не удалось попасть въ надлежащую среду, очень часто раздаются жалобы на то, будто въ американской жизни отсутствуютъ сердечность и задушевность. Въ качествѣ внѣшняго доказательства обыкновенно считается достаточнымъ неосновательное утвержденіе, будто въ англійскомъ языкѣ нѣтъ и соотвѣтствующихъ словъ. Но если бы словъ и въ самомъ дѣлѣ не было, то выражаемое ими настроеніе все же безспорно существуетъ. Правда, конечно, что ритмъ у американской жизни болѣе быстрый и энергичный, и что иммигрантъ, прежде чѣмъ привыкнуть къ этому болѣе быстрому темпу, получаетъ постоянно такое впечатлѣніе, какъ будто все куда-то безпокойно спѣшитъ; точно такъ же американцы, посѣщающіе Германію, на первыхъ порахъ обыкновенно испытываютъ непріятное чувство какъ бы отъ тяжеловѣснаго педантизма и равнодушнаго безразличія. Но такія первыя впечатлѣнія поверхностны. Какъ только американецъ приспособится къ медленному ритму нѣмецкой жизни, онъ начинаетъ

понимать, что медленность совсѣмъ не выражаетъ собою равнодушія, и точно такъ же нѣмецъ, освоившійся съ американской жизнью, которая идетъ въ быстромъ темпѣ марша, вскорѣ убѣждается, что быстрый и рѣзкій ритмъ совсѣмъ не служитъ препятствіемъ для задушевности. Безспорно, чувства проявляются не одинаково въ различныхъ странахъ. Рождество празднуется у нѣмцевъ болѣе прочувствованно и задушевно, чѣмъ у американцевъ, но еще вопросъ, найдется ли въ нѣмецкой жизни хоть одинъ праздникъ, который бы превзошелъ глубиною чувства американскую годовщину. Американскій характеръ долженъ благопріятствовать, прежде всего, чисто соціальной задушевности, которая основана не на сантиментальныхъ чувствахъ, а на чувствѣ принадлежности къ одному цѣлому.

Нѣмецкіе «рыцари задушевности» образуютъ свои кружки всегда только изъ лицъ, стоящихъ на одной и той же ступени соціальной лѣстницы, потому что соціальныя различія въ Германіи кажутся чѣмъ-то неразрывно связаннымъ съ самой сущностью человѣческой личности; у американца же, который, кажется, никогда не перестаетъ чувствовать, что различія эти— нѣчто внѣшнее, у американца соціальное положеніе другого никогда не можетъ помѣшать задушевному настроенію. Въ этомъ смыслѣ у нѣмцевъ въ южной Германіи есть больше задушевности, чѣмъ въ сѣверной, у американцевъ больше, чѣмъ у европейцевъ. Самое пестрое по своему составу общество можетъ благодаря ничтожнѣйшему случаю, вызвавшему смѣхъ или жалость, настолько слиться въ одномъ общемъ чувствѣ, что всѣ соціальныя оболочки при этомъ отпадаютъ, какъ прахъ; въ самомъ чинномъ бюро и въ самой дѣловитой атмосферѣ конторы одно удачное словечко другъ создаетъ такое настроеніе, при которомъ послѣдній мальчуганъ-посыльный и старшій директоръ сразу оказываются равными людьми. Вся соціальная жизнь здѣсь проникнута такимъ настроеніемъ, какъ будто всякій съ лукавымъ подмигиваніемъ хочетъ сказать другому, что всѣмъ этимъ различіямъ въ сущности вѣдь не придается значенія, и что все, имѣющее личную цѣнность, ищется только въ самой личности.

Сильнѣе всего это стремленіе къ внутреннему равенству выражается въ правосознаніи. Нѣтъ, пожалуй, ни одной области, въ которой чувства американца и нѣмца развивались бы столь различнымъ образомъ, какъ въ области права, особенно—уголовнаго права. Преступленіе, конечно, остается преступленіемъ, какъ въ глазахъ одного, такъ и въ глазахъ другого, и различія въ налагаемыхъ наказаніяхъ объясняются, въ сущности, неодинаковостью политическихъ соціальныхъ и экономическихъ установленій. Американецъ, быть-можетъ, будетъ удивленъ стро-

гостью нѣмецкихъ законовъ о печати или объ оскорбленіи величества и мягкостью законовъ о дуэляхъ или о преступленіяхъ противъ нравственности; нѣмецъ же придетъ въ ужасъ отъ строгости американскихъ законовъ о пьянствѣ или поддѣлкѣ векселей и о мягкости ихъ, когда дѣло идетъ объ оскорбленіи должностныхъ лицъ и т. п. А между тѣмъ все это еще нисколько не свидѣтельствуетъ о различномъ правосознаніи; все это говоритъ только о различіи установленій. Настоящее различіе лежитъ болѣе глубоко. Можно бы сказать, что у нѣмца правосознаніе концентрируется на томъ, чтобы виновный ни въ какомъ случаѣ не ускользнулъ отъ карающаго закона; у американца же правосознаніе сосредоточивается на томъ, чтобы наказаніе ни въ какомъ случаѣ не постигло невиннаго. Что внутри соціальной общины существуютъ преступники, что для защиты общества, для подавленія, устраненія и исправленія преступной воли уголовный законъ долженъ дѣйствовать во всеоружіи, — это разумѣется само собою, но въ виду именно этого огромнаго аппарата все наше соціальное чувство должно прежде всего заботиться о томъ, чтобы онъ не задѣлъ безвинно другого человѣка, потому что другой равенъ намъ самимъ. Пусть лучше сто виновныхъ избѣгнутъ заслуженнаго наказанія, чѣмъ допустить, чтобы самая ничтожная непріятность постигла одного невиннаго.

Поэтому истинныя различія заключаются не въ уголовномъ правѣ, а въ уголовномъ судопроизводствѣ. Въ очень рѣзкой формѣ можно это выразить такъ: обвиняемый передъ нѣмецкимъ судомъ считается виновнымъ, пока онъ не докажетъ своей невинности, передъ американскимъ же судомъ обвиняемый считается невиннымъ, пока не будетъ доказана его вина. Одинъ примѣръ можетъ здѣсь освѣтить всю картину: кто въ Соединенныхъ Штатахъ обвинялся въ убійствѣ или какомъ-нибудь другомъ преступленіи и былъ по суду оправданъ, тотъ не можетъ до конца своей жизни быть привлеченъ къ суду за то же преступленіе, хотя бы открылись совершенно новыя основанія для подозрѣній, хотя бы на лицо имѣлись вполнѣ ясныя улики и даже признаніе самого преступника. Американскій юристъ говоритъ, что государству была дана полная возможность доказать вину обвиняемаго. И если обвинителю, выступающему отъ лица общества, не удалось убѣдить судъ присяжныхъ, то предъ нами—юридически невинный человѣкъ, котораго принципіально необходимо оградить отъ жестокости возобновляемыхъ обвиненій. Американскому правосознанію германское судопроизводство, напримѣръ, представляется господствомъ произвола, который, по отзыву выдающихся юристовъ, можетъ быть выносимъ только благодаря прекрасному личному составу

судейскаго персонала. Американскіе юристы утверждаютъ, что половина изъ того, что допускается въ процессѣ въ нѣмецкихъ судахъ, и двѣ трети того, что допускается во французскихъ, было бы абсолютно невозможно при судопроизводствѣ, основанномъ на томъ принципѣ, что всякій человѣкъ невиненъ, пока не доказано какое-либо его преступленіе.

Очень характерно поэтому также различіе въ отношеніи къ присягѣ. Американцу незнакомо германское разграниченіе ложной и ошибочной клятвы; клятва, основанная на «имѣющихся свѣдѣніяхъ и доброй совѣсти» допускается безъ всякихъ оговорокъ, и потому два противоположныхъ показанія подъ присягою не только считаются возможными, но и встрѣчаются въ судахъ ежедневно; нѣмецкое же правило, по которому принести присягу предлагается одной сторонѣ, причемъ для другой присяга считается уже недопустимою, это правило американскому правосознанію представляется чѣмъ-то вопіющимъ. Къ явленіямъ той же категоріи принадлежитъ и требованіе, чтобы рѣшеніе присяжныхъ было единогласно. Двѣнадцать присяжныхъ не могутъ оставить суда до тѣхъ поръ, пока они не вынесутъ своего вердикта, и это значитъ, что они часто по нѣсколько дней ѣдятъ и спятъ въ судѣ, чтобы на нихъ не могло быть оказано никакое вліяніе извнѣ. Если же они въ концѣ-концовъ все-таки не приходятъ къ единогласному рѣшенію, то ни виновность, ни невиновность не считается правомѣрно доказанной; процесса какъ будто не было, и прокурору предоставляется право снова возбудить обвиненіе. Законную силу имѣетъ только единогласный вердиктъ «виновенъ» или «не виновенъ». Здѣсь же надо отмѣтить и то чрезвычайное значеніе, которое имѣютъ приказы судьи о задержаніи и, прежде всего, разъясненія къ Habeas corpus; разъясненія эти американцами сводятся къ «Великой Хартіи», въ которой было сказано, что ни одинъ свободный человѣкъ не можетъ быть лишенъ жизни, свободы или имущества иначе, какъ по судебному приговору равныхъ себѣ и согласно законамъ страны.

Такимъ образомъ, окидывая общимъ взглядомъ все судебное дѣло въ странѣ, взятое въ цѣломъ, испытываешь при видѣ этого огромнаго аппарата совершенно такое же чувство, какъ и въ Германіи,—что за преступленіе дается возмездіе, что общество охраняется, что виновный подвергается наказанію, но въ области американскаго права это уваженіе передъ закономъ сопровождается инстинктивно болѣе глубокимъ чувствомъ увѣренности въ томъ, что невинный не подвергается опасности. Каждое судебное засѣданіе какъ бы оттѣняетъ яснѣе эту отрицательную сторону процесса, именно, что права обвиняемаго должны охраняться. И если человѣку, мало знакомому съ дѣ-

ломъ, при этихъ словахъ, быть-можетъ, смутно припоминаются газетныя сообщенія и розсказни о подкупности американскихъ судовъ, то достаточно здѣсь привести слова Шота, стоящаго во главѣ американскихъ юристовъ. Незадолго до своего отправленія въ Англію въ качествѣ посланника онъ, будучи предсѣдателемъ собранія юристовъ, произнесъ рѣчь о положительныхъ и отрицательныхъ сторонахъ суда присяжныхъ. О теоретической возможности подкупа онъ считалъ возможнымъ почти не говорить, такъ какъ, по его увѣренію, въ продолженіе его сорокалѣтней адвокатской дѣятельности не было ни одного случая, когда бы хотя на одного члена суда пало подозрѣніе въ подкупности. Ненадежный судъ совершенно уничтожилъ бы собою самую основу американской соціальной жизни. Когда люди внутренно дѣйствительно вѣрятъ въ свою равноцѣнность, то правосознаніе должно сильно развиться, и среди требованій права самымъ высшимъ должно считаться требованіе, чтобы невинный былъ огражденъ отъ всѣхъ опасностей, которыми могутъ грозить предразсудки и интересы власти, ненависть и произволъ.

Мы нарисовали свѣтлую картину американскаго сознанія объ общемъ равенствѣ, но въ этой картинѣ надо наложить и нѣкоторыя тѣни. Что онѣ существуютъ, этого никто не отрицаетъ, и кто ихъ защищаетъ, тотъ не можетъ считать, будто дурное не дурно, а полагаетъ только, что это дурное надо принимать такимъ, каково оно есть, разъ не желательно потерять болѣе важныя хорошія стороны. Одно обстоятельство немедленно бросается въ глаза иностранцу: тамъ, гдѣ господствуетъ вѣра въ равноцѣнность людей, все насильственно ведетъ къ единообразію; духъ товарищества не благопріятствуетъ индивидуальной дифференціаціи. Безразлично, касается ли единообразная мода шляпъ и галстуковъ или религіи и міросозерцанія,—мы желаемъ прежде всего доказать свою равноцѣнность тѣмъ, что не отличаемся отъ другихъ. Въ области внѣшнихъ жизненныхъ условій однообразію способствуетъ экономическій строй. Съ одной стороны производство невольно обращается къ предметамъ массоваго потребленія, которые въ огромномъ количествѣ распространяются по всей странѣ; во всѣхъ витринахъ, отъ Нью-Іорка до С. Франциско, съ каждымъ сезономъ появляются однѣ и тѣ же новыя моды и изобрѣтенія, одинаковая мебель и одинаковые предметы художественной промышленности. Съ другой стороны, американецъ, по своимъ привычкамъ, склоненъ часто мѣнять окружающіе его предметы. Эта привычка объясняется низкими цѣнами на продукты фабричнаго производства и чрезвычайно высокими цѣнами за продукты ручного труда, слѣдовательно и за всякаго рода починки; часто покупать новое

бѣлье и новую обувь—дешевле, чѣмъ отдавать въ починку старое, и благодаря этому каждый легко можетъ слѣдовать измѣнчивой модѣ. Если сегодня появляется новый сортъ воротниковъ, то завтра изъ тысячъ гарвардскихъ студентовъ едва ли найдется десятокъ такихъ, которые еще носятъ воротники, бывшіе въ модѣ вчера. Кромѣ того, здѣсь играетъ роль и благопріятное общее экономическое положеніе, позволяющее очень большому кругу лицъ не ограничиваться одними только предметами первой необходимости, но и пользоваться модными предметами роскоши или, по крайней мѣрѣ, поддѣлками подъ нихъ.

Но если широкое распространеніе благосостоянія способствуетъ быстрому распространенію моды, то съ другой стороны ясно, что богатство само по себѣ могло бы съ такимъ же успѣхомъ служить средствомъ для внѣшней дифференціаціи; если же оно въ Америкѣ совершенно не играетъ этой роли, то причиною являются, въ концѣ-концовъ, не экономическія условія, а соціальныя воззрѣнія. Желаніе дѣлать то же, что и другіе, дѣйствительно окрашиваетъ собою всю внутреннюю жизнь. Каждый долженъ участвовать въ одномъ и томъ же спортѣ, каждый долженъ прочитать одинъ и тотъ же романъ не потому, что считаетъ его за лучшій, а потому, что другіе его читаютъ; почувствовать свое внутреннее единство съ соціальнымъ цѣлымъ можно, только желая, любя и ненавидя то же, что и другіе. Люди, желающіе быть не такими, какъ другіе, невольно должны поэтому тотчасъ же дойти до крайности; они инстинктивно исключаются изъ общества и отбрасываются, въ качествѣ нелѣпыхъ или взбаламошныхъ, на периферію, гдѣ для цѣлаго они уже безполезны. Между многими, которые во всемъ слѣдуютъ другимъ, и немногими, идущими прямо противоположнымъ путемъ, есть слишкомъ мало промежуточныхъ ступеней. Поэтому болѣе тонкіе оттѣнки личности легко стираются. Американцы всѣ похожи другъ на друга, какъ похожи другъ на друга, напримѣръ, офицеры въ арміи; они похожи не только по мундирамъ, но и по своему волевому складу, въ которомъ вмѣстѣ съ чувствомъ товарищества развивается единообразіе.

Безспорно, во многихъ отношеніяхъ наклонность американцевъ къ изобрѣтательству противодѣйствуетъ этому однообразію, и придумываніе новыхъ неожиданностей, новыхъ видовъ возбужденія, новыхъ рѣшеній для старыхъ вопросовъ составляетъ предметъ постоянныхъ стараній въ американскомъ обществѣ, но сами эти старанія, въ свою очередь, являются только особой формою спорта, которому всѣ одинаково предаются. Маленькій городъ подражаетъ большому, сельское населеніе хочетъ быть похожимъ на горожанъ, ни одна профессія

не желаетъ сохранить своей особой соціальной окраски, и чѣмъ сильнѣе нація проникается, особенно благодаря печати и политикѣ, сознаніемъ своего единства, тѣмъ болѣе исчезаютъ въ этой гигантской комбинаціи джентльменовъ и леди, которые, будучи высоко или низко поставлены, не желаютъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только джентльменами и леди,—тѣмъ болѣе исчезаютъ въ соціальной жизни всѣ различія мѣстностей и профессій. И теперь еще совсѣмъ не трудно отличить джентельмена изъ Омага отъ нью-іорскаго джентельмена, но что касается до его собственныхъ намѣреній, то онъ самъ принципіально не желалъ бы, чтобы было замѣтно какое-нибудь различіе. Западъ и Востокъ, а начиная съ недавняго времени даже Югъ и Сѣверъ, носятъ одинъ и тотъ же обликъ, и во многихъ мѣстахъ уже раздаются разумные голоса, старающіеся возбудить именно мѣстное сознаніе въ противовѣсъ національному единообразію. Люди аппелируютъ къ провинціализму, чтобы освободиться отъ этой системы голаго взаимнаго подражанія, но едва ли возможно обманываться насчетъ того, что наиболѣе глубоко заложенныя стремленія этого соціальнаго цѣлаго не благопріятствуютъ дѣйствительному развитію какихъ-либо особенностей.

Опасныя стороны единообразія носятъ по преимуществу эстетическій характеръ, хотя нельзя не видѣть, что единообразіе слишкомъ легко ведетъ къ интеллектуальной посредственности, а при извѣстныхъ условіяхъ можетъ даже способствовать нравственной вялости. Чисто же этическій характеръ носятъ дурныя послѣдствія того добродушія, которымъ проникнута вся американская жизнь. Любезное добродушіе является въ извѣстномъ смыслѣ главнымъ достоинствомъ американца; въ другомъ смыслѣ оно является его главнымъ недостаткомъ. Исключительно по своему добродушію онъ готовъ со всякимъ согласиться, чтобы не спорить, и благодаря этому всѣ попытки къ энергичнымъ реформамъ наталкиваются на скрытое сопротивленіе. Отдѣльный человѣкъ, какъ и вся нація, рѣшительно не обладаетъ способностью раздражаться. Всякій избавляетъ себя, а главное—другого отъ этой непріятной формы возбужденія; такъ какъ страна процвѣтаетъ и дѣла у всѣхъ идутъ хорошо, то никто не желаетъ поднимать шума изъ-за того, что кто-нибудь превысилъ свои полномочія, или извлекаетъ такія выгоды, какихъ ему не слѣдуетъ, или злоупотребляетъ своимъ экономическимъ могуществомъ. Среди товарищей никому не хочется брать на себя роли строгаго нравственнаго судьи.

Но надежды страны, восклицалъ еще недавно одинъ серьезный наблюдатель, должны возлагаться не на любезныхъ людей, съ лица которыхъ никогда не сходитъ улыбка, а на такихъ, въ которыхъ, когда надо, разгорается пылкій энтузіазмъ;

пылью покрывается страна, никогда не испытывающая сильнаго возбужденія, паутина экономическихъ интересовъ постепенно покрываетъ тогда все возвышенное и въ концѣ концовъ заглушаетъ идеалы. Добродушіе всюду въ Соединенныхъ Штатахъ способствуетъ развитію самодовольства, и далеко не самыми плохими друзьями страны являются тѣ, которые желаютъ ей испытать опять «плохія времена», чтобы эта вѣчно любящая улыбка и эта спокойная терпимость уступили мѣсто сильному душевному разряду. Столкновеніе съ Испаніей не вызвало ничего подобнаго: это было небольшое возбужденіе,, которое можно принять за болѣе или менѣе сильно дѣйствующее развлеченіе, а легкая война въ концѣ концовъ, разумѣется усилила во всѣхъ отношеніяхъ это чувство добродушнаго спокойствія, которое не нарушается дѣлами какого-нибудь товарища. Общественную совѣсть скорѣе уже волнуютъ большія несчастія, углубляемыя небрежнымъ исполненіемъ обязанностей, какъ, напримѣръ, пожаръ театра въ Чикаго; здѣсь стало ясно, какъ опасна можетъ сдѣлаться добродушная терпимость.

Но гуще всего тѣни ложатся тамъ, гдѣ духъ соціальнаго равенства стремится уничтожить такія различія, которыя неизбѣжно существуютъ въ школѣ, въ воспитаніи и даже во всякой жизни семьи. Быть-можетъ, это—реакція противъ чрезмѣрно строгаго воспитанія прежнихъ поколѣній. Во всякомъ случаѣ безсмысленно господствующее теперь въ педагогикѣ основное правило, въ силу котораго представленіе о равенствѣ изъ соціальнаго міра взрослыхъ переносится въ дѣтскую. Неоспоримою истиной считается, что всякое принужденіе и, если возможно, всякое наказаніе не должно имѣть мѣста въ воспитаніи, что всякое исправленіе и всякій успѣхъ долженъ быть достигнутъ только путемъ обращенія къ здравому смыслу и къ доброй волѣ ребенка. Соотвѣтственно этому взгляду все воспитаніе и обученіе направляется по линіи наименьшаго сопротивленія. Ребенку предоставляется всецѣло слѣдовать собственнымъ склонностямъ, и все это, въ сущности, лишь конечный выводъ изъ признанія соціальнаго равенства между всѣми человѣческими личностями. Принуждать другого—будь это даже незрѣлый мальчикъ—значитъ оскорблять свободу его личности, унижать его и такимъ образомъ пріучать къ чувству зависимости, которое какъ будто противорѣчитъ нравственному духу американца. Лучшіе люди понимаютъ, конечно, что отсутствіе дисциплины еще не есть свобода, что сила не закаляется, если она всегда дѣйствуетъ по линіи наименьшаго сопротивленія и не пріучена преодолѣвать треніе. Но масса не задумывается надъ всѣмъ этимъ, она предпочитаетъ спокойно

смотрѣть, какъ даже въ семьѣ ослабѣваютъ узы уваженія, чѣмъ отказаться отъ излюбленнаго догмата.

Безспорно, природа исправляетъ многіе изъ этихъ недостатковъ. Быть-можетъ, главную роль здѣсь играетъ спортъ, рано вносящій элементъ строгой дисциплины въ жизнь каждаго американскаго мальчика. При этомъ американскій принципъ остается неприкосновеннымъ, такъ какъ обязательство подчиняться чрезвычайно строгимъ правиламъ, которое въ общей игрѣ налагается на каждаго участника, есть результатъ собственнаго самоопредѣленія. Мальчикъ самъ искалъ себѣ товарищей по игрѣ; если бы онъ самъ выбралъ себѣ и родителей, то ничего нельзя было бы возразить противъ того, чтобы и они держали его въ строгой дисциплинѣ, а не баловали и потакали его капризамъ. Не будь спорта и напряженной конкуренціи въ общественной жизни — этихъ элементовъ, играющихъ воспитательную роль, то было бы почти совершенно непонятно, какимъ образомъ изъ этихъ избалованныхъ дѣтей могутъ выростать такіе внутренне-дисциплинированные и легко организующіеся люди. Но признаки недисциплинированности все же сохраняются всюду, гдѣ внѣшняя форма искусственно навязана, а не выбрана самимъ дѣйствующимъ лицомъ. Въ тѣхъ случаяхъ, напримѣръ, когда военная дисциплина требуетъ чего-нибудь, какъ будто противорѣчащаго «здравому смыслу», свободный американецъ никогда не забываетъ, что мундиръ— только нѣчто второстепенное и внѣшнее, не имѣющее ничего общаго съ его личностью, и даже командующій генералъ прибѣгнетъ черезъ печать къ помощи общественнаго мнѣнія. Въ умственной сферѣ мы видимъ ту же черту, и здѣсь она проявляется въ безцеремонности сужденій. Каждый считаетъ возможнымъ судить о каждомъ; лучшіе люди часто легкомысленно втаптываются въ грязь, потому что всякій, сознающій свою внутреннюю равноцѣнность и желающій отстоять свою самостоятельность, слишкомъ легко бываетъ склоненъ думать, что для этого прежде всего надо совсѣмъ не интересоваться болѣе глубокими знаніями, болѣе основательнымъ образованіемъ, болѣе выдающеюся дѣятельностью другого.

Но мы еще ничего не сказали о тѣхъ, чья самостоятельность и чье притязаніе на равноцѣнность придаютъ американской жизни самое своеобразное выраженіе: мы еще ничего не сказали о самостоятельности женщины. Однако, неудобно изъ темы объ американкахъ сдѣлать только приложеніе къ другой главѣ; онѣ составляютъ особую самостоятельную главу, а иной человѣкъ, изучающій американскую жизнь, быть-можетъ, сказалъ бы, что онѣ составляютъ всю исторію.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Самостоятельность женщины.

Говорятъ, что Соединенные Штаты—единственная страна, гдѣ родители бываютъ нѣсколько разочарованы, когда у нихъ рождается мальчикъ, и радуются отъ всей души только при появленіи на свѣтъ дѣвочки. Кто станетъ порицать ихъ за это? Чего можетъ, въ сущности, достигнуть ихъ отпрыскъ мужского пола? Онъ долженъ будетъ рано приняться за работу, для того, чтобы его сестры имѣли возможность свободно развиваться. Быть-можетъ, онъ создастъ себѣ извѣстное положеніе, но прежде всего для того, чтобы его жена играла роль въ обществѣ. Быть-можетъ, онъ достигнетъ богатства, но прежде всего для того, чтобы его дочери могли имъ наслаждаться. Всю жизнь онъ долженъ будетъ стоять на ногахъ для того, чтобы «она» могла сидѣть, онъ долженъ будетъ мучиться для того, чтобы «она» могла блистать. Есть ли здѣсь чему радоваться? Маленькая же принцесса въ колыбели имѣетъ полное основаніе веселыми глазами глядѣть на міръ. Она будетъ свободно наслаждаться всѣми преимуществами, которыми природа надѣлила женщину, и въ то же время спокойно будетъ брать и все то, что природа какъ будто предназначала только для мужчины. Ни одна дорога не будетъ закрыта для нея; она можетъ слѣдовать всякому влеченію своей души, и, избалованная, привыкшая властвовать, она пройдетъ свой жизненный путь. Выйдетъ ли она замужъ? Быть-можетъ, она не пожелаетъ, но никому тогда не придетъ въ голову объяснять это тѣмъ, что ей не удалось исполнить своего завѣтнаго желанія. Будетъ ли она счастлива? Судьбы человѣка, конечно, невозможно предсказать, но поскольку природа и общество, учрежденія и взгляды могутъ способствовать созданію счастливой жизни, постольку безспорно, все соединилось, чтобы вести юную американку къ счастью болѣе увѣреннымъ путемъ, чѣмъ этого можетъ ожидать отъ судьбы мужчина или женщина гдѣ-либо во всемъ остальномъ мірѣ. Является ли ея счастье также счастьемъ дома, общества, націи?

Объ американкѣ почти невозможно говорить, какъ о нѣкотораго рода типѣ. Южанка слишкомъ отлична отъ дочери Новой Англіи, уроженка Калифорніи совершенно не похожа на чикагскихъ женщинъ, и вообще различія населенія въ женщинахъ проявляются внѣшнимъ образомъ сильнѣе, нежели въ мужчинахъ. И тѣмъ не менѣе передъ нашимъ умственнымъ взоромъ стоитъ характерный типичный образъ; быть-можетъ, на него наложили слишкомъ сильный отпечатокъ фигуры дѣвушекъ изъ руководящихъ круговъ, такъ что его нельзя, собственно, считать вполнѣ типичнымъ, быть-можетъ, моделью для него слишкомъ часто служила юная студентка, быть-можетъ, здѣсь всплываетъ воспоминаніе о Гибсоновскихъ фигурахъ. И все же этотъ образъ юности можно безъ труда узнать еще и въ прекрасныхъ старыхъ женщинахъ, образъ дѣвушки изъ высшихъ круговъ—въ дѣвушкахъ самаго низшаго круга.

Американка обладаетъ высокой, стройной фигурою, которая держится прямо и увѣренно. Этимъ она напоминаетъ англичанку, но все же рѣшительно отличается отъ послѣдней. Англійская дѣвушка не ловка и не гибка, американка же прежде всего граціозна. Ея формы мягки и изящны, и наружность ея еще постоянно выигрываетъ благодаря увѣренному вкусу, съ которымъ она умѣетъ одѣваться. Ея лицо выражаетъ прежде всего рѣшимость и самообладаніе, но въ то же время съ рѣшимостью соединяется тонкое, лукавое выраженіе такта и любезности, а съ увѣреннымъ самообладаніемъ—вкрадчивая подвижность и какъ будто безудержное сочувствіе. Сила здѣсь не кажется стоящею въ противорѣчіи съ миловидностью, а сознаніе цѣли не кажется противорѣчіемъ съ игривою манерою. Глаза американки и мѣняющееся выраженіе лица говорятъ о богатствѣ и подвижности ея души, о живости ея интересовъ, объ ея остроуміи, проявляющемся въ легкой болтовнѣ, и въ то же время на ея лбу ясно написано, что эта голова умѣетъ серьезно думать, что она хочетъ серьезно знать и работать и не удовлетворится только тѣмъ, чтобы играть въ любовь и нравиться.

И вдругъ это выраженіе измѣняется такъ неожиданно, что напрасно задаешь себѣ вопросъ, не была ли эта энергія и это стремленіе къ знанію только спортомъ и капризомъ, не была ли энергія просто безсердечнымъ расчетомъ, а богатая игра мысли—элегантной поверхностностью? Не лежитъ ли здѣсь въ самой основѣ только погоня за наслажденіемъ? Является ли это стремленіе къ независимости дѣйствительно нравственной самостоятельностью, а рѣшимость—дѣйствительно нравственнымъ мужествомъ, или же и эмансипація есть только продуктъ

скуки и потребности въ возбужденіи, а рѣшимость всего хотѣть просто отраженіе окружающей среды, которая готова все давать? Могла ли бы, однако, эта стройная фигура быть такъ мила и увлекательна, если бы ея глаза и черты не вызывали сомнѣній и нерѣшенныхъ вопросовъ, если бы все здѣсь казалось яснымъ, простымъ и опредѣленнымъ? Женщина всюду полна противорѣчій, и если американка отличается отъ всѣхъ другихъ женщинъ, то только тѣмъ, что въ ея лицѣ противорѣчія кажутся болѣе современными, болѣе запутанными и болѣе неразрѣшимыми.

Но напрасно мы станемъ говорить объ американкѣ, не выяснивъ сперва подробно ея отношеній къ окружающей средѣ, общаго фона, на которомъ проходитъ ея существованіе, нравовъ и порядковъ, среди которыхъ она выростаетъ и проводитъ свою жизнь. Мы должны говорить о воспитаніи и обученіи, объ образованіи женщинъ и о женскихъ профессіяхъ, о положеніи женщины въ семьѣ и въ обществѣ, о ея вліяніи и борьбѣ,—и лишь тогда мы получимъ возможность критически отнестись къ ней и опредѣлить, какія черты въ американской женщинѣ хороши и какія опасны.

Жизнь американки складывается иначе, чѣмъ у ея европейскихъ сестеръ, уже съ того дня, когда она впервые переступаетъ порогъ школы. Обученіе въ общественныхъ школахъ ведется совмѣстно для мальчиковъ и дѣвочекъ; въ младшихъ классахъ это — правило почти безъ исключеній, въ старшихъ классахъ мы видимъ то же въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ. Изъ 628 городовъ, существующихъ въ странѣ, 587 ввели совмѣстное обученіе во всѣхъ общественныхъ школахъ, отъ младшихъ до самыхъ старшихъ классовъ, а изъ остальныхъ городовъ только 13, всѣ расположенные въ восточной части страны, имѣютъ для мальчиковъ и дѣвочекъ совершенно отдѣльныя школы съ полнымъ числомъ классовъ. Въ деревняхъ совмѣстное обученіе проведено всюду. Въ частныхъ городскихъ училищахъ мы видимъ сравнительно часто раздѣльное обученіе, но вѣдь именно въ общественныхъ школахъ обучается 91% всего молодого поколѣнія, и въ нихъ сообща учатся 7,700,000 мальчиковъ и 7,600,000 дѣвочекъ.

Такое положеніе создалось не сразу. Процессъ развитія совершался въ различныхъ штатахъ далеко неодинаково, да и различные виды школъ развивались совсѣмъ не параллельно. Совмѣстное обученіе, существовавшее первоначально лишь на низшихъ ступеняхъ, постепенно проникало въ высшія, и въ то время, какъ Западъ принялъ его сразу, консервативный Востокъ принялъ его только послѣ долгой борьбы. Значительную роль играли при этомъ соображенія практической необходи-

мости, особенно соображенія экономіи, но все же мы имѣемъ здѣсь передъ собою дѣйствительную побѣду принципа. Не подлежитъ сомнѣнію, что, оставляя совершенно въ сторонѣ вопросъ о расходахъ, подавляющее большинство народа въ настоящее время смотрѣло бы какъ на недопустимый шагъ назадъ, если бы было введено раздѣльное обученіе для мальчиковъ и дѣвочекъ даже только въ возрастѣ отъ 14 до 18 лѣтъ. Теоретически этотъ вопросъ постоянно подвергался обстоятельному обсужденію, подвергается ему и теперь, но общій выводъ все же тотъ, что нація считаетъ великій экспериментъ удавшимся. Это не значитъ, конечно, что американецъ легкомысленно игнорируетъ въ воспитаніи различія половъ. Всякій вполнѣ сознаетъ, что умственныя, нравственныя и физическія силы обоихъ половъ не одинаковы, и что развитіе ихъ должно быть направлено къ различнымъ цѣлямъ. Но американская школьная система, какъ мы видѣли, и сама по себѣ допускаетъ очень большую свободу въ выборѣ изучаемыхъ предметовъ. Дѣвочки, можетъ-быть, станутъ больше выбирать французскій языкъ тамъ, гдѣ мальчики отдадутъ предпочтеніе латинскому, а нѣкоторые предметы и включаются въ программу исключительно для одной половины учащихся: таковы, напримѣръ, шитье, варка, работа на пишущей машинѣ—для дѣвочекъ, обученіе ручному труду—для мальчиковъ.

Кромѣ того, высказывается такой взглядъ, что если мальчики и дѣвочки получаютъ дома за общимъ столомъ одну и ту же пищу, которая однако идетъ на отправленіе очень различныхъ тѣлесныхъ функцій, то и одинаковая духовная пища можетъ точно такъ же совершенно различнымъ образомъ усвоиваться, что она, слѣдовательно, нисколько не идетъ въ разрѣзъ съ естественными различіями душевнаго склада. Важно, говорятъ намъ, только то, чтобы пища давалась самая лучшая, чтобы обученіе было основательно, и часто выражается опасеніе, что женскія школы легко могутъ опуститься до болѣе низкаго уровня по сравненію съ мужскими, если онѣ будутъ внѣшнимъ образомъ раздѣлены. Одинаковая основательность обезпечивается только при томъ условіи, если существуетъ одна единая школа. Противники этого взгляда жалуются, правда, что эта единая школа по всему своему духу есть собственно мужская школа, въ которую дѣвочки допускаются лишь внѣшнимъ образомъ и которая совсѣмъ не приспособляется достаточно къ особенностямъ женской природы.

Но главный доводъ, собственно говоря, заключается не въ единствѣ обученія, а въ томъ, что дѣвочки и мальчики находятся вмѣстѣ. Процвѣтаніе дорогихъ частныхъ училищъ въ большихъ городахъ доказываетъ, конечно, что есть не мало

лицъ, желающихъ, чтобы ихъ сыновья учились только вмѣстѣ съ мальчиками, а дочери только вмѣстѣ съ дѣвочками. Но нація въ цѣломъ осуждаетъ эту точку зрѣнія; она твердо стоитъ на томъ, что если мальчики и дѣвочки вмѣстѣ ростутъ въ родительскомъ домѣ, если впослѣдствіи, сдѣлавшись взрослыми, они должны искать себѣ пары для прочнаго союза, то и въ обученіи надо использовать живую взаимную связь между обоими полами. Дѣвочки, говорятъ намъ, умственно и нравственно укрѣпляются благодаря совмѣстной работѣ съ мальчиками, и въ нихъ развивается энергія; мальчики же благодаря постоянному соприкосновенію съ болѣе нѣжнымъ поломъ становятся деликатнѣе, у нихъ развивается любовь къ изящному, они эстетически воспитываются. И если теоретики опасались, что результатъ можетъ получиться обратный, что мальчики просто сдѣлаются нѣженками, истеричными, а дѣвочки станутъ подражать грубымъ мальчишескимъ манерамъ, то практическій опытъ единодушно опровергаетъ эти опасенія.

Еще болѣе неосновательными оказались, однако, страхи тѣхъ, кто изъ нравственныхъ соображеній желалъ разъединить мальчиковъ и дѣвочекъ, особенно въ старшихъ классахъ. Поскольку въ такой сложной области, гдѣ встрѣчаются милліоны различныхъ оттѣнковъ, допустимы простыя формулы, результатъ всего опыта націи могъ бы, пожалуй, быть выраженъ слѣдующимъ образомъ: совмѣстное пребываніе въ школѣ уменьшаетъ напряженность полового чувства. Совмѣстная умственная работа, общее честолюбіе, общій страхъ — все это пробуждаетъ сознаніе товарищества и уменьшаетъ чувство различія. Дѣвочки и мальчики, которые ежедневно и ежечасно слышатъ другъ друга, отвѣчая уроки и рѣшая задачи на доскѣ, перестаютъ быть другъ для друга предметомъ романтической тоски и полу-мистической идеализаціи. Можно скорбѣть объ этомъ результатѣ, если стоять на другой точкѣ зрѣнія, можно считать именно желательнымъ такой романтизмъ по соображеніямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ школой, но надо признать, что ослабленіе этой незрѣлой чувственности въ періодъ развитія придаетъ чистоту отношеніямъ между полами, дѣлаетъ ихъ сильными и здоровыми какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ смыслѣ. Нездоровая односторонность здѣсь исчезаетъ. Подобно тому какъ въ стереоскопѣ лишь благодаря соединенію обоихъ плоскихъ изображеній получается нормальное чувство глубины, такъ и здѣсь благодаря постоянному соединенію обоихъ различныхъ воззрѣній создается нормальное чувство реальности.

Школа указываетъ такимъ образомъ путь, по которому идетъ затѣмъ общеніе и въ соціальной жизни. Всюду, отъ

дѣтскихъ лѣтъ до зрѣлой юности, свободное отъ всякаго надзора общеніе между мальчиками и дѣвочками считается чѣмъ-то вполнѣ естественнымъ и невиннымъ. Только искусственнымъ разъединеніемъ, говоритъ американецъ, вызывается то нездоровое возбужденіе фантазіи, благодаря которому въ отношенія между полами на европейскомъ континентѣ примѣшивается столько фривольныхъ и скользкихъ элементовъ. Нравственная атмосфера Соединенныхъ Штатовъ, безъ сомнѣнія, болѣе свободна отъ міазмовъ. Конечно, этому много способствуетъ меньшая чувственность и болѣе холодный темпераментъ американцевъ, но едва ли можно отрицать, что товарищеское общеніе мальчиковъ и дѣвочекъ, начиная съ самаго ранняго школьнаго возраста и до перехода къ супружеской жизни, съ своей стороны также оказываетъ очень сильное очищающее вліяніе. Съ малыхъ лѣтъ мальчикъ чувствуетъ себя естественнымъ защитникомъ и рыцаремъ своей болѣе нѣжной подруги по играмъ, и какъ десятилѣтняя дѣвочка въ дѣтской, такъ и двадцатилѣтняя барышня въ гостиной всегда можетъ одна принимать своихъ друзей, даже когда родителей нѣтъ дома. Благодаря задорному флирту сознаніе различій при этомъ никогда не исчезаетъ, но общій строй чувствъ дѣлаетъ совершенно невозможнымъ какой-нибудь дурной шагъ или слишкомъ большую вольность. Мальчикъ чувствуетъ глубочайшее уваженіе къ своей подругѣ, какъ къ собственной сестрѣ, и дѣвочка не можетъ нигдѣ быть въ большей безопасности, чѣмъ подъ его охраною. Любезность европейца въ сущности эгоистична: онъ ухаживаетъ, чтобы выиграть, онъ льститъ, чтобы понравиться; американецъ же своей любезностью хочетъ не соблазнить, а служить. Онъ не играетъ игру своимъ подчиненіемъ, а дѣйствительно уступаетъ женщинѣ первое мѣсто.

Разъ дѣвочки и мальчики получаютъ въ школѣ не только равноцѣнное, но и совершенно одинаковое образованіе, то логически отсюда непосредственно вытекаетъ, что и дальнѣйшее обученіе ихъ должно итти параллельно. Мы видѣли, какое своеобразное положеніе, почти несравнимое со всѣмъ, что существуетъ въ Германіи, занимаетъ американскій колледжъ, это промежуточное звено между среднимъ учебнымъ заведеніемъ и университетомъ, дающимъ уже спеціальное образованіе. Здѣсь въ продолженіе четырехъ лѣтъ совершается умственная работа въ такихъ формахъ, которыя во многихъ отношеніяхъ напоминаютъ нѣмецкій университетъ, въ другихъ—нѣмецкую среднюю школу. Мы видѣли, какъ колледжъ удаляетъ молодого человѣка, въ возрастѣ приблизительно отъ восемнадцати до двадцати двухъ лѣтъ, изъ домашней обстановки и переноситъ въ новый маленькій міръ, гдѣ царятъ идеалы, въ акаде-

мическій міръ, расположенный вокругъ идиллическаго двора колледжа. Мы видѣли, какъ въ эти годы преслѣдуется двоякая цѣль: съ одной стороны, первое приближеніе и подготовка къ будущей спеціальности, особенно для тѣхъ, кто впослѣдствіи поступаетъ на спеціальные факультеты, съ другой—продолженіе гуманитарнаго образованія, полученнаго въ школѣ. Мы видѣли, наконецъ, что сотни этихъ колледжей представляютъ собою цѣлый рядъ постепенныхъ переходовъ, и что различные типы ихъ приспособлены къ неодинаковымъ потребностямъ отдѣльныхъ частей страны и къ разнообразнымъ соціальнымъ условіямъ; наиболѣе высоко стоящіе колледжи соотвѣтствуютъ, напримѣръ, по своей программѣ восьмому классу нѣмецкихъ гимназій и тремъ или четыремъ семестрамъ философскаго факультета германскихъ университетовъ, стоящіе же въ хвостѣ колледжи едва ли даютъ больше, чѣмъ седьмой классъ нѣмецкой гимназіи. Въ этихъ-то колледжахъ мы искали источниковъ всего лучшаго, что есть въ духовной жизни Америки; и эти колледжи широко раскрываютъ свои двери для женщинъ.

Совмѣстное обученіе мы находимъ здѣсь, правда, въ болѣе ограниченныхъ размѣрахъ. Консервативныя тенденціи восточныхъ колледжей препятствовали допущенію женщинъ въ самые выдающіеся институты, и преимущества чисто-женскихъ колледжей обнаружились такъ блестяще, что Востокъ едва ли откажется отъ своихъ традицій, хотя средніе и западные штаты считаютъ за оскорбленіе прирожденныхъ человѣческихъ правъ—создавать колледжи не для совмѣстнаго воспитанія обоихъ половъ. Борьба за совмѣстное обученіе въ колледжѣ была легче, чѣмъ борьба за такое же обученіе въ школѣ, потому что общая элементарная школа возникла съ самаго начала, какъ продуктъ данныхъ условій, требованіе же высшаго образованія для женщинъ появилось гораздо позднѣе, когда уже успѣли давно создаться опредѣленныя традиціи. Гарвардскій колледжъ просуществовалъ уже двѣсти лѣтъ, когда впервые одинъ американскій колледжъ открылъ женщинамъ доступъ въ свои стѣны; это былъ Оберлинскій колледжъ въ Ого, положившій начало новому движенію въ 1833 году. Спустя три года былъ открытъ первый женскій колледжъ въ Георгіи, сыгравшій роль піонера на Югѣ.

Но дальнѣйшіе шаги еще долго оставались медленными. Лишь въ 1862 году, когда правительство отдало десять милліоновъ акровъ земли на устройство и содержаніе учебныхъ заведеній и число высшихъ школъ, особенно на Западѣ, благодаря этому сильно возросло, сразу было признано за общее правило, что женщины всюду въ новыхъ колледжахъ должны имѣть равныя права съ мужчинами. Съ этого времени во всей

странѣ, за исключеніемъ восточныхъ областей, совмѣстное посѣщеніе колледжей и университетовъ молодыми людьми обоего пола становится все болѣе обычнымъ явленіемъ. Всѣ университеты и колледжи, содержимые на средства штатовъ, открыты для женщинъ, а изъ институтовъ, устроенныхъ на частныя пожертвованія, прежде всего приняли то же правило университетъ Брауна, Чикагскій, Корнеллевскій, Леланда Станфорда и Пенсильванскій; въ университетахъ Іэльскомъ, Колумбійскомъ и Джонса Гопкинса женщинамъ открытъ доступъ только на спеціальные факультеты, но не въ колледжи. Статистика показываетъ, что изъ всѣхъ колледжей въ странѣ для совмѣстнаго обученія мужчинъ и женщинъ предназначалось въ 1880 году всего 51%, въ 1890 году 65%, въ 1900 году 72%. Но по существу болѣе важною является та вѣтвь, которая отвергаетъ совмѣстную жизнь и создаетъ для молодыхъ дѣвушекъ въ колледжахъ райское существованіе, гдѣ нѣтъ мужчинъ и нѣтъ змѣй.

Руководящая роль принадлежитъ, главнымъ образомъ, шести институтамъ, которые придали жизни въ женскихъ колледжахъ ея нынѣшнее значеніе. Первымъ по времени является колледжъ Вассора у Гудзона, основанный въ 1861 году; къ нему примыкаютъ колледжъ Уэльсли близъ Бостона, Брюнъ-Мавръ вблизи Филадельфіи, колледжъ Смита въ Нортгамптонѣ, колледжъ Радклиффа въ Кембриджѣ, колледжъ Барнарда въ Нью-Іоркѣ; далѣе слѣдуетъ цѣлый рядъ аналогичныхъ институтовъ, Голайоксій, Балтиморскій и многіе другіе, постепенно переходящіе въ такія учебныя заведенія, которыя, собственно, почти не отличаются отъ женскихъ гимназій. Въ 1900 году во всей странѣ число дѣвушекъ, посѣщавшихъ исключительно женскіе колледжи, равнялось 23.900, между тѣмъ какъ въ смѣшанныхъ колледжахъ и въ колледжахъ при университетахъ находилось 19.200 студентовъ—ровно четвертая часть всѣхъ питомцевъ этихъ колледжей. При этомъ достойно вниманія, что число студентовъ въ женскихъ колледжахъ съ 1890 года уменьшилось на 700, число же ихъ въ смѣшанныхъ колледжахъ увеличилось на 9000. Замѣтимъ мимоходомъ, что число студентокъ въ учительскихъ семинаріяхъ равняется 35 тысячамъ.

Въ женскихъ колледжахъ преподаютъ преимущественно женщины-лекторы; ихъ насчитывается 1744, что составляетъ свыше 71%, между тѣмъ какъ въ смѣшанныхъ колледжахъ 857 женщинъ, читающихъ лекціи, составляютъ всего 10% преподавательскаго персонала. Въ лучшихъ изъ университетовъ, открытыхъ для обоихъ половъ, какъ Чикагскій, Аннъ Арборъ, Леланда Станфорда, Боркли и другіе, женщины встрѣчаютъ въ качествѣ преподавателей почти исключительно мужчинъ. Самые

выдающіеся изъ женскихъ колледжей держатся различной политики; такъ, колледжъ Уэльсій управляется исключительно женщинами, колледжи Брюнъ-Мавръ, Вассара и Смита имѣютъ смѣшанное управленіе, а колледжи Радклиффа и Барнарда носятъ своеобразный хсрактеръ благодаря тому, что, согласно ихъ уставамъ, въ первомъ могутъ читать только преподаватели Гарвардскаго университета, во второмъ—только преподаватели Колумбійскаго. Эта связь съ названными университетами, создающаяся черезъ посредство личнаго состава преподавателей, обезпечиваетъ примыкающимъ къ нимъ женскимъ колледжамъ чрезвычайно высокій умственный уровенъ, и то же самое надо, конечно, сказать о совмѣстномъ обученіи женщинъ въ университетахъ Чикагскомъ и Станфорда, или въ большихъ, содержимыхъ на государственныя [средства, университетахъ, какъ Аннъ Арборъ; но всю прелесть и всю поэзію женскихъ колледжей можно понять, только побывавъ въ тихихъ уголкахъ Уэльсли и Брюнъ Мавра, Смита и Вассара.

Въ обширномъ, роскошно содержимомъ паркѣ разбросаны уютныя виллы и красивыя зданія для учебныхъ помѣщеній, для клубовъ и лабораторій, и здѣсь, вдали отъ міра, около тысячи дѣвушекъ, рѣдко моложе восемнадцати и рѣдко старше двадцати пяти лѣтъ, проводятъ четыре счастливыхъ года въ чистомъ наслажденіи работой и игрой. Здѣсь царитъ спортъ, гребля, теннисъ, гимнастика—все направлено къ тому, чтобы каждая студентка покидала колледжъ болѣе свѣжею, здоровою и сильною, чѣмъ была при поступленіи въ него, чтобы здѣсь оставался незнакомымъ типъ блѣдной, переутомленной неврастенички. Здѣсь въ миніатюрѣ царятъ такое же честолюбіе и соціальная сутолока, какъ въ большомъ мірѣ: здѣсь есть почетныя должности, собранія, клубы и партіи. Но значеніе имѣютъ только личность, талантъ и темпераментъ; богатство и общественное положеніе родителей не принимаются здѣсь во вниманіе. Здѣсь господствуетъ веселье; танцы и спектакли, праздники безъ счета смѣняются непрерывно, начиная съ торжественнаго открытія учебнаго года въ сентябрѣ и кончая заключительнымъ празднествомъ въ сентябрѣ. Но прежде всего здѣсь господствуетъ серьезность; ни одинъ день не проходитъ безъ того, чтобы нѣсколько часовъ не были посвящены добросовѣстной работѣ въ аудиторіяхъ или въ библіотекѣ,—безразлично, имѣется ли въ виду подготовка къ учительской дѣятельности или къ переходу на спеціальные факультеты, или же—что чаще бываетъ—цѣлью является просто гармоническое развитіе и усовершенствованіе личности. Кто видѣлъ эти фигуры цвѣтущихъ дѣвушекъ, въ ихъ свѣтлыхъ платьяхъ и съ древнеанглійской студенческой шапочкой на вьющихся волосахъ, въ

нишахъ библіотеки, или на театральныхъ представленіяхъ подъ открытымъ небомъ, или во время торжественныхъ преній, въ семинаріи или въ шествіи прощальнаго празднества, — тотъ знаетъ, что отсюда бьетъ въ американскую жизнь источникъ самаго чистаго и самаго нѣжнаго идеализма.

За этимъ слѣдуетъ спеціальное обученіе уже собственно въ университетѣ. Если во всей странѣ студентки колледжей превосходятъ своихъ товарищей-мужчинъ не только усердіемъ, но и успѣхами, если онѣ получаютъ первыя награды на экзаменахъ и вмѣстѣ съ мужчинами слушаютъ самые сухіе и трудные курсы, то не приходится уже повторять устарѣлыя глупости о недостаточномъ вѣсѣ мозга и о физіологическомъ слабоуміи, чтобы на этомъ основаніи закрывать двери спеціальныхъ факультетовъ передъ женщинами-конкурентками. И дѣйствительно, «школы для окончившихъ», соотвѣтствующія старшимъ семестрамъ философскаго факультета, юридическіе и медицинскіе факультеты открыты для женщинъ во всѣхъ университетахъ, содержимыхъ на государственныя средства, и въ нѣкоторыхъ частныхъ, существующихъ на пожертвованія. Тѣмъ не менѣе число женщинъ, готовящихся такимъ образомъ либо къ ученой дѣятельности, либо къ профессіи врача, адвоката и проповѣдника, не очень велико. На 44,000 студентокъ въ колледжахъ въ настоящее время приходится всего 1,253 обучающихся въ «школахъ для окончившихъ», а въ 1890 году ихъ было даже только 369; на спеціальныхъ факультетахъ число женщинъ едва перешло за тысячу и составляетъ только 3% всего числа студентовъ. Такимъ образомъ, американская студентка есть преимущественно студентка колледжей, и ея цѣлью является, главнымъ образомъ, законченное и прочное общее образованіе, соотвѣтствующее приблизительно курсу гимназіи и нѣсколькимъ семестрамъ философскаго факультета. Но принципіально женщинамъ не ставится никакихъ ограниченій, онѣ не лишены только изъ-за того, что онѣ—женщины, никакого «права», и здѣсь также единодушный отзывъ гласитъ, что въ техническомъ смыслѣ національный экспериментъ удался: о нравственномъ ущербѣ, о пониженіи общаго уровня преподаванія и о взаимной помѣхѣ въ занятіяхъ нигдѣ нѣтъ и рѣчи. И университетъ, въ концѣ-концовъ, открываетъ дорогу къ ученой дѣятельности.

Когда иностранцу приходится слышать о профессіональной дѣятельности американскихъ женщинъ, то его фантазію легко привлекаютъ къ себѣ элементы необычные; женщина въ костюмѣ адвоката или проповѣдника, женщина-врачъ, или женщина-профессоръ кажутся ему представительницами достигшихъ независимости женщинъ, и онъ слишкомъ легко забываетъ, какъ незначительно, въ сущности, число этихъ женщинъ

по сравненію съ тѣми, которыя сами содержатъ себя, обладая меньшей образовательной подготовкою. Но о профессіональной жизни американской женщины, о ея стремленіи работать, сдѣлаться независимой и такимъ образомъ отстоять свою равноцѣнность съ мужчиной въ соціальной сферѣ,—обо всемъ этомъ нельзя судить по однѣмъ лишь цифрамъ, потому что статистика показала бы гораздо большій процентъ работающихъ женщинъ въ другихъ странахъ, гдѣ стремленіе женщинъ къ самостоятельности на самомъ дѣлѣ гораздо слабѣе. Суть здѣсь не въ фактахъ, а въ мотивахъ. Можно почти сказать: европейская женщина участвуетъ въ работѣ потому, что страна слишкомъ бѣдна, и семья не можетъ прокормиться трудомъ одного лишь мужчины; американская же женщина участвуетъ въ работѣ потому, что желаетъ наполнить свою жизнь самостоятельнымъ содержаніемъ. Проѣзжая въ Европѣ по сельскимъ мѣстностямъ, видишь женщинъ за тяжелой полевой работою; для американца же въ этомъ не представляется надобности, т. е. для бѣлаго, такъ какъ негры, разумѣется, живутъ въ совершенно иныхъ условіяхъ. Проходя по деревнѣ, гдѣ-нибудь въ Новой Англіи, можно передъ каждымъ крестьянскимъ домомъ видѣть гамакъ, а нерѣдко изъ оконъ раздаются и звуки піанино: жены и дочери здѣсь и не подумали бы припять участіе въ полевыхъ работахъ. Къ городскимъ же профессіямъ всѣ тѣснятся, чтобы получить возможность независимаго существованія, чтобы приносить пользу и лучше работать на фабрикѣ, чѣмъ скучать въ крестьянскомъ домѣ, лучше учительствовать въ школѣ, чѣмъ дома заниматься никому ненужными вышиваніями.

Само собою разумѣется, что въ безконечно многихъ случаяхъ двигателемъ является просто нужда, что вся сѣть чисточеловѣческихъ мотивовъ здѣсь, какъ и вездѣ, оплетаетъ собою жизнь работающихъ классовъ; но если сравнить измѣненія чиселъ по различнымъ профессіямъ и вникнуть въ психологію отдѣльныхъ разрядовъ трудящихся, то станетъ особенно ясно, что рѣшающую роль здѣсь играетъ духъ самостоятельности, что профессіи, имѣющія какое-нибудь духовное содержаніе, все сильнѣе привлекаютъ женщинъ къ себѣ, и что женщины прекрасно понимаютъ, въ какихъ областяхъ стоитъ вытѣснять мужчинъ. Нѣтъ такой мужской профессіи, за исключеніемъ профессіи солдата и пожарнаго, къ которой женщина чувствовала бы себя не призванной. Такъ, между берегами Атлантическаго и Великаго океана мы находимъ 45 машинистокъ и истопницъ при паровозахъ, 91 звонаршу, 31 женщину при подъемныхъ машинахъ, 167 каменщицъ, 5 женщинъ-лоцмановъ, 190 содержательницъ манежей, 196 женщинъ-кузнецовъ, 625

угольщицъ, 3 завѣдующихъ аукціонною продажей и 1320 профессіональныхъ охотницъ.

Если оставить въ сторонѣ такія экстравагантныя явленія и принимать во вниманіе только большія группы, то профессіональная дѣятельность американской женщины выразится въ слѣдующихъ цифрахъ. Во время послѣдней переписи, въ 1900 г. занято было трудомъ, приносящимъ доходъ, 23.754.000 мужчинъ и 5.319.000 женщинъ; такимъ образомъ послѣднія составляли только 18% всего трудящагося населенія. При этомъ въ земледѣліи ихъ приходилось 971.000 на 9.404.000 мужчинъ, между тѣмъ какъ въ такъ называемыхъ либеральныхъ профессіяхъ 430.000 женщинъ противостоятъ 828.000 мужчинъ. Домашнимъ платнымъ трудомъ занято было 2.095.000 женщинъ и 3.485.000 мужчинъ, въ торговыхъ и посредническихъ предпріятіяхъ работало всего 503.000 женщинъ и 4.263.000 мужчинъ, а въ промышленныхъ 1.313.000 женщинъ и 5.772.000 мужчинъ. Участіе женщинъ въ трудѣ для заработка непрерывно возрастало. Въ 1890 году онѣ составляли лишь 17% всего числа трудящихся, а въ 1880 году только 15%. При этомъ, однако, положеніе дѣла совершенно неодинаково въ различныхъ частяхъ страны, и не только соотвѣтственно различнымъ преобладающимъ въ нихъ формамъ добывающаго труда, но соотвѣтственно различному уровню образованія. Чѣмъ выше стоитъ какая-либо часть страны, тѣмъ сильнѣе въ ней стремленіе женщинъ наполнить свою жизнь духовнымъ содержаніемъ. Изъ ста женщинъ, занятыхъ добывающимъ трудомъ въ сѣверныхъ приатлантическихъ штатахъ, напримѣръ, только 1,9% заняты въ земледѣліи, а 7,6% въ либеральныхъ профессіяхъ; 37,5% занимаются домашнимъ трудомъ, 12,9% въ торговлѣ и 40,1% въ промышленности. Наоборотъ, въ среднихъ южныхъ штатахъ изъ ста женщинъ только 7,6% работаютъ въ промышленности, всего 2,6% въ торговлѣ и только 4,4% посвящаютъ себя либеральнымъ профессіямъ.

Главный интересъ принадлежитъ, въ частности, этимъ либеральнымъ профессіямъ, домашнему труду и торговой дѣятельности женщинъ. Не лишнимъ будетъ привести слѣдующія цифры. Изъ либеральныхъ профессій учительская дѣятельность привлекаетъ къ себѣ подавляющее большинство женщинъ, и огромнымъ культурно-историческимъ фактомъ является то обстоятельство, что въ Америкѣ имѣется 327.000 учительницъ; въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ число ихъ возросло на 80.000, между тѣмъ какъ мужчинъ педагоговъ насчитывается всего 111.000. Число женщинъ-врачей увеличилось съ 4557 въ 1890 году до 7399 въ 1900-мъ, но оно не представляетъ собою угрожающей величины по сравненію съ 124.000 врачей муж-

чинъ. Учительницъ музыки и музыкальныхъ работницъ насчитывается 52.000, учительницъ рисованія 11.000; въ литературѣ участвуетъ 5984 женщинъ, между тѣмъ какъ еще въ 1890 году ихъ было меньше, а въ газетномъ мірѣ за десять лѣтъ изъ 888 журналистокъ образовалась цѣлая армія репортеровъ, насчитывающая 2193 человѣка. Кромѣ того 8000 женщинъ состоятъ на государственной службѣ, 1000 женщинъ-архитекторовъ создаютъ женскую архитектуру и 3405 занимаютъ должности духовныхъ лицъ.

Обращаясь къ домашнему труду, мы находимъ, конечно, на первомъ мѣстѣ интернаціональную армію горничныхъ; ихъ 1.283.000, и статистика не говоритъ, есть ли среди нихъ и такія, которыя, родившись въ странѣ отъ бѣлыхъ родителей, все же не считаютъ ниже своего достоинства фигурировать въ рядахъ этого милліона. Въ 1890 число лицъ этой категоріи уже равнялось 1.216.000, оно, слѣдовательно, увеличилось всего на 5,5%, между тѣмъ какъ приростъ населенія за тотъ же періодъ времени составилъ 20,7%, а увеличившееся благосостояніе, кромѣ того, вызвало большій спросъ на прислугу. Надо сравнить съ этими данными число сидѣлокъ, получившихъ спеціальную подготовку по уходу за больными. Ихъ занятіе утомительно, но оно отвѣчаетъ идеѣ независимой, представляющей самостоятельную цѣнность жизненной задачи, и ихъ число увеличилось съ 41.000 до 108.000, т. е. на 163%. Быстро возрастали также числа участницъ всѣхъ тѣхъ формъ домашняго труда, которыя оставляютъ человѣку его соціальную самостоятельность; число женщинъ, ведущихъ чужое хозяйство, увеличилось съ 86.000 до 147.000, а число дамъ, предлагающихъ домашніе обѣды достигло 59.455, увеличившись вдвое за послѣднія десять лѣтъ. Независимая профессія прачки привлекаетъ къ себѣ 325.000 человѣкъ, между тѣмъ какъ домашнихъ работницъ, находящихся въ зависимомъ положеніи, имѣется всего 124.000, противъ 2.454.000 мужчинъ въ той же категоріи трудящихся.

Еще большій приростъ мы видимъ въ части тѣхъ свободныхъ профессій, которыя связаны съ торговлей и посредническою дѣятельностью. Число женщинъ-страховыхъ агентовъ, въ 1890 году не достигавшее 5000, превысило 10.000; число бухгалтершъ увеличилось съ 27.000 до 74.000, число продавщицъ съ 58.000 до 149.000; число стенографистокъ и работающихъ на пишущихъ машинахъ даже учетверилось и съ 21.000 поднялось до 86.000; сюда надо присоединить еще 22.000 телефонистокъ и телеграфистокъ. Число лавочницъ мало увеличилось и осталось сравнительно небольшимъ; ихъ насчитывается 34.000 противъ 756.000 лавочниковъ; изъ оптовыхъ же магазиновъ всего

261 ведутся женщинами, между тѣмъ какъ соотвѣтствующее число мужчинъ равняется 42.000. Дѣятельность комми-вояжеровъ кажется привлекательною всего 946 женщинамъ, въ то время какъ изъ мужчинъ ею занимаются 91.000. Большой упадокъ обнаруживаетъ профессія «банкиршъ», и число ихъ уменьшилось съ 510 до 293; но это, конечно, не даетъ основанія опасаться упадка всего банковскаго дѣла въ Америкѣ, такъ какъ число банкировъ-мужчинъ за тотъ же періодъ времени увеличилось съ 35.000 до 72.000.

Остаются еще промышленность и ремесла. Съ математической точностью сохраняютъ свою численность только швеи: ихъ было 146.000 десять лѣтъ тому назадъ, и ихъ столько же теперь; но такъ какъ населеніе за это время увеличилось на одну пятую, то ясно, что на самомъ дѣлѣ значительно уменьшилось число представительницъ этой работы, которая должна примѣняться къ унижающимъ личность капризамъ и, слѣдовательно, не соотвѣтствуетъ духу самостоятельности; наоборотъ, число работницъ на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ возросло съ 92.000 до 120.000, на шелковыхъ фабрикахъ съ 20.000 до 32.000, на табачныхъ съ 27.000 до 43.000. Портнихъ насчитывается 344.000, шляпочницъ 86.000; 15.000 женщинъ занимаются переплетнымъ мастерствомъ, 16.000 работаютъ въ типографіяхъ, 17.000 занимаются изготовленіемъ коробокъ, а 39.000 производствомъ обуви. Въ общемъ, мы видимъ трудящихся женщинъ, работа которыхъ едва ли нужна для прокормленія семей; но эти женщины проникнуты твердымъ намѣреніемъ отстоять свою самостоятельность и въ экономической, и въ умственной борьбѣ, онѣ проникаютъ во всѣ профессіи, насколько возможно избѣгаютъ всего того, что противодѣйствуетъ самостоятельности личности, и стремятся ко всему, что поддерживаетъ чувство личности и даетъ сознаніе самостоятельной дѣятельности. Если бы изъ приведенныхъ здѣсь чиселъ, показывающихъ участіе женщинъ въ различныхъ профессіяхъ, были исключены всѣ женщины, не родившіяся въ странѣ, и всѣ цвѣтнокожія, то было бы еще яснѣе видно, насколько дѣятельность американскихъ женщинъ направляется именно стремленіемъ къ самостоятельности.

Но профессіональной работою, выполняемою ради заработка, не исчерпывается вся дѣятельность американскихъ женщинъ внѣ домашней сферы. Если изъ 39 милліоновъ мужчинъ въ странѣ 23.754.000 заняты добывающимъ трудомъ, а изъ 37 милліоновъ женщинъ всего 5.319.000, то отсюда ясно, что подавляющее большинство взрослыхъ женщинъ не занимаются никакою работою ради заработка. Но никто изъ людей, знакомыхъ съ американской жизнью, не исключилъ бы этихъ не-

добывающихъ изъ числа лицъ, которыя распространяютъ свое непосредственное вліяніе за предѣлы семьи и являются самостоятельной величиною въ соціальной жизни. Въ Америкѣ едва ли совершилось хотя одно значительное общественное движеніе, внѣ сферы торговли и политики, которое не поддерживалось бы безплатнымъ женскимъ трудомъ, а очень многія изъ такихъ движеній направлялись и проводились исключительно дѣятельностью женщинъ. Это не значитъ, что безплатная работа всегда бываетъ совершенно безкорыстна, что она всегда вытекаетъ изъ однихъ лишь идеалистическихъ мотивовъ; тщеславіе и честолюбіе, важничанье и спортъ, общественныя соображенія самаго различнаго рода—все это играетъ здѣсь не малую роль; но никто не станетъ отрицать и того, что очень много идеализма заключено во всей той положительной работѣ, которую женщина ежедневно и повсюду выполняетъ въ интересахъ школы или церкви, ради общественнаго благополучія или для проведенія соціальной реформы, въ музыкѣ и прочихъ искусствахъ, въ дѣлѣ воспитанія народа или ухода за больными, въ дѣлѣ украшенія и оздоровленія своего города.

Только одинъ мотивъ, самъ по себѣ совсѣмъ не исключающій идеализма, стоитъ еще за этой непосредственной преданностью дѣлу: этотъ мотивъ—защита самостоятельности женщины. Работа дѣлается ради самой работы, но при этомъ остается сознаніе, что она выполнена женщиной, и что благодаря всякому цѣнному проявленію дѣятельности положеніе женщины возвышается. Въ женскихъ клубахъ и женскихъ собраніяхъ, въ шумной женской агитаціи и тихомъ женскомъ вліяніи проявляется, такимъ образомъ, безчисленными путями потребность американскихъ женщинъ въ самостоятельности. На всякой публичной лекціи, во всякомъ общеполезномъ дѣлѣ онѣ составляютъ большинство. Школа и церковь, призрѣніе бѣдныхъ и больныхъ живутъ только ихъ усердіемъ, и въ этомъ отношеніи Востокъ и Западъ идутъ рука-объ-руку. И это вліяніе внѣ сферы семьи не кончается и тамъ, гдѣ нѣтъ ужъ планомѣрной работы въ организаціяхъ съ предсѣдательницами и секретарями, казначейшами и докладчицами, гдѣ ищется только наслажденіе и развлеченіе. Женщины составляютъ подавляющее большинство на художественныхъ выставкахъ и въ концертахъ, въ театрѣ и на проповѣди. Женщины рѣшаютъ судьбу новаго романа, и всюду стоитъ на переднемъ планѣ съ широко раскрытыми глазами духъ самостоятельности женщинъ.

Европейцу кажется почти невѣроятнымъ, что могутъ сдѣлать преданныя идеѣ, богато одаренныя женщины въ Америкѣ; ему кажется невѣроятнымъ и то, какъ иная изъ нихъ, собирающая у себя блестящее общество и живущая среди сплошной

свѣтской сутолоки, можетъ все же соединять съ этой обстановкою настойчивую работу; какъ она уже утромъ спѣшитъ на засѣданіе правленія своего клуба, навѣститъ затѣмъ то школу, то пріютъ для бѣдныхъ, пишетъ статьи и держитъ рѣчи, руководитъ собраніями и ведетъ съ высшими чиновниками переговоры по общественнымъ дѣламъ, отдаетъ свои силы всякому новому движенію, знакомится съ каждымъ новымъ теченіемъ въ искусствѣ и литературѣ и при всемъ этомъ согрѣваетъ счастливую семью свѣтлыми лучами своей личности. Никакая старость не въ состояніи уничтожить эту юношескую свѣжесть. Вдова зоолога Агассица, которой теперь восемьдесятъ два года, все еще является неутомимо-дѣятельнымъ почетнымъ президентомъ колледжа Радклиффа въ Бостонѣ, а извѣстная писательница Юлія Уордъ-Гау все еще предсѣдательствуетъ на каждомъ засѣданіи бостонскаго авторскаго клуба и проявляетъ юношески свѣжій задорный юморъ несмотря на свои восемьдесятъ четыре года.

Когда же рѣчь идетъ о жизни общества и семьи, то господство женщины является уже не вопросомъ, требующимъ обсужденія, какъ въ области соціальной жизни, а непреложнымъ догматомъ, въ которомъ сомнѣваться было бы святотатствомъ. Если Линкольнъ сказалъ, что американское правительство есть правленіе народа, черезъ посредство народа и для народа, то американское общество, безспорно, представляетъ собою правленіе женщинъ, черезъ посредство женщинъ и для женщинъ. Роль женщины имѣетъ такое рѣшающее значеніе при опредѣленіи общественнаго положенія какого-либо дома, что мужчина, даже проникнутый личнымъ честолюбіемъ, не можетъ найти болѣе вѣрнаго пути къ своей цѣли, чѣмъ исполненіе всѣхъ плановъ и даже прихотей жены, а роскошь, которую позволяетъ себѣ жена, въ такой полной мѣрѣ является символомъ общественнаго положенія, что мужъ въ концѣ-концовъ начинаетъ инстинктивно вѣрить, будто онъ непосредственно наслаждается соціальною жизнью, когда напрягаетъ всѣ силы, чтобы оплатить бриллианты и пиршества своей супруги.

Подобно тому какъ милліонерша устраиваетъ свой дворецъ по собственному вкусу, такъ дѣлаетъ то же въ своемъ домѣ и женщина средняго круга, и даже поденщица въ своей скудной обстановкѣ. «Онъ» везетъ дѣтскую коляску, «онъ» разводитъ огонь въ кухнѣ, «онъ» топитъ печи для того, чтобы «она» могла одѣваться по модѣ. Онъ отказываетъ себѣ въ сигарѣ, чтобы она лѣтомъ могла отправляться за городъ. И женщина принимаетъ все это, какъ нѣчто вполнѣ естественное; такое положеніе дѣла она видитъ всюду вокругъ себя, и такое поло-

женіе видѣла всегда, съ самаго дѣтства, и всякое уклоненіе отъ обычая она почувствовала бы, какъ униженіе,—точно такъ же, какъ если бы мужчина въ вагонѣ городской желѣзной дороги продолжалъ сидѣть, когда она стоитъ передъ нимъ, или позволилъ бы себѣ курить, идя съ нею по улицѣ; все это представляется настолько невозможнымъ, что не требуетъ и разъясненій. Духъ самостоятельности въ американкѣ возмутился бы, если бы принципъ общественной равноцѣнности когда-нибудь получилъ такое нелѣпое толкованіе, какъ будто смыслъ его не заключается въ томъ, что онъ требуетъ признанія меньшей соціальной цѣнности мужчины. И европейская женщина, которая выводитъ пятна на сюртукѣ мужа или штопаетъ ему чулки въ то время, когда онъ самъ засѣдаетъ въ трактирѣ,—такая женщина не только представляется американкѣ достойнымъ сожалѣнія продуктомъ отсталой, низкой культуры, но прежде всего вызываетъ въ ней нравственное негодованіе: это—женщина, въ которой еще не проснулся духъ самостоятельности.

Судя по внѣшнему шуму можно было бы подумать, что духъ самостоятельности американскихъ женщинъ сильнѣе всего направленъ на достиженіе политическихъ правъ. Избирательное право для женщинъ—таковъ самый громкій боевой кличъ. Но этотъ шумъ вводитъ въ заблужденіе. Требованіе одинаковой школы для дѣвочекъ и мальчиковъ, требованіе доступа въ колледжи, требованіе равнаго права на всякія экономическія положенія, на независимое существованіе и самостоятельное жизненное содержаніе для всякой женщины, которая къ этому стремится, и требованіе соціальнаго господства женщины—все это требованія, которыми дѣйствительно проникнуто національное сознаніе; но къ ихъ числу не принадлежитъ требованіе избирательнаго права для женщинъ. Если оно неизмѣнно предъявляется радикальными феминистками, если на защиту его выступаютъ большіе союзы, и если мужская логика тоже часто не идетъ дальше его, то это объясняется совокупностью существующихъ условій. Къ обычнымъ, приводимымъ во всемъ мірѣ доводамъ въ пользу женскаго равноправія Новый Свѣтъ едва ли прибавилъ какіе-нибудь новые, спеціально-американскіе; но старые доводы кажутся на первый взглядъ вытекающими съ такой необходимостью слѣдствіями всѣхъ политическихъ, соціальныхъ и экономическихъ основныхъ принциповъ Америки, что здѣсь они все же какъ будто пріобрѣтаютъ совершенно новую силу. И если тѣмъ не менѣе практическіе результаты совершенно ничтожны, то это ясно доказываетъ силу противоположныхъ импульсовъ, существующихъ въ душѣ американскаго народа. Соціальная самостоятельность женщины, въ которую американецъ искренно вѣритъ, конечно, такъ же мало можетъ по-

вести къ установленію всеобщаго избирательнаго права для женщинъ, какъ экономическая самостоятельность можетъ привести Америку къ соціализму.

При этомъ иронія исторіи желала, чтобы американкамъ вначалѣ принадлежали тѣ права, которыхъ онѣ теперь требуютъ. Въ семнадцатомъ столѣтіи, когда колонисты привезли съ собою за океанъ англійское право, женщины имѣли по закону право голоса и въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ случаяхъ пользовались имъ. Ни въ одной изъ первоначальныхъ конституцій первыхъ тринадцати штатовъ понятіе «избирателей» не было ограничено присоединеніемъ словъ «мужского пола». Штатъ Нью-Іоркъ первый улучшилъ или ухудшилъ свою конституцію, включивъ въ нее эти слова; это произошло въ 1778 г. Одинъ штатъ за другимъ послѣдовалъ этому примѣру, и послѣднимъ, въ 1844 году, былъ штатъ Нью-Джерсей. Но именно въ то время, когда такимъ образомъ закрылась послѣдняя дверь, поднялась буря требованій, чтобы открылись ворота. Въ 1848 г. въ штатъ Нью-Іоркъ собрались первые женскіе конвенты и приняли резолюціи, въ которыхъ громко возвѣщались права женщинъ. Возникла сильнѣйшая оппозиція, движеніе распространялось въ самыхъ различныхъ штатахъ, пока въ 1866 г. не была создана національная организація и не было потребовано національное законодательство. Это было какъ разъ послѣ гражданской войны, когда интересы націи сосредоточивались на дополненіяхъ къ конституціи, предоставлявшихъ неграмъ избирательныя права. Петиція, покрытая восьмидесятью тысячами подписей, требовала, чтобы конституція была истолкована въ смыслѣ предоставленія избирательныхъ правъ женщинамъ. Двѣ женщины начали по этому поводу судебный процессъ, который велся послѣдовательно во всѣхъ инстанціяхъ до верховнаго суда включительно, и отрицательное рѣшеніе этого суда окончательно положило предѣлъ этому дѣлу.

Такимъ образомъ, всѣ національныя движенія въ пользу женскаго равноправія имѣютъ теперь только теоретическое значеніе, и такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока три четверти всѣхъ законодательныхъ собраній отдѣльныхъ штатовъ не постановятъ измѣнить самую конституцію въ томъ смыслѣ, чтобы никакой штатъ не имѣлъ права не включать женщинъ въ число избирателей. Но этотъ случай едва ли болѣе вѣроятенъ, чѣмъ, напримѣръ, включеніе въ конституцію принципа наслѣдственной монархической власти. Между тѣмъ агитація въ отдѣльныхъ штатахъ, конечно, не прекращалась. Въ нихъ все снова и снова вносились предложенія объ измѣненіи мѣстной конституціи, и предложенія эти неизмѣнно отвергались. Только штатъ Вайомингъ ввелъ у себя въ 1869 году полноправіе женщинъ, а за-

тѣмъ то же самое сдѣлали въ 1893 году штатъ Колорадо и 1895 году штатъ Ута. Штатъ Канзасъ предоставилъ женщинамъ право голоса при городскихъ выборахъ, и лишь въ одной сферѣ усилія привели къ дѣйствительному успѣху: большинство штатовъ предоставило женщинамъ право записываться въ число избирателей и подавать голоса при выборахъ лицъ на высшія должности по мѣстному школьному управленію.

Небольшой практическій опытъ, накопленный страною, мало способствовалъ росту симпатіи къ женскому движенію. Много данныхъ указываютъ, что если бы женщинамъ и были предоставлены права, они для подавляющаго большинства остались бы мертвой буквою. Средняя женщина не чувствуетъ потребности участвовать въ политикѣ. Правда, раздавались голоса, утверждавшіе, что благодаря современному строю жизни—съ прислугою, которая избавляетъ отъ всякой работы, съ фабриками, которыя прядутъ и ткутъ, съ безчисленными экономическими удобствами—у замужней женщины теперь остается слишкомъ мало дѣла, и что необходимо открыть ей доступъ къ политикѣ для того, чтобы дать ей возможность приложенія своихъ силъ. Однако, покуда статистика показываетъ, что четыре пятыхъ всѣхъ замужнихъ женщинъ въ странѣ сами выполняютъ у себя всю домашнюю работу, и покуда передъ каждой отдѣльной женщиной стоитъ такая масса нравственныхъ и умственныхъ, эстетическихъ и соціальныхъ задачъ,—до тѣхъ поръ нѣтъ ничего удивительнаго, если очень немногія чувствуютъ для приложенія своихъ силъ потребность именно въ избирательномъ правѣ. А кто сильнѣе всего желаетъ воспользоваться правомъ голоса, такъ это, по утвержденію противницъ, боящееся свѣта отрепье женскаго населенія большихъ городовъ, и здѣсь всѣ отрицательныя стороны пролетарскаго голосованія, выполняемаго подъ вліяніемъ демагогіи, обнаружились бы, какъ увѣряютъ, въ самой отвратительной формѣ. Для политическаго подкупа при выборахъ открылись бы совершенно новые и особенно опасные пути. Машинное политическое хозяйство одержало бы, благодаря малой способности женщинъ къ политическому сопротивленію, новыя позорныя побѣды, и вмѣсто того, чтобы участіе женщинъ въ выборахъ сдѣлало политическіе нравы болѣе мягкими и облагородило политическое законодательство, какъ думаютъ защитники, оно, по увѣренію противниковъ, поведетъ къ ухудшенію и одичанію, о чемъ будто бы уже свидѣтельствуютъ нѣкоторые признаки. Уже одинъ тотъ фактъ, что численность избирателей удвоится, служитъ въ глазахъ противниковъ рѣшающимъ доводомъ противъ предоставленія права голоса женщинамъ, если имѣть въ виду политическое оздоровленіе страны.

Главное же, представители консервативной стороны могутъ доказать, основываясь на множествѣ фактовъ, что здоровый прогрессъ въ развитіи самостоятельности женщинъ, улучшеніе жизненныхъ условій, повышеніе уровня образованія, открытіе доступа къ различнымъ профессіямъ, благопріятное для женщинъ законодательство въ экономической области и многое другое могло съ наибольшей полнотой совершаться именно тамъ, гдѣ политическія требованія оставались на заднемъ планѣ. Радикальная политика женщинъ, естественно воспринимающая по внутреннему сродству крайнія требованія также во всѣхъ прочихъ областяхъ, особенно же требованія соціализма, своею агитаціей скорѣе повредила, нежели помогла соціальному прогрессу женщинъ. Вѣдь даже многихъ изъ тѣхъ, кто искренно отстаиваетъ женскую независимость, пугаетъ мысль о томъ, что политика можетъ привести обоихъ супруговъ въ различные лагери. Такимъ образомъ, въ концѣ-концовъ вопросъ о самостоятельности женщины въ политической области является только вопросомъ академическимъ. Если усердно заняться литературой этого вопроса, то долго нельзя отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что не права та партія, изданія которой пришлось читать послѣдними. Но если дойти до конца или, вѣрнѣе, до такого пункта, послѣ котораго встрѣчаешь только уже знакомые аргументы, то видишь все же, что болѣе не права радикальная партія, и именно въ этомъ смыслѣ и нація вынесла свое рѣшеніе. Итакъ, мы можемъ оставить совершенно въ сторонѣ политику, обращаясь въ заключеніе къ главному вопросу,—какъ отразилась эта замѣчательная самостоятельность женщины во всѣхъ соціальныхъ сферахъ на жизни націи, въ самомъ тѣсномъ и самомъ широкомъ кругу?

Разсмотримъ сперва самый тѣсный кругъ—семью. Въ этой области часто высказываются невѣрные взгляды благодаря недоразумѣніямъ. Нѣкоторые любятъ указывать на многочисленность разводовъ, чтобы представить американскую семейную жизнь въ неблагопріятномъ свѣтѣ. Согласно даннымъ послѣдней переписи 1900 года отношеніе разведенныхъ къ состоящимъ въ бракѣ выражалось среди мужчинъ числомъ 0,6 %, среди женщинъ 0,8 %, между тѣмъ какъ въ 1890 году этимъ цифрамъ соотвѣтствовали меньшія: 0,4 % среди мужчинъ и 0,6 % среди женщинъ. Общее число разведенныхъ составляетъ только 0,3 % всего населенія, въ то время какъ вдовцы и вдовы составляютъ 5,1 %, женатые и замужнія 36,5 %, а холостые 57,9 %; относительно небольшого остатка свѣдѣній нѣтъ. Разумѣется, разведенные и вновь вступившіе въ бракъ показаны здѣсь въ числѣ состоящихъ въ бракѣ, но если, такимъ образомъ, число разводовъ и значительнѣе, чѣмъ показываетъ эта статистика, то

это еще рѣшительно ничего не говоритъ о нравственной цѣнности брака.

Кто близко знакомъ со страною, тому извѣстно, что здѣсь въ гораздо большей мѣрѣ, нежели въ Европѣ, дѣйствительныя причины развода — въ противоположность причинамъ, выставляемымъ для суда,—обладаютъ безспорной нравственной цѣнностью. Мы указывали уже на все это, когда разсматривали религіозную жизнь страны. Здѣсь главная роль—этическое отвращеніе къ продолженію внутренно-расторгнутаго брака; въ особенности женщины, и при томъ часто именно лучшія, предпочитаютъ лучше требовать разрыва со всѣми его тяжелыми внѣшними послѣдствіями, чѣмъ тащить дальше тягость брака, внутренно уже разрушеннаго и нездороваго. Невѣрность жены является поводомъ къ разводу въ совершенно ничтожномъ числѣ случаевъ; половая нравственность въ бракѣ стоитъ высоко у всего народа. Чистая атмосфера, царящая среди этого хладнокровнаго народа, атмосфера, которая позволяетъ всякой женщинѣ вечеромъ итти одной по улицамъ большого города или проѣхать одной черезъ весь материкъ, которая охраняетъ дѣвушку на улицѣ отъ всякаго наглаго взгляда и дерзкаго слова,—эта атмосфера обезпечиваетъ замужней женщинѣ полную безопасность. Когда на американской сценѣ ставятся пьесы, рисующія французскіе нравы, то во всемъ поведеніи публики чувствуется, что психологія дѣйствующихъ лицъ ей, собственно, непонятна, такъ какъ нравственныя понятія, на которыхъ здѣсь все построено, столь кореннымъ образомъ отличаются отъ ея собственныхъ. То, что парижанину кажется пикантнымъ, жителю Новой Англіи представляется безстыднымъ, и женщина, вызывающая улыбку у француза, возбуждаетъ въ американцѣ одно только отвращеніе.

Еще и въ другомъ отношеніи американскій бракъ болѣе чистъ, чѣмъ браки на европейскомъ континентѣ: въ немъ отсутствуетъ коммерческій элементъ. Какъ ни характеренъ этотъ фактъ для экономической жизни, онъ имѣетъ еще большее значеніе для жизни соціальной. Конечно, это не значитъ, что человѣкъ, вступающій въ бракъ съ наслѣдницей милліоннаго состоянія, не сознаетъ экономической стороны дѣла; но въ Новомъ Свѣтѣ неизвѣстна систематическая погоня за приданымъ, съ которымъ, между прочимъ, связана и жена, и эта погоня совершенно противорѣчитъ американскому характеру. И здѣсь также театръ является яснымъ показателемъ: шаблонная нѣмецкая комедія, гдѣ излюбленной темой служатъ поиски богатой невѣсты, производятъ въ подобныхъ сценахъ на американскую публику впечатлѣніе чего-то плоскаго и не остроумнаго. Она смотритъ на такое униженіе брака, не понимая и

испытывая развѣ только сожалѣніе о низкомъ нравственномъ уровнѣ Стараго Свѣта; дѣйствіе получается такое же, какъ и отъ другихъ сценъ, гдѣ изображается, какъ актъ изумительнаго благородства, если богатый молодой дворянинъ женится на бѣдной гувернанткѣ.

Что въ бракѣ имѣютъ рѣшающее значеніе только чисто человѣческія черты, что здѣсь сходятся личности и что не можетъ быть рѣчи о понятіяхъ «поднимать до себя» или «опускаться», разъ обѣ личности стоятъ другъ друга,—этимъ сознаніемъ проникнута вся нація, и оно придаетъ браку еще большую цѣну. Образованіе американки на высшихъ своихъ ступеняхъ, въ колледжѣ, также въ извѣстномъ смыслѣ дѣлаетъ отношеніе къ браку болѣе глубокимъ. Если она чему-нибудь научается въ атмосферѣ колледжа, то это нравственной серьезности; тамъ она привыкаетъ энергично и основательно приступать ко всякой задачѣ, смотрѣть на мелочи, какъ на мелочи, и на крупное, какъ на крупное, и такимъ образомъ, когда она оказывается передъ задачею созданія собственной семьи, она и къ ней подходитъ съ глубокимъ нравственнымъ желаніемъ преодолѣть всѣ препятствія.

Но несмотря на все это, въ сердцѣ все же тѣснится гнетущее сомнѣніе. Ведетъ ли этотъ путь, по которому совершается развитіе, дѣйствительно къ конечной цѣли? Хотя столь многое непосредственно и явно способствуетъ возвышенію и облагороженію брака,—нѣтъ ли, однако, здѣсь и очень многаго такого, что непосредственно и почти незамѣтно дѣйствуетъ разрушающимъ образомъ на бракъ, на домъ, на семью и на весь народъ? Заключается ли въ все увеличивающейся соціальной самостоятельности женщины одни лишь положительные въ культурномъ отношеніи элементы? Сравнимъ положеніе дѣла, напримѣръ, въ Германіи. И тамъ вѣдь очень интересуются открывающимися передъ женщиной соціальными путями, а между тѣмъ положеніе совершенно иное. Здѣсь можно безъ труда различить четыре тенденціи. Первая касается лишь небольшого числа исключительныхъ людей; если женщина обнаруживаетъ крупный талантъ или даже геніальныя дарованія, то всѣ пути для ея развитія должны быть открыты, но эти немногія, призванныя создать что-нибудь великое въ искусствѣ, наукѣ или въ какой-либо иной области, конечно, менѣе всего склонны дожидаться помощи извнѣ, и ихъ число такъ незначительно, что этого движенія можно почти не принимать во вниманіе по сравненію съ тремя другими, касающимися самыхъ обширныхъ группъ.

Рѣчь идетъ, во-первыхъ, о женщинахъ низшихъ классовъ, которыя благодаря бѣдности Германіи вынуждены въ такой

мѣрѣ работать ради заработка, что это грозитъ ихъ домашней жизни. Принимаются мѣры къ тому, чтобы улучшить ихъ соціальное положеніе, чтобы законодательнымъ путемъ ограничить и охранить женскій трудъ и чтобы, такимъ образомъ, предоставить женщинѣ изъ народа больше времени, которое она могла бы посвящать семьѣ. Съ другой стороны—реформа женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній; необходимо внести больше духовнаго жизненнаго содержанія въ бракъ въ высшихъ кругахъ, поднять женщину съ помощью болѣе глубокаго образованія надъ скудными чисто-хозяйственными интересами и поверхностной жизнью въ обществѣ и такимъ образомъ сдѣлать ее настоящимъ товарищемъ въ бракѣ. Наконецъ, третью группу составляютъ тѣ милліоны особъ женскаго пола, которымъ не удалось выйти замужъ, потому что число женщинъ больше числа мужчинъ, и десятая часть мужчинъ въ Германіи не желаетъ жениться. Не будучи обезпеченными посредствомъ брака, онѣ должны сами добывать себѣ средства къ существованію, и если для низшихъ классовъ это всегда было вполнѣ возможно, то для высшихъ, наоборотъ, до недавняго времени это было почти совершенно невозможно. Здѣсь требовались какія-нибудь мѣры, и теперь многое здѣсь уже исправлено и, по внѣшности, въ извѣстномъ смыслѣ устроено по американскому образцу.

Но при всемъ этомъ въ Германіи позади всѣхъ этихъ движеній скрывалось убѣжденіе, что бракъ есть естественное завершеніе женской карьеры. Въ низшихъ классахъ необходимо освободить бракъ отъ слишкомъ тяжелой женской работы, въ высшихъ классахъ бракъ долженъ получить болѣе глубокій смыслъ благодаря лучшему образованію женщинъ, все же остальное можетъ претендовать только на второстепенное значеніе, на роль суррогата истиннаго счастья, которое заключается въ одномъ лишь бракѣ. Этого убѣжденія нѣтъ въ Америкѣ. И американскій бракъ долженъ быть охраняемъ и сдѣланъ болѣе глубокимъ, но здѣсь не считаютъ, что бракъ самъ по себѣ является самымъ лучшимъ изъ всего, что доступно женщинѣ. Завершеніе женской карьеры, говорятъ намъ, заключается въ томъ, чтобы женщина, какъ и всякій человѣкъ, пріобрѣла цѣнное жизненное содержаніе, а будетъ ли это достигнуто при посредствѣ брака или безъ него, — это личное дѣло каждаго мужчины, какъ и женщины. Такимъ образомъ, бракъ не занимаетъ центральнаго мѣста; самостоятельная дѣятельность не есть лишь утѣшеніе за неимѣніемъ лучшаго, а возвышеніе брака въ концѣ-концовъ служитъ лишь средствомъ для возвышенія личности. При такихъ условіяхъ женщина стоитъ на той же почвѣ, что и мужчина.

Основной принципъ, что женщина создана для брака, между тѣмъ какъ у мужчины бракъ является побочнымъ жизненнымъ содержаніемъ,—этотъ принципъ въ Германіи создаетъ коренное неравенство, и оно лишь постепенно уменьшается благодаря указаннымъ новымъ движеніямъ, лишь постепенно женщина приближается къ мужчинѣ. Наоборотъ, исходнымъ пунктомъ американскихъ воззрѣній является принципіальное признаніе равенства. Какъ мужчина, такъ и женщина должны одинаково стремиться къ развитію своей личности, къ самостоятельному жизненному содержанію, къ тому, чтобы взаимно дать другъ другу счастье въ бракѣ, и лишь затѣмъ, когда бракъ совершенъ, въ силу необходимыхъ особыхъ обязанностей женщины и сопряженныхъ съ ними особыхъ правъ принципъ равенства нарушается, мужчина и женщина занимаютъ не одинаковое соціальное положеніе. При такихъ общихъ взглядахъ духъ самостоятельности американской женщины долженъ слѣлаться враждебнымъ браку. Онъ даетъ болѣе богатое содержаніе замужней женщинѣ, но онъ уменьшаетъ въ дѣвушкѣ стремленіе къ браку. Онъ уничтожаетъ въ обществѣ это создающее браки чувство, что бракъ есть завершеніе для женщины.

Здѣсь опять-таки оказываютъ вліяніе самыя разнообразныя обстоятельства. Напомнимъ прежде всего, что та соціальная свобода въ обществѣ, свобода движенія, свобода въ отношеніяхъ къ мужчинамъ, которая присуща воспитанію дѣвушекъ,—что эта свобода, собственно, даетъ незамужней американкѣ всѣ права и наслажденія, которыя на европейскомъ континентѣ получаются лишь съ вступленіемъ въ бракъ. Она видитъ, въ сущности, впереди только новыя обязанности, домашнія хлопоты и, быть-можетъ, — такъ какъ молодая чета должна устраиваться самостоятельно въ экономическомъ отношеніи — непривычныя лишенія. Выиграть здѣсь съ внѣшней стороны ей нечего; для пылкихъ страстей она не создана. Правда, она флиртуетъ съ ранней молодости и остается великой мастерицей этого маленькаго общественнаго искусства, но крупный подъемъ чувства при этомъ пропадаетъ, и можно задаться вопросомъ, не является ли вся эта веселая шаловливость и граціозная игра, въ сущности, лишь одною изъ общественныхъ функцій, какъ танцы, катанье на конькахъ функціей, въ которой сердце не принимаетъ серьезнаго участія. Это—развлеченіе, а не жизненное содержаніе.

Сюда присоединяется еще и чувство умственнаго превосходства, чувство большей частью правильное. Европейская дѣвушка воспитывается въ увѣренности, что превосходство на сторонѣ мужчины. Она сама привыкла чувствовать, что ея особыя способности не являются чѣмъ-то самостоятельнымъ, а

могутъ получить культурное значеніе лишь тогда, когда она прислонится къ мужчинѣ; ея меньшія познанія невольно заставляютъ ее думать, что она духовно возвысится, когда благодаря браку вступитъ во внутреннее общеніе съ мужчиной: лишь тогда ея духовная личность получитъ законченный обликъ. Для американки обыкновенно не можетъ быть рѣчи и объ этомъ мотивѣ къ вступленію въ бракъ. Она еще въ общей классной комнатѣ увидѣла, какъ глупы мальчишки, какъ они лѣнивы и небрежны; а затѣмъ она, быть-можетъ, еще цѣлые годы занималась своимъ образованіемъ, когда мужчина уже перешелъ въ практическую жизнь. Вѣдь во многихъ высшихъ школахъ всего одна треть учащихся состоитъ изъ мальчиковъ, а двѣ трети изъ дѣвочекъ, и это отношеніе все больше измѣняется въ пользу женской половины. Главное же, все ведетъ къ тому, чтобы въ дѣвушкѣ, независимо отъ мужчины, пробудить самостоятельную внутреннюю сущность, которая затѣмъ, благодаря браку, пожалуй, внѣшнимъ образомъ можетъ удвоиться, но которая не нуждается въ немъ для собственной полноты. Американки любятъ смѣяться надъ тѣмъ, какъ нѣмецкія женщины, разсуждая въ женскомъ обществѣ о какихъ-нибудь отвлеченныхъ вопросахъ, начинаютъ свои фразы словами: «мой мужъ думаетъ», но ничѣмъ не обнаруживаютъ, что онѣ сами думаютъ. Духовная личность американки должна развиваться тѣмъ болѣе независимо отъ мужского вліянія, что различіе, возникающее еще въ школьные годы, въ зрѣломъ возрастѣ проявляется все яснѣе. Чѣмъ старше становится мужчина, тѣмъ болѣе онъ сосредоточивается на своей профессіи и на политикѣ, между тѣмъ какъ женщина въ извѣстномъ смыслѣ еще долго продолжаетъ учиться, еще долго воспринимаетъ всѣ духовные импульсы. Женщина читаетъ книги въ то время, когда мужчина читаетъ газеты. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ средней американской супружеской четѣ женщина представляется болѣе значительной духовной величиною, и непрерывно возрастаетъ число женщинъ, которыя инстинктивно чувствуютъ, что отъ такого брака онѣ ничего не выигрываютъ, которыя предпочитаютъ оставаться одинокими, нежели заключать бракъ, въ которомъ онѣ чувствуютъ себя духовно преобладающей стороной.

Если, такимъ образомъ, ни новыя соціальныя наслажденія, ни сильныя страсти, ни духовные мотивы не побуждаютъ къ вступленію въ бракъ, то другія обстоятельства, наоборотъ, прямо отталкиваютъ отъ брака. Прежде всего, самостоятельное жизненное содержаніе можетъ само по себѣ сдѣлаться препятствіемъ. Женщина, принявшаяся за какое-нибудь дѣло только для того, чтобы не голодать, видитъ въ бракѣ избавленіе, если мужъ зарабатываетъ достаточно для содержанія семьи. Женщина же,

которая принялась за какое-нибудь дѣло потому, что находитъ, что жить стоитъ только въ томъ случаѣ, если дѣлаешь что-нибудь полезное, которая сжилась со своимъ дѣломъ, относясь къ нему серьезно и добросовѣстно, питая самостоятельные интересы и честолюбивыя мечты,—такая женщина будетъ долго колебаться, прежде чѣмъ вступить въ бракъ, который уничтожитъ ея дѣятельность. Быть-можетъ, она предпочтетъ пожертвовать легкой сердечной склонностью, чѣмъ пойти наперекоръ серьезной склонности къ своей работѣ. Надо имѣть также въ виду здѣсь американское отвращеніе къ работамъ по домашнему хозяйству. Было бы несправедливо сказать, что американскія женщины плохія хозяйки. Число женщинъ, которыя въ Америкѣ вынуждены вести все свое хозяйство сами безъ прислуги, сравнительно гораздо больше, чѣмъ въ Германіи, и хотя характеръ хозяйства въ различныхъ отношеніяхъ здѣсь иной, однако нельзя не признавать, что американская женщина серьезно относится къ своимъ хозяйственнымъ обязанностямъ, усердно работаетъ и основательно обо всемъ заботится. И тѣмъ не менѣе общее отношеніе къ домашнему хозяйству у американокъ совершенно иное, нежели у нѣмокъ.

Для нѣмецкой женщины хозяйственныя работы сами по себѣ служатъ источникомъ наслажденій, для американки онѣ—необходимое зло. Американка любитъ украшать свой домъ и не менѣе, чѣмъ нѣмка, старается, чтобы въ немъ отражалась ея личность, но все, что выходитъ за эти предѣлы, самая техника хозяйничанья, чинка и чистка и перекоры съ прислугою,—все это кажется ей, въ сущности, недостойнымъ и принижающимъ. Молодая женщина, посѣщавшая колледжъ, усердно и добросовѣстно принимается за свои новыя обязанности по хозяйству, но въ то же время съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ, напримѣръ, она взяла бы на себя уходъ за тяжелымъ больнымъ. При этомъ усовершенствованная техника избавляетъ уже американскую хозяйку отъ множества работъ, которыя еще лежатъ на нѣмецкой хозяйкѣ; но, можетъ-быть, именно потому остающіяся кажутся чѣмъ-то очень скучнымъ, что, собственно, должны бы дѣлать не люди, а машины. Это отвращеніе къ хозяйственной «вознѣ» составляетъ общую черту всей націи, и только старшее поколѣніе сельскаго населенія полагаетъ свою гордость въ хозяйственномъ веденіи дома, молодое же поколѣніе слѣдуетъ уже городской тенденціи и старается избавиться отъ хозяйственныхъ хлопотъ. Дочь крестьянина стремится на фабрику, потому что это ей кажется дѣломъ болѣе интереснымъ и веселымъ, чѣмъ дома чинить бѣлье, мыть посуду и смотрѣть за младшими братьями и сестрами. Отсюда же вытекаетъ въ значительной степени отвращеніе къ роли прислуги, и такимъ

образомъ всюду, отъ низшихъ до высшихъ слоевъ, отвращеніе къ хозяйству служитъ задерживающимъ моментомъ при вопросѣ о вступленіи въ бракъ.

Однако, отвращеніе къ домашней работѣ оказываетъ на бракъ еще вліяніе и другого рода: все сильнѣе разростается движеніе, ведущее отъ семьи къ семейной гостиницѣ, а для людей съ ограниченными средствами—къ общимъ столовымъ. Извѣстную роль играетъ здѣсь, конечно, тотъ фактъ, что прислуга очень дорога, но главнымъ мотивомъ все же остается сбереженіе труда каждой отдѣльной хозяйки. А неизбѣжнымъ результатомъ является исчезновеніе интимной семейной жизни. Если десятки семей изъ года въ годъ обѣдаютъ въ общей столовой, то чувство взаимной связи въ каждой отдѣльной семьѣ должно получить новую окраску. Такимъ образомъ потребность женщины въ самостоятельности самыми различными путями противодѣйствуетъ заключенію браковъ и семейному чувству.

Только одинъ доводъ, все еще играющій роль у противниковъ женской эмансипаціи, могъ бы спокойно быть изъятъ изъ обращенія, по крайней мѣрѣ въ Америкѣ онъ непримѣнимъ: страшилище—синій чулокъ, потерявшая всякую привлекательность безполая женщина совершенно отсутствуетъ среди американскихъ продуктовъ женскаго высшаго образованія. Для многихъ юныхъ американокъ, которыя посѣщали колледжъ и въ которыхъ благодаря этому пробудилась высшая самостоятельная личность, обычный средній бракъ могъ потерять свою прелесть, но, безспорно, ни одна американка не потеряла для мужчины своей прелести благодаря тому, что посѣщала колледжъ.

Враждебное семейной жизни стремленіе женщинъ къ самостоятельности, повидимому, ведетъ еще и къ дальнѣйшимъ послѣдствіямъ. Въ массу были брошены сильно преувеличенныя слова о самоубійствѣ расы. Дѣйствительно, нельзя отрицать, что увеличеніе коренного бѣлаго населенія, особенно въ самыхъ передовыхъ частяхъ страны, угрожающе мало. Конечно, это обусловлено совмѣстнымъ вліяніемъ очень различныхъ факторовъ, и нѣтъ недостатка въ врачахъ, которые настаиваютъ, что духовная утонченность женщины и чрезмѣрное нервное раздраженіе, являющіяся продуктомъ самостоятельнаго образованія американокъ, играютъ здѣсь главную роль и имѣютъ большее значеніе, чѣмъ произвольное ограниченіе семьи, вытекающее изъ погони за наслажденіями и удобствомъ. Однако, основою и этой погони за наслажденіями служитъ, въ сущности, стремленіе къ самостоятельности. Женщина хочетъ жить согласно своимъ склонностямъ, и ея индивидуалистическія стремленія противодѣйствуютъ росту семьи. Націи, въ цѣломъ,

конечно, не грозитъ ни малѣйшей опасности. Если даже оставить въ сторонѣ колоссальную иммиграцію, которая безпрерывно приноситъ многочисленные здоровые, многосемейные и способные къ сопротивленію элементы, то собственный приростъ мѣстнаго населенія оказывается больше, чѣмъ приростъ почти во всѣхъ европейскихъ странахъ. Въ теченіе десятилѣтія съ 1890 по 1900 годъ въ Германіи на тысячу жителей приходилось ежегодно 36,2 рожденій и 22,5 смертныхъ случаевъ; перевѣсъ рожденій составлялъ, слѣдовательно, 13,7. Въ Англіи рожденій приходилось на тысячу жителей 30,1, смертныхъ случаевъ 18,4, т. е. перевѣсъ первыхъ равнялся всего 11,7. Въ Соединенныхъ же Штатахъ число рожденій было 35,1, смертныхъ случаевъ 17,4, и приростъ населенія на тысячу составлялъ, такимъ образомъ, 17,7.

Это число заставляло бы, конечно, считать всякую жалобу безсмысленною, если бы оно было одинаково вѣрно для всѣхъ частей страны и для всѣхъ группъ населенія. Въ дѣйствительности, однако, существуютъ очень большія различія. Если мы обратимся, напримѣръ, къ Массачузетсу, то здѣсь можно различить три составныхъ части населенія: бѣлыхъ, родители которыхъ уже родились въ Америкѣ, бѣлыхъ, родители которыхъ переселились сюда изъ другихъ странъ, и, наконецъ, цвѣтнокожихъ. Послѣдняя группа, негритянское населеніе, даетъ то же число, которое является среднимъ для всей страны: на тысячу человѣкъ рожденій приходится на 17,4 больше, чѣмъ смертей; во второй группѣ среди дѣтей лицъ, переселившихся изъ другихъ странъ, перевѣсъ рожденій надъ смертями составляетъ 45,6, между тѣмъ какъ среди дѣтей мѣстныхъ уроженцевъ онъ равняется всего 3,8. Въ другихъ сѣверныхъ приатлантическихъ штатахъ дѣло обстоитъ еще хуже. Въ Нью-Гемпширѣ, напримѣръ, избытокъ рожденій среди потомковъ иммигрантовъ составляетъ 58,5, у коренного же мѣстнаго населенія рожденія не только не уравновѣшиваютъ смертей, но оказываются ниже на 10,4. Въ общемъ, такимъ образомъ, коренное бѣлое населеніе всѣхъ штатовъ Новой Англіи, взятыхъ въ цѣломъ, даетъ на каждую тысячу человѣкъ избытокъ смертей надъ рожденіями, выражающійся цифрою 1,5, и, слѣдовательно, потомки коренного мѣстнаго населенія въ наиболѣе высоко развитой части страны не поддерживаютъ своей численности даже на одномъ и томъ же уровнѣ.

Точно такъ же одно интересное статистическое изслѣдованіе въ Гарвардскомъ университетѣ недавно показало, что студенчество не имѣетъ достаточно многочисленнаго потомства. Изъ 881 студента, которые 25 лѣтъ тому назадъ покинули Гарвардскій университетъ, 634 женились и имѣютъ въ настоящее

время 1262 дѣтей; если предположить, согласно вѣроятности, что половина изъ этихъ дѣтей—мальчики, и что еще дѣтей у людей, женившихся около 25 лѣтъ тому назадъ, вѣроятно, не будетъ, то окажется, что на мѣсто 881 человѣка, учившихся въ 1877 году, въ 1902 явятся въ лицѣ ихъ сыновей всего 631 человѣкъ. Климатическія условія не могутъ играть какой-либо роли во всемъ этомъ, такъ какъ замѣчено, что среди потомковъ иммигрантовъ избытокъ рожденій не только гораздо больше, чѣмъ среди коренного мѣстнаго населенія, но и гораздо больше, чѣмъ въ любой изъ европейскихъ странъ, откуда вышли эти иммигранты. Самый большой избытокъ рожденій въ Европѣ имѣетъ Венгрія, гдѣ онъ выражается цифрою 40,5, между тѣмъ, какъ въ Германіи онъ равенъ 13,7. Американское же населеніе, происходящее отъ нѣмцевъ, ирландцевъ, шведовъ, французовъ и итальянцевъ, даже въ штатахъ Новой Англіи даетъ избытокъ въ 44,5. Такимъ образомъ, общія условія страны, повидимому, благопріятны для плодовитости, и благодаря этому обвиненія въ еще большей мѣрѣ направляются противъ соціальныхъ условій и воззрѣній. Нельзя, однако, игнорировать даже и того факта, что все увеличивающійся притокъ женщинъ въ различныхъ отрасляхъ труда стѣсняетъ поле дѣятельности мужчинъ и, тѣмъ самымъ, косвенно мѣшаетъ имъ рано создавать собственную семью. Словомъ, съ какой бы стороны мы ни разсматривали вопросъ, духъ самостоятельности женщины возвышаетъ женщину, но душитъ семью, совершенствуетъ личность, но вредитъ обществу, дѣлаетъ изъ американки, пожалуй, самый нѣжный продуктъ культурнаго человѣчества, но въ то же время вызываетъ самыя серьезныя опасенія за физическое сохраненіе американскаго народа.

Темныя тучи собираются, однако, еще и съ другой стороны. Изъ-за вызывавшаго столько разговоровъ вреднаго вліянія, которое женская самостоятельность оказываетъ на семью, нельзя оставлять безъ вниманія то вредное вліяніе, которое оказывается на всю духовную культуру.

Разница между положеніемъ дѣла въ Америкѣ и Германіи и здѣсь также вполнѣ ясна. Женское движеніе въ Германіи стремится къ тому, чтобы обезпечить женщинѣ болѣе значительное участіе въ общественной культурной жизни, но при этомъ не подвергается сомнѣнію, что въ опредѣленіи цѣлей культурной работы рѣшающая роль, само собою разумѣется, сохраняется за мужчинами. Подобно тому, какъ безспорнымъ положеніемъ въ Германіи остается мысль, что бракъ есть самая желательная сфера приложенія женскихъ силъ, такъ молчаливымъ признаніемъ пользуется и то положеніе, что духовной культурѣ придаетъ ея истинный характеръ мужчина. Въ Аме-

рикѣ не только положеніе о бракѣ, но и положеніе относительно культуры давно уже подточено сомнѣніями, и народъ дѣйствуетъ такъ, какъ будто оба эти догмата —устарѣлыя сказки такой религіи, которая изобрѣтена ради удобства одной стороны, властителей-мужчинъ, и которая при переоцѣнкѣ цѣнностей въ интересахъ всего народа, представляемаго обоими полами, должна быть оставлена.

Болѣе того, если смотрѣть на вещи прямо, не закрывая глазъ, то едва ли можно сомнѣваться, что все направлено къ тому, чтобы не только уничтожить рѣшающій голосъ мужчины и обезпечить равное вліяніе для женщины, но установить такое же одностороннее преобладаніе женщины. Въ коммерціи, правѣ и политикѣ американскій мужчина еще и теперь господствуетъ безраздѣльно; несмотря на огромный приливъ женщинъ къ торговымъ профессіямъ, онѣ въ торговлѣ и промышленности всюду остаются лишь въ подчиненномъ положеніи и нигдѣ не занимаютъ руководящаго мѣста, а что касается до политики, то чрезвычайно характеренъ для нравственной чистоты націи тотъ фактъ, что, несмотря на свою огромную власть въ обществѣ, женщины не пріобрѣли ни малѣйшаго личнаго вліянія въ сферѣ высшей политики. За то ей принадлежатъ области обученія и религіи, литературы и искусства, соціальные вопросы и общественная нравственность. Для женщины пишутся картины и стихотворенія, для женщины существуетъ музыка и театръ, для женщины украшается и нравственно очищается городъ; работаетъ ли при этомъ она сама, это не существенно, но ея вкусъ и ея чувство имѣютъ здѣсь рѣшающее значеніе, ея взглядомъ опредѣляется окончательное сужденіе, отъ ея оцѣнки зависятъ награды. Если на вопросъ о семьѣ самый яркій свѣтъ проливаетъ то число, которое показываетъ уменьшеніе коренного населенія въ штатахъ Новой Англіи, то на вопросъ о культурѣ бросаетъ полный свѣтъ лишь другое число, которое мы уже встрѣтили въ статистикѣ профессій: 327.614 учительницъ приходятся въ Америкѣ на 111.710 учителей.

Американское обученіе дается, слѣдовательно, на три четверти женщинами, и даже въ высшихъ школахъ, въ которыхъ мальчики большей частью остаются до восемнадцатаго или девятнадцатаго года, учительницы составляютъ 57,7% всего преподавательскаго персонала, а въ семинаріяхъ, гдѣ совмѣстно готовятся къ своей дѣятельности будущіе учителя и учительницы, лекторши составляютъ 71,3%. Такимъ образомъ, молодые люди получаютъ въ тѣ года, когда мальчикъ превращается въ юношу, большую часть духовныхъ импульсовъ отъ женщинъ-учительницъ, и всѣ тѣ, которые впослѣдствіи должны сами сдѣлаться учителями и воспитывать подростающее поколѣніе націи,

подвергаются прежде всего также рѣшающему вліянію со стороны женщинъ. Правда, въ колледжахъ и университетахъ дѣло пока обстоитъ иначе, но и здѣсь это не можетъ долго такъ продолжаться, если не будутъ подвергнуты пересмотру основные принципы. Большое число дѣвушекъ, которыя сдаютъ докторскіе экзамены и получаютъ спеціальную научную подготовку, должно все въ большей мѣрѣ искать себѣ занятія на каѳедрахъ, такъ какъ иначе ихъ работа безполезна. И здѣсь опять-таки, точно такъ же, какъ въ школѣ, экономическія условія сыграютъ важную роль въ пользу женщинъ. Такъ какъ женщинѣ не приходится содержать семью, то она можетъ принимать какую-либо должность съ настолько меньшимъ вознагражденіемъ, что мужчина будетъ все меньше въ состояніи выдерживать ея конкуренцію. Вѣдь можно ясно предвидѣть, что если всѣ остальные соціальные факторы останутся неизмѣнными, женщина въ концѣ-концовъ завоюетъ любое положеніе во всѣхъ областяхъ, въ которыхъ она станетъ экономически соперничать съ мужчиною, за исключеніемъ тѣхъ, гдѣ требуется спеціально мужская сила; такъ это было на фабрикахъ, такъ оно происходитъ въ школахъ, и такъ это можетъ быть спустя два-три десятка лѣтъ въ церкви и въ университетахъ.

Но хотя въ настоящее время каѳедра еще принадлежитъ, главнымъ образомъ, мужчинамъ, однако присутствіе значительнаго числа женщинъ въ аудиторіи не можетъ не оказывать вліянія на всю работу; лекторъ по необходимости приспособляется точно такъ же, какъ и ораторъ, который, выступая передъ публикой, всегда напередъ знаетъ, что по крайней мѣрѣ двѣ трети его слушателей будутъ составлять женщины, одѣтыя по послѣдней модѣ. И многіе ясно видятъ, что такимъ образомъ духовная культура и общественное мнѣніе въ вопросахъ, не касающихся политики, все больше и больше становятся достояніемъ, надъ которымъ властвуютъ женщины. Большинство привѣтствуетъ это единственное въ міровой исторіи положеніе вещей, какъ успѣхъ въ дифференцировкѣ націи. Мужчина заботится объ экономическомъ и политическомъ прогрессѣ, женщина—о нравственномъ и религіозномъ, художественномъ и интеллектуальномъ. Если возникаетъ сомнѣніе въ томъ, по плечу ли ей эта задача, то защитники считаютъ достаточнымъ указать на ту серьезность и добросовѣстность, съ которою американская женщина исполняетъ свои общественныя обязанности, на усердіе и успѣхи, съ которыми она отдается своимъ научнымъ занятіямъ, на побѣду, которую она одерживаетъ всюду въ соперничествѣ съ мужчиною.

Другіе же—и число ихъ растетъ съ каждымъ днемъ—чувствуютъ все-таки, что одна лишь серьезность еще не есть сила

что усердіе еще не есть господство надъ предметомъ, что успѣхъ не много означаетъ, когда награды раздаются только единомышленникамъ, и что побѣда при соперничествѣ не доставляетъ чести, когда она, въ сущности, построена на готовности брать низшую плату. Рѣчь идетъ въ дѣйствительности не объ одномъ лишь раздѣленіи труда, а о принципіальной перемѣнѣ въ характерѣ самого труда. Кто безпристрастно оцѣниваетъ работу американскихъ женщинъ въ роли учительницъ или студентокъ университета, въ качествѣ профессіональныхъ работницъ или дѣятельницъ, выступающихъ для проведенія соціальной реформы, или въ какой угодно другой общественной роли, тотъ можетъ и долженъ удивляться женщинамъ, достигающимъ такихъ результатовъ, онъ можетъ даже признавать особыя преимущества ихъ работы, но долженъ безусловно признать также, что это—именно работа особаго типа, совсѣмъ не одинаковая съ мужскою. Женская эмансипація и женское образованіе въ Америкѣ не даютъ и въ настоящее время, въ апогеѣ своего развитія, ни малѣйшаго доказательства, что женщина способна въ духовной области работать такъ же, какъ мужчина; то, что она создаетъ, имѣетъ не меньшую цѣнность, но оно совершенно иное, и работа, выполняемая во всѣхъ остальныхъ культурныхъ странахъ, не можетъ и въ Соединенныхъ Штатахъ перейти въ руки женщины, не измѣнившись въ самомъ своемъ существѣ.

Нельзя не признавать, что въ душѣ женщины существуетъ тенденція соединять въ одно цѣлое все содержаніе сознанія, между тѣмъ какъ мужчина легче удерживаетъ въ раздѣльномъ видѣ самостоятельныя группы представленій. У каждаго душевнаго строя, какъ мужского, такъ и женскаго, есть свои преимущества и свои недостатки. Непосредственнымъ результатомъ женскаго душевнаго склада являются тактъ и эстетическое чувство женщины, ея увѣренный инстинктъ, ея воодушевленіе, ея симпатія, ея чистота; но съ другой стороны этому отвѣчаютъ недостатокъ логической послѣдовательности, тенденція къ поспѣшнымъ обобщеніямъ, слишкомъ низкая оцѣнка всего отвлеченнаго и отсутствующаго, склонность поддаваться чувствамъ и настроеніямъ. Даже и эти недостатки и слабыя стороны могутъ украшать домашнюю жизнь, могутъ придавать новую прелесть нашей соціальной обстановкѣ и смягчать суровую, жесткую жизнь мужчины, но они не даютъ такой силы, чтобы исполнять общественно-культурныя обязанности безъ помощи болѣе твердой мужской логики. Если бы вся духовная культура націи сдѣлалась женственною, то она въ концѣ-концовъ должна остаться безсильной и не можетъ оказывать рѣшающаго вліянія на міровой прогрессъ.

Высшая духовная жизнь, какою живутъ женщины въ кол-

леджахъ и въ университетахъ и которая какъ будто яснѣе всего свидѣтельствуетъ объ ихъ интеллектуальной равноправности, на самомъ дѣлѣ обнаруживаетъ именно различіе. То, что даютъ, напримѣръ, лучшіе женскіе колледжи, достойно удивленія и можетъ служить образцомъ, но ихъ міръ все же остается, въ сущности, маленькимъ, искусственнымъ міромъ, гдѣ всѣ углы срѣзаны и гдѣ вмѣсто солнца свѣтятъ бенгальскіе огни. И если въ университетахъ со смѣшаннымъ составомъ слушателей женщины часто работаютъ успѣшнѣе мужчинъ, то нельзя забывать, что система американскихъ колледжей, съ ея многочисленными испытаніями, даетъ больше наградъ за прилежаніе, вниманіе и усердіе, нежели за критическую работу мысли и творческую логику. Болѣе того, нельзя отрицать, что до сравнительно недавняго времени американскіе университеты во всѣхъ отношеніяхъ больше развивали духъ ученія, чѣмъ духъ изслѣдованія, больше занимались усвоеніемъ, чѣмъ созиданіемъ; и новое направленіе, гдѣ главное значеніе придается самостоятельной научной работѣ, принялось, главнымъ образомъ, въ тѣхъ изъ руководящихъ восточныхъ университетахъ, въ которые женщины не имѣютъ доступа, между тѣмъ какъ западные университеты, особенно сосредоточенные на Западѣ государственные университеты, въ которыхъ преобладаютъ женщины, во многихъ отношеніяхъ представляютъ еще старый типъ. Есть, конечно, нѣсколько американскихъ женщинъ, научныя работы которыхъ превосходны и могутъ быть причислены къ лучшимъ продуктамъ американской науки, но это все же чрезвычайно рѣдкія исключенія. Въ массѣ же всюду обнаруживается тенденція не творить, а воспроизводить. Съ необыкновеннымъ усердіемъ занятія ведутся именно до того пункта, гдѣ должна бы начаться критическая работа, но здѣсь-то слишкомъ легко силы измѣняютъ. И если не имѣть постоянно въ виду немногихъ исключеній, то едва ли можно утверждать, что истинно-научный духъ сталъ бы развиваться, если бы хранительницами его были однѣ только американскія докторессы.

Гораздо яснѣе обнаруживается, конечно, различіе на болѣе низкой ступени, среди широкихъ массъ. Полуобразованный американецъ воздерживается отъ сужденія о томъ, что лежитъ внѣ его сферы, каждая же едва-едва образованная американская женщина напрасно стала бы искать такой области, въ которой у нея не было бы готовыхъ сужденій, и ея господство надъ общественнымъ мнѣніемъ, поскольку послѣднее не касается вопросовъ политики, покрываетъ, такимъ образомъ, всю культуру паутиною пошлостей и превратныхъ взглядовъ. Конечно, паутина — не веревки, которыя связываютъ, и каждая твердая метла легко ее выметаетъ, но назойливое проявленіе этой жен-

ской мудрости свидѣтельствуетъ именно, какъ симптомъ, о существенномъ свойствѣ женской души и указываетъ на ту опасность, которая создается господствомъ женщинъ въ духовной жизни. Ни въ одной изъ прочихъ культурныхъ странъ, напримѣръ, медицина не встрѣчаетъ такихъ систематическихъ препятствій въ формѣ различныхъ домашнихъ средствъ, патентованныхъ лекарствъ и исцѣляющихъ молитвъ: за нихъ ведетъ войну армія едва-образованныхъ женщинъ. Ни въ одной изъ прочихъ культурныхъ странъ этическое міровоззрѣніе націи не получаетъ столько брешей благодаря суевѣрію и спиритическимъ фокусамъ: здѣсь слово принадлежитъ истерическимъ женщинамъ. Ни въ одной изъ прочихъ культурныхъ странъ прочнымъ успѣхамъ соціальной и педагогической реформы не мѣшаютъ такъ сильно модные капризы и глупыя теоріи, нигдѣ основательная работа не задерживается такъ сторонниками туманныхъ нелѣпостей: здѣсь женщины становятся гіэнами и насмѣхаются надъ отчаяніемъ тѣхъ, кто серьезно ищетъ новыхъ путей въ педагогикѣ и соціальной жизни.

Все это не должно служить къ отрицанію того, что многое изъ работъ американскихъ женщинъ дѣйствительно выполнялось женщинами лучше, чѣмъ могло бы быть выполнено мужчинами. Прежде всего, не подлежитъ сомнѣнію, что участіе женщинъ въ учительской дѣятельности имѣло для Америки огромное культурное значеніе. Когда надо было на «дикомъ Западѣ» замѣнить грубость піонеровъ болѣе мягкими нравами, нѣжное женское вліяніе въ школѣ оказывалось гораздо плодотворнѣе, чѣмъ мужская работа, и если необходимо массу иммигрирующихъ школьниковъ въ большихъ городахъ превратить въ юныхъ американцевъ, то и здѣсь терпѣніе учительницы является неоцѣнимою силой. А то, что происходитъ въ классной комнатѣ, повторяется и въ общественной жизни. Участіе женщины въ общественной жизни безчисленными путями смягчило и утончило американскую культуру, украсило и обогатило ее, но не укрѣпило и не углубило. Прирожденный диллетантизмъ американки слишкомъ часто направлялъ ея вліяніе по поверхности вмѣсто того, чтобы направить его вглубь.

Не можетъ быть сомнѣнія и въ томъ, что этотъ переходъ духовной культуры въ женскія руки былъ необходимъ для прогресса страны. Это была форма раздѣленія труда, которая навязывалась сама собою въ виду огромности экономическихъ и политическихъ задачъ, стоявшихъ передъ мужчиною. Ни одна изъ европейскихъ странъ никогда не была вынуждена въ такое короткое время столько сдѣлать въ экономическомъ, техническомъ и политическомъ отношеніи, сколько сдѣлали Соединенные Штаты за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, чтобы исполнить

свое культурное назначеніе. Силы мужчины были здѣсь поглощены въ такой мѣрѣ, что духовная культура могла сохраниться и развиться только при томъ условіи, если женщина со своимъ усердіемъ и серьезнымъ отношеніемъ взяла на время эту работу на себя. Будетъ ли это, дѣйствительно, на время? Замѣтитъ ли мужчина, что его односторонняя сосредоточенность на политикѣ и экономической дѣятельности должна въ концѣ-концовъ приносить ущербъ націи? Это—одинъ изъ вопросовъ, наиболѣе важныхъ для будущности страны. Не можетъ, конечно, быть рѣчи о томъ, чтобы разрушить великолѣпные успѣхи, достигнутые женщинами. Никто не можетъ желать, чтобы это высокое духовное развитіе, эта женская серьезность, это стремленіе къ цѣнному жизненному содержанію были легкомысленно уничтожены, чтобы сестры и матери снова превратились въ куклы и хозяйственныя машины. Ничто не должно быть утрачено, но рѣшительно необходимымъ становится встрѣчное движеніе со стороны мужчины, чтобы противодѣйствовать диллетантской поверхности, не знающей критики вѣрѣ въ авторитеты, вліянію чувствъ, не знающихъ логики.

Само по себѣ женское духовное господство имѣло бы тенденцію все болѣе укрѣпляться, такъ какъ, чѣмъ болѣе духовныя явленія носятъ женскій отпечатокъ, тѣмъ меньше тяготѣнія къ нимъ испытываетъ мужчина; такъ, напримѣръ, число мужчинъ учителей все уменьшается, потому что благодаря женскому большинству преподавательскаго персонала школа все больше дѣлается такимъ мѣстомъ, гдѣ мужчина чувствуетъ себя не въ своей сферѣ.

Но другіе факторы все же сильно дѣйствуютъ на общественное сознаніе въ противоположномъ направленіи. А главное, экономическая жизнь достигла пункта насыщенія, страна вся уже сдѣлалась доступна для эксплуатаціи, слѣды разстройства, вызваннаго гражданской войною, наконецъ, окончательно сгладились, внутреннія противорѣчія стали незначительными въ сравненіи съ внутреннимъ единствомъ, положеніе міровой державы уже достигнуто, и богатство націи за короткое время увеличилось во много разъ. При такихъ условіяхъ естественной реакціей является то, что силы мужчины снова больше обращаются отъ торговли и промышленности, отъ войны и политики къ духовной культурѣ. Отъ силы этого встрѣчнаго движенія будетъ зависѣть, сдѣлается ли самостоятельность американской женщины безусловнымъ благомъ для страны, или зломъ; въ духовномъ же безбрачіи женщина никогда не произведетъ культурныхъ цѣнностей самаго высшаго рода.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ ГЛАВА.

Аристократическія тенденціи.

Въ каррикатурахъ, при помощи которыхъ европеецъ такъ любитъ изображать американца и которыя онъ съ такимъ простосердечіемъ принимаетъ за истину, рядомъ съ грубіяномъ безъ сюртука, воплощающимъ равенство, и варваромъ, который занятъ погоней за долларомъ, стоитъ обыкновенно еще и богатая наслѣдница, обмѣнивающая свои милліоны на княжескую корону; тяготѣніе къ захудалымъ женихамъ изъ высшей аристократіи считается единственнымъ признакомъ того, что янки способенъ желать чего-то высшаго въ соціальномъ отношеніи. Самъ американецъ позволяетъ себѣ имѣть на этотъ счетъ нѣсколько иное мнѣніе. Что вокругъ юной американки изъ лучшихъ круговъ общества, съ ея нѣжной духовной свѣжестью и увѣреннымъ инстинктомъ приспособляемости, увиваются мужчины всѣхъ націй, это не кажется ему страннымъ, и его не удивляетъ, что среди поклонниковъ есть и люди съ историческими именами. Но давно уже прошло то время, когда бракъ съ такимъ господиномъ считался завиднымъ возвышеніемъ для дочери американскаго гражданина. Даже газеты теперь съ легкой насмѣшкой говорятъ о подобныхъ бракахъ, которые въ дѣйствительно лучшихъ кругахъ американскаго общества становятся все болѣе рѣдкими, и именно это движеніе меньше всего можетъ считаться признакомъ аристократическихъ тенденцій. Желаніе смѣшаться съ интернаціональной исторической аристократіей Европы принципіально чуждо американцу, и онъ нигдѣ не пытается и никогда не станетъ пытаться искусственно подражать аристократическимъ установленіямъ европейскаго континента.

Совершенно ошибочно было бы думать, что американецъ, соприкасаясь съ европейскими князьями, желаетъ забыть или скрыть свою демократичность. Аристократическій строй, особенно англійскій, интересуетъ его прежде всего съ исторической точки зрѣнія. Онъ старается войти въ соприкосновеніе съ нимъ точно такъ же, какъ посѣщаетъ развалины старыхъ замковъ,

нисколько не желая при этомъ, чтобы его собственный загородный домъ у Гудзона превратился въ заброшенный рыцарскій замокъ. Затѣмъ ему доставляютъ эстетическое удовольствіе придворное великолѣпіе, военный блескъ, богатство символовъ, и, наконецъ, совершенно независимо отъ всего этого, онъ питаетъ живой интересъ къ отдѣльнымъ, чарующимъ фигурамъ европейскаго политическаго міра, и прежде всего къ личности германскаго императора. Но безразлично, руководствуется ли американецъ историческими, эстетическими или личными интересами, никогда не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы онъ чувствовалъ себя ниже другой личности только потому, что она является представителемъ аристократическаго строя. Когда принцъ Генрихъ во время своего посѣщенія Новаго Свѣта сразу завоевалъ, какъ человѣкъ, симпатіи американцевъ, то въ привѣтственныхъ рѣчахъ нигдѣ не звучалъ такой тонъ, который шелъ бы въ разрѣзъ съ основнымъ тономъ соціальной демократіи. Ораторы въ своихъ застольныхъ рѣчахъ отдавали, согласно демократическому обычаю, предсѣдательствующему хозяину первое мѣсто передъ царственнымъ гостемъ и начинали свое обращеніе словами: «Господинъ бургомистръ, ваше королевское высочество».

При этомъ въ то же время все болѣе исчезаетъ аффектированное демократическое презрѣніе къ монархамъ; образованный американецъ все яснѣе начинаетъ чувствовать, что каждая данная форма государственнаго устройства есть продуктъ опредѣленныхъ историческихъ условій, и что каждая сама по себѣ не лучше другой. Онъ чувствуетъ, что нисколько не измѣняетъ идеѣ республиканскаго государственнаго строя и своему отечеству, когда, далекій отъ лести, онъ выражаетъ уваженіе коронованнымъ особамъ. Онъ выражаетъ свое уваженіе къ монархическому строю прежде всего потому, что дружественныя сношенія съ другими государствами дѣлаютъ возможнымъ обоюдное признаніе, и демократія, слѣдовательно, сама возвышается, когда отказывается отъ смѣшного положенія, будто она съ презрѣніемъ, сверху внизъ, смотритъ на аристократію. Этимъ объясняется и тотъ фактъ, что въ послѣднее время природные американцы нерѣдко принимаютъ европейскіе ордена; они отлично знаютъ, что не могутъ никогда надѣть этого украшенія на американской почвѣ, но имъ кажется неделикатнымъ отвергнуть то, что имъ любезно предлагается,—если только дѣло не касается политическихъ дѣятелей, которые желаютъ подчеркнуть самый принципъ. Демократія чувствуетъ достаточную увѣренность въ себѣ, чтобы быть въ состояніи съ вѣжливостью принимать акты вѣжливости другой стороны; но никому и въ голову не приходитъ, что европейскіе монархическіе символы

обладаютъ силою возвышать кого-нибудь надъ демократическимъ равенствомъ. Чувство полнѣйшей равноцѣнности, и даже болѣе того—вѣра въ взаимное признаніе этой равноцѣнности является въ новѣйшее время чѣмъ-то, что само собою разумѣется, и только въ предвыборныхъ собраніяхъ ирландской черни раздаются громовыя рѣчи о господствѣ тирановъ въ Европѣ. Итакъ, надо считать безспорнымъ, что Америка не имѣетъ ни малѣйшей склонности создавать у себя аристократическую дифференцировку посредствомъ заимствованія внѣшнихъ пріемовъ у исторической аристократіи Европы.

Многимъ кажется, будто это значитъ, что единственной аристократіей, которую знаетъ Америка, является «кучка милліардеровъ». Въ Ньюпортѣ и на пятомъ авеню ихъ резиденція, на ихъ капризы и эксцентрическія выходки глядитъ вся страна, ихъ семейныя торжества описываются печатно болѣе подробно, чѣмъ любыя придворныя празднества въ газетахъ Европы, и быть принятымъ въ ихъ среду—это цѣль, къ которой направлены всѣ усилія честолюбивыхъ милліонеровъ. Иной американецъ, находящійся подъ гипнотическимъ вліяніемъ сенсаціонной печати, пожалуй, и не возражалъ бы противъ этого опредѣленія. Кто судитъ только по самымъ внѣшнимъ признакамъ, тотъ могъ бы дѣйствительно подумать, что ньюпортскіе крезы руководятъ соціальной жизнью американскаго народа. Среди же тѣхъ, кто является только зрителемъ издали, это должно бы вызывать неудовольствіе, потому что все, о чемъ трубятъ газеты по поводу жизни этихъ крезовъ, звучитъ какъ насмѣшка надъ здоровымъ, истинно-американскимъ чувствомъ. Фонтаны изъ духовъ, парадные обѣды на лошадяхъ, котильоны съ раздачею звѣздъ изъ настоящихъ брилліантовъ, словомъ, это безсмысленное расточеніе богатства, щеголяющее размѣромъ тратъ и не доставляющее даже эстетическаго наслажденія, не можетъ производить впечатлѣнія на народъ піонеровъ.

Кто ближе присматривается къ положенію вещей, тотъ видитъ, однако, что оно не такъ печально и что сенсаціонная крикливость исходитъ не столько отъ людей, которые тратятъ милліоны, сколько отъ тѣхъ, кто пишетъ «отъ строки». На самомъ дѣлѣ въ этихъ кругахъ, несмотря на многія излишества, царитъ изысканный вкусъ; здѣсь много пониманія истиннаго искусства, бодрое наслажденіе спортомъ въ большомъ масштабѣ, космополитическое умѣнье держать себя, величайшее изящество въ туалетахъ женщинъ и въ сервировкѣ стола, и веселость, которая гордо является представительницей самой богатой страны въ мірѣ. Эти круги, безспорно, менѣе интересны, чѣмъ нѣкоторые другіе, гораздо болѣе скромные слои общества, но это же можно вѣдь сказать во всемъ мірѣ о тѣхъ кругахъ, для кото-

рыхъ удовольствіе становится единственной работой въ жизни. Ихъ развлеченія и проявленія роскоши, безспорно, имѣютъ въ себѣ меньше индивидуальности и болѣе шаблонны, чѣмъ аналогичныя явленія въ тѣхъ европейскихъ кругахъ, которые живутъ въ подобномъ же богатствѣ, но это обусловлено уже однимъ принудительнымъ вліяніемъ людей въ американской жизни, которая слишкомъ мало терпима къ красивой своеобразности отдѣльной личности. Тѣмъ не менѣе ни дипломатическій Вашингтонъ, ни центръ умственной жизни—Бостонъ, ни центръ кулинарнаго искусства—Балтимора, ни Филадельфія со своей старой культурой, ни Чикаго со своей юной культурой, ни космополитическій С. Франциско—не могутъ указать у себя такихъ группъ, которыя были бы болѣе способны играть руководящую роль въ мірѣ, гдѣ желаютъ во что бы то ни стало доставлять себѣ дорогія удовольствія, чѣмъ эти нью-іоркскіе «четыреста».

И все же весь расчетъ построенъ на одной основной ошибкѣ. Надо сказать, что просто невѣрно, будто эти круги имѣютъ хотя въ какой-нибудь мѣрѣ рѣшающее вліяніе на націю и будто они, такимъ образомъ, сдѣлались исходнымъ пунктомъ въ созданіи аристократическаго новаго строя. Обыкновенный американецъ, если у него еще сохранилось истинно-пуританское сердце, читаетъ съ искреннимъ огорченіемъ, что во время какой-нибудь свадьбы на украшеніе церкви ландышами истрачено больше, чѣмъ получаютъ въ годъ тридцать учителей, вмѣстѣ взятые, и что сыновья геніальныхъ дѣятелей промышленности, открывавшихъ новые пути въ ней, проводятъ свое время въ питьѣ и автомобильныхъ гонкахъ. Если же этотъ американецъ—истое дитя большого города, то ему, наоборотъ, доставляетъ удовольствіе читать въ своей газетѣ о постройкѣ новѣйшей яхты, объ украшеніи бальнаго зала въ новѣйшемъ дворцѣ или о послѣднемъ бракоразводномъ процессѣ, имѣвшемъ мѣсто въ этихъ наиболѣе изысканныхъ кругахъ. Только въ одномъ отношеніи сходятся оба читателя, огорчающійся и получающій удовольствіе: какъ тому, такъ и другому совсѣмъ не приходитъ въ голову серьезно смотрѣть на все это съ точки зрѣнія націи. Одинъ возмущается тѣмъ, что въ его великомъ, здоровомъ, серьезно трудящемся отечествѣ терпятъ и глазѣютъ на такое мотовство и такую грѣховность, другой радуется, что его отечество теперь такъ велико, и богато, и сильно, что можетъ позволить себѣ и такую игру въ роскошь. Онъ глядитъ, улыбаясь, какъ въ театрѣ, гдѣ ставится водевиль, но къ актерамъ, разыгрывающимъ этотъ водевиль, и онъ, въ сущности, не относится серьезно. Одинъ смотритъ на эту кучку людей, какъ на нравственное болото, другой видитъ въ ней легкую

эстетическую накипь, и оба при этомъ придаютъ слишкомъ большое значеніе эксцентрическимъ капризамъ, и слишкомъ малое—тому неуклонному вліянію, которое эти круги оказываютъ на поднятіе художественнаго вкуса и на истинное утонченіе нравовъ. Настоящею аристократіей эту кучку считаютъ только она сама, да ея постоянные поставщики, включая сюда и редакцію газеты «Newyork Herald».

Тѣмъ не менѣе американское общество все же начинаетъ серьезно дифференцироваться. Здѣсь рѣчь идетъ не о той, существующей только въ воображеніи, аристократіи, которая будто бы стремится подражать европейскому монархическому духу, и не о той псевдо-аристократіи, которая соединилась для пляски вокругъ уставленнаго золотыми приборами стола. Рѣчь идетъ объ истинной аристократіи руководящихъ круговъ, которая медленно выдѣляется изъ соціальной жизни націи и этимъ даетъ толчокъ къ все болѣе отчетливому расчлененію различныхъ соціальныхъ слоевъ. Въ ней вовсе не отсутствуетъ вліяніе богатства, но только здѣсь возвышающимъ моментомъ является не богатство само по себѣ. Здѣсь не отсутствуетъ и историческій принципъ семейнаго наслѣдованія, но возвышаетъ здѣсь не одна лишь длина родословной; къ вліянію богатства и семьи здѣсь присоединяется, прежде всего, значеніе болѣе глубокаго образованія и личнаго таланта, и путемъ соединенія этихъ факторовъ, ихъ взаимнаго скрещиванія создается въ Новомъ Свѣтѣ руководящая группа, которая имѣетъ дѣйствительно національное значеніе.

Если бы требовалось назвать одно имя, которое принадлежитъ типичному представителю этой новой аристократіи, то можно назвать Рузвельта. Въ 1649 году Класъ Рузвельтъ прибылъ въ Нью-Нетерлэндъ, нынѣшній Нью-Іоркъ, и мужскіе потомки его изъ поколѣнія въ поколѣніе работали въ интересахъ общественнаго блага. Джемсъ Рузвельтъ, прадѣдъ президента, безплатно служилъ въ континентальной арміи во время войны за независимость; дѣдъ отдалъ большую часть своего состоянія на благотворительныя цѣли, отецъ неутомимо работалъ во главѣ патріотическихъ предпріятій во время междоусобной войны. Наравнѣ съ интересомъ къ общественному благу переходили по наслѣдству благосостояніе и любовь къ спорту и блестящей жизни. Рузвельты уже давно ѣздили по парку на четверкѣ.

Эта буржуазія, воспитавшаяся подъ вліяніемъ традицій, подверглась и вліянію лучшей духовной культуры Новой Англіи: Теодоръ Рузвельтъ прежде всего—питомецъ Гарвардскаго университета. Корни его существа полностью ушли въ классическую почву Гарвардскаго міра; исторія родного народа сдѣ-

лалась для него любимымъ предметомъ изученія; онъ далъ историческія работы съ широкимъ кругозоромъ. Но къ этому у него присоединялся крупный административный талантъ, и дѣйствительныя заслуги чрезвычайно быстро возвышали его со ступеньки на ступеньку. И такимъ образомъ соединились образованность и общественная работа, богатство и семейныя традиціи, создавъ въ результатѣ культурную цѣнность, которая возвышаетъ этого человѣка въ соціальномъ отношеніи гораздо больше, чѣмъ могла бы возвысить сама по себѣ президентская должность. Макъ-Кинли, былъ, пожалуй, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сильнѣе его, но въ мірѣ Макъ-Кинли отсутствовали качественныя различія аристократическихъ оттѣнковъ. Это была—картина на плоскости, гдѣ говорить о третьемъ измѣреніи, о высотѣ, не имѣло и смысла. Лишь въ лицѣ Рузвельта въ Бѣломъ Домѣ поселился аристократъ, и рядомъ съ нимъ, какъ такіе же аристократы, стоятъ многіе другіе, которые никогда сами не стали бы мечтать объ очень видной политической роли.

Аристократическая дифференцировка можетъ успѣшно происходить въ странѣ, у которой демократическія основы такъ прочны и широки, лишь въ томъ случаѣ, если движеніе начинается съ обоихъ концовъ, сверху и снизу, а главное, если оно съ той и съ другой стороны совершается въ благопріятномъ для культурнаго развитія направленіи. Если бы дѣло заключалось въ томъ, что одна сторона стала бы требовать для себя преимуществъ и поддерживала бы свои притязанія бьющимъ въ глаза великолѣпіемъ, а отъ другой стороны, отъ людей, стоящихъ въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ, стала бы требовать подчиненія въ какой-либо формѣ, то всякая попытка этого рода была бы обречена на неудачу. Притязаніе на преимущества, поддерживаемое гипнотизирующимъ великолѣпіемъ, и соотвѣтствующее этому подчиненіе слабѣйшихъ могутъ сами по себѣ поддерживать существованіе аристократіи, но только въ томъ случаѣ, если въ этомъ направленіи созданы исторіей долголѣтнія привычки; на свѣжей же почвѣ такая форма вырожденія не можетъ возникнуть въ качествѣ начальнаго состоянія. Чтобы создалось нѣчто новое, для этого наверху рѣчь должна итти не о преимуществахъ, а объ обязанностяхъ, а внизу этому должно отвѣчать не чувство приниженности, а чувство довѣрія. И именно такое настроеніе усиливается съ каждымъ днемъ.

Яснѣе всего можно видѣть, что подобныя обязанности налагаются богатствомъ; и, быть-можетъ, богатство больше всего содѣйствовало тому, чтобы въ американскомъ обществѣ началась аристократическая дифференцировка. Но здѣсь рѣчь идетъ уже не о томъ богатствѣ, которое служитъ средствомъ

для расточительной роскоши или даже крикливаго великолѣпія, а о богатствѣ, работающемъ надъ культурными задачами націи. Какъ ни противорѣчитъ это предразсудкамъ Стараго Свѣта, но надо сказать, что богатство само по себѣ не даетъ въ Новомъ Свѣтѣ соціальнаго положенія. Само собою разумѣется, что богатство всюду создаетъ извѣстныя формы зависимости, но покуда власть заключается только въ возможности давать другимъ людямъ заработокъ, о соціальной дифференцировкѣ, конечно, не можетъ быть рѣчи. Пользоваться большимъ почетомъ у владѣльцевъ магазиновъ и у посредниковъ по продажѣ земли—это не возвышаетъ, и вообще американецъ чрезвычайно строго отдѣляетъ достояніе отъ лица, которое имъ владѣетъ. Въ своей дѣловой жизни онъ такъ привыкъ вести сношенія съ безличными учрежденіями, что фактъ распоряженія денежными средствами въ его глазахъ не возвышаетъ личности того, кто ими распоряжается. Именно въ западныхъ городахъ, гдѣ жизнь въ гораздо большей степени, чѣмъ на Востокѣ, вращается вокругъ вопросовъ, связанныхъ съ деньгами, понятіе личной дифференціаціи самихъ людей, въ смыслѣ разграниченія различныхъ слоевъ, менѣе всего развито. Одинъ лишь фактъ, что такой-то человѣкъ спекулировалъ удачно, а другой неудачно, что земельная собственность другого потеряла свою цѣнность—одинъ лишь этотъ фактъ не можетъ вызвать мысль о внутреннемъ различіи обоихъ владѣльцевъ. Отношенія въ этомъ случаѣ сохраняютъ чисто-экономическій характеръ, безъ всякой примѣси соціальныхъ элементовъ.

Сюда примѣшивается развѣ только извѣстное любопытство; такъ какъ богатство создаетъ множество разныхъ возможностей, то у окружающихъ вызывается напряженное ожиданіе и дается пища для ихъ фантазіи. Въ этомъ смыслѣ главнымъ образомъ въ маленькихъ и среднихъ городахъ группа состоятельныхъ людей является центромъ общественныхъ интересовъ, и аналогичное положеніе занимаютъ самые крупные богачи въ большихъ городахъ. Но быть объектомъ такого газетнаго любопытства совсѣмъ не значитъ пользоваться особымъ уваженіемъ современниковъ. Милліонеръ въ этомъ отношеніи занимаетъ такое же положеніе, какъ оперный теноръ и, въ сущности, такое же, какъ не отысканный виновникъ послѣдняго убійства. Простое раздраженіе фантазіи играетъ здѣсь тѣмъ большую роль, что дѣйствительная жизнь расписываетъ подобныя различія сравнительно блѣдными красками.

Если оставить въ сторонѣ безумно дорогія выходки, практикуемыя небольшимъ кругомъ лицъ, то внѣшнія различія въ образѣ жизни, въ общемъ, мало замѣтны и нигдѣ не бросаются рѣзко въ глаза. Многіе жители американскаго большого

города, владѣющіе состояніемъ въ десять милліоновъ рублей, живутъ по внѣшности почти такъ же, какъ очень многіе, которымъ приходится пробавляться однимъ милліономъ. Съ другой стороны, и человѣкъ, занимающій скромное положеніе и получающій небольшой доходъ, напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы по внѣшности, по обстановкѣ своего дома и по костюму казаться какъ можно богаче. Онъ также не гонится за приданымъ и мало копитъ, такъ какъ его не привлекаетъ положеніе человѣка, живущаго рентою, а онъ, наоборотъ, желаетъ работать до послѣдняго дня своей жизни и рано пріучаетъ своихъ дѣтей стоять на собственныхъ ногахъ. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что различія, которыя приходится видѣть на улицѣ, мало бросаются въ глаза. У банкира есть собственный дворецъ и карета, его жена носитъ нарядъ изъ тюленьей кожи, но у его сапожника также есть собственный домъ и шарабанъ съ лошадью, и жена сапожника носитъ нарядъ изъ такой поддѣльной тюленьей кожи, въ которой только на ощупь можно распознать поддѣлку.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло, когда богатство разсматривается не какъ средство для удовлетворенія личныхъ потребностей, а какъ мѣрило личныхъ способностей, послужившихъ къ его созданію. Въ этомъ случаѣ все значеніе богатства сосредоточивается на томъ, кто имъ владѣетъ. Мы должны здѣсь еще разъ подчеркнуть, что именно въ этомъ возвратномъ дѣйствіи богатства заключается настоящій импульсъ американской экономической жизни. Богатство становится критеріемъ самодѣятельности, и если вся нація напрягаетъ свои силы, чтобы неустанно проявлять эту самодѣятельность, то инстинктивное уваженіе необходимо долженъ вызывать тотъ, кто преуспѣлъ больше другихъ. Богатство, пріобрѣтенное биржевой игрою или полученное по наслѣдству, свалившееся съ неба благодаря случайному поднятію цѣнъ или благодаря случайной монополіи,—такое богатство здѣсь уже не имѣетъ значенія, но богатство, пріобрѣтенное благодаря геніальному расчету и умѣнью предвидѣть, завоеванное увѣренною и покоряющею себѣ міръ энергіей и неутомимостью, новыми блестящими идеями и непоколебимой смѣлостью,—такое богатство имѣетъ полное значеніе. Въ такомъ творцѣ матеріальныхъ цѣнностей американецъ видитъ образецъ своихъ піонерскихъ добродѣтелей, прирожденнаго вождя своей экономической культуры, и онъ смотритъ на него съ искреннимъ уваженіемъ и ставитъ его гораздо выше, чѣмъ другого, которому случай далъ, быть-можетъ, въ десять разъ большее состояніе. Уваженіемъ пользуется не та сила, которую даетъ богатство, а та, которая создаетъ богатства.

Къ этому присоединяется затѣмъ болѣе важный элементъ—

уваженіе къ той силѣ, которая отдаетъ богатство или даже скромное состояніе на служеніе высшимъ цѣлямъ. Всякій не можетъ хотѣть всего. Кто строитъ больницы, тотъ можетъ не понимать значенія искусствъ; кто оказываетъ поддержку университетамъ, тотъ можетъ мало давать на церкви; собиратель скульптурныхъ произведеній можетъ не интересоваться воспитаніемъ негровъ, но во всякомъ случаѣ основнымъ догматомъ американскаго общества является положеніе, что только тѣ деньги даютъ почетъ, которыя отдаются на служеніе какой-нибудь идейной цѣли. И, быть-можетъ, на-ряду съ экономическимъ могуществомъ возможность пріобрѣсти именно такой почетъ является самымъ сильнымъ стимуломъ къ добыванію, болѣе сильнымъ, чѣмъ желаніе наслаждаться,—желаніе, которое и безъ того до извѣстной степени парализуется внѣшнимъ единообразіемъ американской жизни. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, конечно, трудно опредѣлить, въ какой мѣрѣ соціальное уваженіе является результатомъ идейной работы, или въ какой мѣрѣ идейная работа выполняется ради достиженія этого соціальнаго уваженія. Но фактически въ обществѣ создалось такое положеніе, что обязанности, налагаемыя богатствомъ, болѣе или менѣе признаются всѣми, и общественное сознаніе ведетъ дѣламъ отдѣльныхъ лицъ и ихъ соціальному значенію болѣе точный учетъ, чѣмъ если бы имѣлось въ виду раздавать ордена и титулы съ самыми тонкими оттѣнками.

Право отдѣльнаго человѣка сосредоточиться на чемъ-нибудь одномъ, будь это помощь слѣпымъ лицамъ католическаго вѣроисповѣданія или помощь студентамъ, изучающимъ энтомологію, устройство церковныхъ оконъ или собираніе глиняныхъ цилиндровъ съ клинообразными надписями,—это право признается въ полной мѣрѣ. И дѣйствительно, въ расчетѣ на добрую волю состоятельныхъ людей къ нимъ обращаются съ такимъ большимъ числомъ требованій, что отдѣльному лицу было бы совершенно невозможно помогать всюду безъ разбора, изъ одного лишь сочувствія. Американецъ цѣнитъ именно ту тщательность, съ которою каждый отдѣльный человѣкъ провѣряетъ, соотвѣтствуетъ ли предполагаемое назначеніе денегъ его личнымъ идеямъ. Только благодаря этому его даръ получаетъ болѣе глубокое, личное содержаніе и кореннымъ образомъ отличается какъ отъ сантиментальнаго пожертвованія, такъ и отъ пожертвованія, размѣры котораго обусловлены тщеславіемъ. Это становится серьезною работою, которая у самыхъ богатыхъ людей требуетъ ежедневно цѣлыхъ часовъ напряженнаго труда. Такой человѣкъ, какъ Карнегги, который отдалъ уже на общеполезныя цѣли свыше ста милліоновъ долларовъ, тотчасъ же лишился бы своего милліардпаго состоянія, если бы онъ хотя бы

въ теченіе одной только недѣли не отказывалъ ни въ одной изъ поступающихъ къ нему просьбъ. Онъ получаетъ каждый день сотни такихъ просьбъ и отдаетъ, дѣйствительно, почти всѣ силы проведенію своихъ соціальныхъ плановъ.

И то же самое повторяется въ уменьшенномъ масштабѣ во всѣхъ слояхъ. Истинный американецъ чувствуетъ, что его богатство есть ввѣренное ему общественное достояніе, и отъ степени интенсивности, съ которою проявляется этотъ взглядъ, зависитъ соціальная оцѣнка богатства. Настоящими аристократами богатства въ Новомъ Свѣтѣ являются тѣ люди, къ которымъ общественное сознаніе относится съ уваженіемъ одновременно и за то, какъ они пріобрѣли свое состояніе, и за то, какъ они имъ распоряжаются. Оба эти фактора должны какъ бы слиться воедино. Типическія личныя силы, которыя завоевываютъ богатство, и возвышенные взгляды, которые побуждаютъ давать богатству самое благородное назначеніе, на первый взглядъ, какъ будто совершенно не связаны между собою, и, безспорно, они иногда даже исключаютъ другъ друга. Но аристократическій идеалъ требуетъ ихъ соединенія и взаимодѣйствія, и американское общество не умѣетъ закрывать глаза, когда въ общемъ впечатлѣніи недостаетъ одного или другого элемента,—напримѣръ, если въ пріобрѣтеніи богатства обнаружено импонирующее величіе, но распоряжаются имъ затѣмъ мелочно и эгоистично, или наоборотъ, если употребленіе богатства отвѣчаетъ самымъ высокимъ нравственнымъ требованіямъ, но способъ его пріобрѣтенія осуждается свѣдущими людьми. Общественное мнѣніе чувствуетъ себя все болѣе призваннымъ проливать свѣтъ на дѣловую жизнь тѣхъ, кто желаетъ отдать для какой-либо общественной цѣли свое состояніе. Американецъ рѣшительно не согласенъ, будто деньги «не пахнутъ», и нерѣдко возникала ожесточенная борьба, когда подозрительнымъ путемъ составленныя состоянія предлагались въ даръ обществу.

Богатство, въ пріобрѣтеніи котораго обнаруживалась выдающаяся энергія, и употребленіе котораго свидѣтельствуетъ о серьезномъ чувствѣ отвѣтственности,—такое богатство, дѣйствительно, обладаетъ возвышающей въ соціальномъ отношеніи силою, и все же оно—только одинъ изъ факторовъ въ ряду другихъ. Первымъ изъ нихъ является фамильная традиція, аристократическое имя стараго благороднаго рода. Европеецъ имѣетъ лишь слабое представленіе о томъ, какое большое значеніе придается генеалогіи въ американской соціальной жизни, и онъ, быть-можетъ, удивится, увидѣвъ въ большихъ библіотекахъ полки во всю стѣну, на которыхъ установлены книги, исключительно посвященныя генеалогіи американскихъ семей. Родо-

словная одной лишь семьи Уитней изъ Коннектикута заполняетъ собою три толстыхъ тома въ 2700 страницъ; есть здѣсь и толстый, роскошно изданный томъ, содержащій родословную американскихъ семей, которыя ведутъ свое происхожденіе отъ королевскихъ родовъ. И не только спеціальные журналы посвящены этой генеалогической наукѣ, но и въ нѣкоторыхъ большихъ ежедневныхъ газетахъ ей отведенъ особый отдѣлъ. Правда, все это по большей части является спортомъ и забавою, капризомъ людей, въ силу котораго собираніе предковъ часто производится точно такъ-же, какъ собираніе марокъ или монетъ. И сохраненіе фамильныхъ традицій, развитіе исторической семейной гордости, конечно, нисколько не противорѣчитъ демократическимъ принципамъ; но если интересъ къ родословнымъ пріобрѣтаетъ въ народномъ сознаніи болѣе или менѣе значительное мѣсто, то изъ этого легко возникнетъ соціальная дифференціація.

Разумѣется, и отсюда также возникаетъ сперва совершенно внѣшнее, поверхностное разграниченіе. Если, напримѣръ, въ какой-нибудь кружокъ, собирающійся для танцевъ, допускаются только потомки тѣхъ переселенцевъ, которые прибыли на кораблѣ «Майскій Цвѣтокъ», то этимъ создается, дѣйствительно, не-демократическое раздѣленіе; но такого рода раздѣленія практикуются на самомъ дѣлѣ въ американскомъ обществѣ, только какъ игра. Большіе союзы, основанные на общности происхожденія отъ опредѣленныхъ группъ, не требуютъ для себя никакихъ особыхъ правъ; часть изъ нихъ и преслѣдуетъ даже исключительно благотворительныя цѣли. При этомъ родовая аристократія, требующая для себя особыхъ правъ, сама по себѣ не была бы чѣмъ-то новымъ на американской почвѣ, потому что въ колоніальную эпоху соціальныя различія англійскаго общества отражались, конечно, и въ Америкѣ, и англійскій классовый духъ исчезъ, собственно, лишь тогда, когда благодаря революціи перестали переѣзжать въ Америку сыновья англійскихъ «джентльменовъ». Но и послѣ этого на Югѣ до войны сохранялось еще много стараго аристократическаго духа.

Эта внѣшняя дифференціація въ настоящее время почти совершенно исчезла. Одинъ лишь внѣшній блескъ соціальной родовой аристократіи потерялъ свое значеніе, но за то на сцену выступили дѣйствительно важныя стороны семейныхъ связей. Носители старыхъ фамильныхъ именъ сдѣлались для общественнаго сознанія людьми, на которыхъ возлагается общественное довѣріе, и чѣмъ болѣе американская нація начинаетъ сознавать, что у нея есть уже собственная исторія, тѣмъ болѣе она сосредоточиваетъ свои взоры на тѣхъ людяхъ, въ кото-

рыхъ живы семейныя традиціи, накопленныя шестью, или восмью, или десятью поколѣніями на американской почвѣ.

Правда, эти традиціи носятъ еще совершенно провинціальный характеръ. Нѣтъ семействъ, которыя имѣли бы, такъ сказать, національное значеніе. Имена самыхъ выдающихся семей въ Виргиніи, имена, которыя на Югѣ въ глазахъ каждаго окружены блестящимъ ореоломъ, на Сѣверѣ не имѣютъ почти никакого значенія. Потомки семействъ Книккербокеровъ, имя которыхъ всегда произносится въ Нью-Іоркѣ съ извѣстной торжественностью, должны въ Балтиморѣ или Филадельфіи скромно занять мѣсто позади совсѣмъ другихъ именъ. Западъ страны, конечно, еще слишкомъ молодъ, чтобы въ немъ могли вполнѣ развиться подобныя традиціи, но задатки ихъ и тамъ уже существуютъ. А какъ обстоитъ дѣло на Востокѣ, объ этомъ можно судить по одному лишь слѣдующему примѣру.

Управленіе Гарвардскимъ университетомъ находится въ рукахъ семи человѣкъ, на которыхъ общимъ довѣріемъ возложено несеніе этой отвѣтственной обязанности. Они избраны на почетную должность благодаря ихъ энергіи и широкимъ взглядамъ, но въ то же время, вѣроятно, не случайно изъ семи человѣкъ нѣтъ ни одного, семья котораго не оказала бы услугъ штату Массачузетсъ по крайней мѣрѣ въ теченіе семи поколѣній. Отсюда видно, что въ такой чистой демократической организаціи, какую представляютъ изъ себя штаты Новой Англіи, имена семействъ, принимавшихъ участіе въ общественныхъ дѣлахъ въ серединѣ семнадцатаго столѣтія, имѣютъ совершенно то же значеніе, что и старинныя дворянскія имена въ Пруссіи, и для каждаго свѣдущаго человѣка съ ними связаны всѣ представленія о славномъ прошломъ.

Но самымъ важнымъ факторомъ дифференцировки служитъ высшее образованіе, и это его значеніе усиливается съ каждымъ днемъ. Говоря объ университетахъ, мы подробно разсмотрѣли, почему понятія высшаго образованія и ученой дѣятельности въ Америкѣ менѣе совпадаютъ, чѣмъ въ европейскихъ странахъ. Мы видѣли, что ученыя профессіи на первыхъ порахъ опирались только на практическія спеціальныя школы, которыя готовили врачей, адвокатовъ и священнослужителей и не требовали широкаго общаго образованія; съ другой стороны, мы видѣли, какъ самостоятельно развивался съ собственными школами колледжъ въ качествѣ института, дающаго высшее образованіе, и какъ лишь постепенно обѣ части срослись, и колледжъ такимъ образомъ началъ выполнять побочную функцію — подготовленіе въ спеціальныя школы. Для того, чтобы высшая индивидуальная культура получила соціальное значеніе, необходимо, слѣдовательно, прежде всего не

развитіе научныхъ профессій, а распространеніе общаго образованія, даваемаго колледжами, и въ этомъ отношеніи, безспорно, взгляды общества постепенно измѣнились. Соціальное значеніе лицъ, окончившихъ колледжи, непрерывно возрастаетъ.

Въ теченіе долгаго времени господствовали неблагопріятныя предубѣжденія. Силы, давшія крѣпость націи, должны были вызывать извѣстныя иллюзіи. Въ первыхъ рядахъ общественныхъ дѣятелей приходилось видѣть множество вліятельныхъ и сильныхъ характеромъ людей, которые получили образованіе не выше средняго, а частью даже окончили только народную школу, и масса поэтому инстинктивно вѣрила, что естественная проницательность, молчаливая энергія, свободный духъ предпріимчивости лучше всего развиваются въ школѣ жизни, даже болѣе того, что книжное ученіе скорѣе вредитъ имъ. Студентъ колледжа считался чѣмъ-то въ родѣ нѣженки, который, пожалуй, можетъ очень умно разсуждать о вещахъ, но не умѣетъ какъ слѣдуетъ работать надъ разрѣшеніемъ великихъ національныхъ задачъ; его считали академической фигурой но не человѣкомъ, пригоднымъ для роли вождя. Банкирская контора и фабрика, имѣніе и горный заводъ, адвокатское бюро и канцелярія политическаго учрежденія казались болѣе подходящими мѣстами для двадцатилѣтняго американца, чѣмъ аудиторіи философскаго факультета, и при этомъ опасенія вызывались не только характеромъ самихъ занятій, не имѣвшихъ въ себѣ ничего практическаго, но, быть-можетъ, въ еще большей степени несоотвѣтствіемъ между міромъ колледжа и міромъ дѣйствительныхъ соціальныхъ отношеній. Казалось, что здѣсь искусственно создана идеалистическая атмосфера, къ которой духовный организмъ слишкомъ легко привыкаетъ въ лучшіе годы, когда совершается его развитіе, такъ что затѣмъ онъ вступаетъ въ грубую дѣйствительную жизнь, не дисциплинированный въ высшемъ смыслѣ этого слова. Въ политическомъ мірѣ это считалось почти догматомъ со времени президентства Андрью Джэксона, и точно такъ же дѣло обстояло въ экономической жизни.

Теперь все это рѣшительно измѣнилось и продолжаетъ измѣняться съ каждымъ годомъ. Дѣло не въ томъ, чтобы здѣсь, какъ въ Германіи, отождествились экономическое образованіе и научная дѣятельность. Въ этомъ здѣсь нѣтъ потребности, и въ Германіи подобное воззрѣніе развилось только въ силу особыхъ историческихъ условій. Для американца же и въ настоящее время сохраняетъ силу тотъ взглядъ, что человѣкъ, окончившій курсъ одного изъ лучшихъ колледжей и, слѣдовательно, стоящій на томъ же уровнѣ, что и студентъ третьяго или четвертаго семестра нѣмецкаго философскаго факультета,—

что такой человѣкъ по образованію никому не уступаетъ,—безразлично, сдѣлался ли онъ потомъ фабрикантомъ, банкиромъ или офицеромъ, или же отдался спеціальной профессіи врача, юриста или филолога. Измѣнились здѣсь, собственно, ожиданія, съ которыми относятся къ студенту колледжа. Опасенія исчезли. Теперь знаютъ, что духовная дисциплина, усвоенная въ искусственномъ идеальномъ мірѣ до двадцать второго года жизни, въ концѣ-концовъ служитъ самою лучшей подготовкой къ выполненію великихъ общественныхъ задачъ, и что академическое образованіе лучше всякаго другого готовитъ къ дѣйствительной жизни не тѣми положительными знаніями, которыя оно даетъ, но своимъ методомъ.

Только человѣкъ съ академическимъ образованіемъ умѣетъ видѣть вещи въ правильной перспективѣ и привыкъ разсматривать великое, какъ великое, мелкое, какъ мелкое. Даже крупныя торговыя фирмы знаютъ теперь, что молодой коммерсантъ, пробывшій до двадцати двухъ лѣтъ въ колледжѣ, обыкновенно къ двадцати семи годамъ опережаетъ своихъ сверстниковъ, уже въ семнадцать лѣтъ покинувшихъ школу и перешедшихъ въ контору. Крупныя личности, сами пролагавшія себѣ дорогу, могутъ произносить сколько угодно рѣчей, которыя служатъ одновременно и утѣшеніемъ и поощреніемъ для всѣхъ, окончившихъ только начальную школу, но своихъ собственныхъ сыновей они все-таки посылаютъ въ колледжъ. Въ дѣйствительности всѣ руководящія роли, какія существуютъ у націи, находятся въ рукахъ людей съ академическимъ образованіемъ, и теперь не только исчезло недовѣріе къ теоретическому духу высшаго образованія, но наоборотъ, президенты университетовъ и профессора высшихъ учебныхъ заведеній принимаютъ самое дѣятельное участіе въ разрѣшеніи практическихъ вопросовъ общественной жизни, а бывшіе студенты, окончившіе курсъ въ лучшихъ университетахъ, даютъ основной тонъ всякому реформаторскому движенію, всякой культурной потребности.

Если принять во вниманіе все сказанное, то нельзя болѣе отрицать, что фактически создался классъ національныхъ руководителей, который въ соціальной жизни возвышается надъ массою и каждый членъ котораго возвышается не исключительно благодаря своимъ личнымъ дарованіямъ, какъ это, собственно, требовалось бы демократическимъ принципомъ. Богатый имѣетъ извѣстное преимущество благодаря своему состоянію, отпрыскъ старой семьи—благодаря своему происхожденію, человѣкъ съ высшимъ образованіемъ—благодаря тому, что его родители имѣли возможность послать его въ университетъ. Это—не плутократія, и не господство дворянъ, и не чванство

ученыхъ. Мы видѣли, что богатство получаетъ свою истинную силу только благодаря употребленію соотвѣтственно нравственнымъ цѣлямъ, что древнее происхожденіе не даетъ никакихъ наслѣдственныхъ, сословныхъ преимуществъ и привилегій, и что академическое образованіе не должно отожествляться съ научною спеціализаціей. Не отсутствуетъ во всемъ этомъ и личный элементъ, такъ какъ мы видѣли, что богатство получаетъ значеніе, главнымъ образомъ, тогда, когда оно пріобрѣтено собственнымъ умомъ, что преимущества, связанныя съ происхожденіемъ, вполнѣ выступаютъ на сцену лишь въ томъ случаѣ, если на лицо имѣются личныя заслуги, что академическое образованіе доступно всякому, кто способенъ двигаться впередъ собственными силами. Такимъ образомъ, основы демократіи совсѣмъ не разрушены, но онѣ все же измѣнены. Духъ самостоятельности, требующій полной равноцѣнности, всюду встрѣчаетъ здѣсь людей выше стоящихъ, права которыхъ нигдѣ не записаны на бумагѣ, и за которыми все же молчаливо признаются преимущества высшаго класса, сословія, которому принадлежитъ руководящая роль.

Но къ этому присоединяется и еще одно обстоятельство: дифференціація подготовляется не только сверху, но и снизу; не только возвышаются соціальные вожди, но и у широкихъ круговъ растетъ потребность подчиняться этимъ вождямъ. Здѣсь нѣтъ рѣчи о покорности, здѣсь рѣчь идетъ только о довѣріи, которое побуждаетъ сознательно подчиняться лучшему. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что не сама по себѣ демократія, но необходимыя въ піонерскій періодъ послѣдствія демократіи въ настоящее время вызываютъ противъ себя всюду въ странѣ сильную реакцію. Широкіе круги чувствуютъ инстинктивно, что уже настало время противодѣйствовать односторонности, которая вытекаетъ изъ господства массъ. Люди слишкомъ ясно сознаютъ, какъ во всѣхъ областяхъ, въ политикѣ и администраціи, въ литературѣ и искусствѣ, на великихъ работахъ тяготѣетъ вліяніе массъ, что индивидуальный духъ принижается до уровня шаблоннаго типа, что диллетантизмъ и посредственность всюду празднуютъ свою побѣду, что лучшія силы оттѣсняются отъ общественной жизни. Люди видятъ, къ какой тираніи приводитъ хозяйничаніе политическихъ дѣльцовъ, какой позоръ создается взяточничествомъ въ городскихъ управленіяхъ, видятъ нездоровое вліяніе сенсаціонной печати и лишеннаго совѣсти капитала, видятъ, какъ общественная жизнь должна сдѣлаться грубой, капризной, вульгарной, какъ должны исчезнуть уваженіе и признаніе авторитетовъ, если демократіи будетъ предоставлено безпрепятственно дойти до крайнихъ ея выводовъ.

Самые широкіе круги чувствуютъ, что настáло время, когда къ демократическимъ цѣнностямъ должны быть присоединены нравственное вліяніе подчиненія и признанія авторитетовъ и воспитательное вліяніе всего того, что первоначально обращается только къ эстетическому вкусу немногихъ. Спеціалисту должно принадлежать слово тамъ, гдѣ масса могла бы принимать только случайныя рѣшенія. Дисциплинированный умъ долженъ быть путеводителемъ тамъ, гдѣ диллетантизмъ заводитъ въ тупики. Самые тонкіе умы должны имѣть возможность высказаться, и надо добиться того, чтобы они были услышаны, если значеніе должны получить, наконецъ, не одни лишь громкіе, крикливые голоса, которые слышны даже среди уличнаго шума. Изысканное должно одержать побѣду надъ тѣмъ, что приходится по вкусу всякому, благородное по своему внутреннему содержанію — надъ тѣмъ, что выбрано большинствомъ, глубокое — надъ удобнымъ плоскимъ. Люди чувствуютъ, что только при этомъ условіи Америка будетъ въ состояніи увѣренно подняться выше той ступени развитія, на которой она теперь находится: она создала новый этическій міръ, и теперь этотъ міръ должна пропитать собою эстетическая культура. И эта реакція началась не сегодня и не вчера; въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій она непрерывно подготовлялась и въ настоящее время выражается такъ рѣшительно, что для нея не существуетъ сопротивленія. Потребность въ красивыхъ формахъ, въ томъ, чтобы достойное и основательное пользовалось вліяніемъ,—эта потребность сказывается въ каждомъ уголкѣ американской жизни.

Позади оставлены уже почти всѣ предразсудки того времени, когда находили самымъ желательнымъ изгнать дисциплину и подчиненіе какъ изъ школьной жизни, такъ и изъ жизни семьи. Теперь снова требуютъ большей строгости, и въ общественной жизни спеціалисты пріобрѣтаютъ все большее вліяніе. Отвращеніе ко всему вульгарному какъ въ обычаяхъ повседневной жизни, такъ и въ картинахъ улицы, быстро растетъ. Всюду дѣятельно обнаруживается чувство красоты, и не отцы города, избранные политической чернью, а люди, обладающіе вкусомъ, образованіемъ и традиціями, въ концѣ-концовъ всюду берутъ на себя руководящую роль. Демократическій духъ при этомъ не долженъ потерпѣть никакого ущерба, и ужъ конечно господство массы не должно смѣниться господствомъ эстетиковъ и людей, которые все лучше знаютъ. Но демократія должна какъ бы подняться до высшаго своего типа, она должна сдѣлаться представительницею дѣйствительно всѣхъ живыхъ силъ соціальнаго организма и не должна допускать, чтобы слабыя движенія подавлялись силою массъ. Нація достигла

той степени зрѣлости, при которой масса дѣйствительно готова передать руководительство собою лучшимъ людямъ.

Безспорно, вкусы массы еще господствуютъ надъ слишкомъ многими областями соціальной жизни, безспорно, есть еще слишкомъ много пошлаго и диллетантскаго, еще слишкомъ многія учрежденія основаны на ложномъ взглядѣ, будто каждый лучше всего самъ знаетъ, что для него полезно, и еще слишкомъ многія предпріятія угождаютъ тому вкусу, который они, собственно, должны были бы воспитывать. Но нигдѣ нѣтъ недостатка и во встрѣчномъ движеніи, и чѣмъ болѣе приближается къ своему завершенію въ главныхъ чертахъ экономическое развитіе страны, тѣмъ сильнѣе становится эта потребность въ соціальной дифференцировкѣ, въ неодинаковой оцѣнкѣ различныхъ силъ и вліяній, въ болѣе тонкой организаціи, въ подчиненіи. Подобно тому, какъ въ экономической жизни давно исчезъ принципъ такъ называемой свободной конкуренціи, и гигантскія союзныя предпріятія показываютъ, какъ на образцѣ, что одно лишь подчиненіе ведетъ къ цѣли, а міръ рабочихъ превратился въ армію съ строжайшей дисциплиною и слѣпымъ повиновеніемъ,—такъ и въ области не-экономическихъ отношеній все сильнѣе начинаетъ чувствоваться потребность въ подчиненіи, въ расчлененіи, въ аристократизаціи.

Этому соотвѣтствуетъ и новый взглядъ на государство. Демократія сама по себѣ индивидуалистична. Всюду въ качествѣ основныхъ силъ въ этой общественной организаціи мы видѣли вѣру въ собственную личность и въ личность другого. Государство являлось суммою отдѣльныхъ единицъ, государство же, какъ нѣчто единое и стоящее выше отдѣльныхъ единицъ, являлось пустой абстракціей; личность—самостоятельная, самодѣятельная, самоусовершенствующаяся и самоопредѣляющаяся—вотъ что признавалось за единственную реальность. Эта вѣра въ личность и теперь не ослабѣваетъ, но къ ней постепенно присоединилось нѣчто новое. Вѣра въ нравственную реальность государства въ настоящее время лишь постепенно нарождается, и общественное сознаніе опасается, что ростъ этой вѣры можетъ поколебать твердую увѣренность въ цѣнности личности, а вмѣстѣ съ нею и всѣ основныя добродѣтели американской демократіи. Но вѣра растетъ съ каждымъ днемъ и постепенно вноситъ перемѣну въ общественныя воззрѣнія. Здѣсь въ области политики совершается тотъ же процессъ развитія, какой мы наблюдали въ столь многихъ другихъ областяхъ. Оцѣнка съ индивидуума переходитъ на общество. Подобно тому, какъ американецъ украшаетъ свой домъ гораздо раньше, чѣмъ подумаетъ украшать общественныя зданія—въ прямую противоположность континентальной Европѣ,—точно такъ же онъ долго

придавалъ политическую цѣнность проявляющейся въ милліонахъ формъ индивидуальной волѣ, прежде чѣмъ перенесъ свою оцѣнку на единую коллективную волю государства. Человѣкъ, который скорѣе лишился бы всего, чѣмъ обманулъ бы сосѣда, умѣлъ поладить со своей совѣстью, когда пытался обмануть государство.

Теперь это не такъ. Теперь постоянно слышится въ качествѣ основного принципа, что честность по отношенію къ государству, жертва въ пользу государства, довѣріе къ государству еще болѣе важны, чѣмъ само собою разумѣющееся уваженіе къ суммѣ отдѣльныхъ личностей. Но такія чувства не могутъ укореняться, не принося съ собою очень большихъ послѣдствій. Государство можетъ быть видимо и осязаемо только въ символахъ, и его представители получаютъ свое значеніе только благодаря тому, что они являются символическими представителями не народной массы, а объективной воли государства. Каждый отдѣльный представитель государства испытываетъ, такимъ образомъ, возвышеніе своей личности, которое поднимаетъ ее надъ общимъ демократическимъ уровнемъ. Фактъ занятія какой-либо должности при этихъ условіяхъ означаетъ уже не только выполненіе извѣстной работы, но означаетъ уже и новую оцѣнку личности подобно тому, какъ это происходитъ съ лицами, получающими духовный санъ; это — символическое возвышеніе, которому съ другой стороны должны отвѣчать уваженіе и почетъ. И эта дифференцировка также только намѣчается и никогда не достигнетъ такой силы, какую она имѣетъ по европейскимъ воззрѣніямъ, потому что духъ самостоятельности въ Америкѣ слишкомъ сильно развитъ. Но не можетъ подлежать сомнѣнію, что эти сопутствующія представленія теперь гораздо больше даютъ о себѣ знать, чѣмъ десять лѣтъ тому назадъ.

Такимъ образомъ, въ импульсахъ, противодѣйствующихъ духу самостоятельности, нѣтъ недостатка. Благодаря этому, несмотря на наличность сильнаго чувства равноцѣнности, въ американской жизни всюду совершается все увеличивающаяся соціальная дифференціація. Раздѣленіе по профессіямъ при этомъ имѣетъ сравнительно самое меньшее значеніе. Сословіе, которое требовало бы такихъ соціальныхъ преимуществъ, какихъ требуетъ, напримѣръ, нѣмецкое офицерство, въ Соединенныхъ Штатахъ совсѣмъ не существуетъ. Скорѣе всего сословіе юристовъ было бы, пожалуй, склонно считать себя первымъ сословіемъ въ странѣ, и, безспорно, оно въ чрезвычайно большомъ числѣ привлекаетъ къ себѣ лучшія силы націи. Высокая оцѣнка, которую даетъ юристу американское общество, вѣроятно, въ значительной степени объясняется тѣмъ, что онъ, въ

противоположность своему коллегѣ на европейскомъ континентѣ, является дѣйствительнымъ творцомъ права, какъ мы подробно объяснили въ одной изъ предшествующихъ главъ. Подъ другимъ угломъ зрѣнія чрезвычайно большимъ уваженіемъ пользуется духовный проповѣдникъ, но притягательная сила этой профессіи все же становится для лучшихъ соціальныхъ силъ все меньше и меньше. За то увеличивается притягательная сила академической дѣятельности, и при томъ она, естественно увеличивается вмѣстѣ съ болѣе строгимъ разграниченіемъ чисто-преподавательскихъ функцій и настоящей научной работы. Роль преподавателя колледжа, заключающаяся главнымъ образомъ въ передачѣ результатовъ, добытыхъ наукою, обладаетъ, конечно, меньшею соціальною привлекательностью, чѣмъ творческая работа ученаго, и потому эта большая привлекательность для лучшихъ силъ скоро получаетъ выраженіе въ болѣе высокой продуктивности работы, а болѣе высокая продуктивность работы, въ свою очередь, ведетъ опять-таки къ болѣе высокой соціальной оцѣнкѣ. Политическая дѣятельность сама по себѣ занимаетъ очень низкое мѣсто въ ряду профессій. Только губернаторы, сенаторы и высшіе чиновники министерствъ играютъ значительную соціальную роль. Объ особой соціальной оцѣнкѣ торговыхъ или промышленныхъ профессій, конечно, не можетъ быть рѣчи, такъ какъ онѣ представляютъ безчисленные оттѣнки. Безспорно, однако, что вліятельные представители этихъ профессій въ соціальномъ отношеніи не стоятъ ниже какихъ бы то ни было иныхъ классовъ населенія.

Итакъ, въ основѣ соціальной дифференцировки не лежитъ рѣзкое разграниченіе профессій, и тѣмъ не менѣе стремленіе къ соціальной обособленности, къ расчлененію общества, чувствуется всюду, отъ самыхъ высшихъ до самыхъ низшихъ слоевъ, и при томъ въ такой формѣ, какая еще полстолѣтія тому назадъ противорѣчила бы всему душевному складу народа въ сѣверной половинѣ страны. Въ Вашингтонѣ разборчивая хозяйка приглашаетъ на свое празднество только женъ сенаторовъ, но не женъ депутатовъ, а въ нью-іоркскихъ садахъ, какъ говорятъ, дѣтямъ продавца сластей не даютъ играть съ дѣтьми стоящаго ниже въ соціальномъ отношеніи шарманщика. Нью-іоркскіе «четыреста» вѣжливо, но настойчиво отклоняютъ приглашеніе къ столу свѣже-испеченнаго милліонера, а швея, приходящая въ домъ чинить бѣлье, отказывается обѣдать вмѣстѣ съ прислугой. Въ большихъ городахъ лучшіе круги уже избѣгаютъ общественныхъ школъ и посылаютъ своихъ дѣтей только въ частныя училища. На желѣзныхъ дорогахъ въ демократической странѣ не существуетъ вагоновъ трехъ

классовъ, а есть всего одинъ классъ; но лучшее общество не ѣздитъ въ немъ, а пользуется вагонъ-салономъ или пульмановскимъ вагономъ. То же самое наблюдается во всѣхъ аналогичныхъ случаяхъ, и при этомъ дѣло заключается совсѣмъ не только въ большей роскоши и большихъ удобствахъ для богатыхъ, но дѣйствительно въ соціальномъ расчлененіи. Кому слѣдуетъ, по его соціальному положенію, въ театрѣ сидѣть въ партерѣ, тотъ и предпочтетъ сидѣть на самомъ плохомъ мѣстѣ въ партерѣ, чѣмъ отправиться во второй ярусъ, гдѣ онъ будетъ не въ своей средѣ, хотя бы мѣсто тамъ было лучше и удобнѣе.

Особенно типичнымъ является быстро развивающееся пристрастіе къ знакамъ отличія, къ костюмамъ и мундирамъ, словомъ къ символамъ дифференцировки. Было время, когда свободный американецъ отказался бы носить опредѣленныя ливреи. Теперь же никто—начиная съ мальчика у подъемной машины и кончая судьей—не желаетъ сопротивляться новому теченію. Торжественныя шествія рабочихъ и ветерановъ становятся все болѣе пестрыми. Кому же случалось за послѣдніе годы участвовать, напримѣръ, въ церемоніи вступленія въ должность новаго президента Іэльскаго или Колумбійскаго университета, тому приходилось видѣть процессіи, въ которыхъ фигурировали сотни пестрыхъ, частью совершенно фантастическихъ нарядовъ; эта символическая выставка составляетъ въ настоящее время въ Америкѣ необходимую принадлежность каждаго большого академическаго торжества, между тѣмъ какъ еще двадцать лѣтъ тому назадъ она показалась бы демократической безцвѣтности невозможною.

И во внутренней жизни университетовъ также есть ясные признаки соціальнаго разслоенія. Напримѣръ, въ Гарвардскомъ и Іэльскомъ университетахъ существуютъ замкнутые клубы соціальныхъ вождей среди студенчества. Конечно, сотни студентовъ проходятъ ежегодно черезъ университетъ, нисколько не интересуясь этими клубами. Но, безспорно, не меньше и число тѣхъ, которые не имѣютъ другого желанія и не питаютъ другой страсти, какъ только быть избранными въ такой замкнутый клубъ, и которыхъ никакіе научные успѣхи не могли бы утѣшить въ ихъ огорченіи, если имъ пришлось потерпѣть соціальную неудачу въ этомъ искусственномъ клубномъ мірѣ. Точно такимъ же образомъ иная разбогатѣвшая семья съ Запада переселяется въ Бостонъ и цѣлые годы мучается тщетными честолюбивыми попытками войти въ общество. Гораздо рѣзче, чѣмъ даже въ Европѣ, соціальное разграниченіе отдѣльныхъ частей города. Улица, въ которой укоренились низшіе въ соціальномъ отношеніи элементы, быстро теряетъ свою цѣнность; каждая

мѣстность требуетъ, чтобы ея обитатели стояли на одинаковой ступени соціальной лѣстницы.

Очень характерны и перемѣны въ народномъ сознаніи, касающіяся положенія президента. Почти съ царскимъ великолѣпіемъ происходитъ теперь вступленіе въ должность вновь избраннаго президента; онъ устраиваетъ смотры флоту, какіе прежде были бы немыслимы; за столомъ онъ садится первымъ, ему первому подается, и приглашеніе въ Бѣлый домъ считается за приказъ, который освобождаетъ отъ всѣхъ раньше принятыхъ обязательствъ въ обществѣ. Это установилось лишь въ самые послѣдніе годы; еще въ недавнее время въ Вашингтонѣ приглашаемые къ президенту заявляли о невозможности прибыть, такъ какъ уже приняли другія приглашенія. Въ соціальной жизни признавались только «джентльмены», и родъ ихъ дѣятельности въ служебные часы нисколько не отражался на ихъ положеніи въ гостиной; поэтому и съ точки зрѣнія общества преимущество должно было отдаваться тому, отъ кого получено первое приглашеніе. Теперь все это измѣнилось.

Даже титулы постепенно входятъ въ обиходъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ, студенты, обращаясь къ профессорамъ, всегда называли ихъ только по имени; теперь титулъ профессора рѣдко пропускается, а изобиліе военныхъ названій, какое наблюдается на Западѣ, вызываетъ насмѣшки всей страны. Въ самомъ войскѣ аристократическія тенденціи проявляются все въ новыхъ симптомахъ, которые только изрѣдка и случайно выплываютъ наружу. Вопреки духу офиціальныхъ постановленій тормозится повышеніе по службѣ людей, пробивающихся изъ низкой соціальной среды, и отдается предпочтеніе лицамъ, принадлежащимъ къ избраннымъ соціальнымъ кругамъ. Съ каждымъ днемъ растетъ въ соціальной жизни и потребность въ этикетѣ, въ символическихъ формахъ, въ большей красотѣ соціальнаго общенія. Нація, которая ежегодно уплачиваетъ садовникамъ свыше 12 милліоновъ рублей за розы и 9 милліоновъ за гвоздику, научилась, конечно, создавать для своей общественной жизни тонкія и изысканныя украшенія. Еще быстрѣе развивается этикетъ въ области профессіональной жизни. Сословныя требованія, предъявляемыя чиновнику, врачу или ученому, развиваются съ каждымъ годомъ и часто отличаются такой строгостью, къ какой не привыкли въ Европѣ. Такъ, напримѣръ, въ коммерческой Америкѣ для профессора лучшаго университета было бы невозможно взять, по нѣмецкому образцу, патентъ на какое-нибудь медицинское средство. Этикетъ его профессіи требуетъ, чтобы все, что онъ откроетъ, принадлежало одной наукѣ. Вездѣ дѣйствуетъ одна и та же тенденція—тѣсно сплачивать каждый отдѣльный кругъ и возвышать его въ соціальномъ мірѣ посред-

ствомъ исключительныхъ правилъ, до которыхъ всей остальной массѣ нѣтъ никакого дѣла. И въ отношеніи этого профессіональнаго этикета Западъ также еще далеко отстаетъ отъ Востока.

Но если окинуть однимъ взглядомъ всю жизнь страны, взятую въ цѣломъ, то вліяніе этого новаго духа скажется, главнымъ образомъ, не въ этихъ маленькихъ симптомахъ, а въ общемъ направленіи и въ тѣхъ крупныхъ движеніяхъ, о которыхъ мы подробно говорили по самымъ разнообразнымъ поводамъ. Это — духъ имперіализма во внѣшней политикѣ, который выросъ изъ этихъ новыхъ чувствъ и который не можетъ развернуть свою гордую силу, не вступая въ противорѣчіе съ коренными демократическими тенденціями. Это—духъ милитаризма, который ищетъ побѣды съ помощью флота и арміи, который требуетъ строгой дисциплины и охотно соглашается на слѣпое повиновеніе вождю. Это — духъ расовой гордости, который вопреки демократическимъ воззрѣніямъ преслѣдуетъ негровъ и китайцевъ и затрудняетъ притокъ переселенцевъ изъ Восточной и Южной Европы. Это—духъ централизма, который ставитъ всемогущество государства надъ хаотической борьбой отдѣльныхъ лицъ, который и въ области экономической жизни ожидаетъ бо́льшаго отъ планомѣрной дѣятельности государства, чѣмъ отъ свободной конкуренціи среди массъ, который требуетъ выполненія великихъ новыхъ задачъ, какъ обводненіе Запада или прорытіе междуокеанскаго канала, непосредственно отъ государства. Это — духъ аристократіи, который все болѣе привлекаетъ на политическую арену людей академически образованныхъ и богатыхъ. Это—духъ соціальной дифференціаціи, который побуждаетъ людей обращаться къ искусству и наукѣ, который стремится внести въ жизнь всей націи красоту и мудрость, отвѣчающія высшимъ идеаламъ, а не представленіямъ массы. Здѣсь предстоитъ помочь побѣдѣ изысканнаго вкуса надъ вкусомъ толпы. Здѣсь надо доставить преобладающую роль въ народномъ сознаніи сужденію самыхъ образованныхъ, тонкому чувству самыхъ воспитанныхъ, воззрѣніямъ самыхъ зрѣлыхъ людей. Какимъ образомъ растетъ и развивается этотъ новый духъ, какъ онъ съ каждымъ днемъ устраняетъ односторонности и вредные продукты демократіи въ политической, экономической, интеллектуальной и художественной сферѣ и какъ Америка эпохи Рузвельта становится все болѣе похожа на культурныя страны Западной Европы,—обо всемъ этомъ мы уже подробно говорили.

Не всѣ смотрятъ спокойно на этотъ ходъ развитія. То, что создало величіе Америки, что, казалось, составляло ея назначеніе,—культура, основанная на вѣрѣ въ нравственную цѣн-

ность личности, покоющаяся на самоопредѣленіи, самодѣятельности и самостоятельности,—эта культура не могла ожидать ничего хорошаго отъ соціальной дифференцировки и отъ имперіализма, но могла опасаться многаго дурного. Аристократическія тенденціи какъ будто подрываютъ самыя основы этической демократіи, и символы имперіалистическаго настоящаго кажутся насмѣшкою надъ почтеннымъ прошлымъ. Поэтому и въ реакціи, навѣрное, не будетъ недостатка. Быть можетъ, она ограничится маленькими встрѣчными движеніями, которыя съ помощью слова и избирательнаго бюллетеня будутъ бороться противъ роста американскаго сословнаго духа и противъ чрезмѣрнаго развитія классовыхъ идей, и которыя станутъ поперекъ дороги аристократическимъ наклонностямъ, когда онѣ слишкомъ ужъ удалятся отъ привычекъ массъ. Быть можетъ, наступитъ еще разъ и очень крупная реакція, и огромная сила, которою располагаютъ рабочіе въ странѣ, вызоветъ тогда такую борьбу за этическіе принципы, въ которой погибнутъ всѣ зачатки новаго эстетическаго развитія. И это было бы не первымъ случаемъ, когда на американской почвѣ этическая реформа приводила къ пониженію соціальнаго уровня, потому что «реформа» всегда означаетъ побѣду голой, все уравнивающей логики надъ консервативными силами, въ которыхъ находитъ себѣ выраженіе историческая дифференціація. Такъ, революція уничтожила однажды ту аристократію Новой Англіи, съ членовъ которой въ колоніальную эпоху писалъ портреты Коплей; быть можетъ, наступитъ день, когда рабочіе союзы одержатъ побѣду надъ новой аристократіей, портреты которой въ настоящее время пишетъ Сарджентъ. Реформа, заключавшаяся въ освобожденіи невольниковъ, въ свое время также уничтожила на Югѣ подлинную, рыцарскую аристократію.

Болѣе вѣроятно, однако, что равномѣрно и въ гармоническомъ согласіи другъ съ другомъ будутъ дальше развиваться основныя демократизирующія силы и побочныя, содѣйствующія росту аристократическихъ тенденцій. Что демократія, истинный внутренній смыслъ которой мы пытались освѣтить со всѣхъ сторонъ, останется въ сферѣ американской конституціи дѣйствительно основной силою,—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. И какъ бы строга ни сдѣлалась дисциплина, какая бы аристократія ни создалась благодаря дифференцировкѣ, какъ бы имперіалистична ни была политика, въ какой бы мѣрѣ искусство и наука ни приспособлялись къ самымъ тонкимъ умамъ, — рѣшающее значеніе все же всегда будетъ имѣть вопросъ: «что представляешь собою ты самъ въ качествѣ свободной личности?» Нравственное право и нравственная обязанность отдѣльной личности всегда останутся конечнымъ

мѣриломъ, и все аристократическое великолѣпіе всегда будетъ разрушено въ Америкѣ, какъ только страстная потребность въ справедливости и самоопредѣленіи будетъ гдѣ нибудь задѣта.

Въ этомъ-то и заключаются истинныя муки Тантала для лучшихъ американцевъ: во множествѣ случаевъ они ясно видятъ, какъ легко могъ бы быть достигнутъ желаемый результатъ, если бы они захотѣли какимъ-нибудь образомъ обойти самодѣятельность массъ; они видятъ, какъ, благодаря обильнымъ средствамъ страны, они могли бы почти шутя выполнить коммунальныя и національныя задачи, если бы, по европейскому образцу, стали управлять сверху; они всѣмъ сердцемъ желаютъ выполненія этихъ задачъ, и все же не могутъ ихъ выполнить, потому что въ глубинѣ души сами этого не хотятъ и не смѣютъ хотѣть. Они слишкомъ сильно чувствуютъ, что выигрышъ былъ бы только кажущійся, что нравственной силѣ націи былъ бы нанесенъ ущербъ въ лучшихъ ея свойствахъ, если бы хотя одинъ человѣкъ изъ многомилліонной массы потерялъ вѣру въ то, что онъ самъ несетъ отвѣтственность, что онъ долженъ самъ участвовать въ рѣшеніи каждаго вопроса. Гладкость успѣха является лишь вторымъ привлекающимъ моментомъ, на первомъ же планѣ стоитъ чистота индивидуальной воли: ею держится и вмѣстѣ съ нею рушится американская культура. Дѣйствительность—это прежде всего нравственная задача, и именно потому, что міръ несовершененъ, суровъ, некрасивъ и всюду требуетъ преобразующей работы,—именно потому онъ безконечно цѣненъ: таковъ основной тонъ, и такимъ онъ останется, пока Новый Свѣтъ будетъ вѣренъ своимъ идеаламъ. Только въ качествѣ обертона звучитъ болѣе слабо: міръ цѣненъ, когда онъ красивъ, когда его обработали, когда имъ овладѣли, когда онъ достигъ совершенства.

Въ этой борьбѣ этическихъ и эстетическихъ моментовъ, демократическихъ и аристократическихъ, Америка никогда не откажется отъ своего основного убѣжденія и будетъ всегда слѣдовать аристократическимъ тенденціямъ лишь постольку, поскольку это необходимо для того, чтобы противодѣйствовать опаснымъ односторонностямъ и вреднымъ проявленіямъ индивидуалистической демократіи, или, по крайней мѣрѣ, хотя постольку, поскольку это не будетъ грозить ущербомъ для самой демократіи. Вѣдь во всѣ времена гордостью истиннаго американца служитъ не американская страна и не американскіе труды, а исключительно американская личность.

Кто старается отыскать историческую реальность не въ ходѣ смѣняющихся событій, а во взаимодѣйствіи человѣческихъ воль, тотъ долженъ будетъ согласиться съ этой оцѣнкой, которую американецъ даетъ самому себѣ. И разсматривая народъ

Новаго Свѣта извнѣ, онъ также увидитъ привлекательную, великую и собственно новую сторону его міровой задачи не въ томъ, что сдѣлано американцемъ, а въ томъ, чего онъ хочетъ и что хочетъ хотѣть.

Но нѣмцу, который серьезно вникаетъ въ эту волю Новаго Свѣта, она не покажется чѣмъ-то чуждымъ: въ глубинѣ его души дѣйствуютъ родственныя силы. Въ историческомъ процессѣ у германскаго народа первоначально сильнѣе развились чувства уваженія и преданности, чѣмъ индивидуалистическая потребность въ самоопредѣленіи и самостоятельности, аристократическое чувство красоты—сильнѣе, чѣмъ демократическій духъ самодѣятельности и самоусовершенствованія. Но въ настоящее время, въ Новой Германіи снова пробуждаются и оживаютъ именно эти стремленія подобно тому, какъ въ американскомъ народномъ сознаніи возникла борьба тѣхъ силъ, которыя давно уже окрѣпли въ нѣмецкой душѣ.

Американецъ еще придаетъ наибольшую цѣну индивидуальнымъ элементамъ, а нѣмецъ — сверхъ-индивидуальнымъ; американецъ еще вѣритъ главнымъ образомъ въ самостоятельную цѣнность созидающаго, а нѣмецъ — въ самостоятельную цѣнность созданнаго. Но каждый день все болѣе уничтожаетъ эту односторонность и приближаетъ обѣ стороны къ одному и тому же, родственному обоимъ, душевному складу; главное же, обѣ тенденціи одинаково идеалистичны. Такимъ образомъ, обѣ націи призваны понимать другъ друга, цѣнить другъ друга, хранить другъ къ другу дружескія чувства, учиться друга у друга и совмѣстно работать надъ тѣмъ, чтобы въ хаотической борьбѣ историческихъ силъ абсолютно-цѣнное одерживало побѣду надъ преходящимъ, идеальное — надъ случайнымъ. Потому что обѣ націи одинаково чувствуютъ въ глубинѣ своей воли, что смыслъ существованію даетъ вѣра въ вѣчныя цѣнности.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

А.

Австрійцы I 25, 218, 221.
Адвентисты II 179 сл.
Адвокатская профессія I 154.
Академіи II 92 сл.
Альдермэнъ I 184, 191.
Аляска I 66, 264.
Америка въ роли міровой державы I 37, 40 сл., 128, 339.
Американская женщина II 224 сл.
Американскій союзъ труда I 405 сл.
Американскій характеръ I 2 сл., 46 сл., 66 сл., 168, 197 сл., 202, 222.
Анархизмъ I 221, 243.
Англичане I 218.
Англія и Америка I 37 сл., 329 сл.
Антиимперіалисты I 90, 101, 264 сл., 270.
Антифедералисты I 63.
Апелляціонные суды I 159.
Аризона I 1, 225.
Аристократія I 52—II 258—282.
Армія I 244 сл., 286, 326.
Армія спасенія II 182.
Архитектура II 150—156.
Атеизмъ II 160, 170.

Б.

Банковское дѣло I 377 сл., 384.
Баптисты II 165, 173 сл.
Безцеремонность партійныхъ вожаковъ I 79, 190, 271.—II 272.
Библіотеки I 176, 216, 293.—II 7. 19 сл., 75, 111—119
Биржа I 338, 341, 344, 384.
Биржевая игра I 108, 291 сл.
Благотворительность I 292 сл.,—II 210 сл., 266.
Богословскія школы II 54 сл., 59, 63 171 сл.
Бойкотъ I 408, 411, 418.
Борьба съ алкоголизмомъ I 32, 87, 112, 201, 216.—II 167, 188.
Бостонъ I 61, 89, 170, 271.—II 3 сл., 21, 38, 44, 66.
Бракъ II 243 сл.
Брачное законодательство I 175.
Бургомистръ (мэръ) I 79, 170, 172, 186, 188, 255, 257 сл.
Бѣлый домъ I 127 сл., 135.—II 278.
Бюджетъ I 142, 326.
Бюро народнаго образованія II 26.

В.

Валюта I 71, 81, 89, 95 сл., 101 сл., 121, 215, 344, 346—359.
Вашингтонъ (городъ) I 107, 171, 186.—II 3 сл.
Ввозъ I 327 сл.
Венецуэльскій вопросъ I 37, 280.
Вермонтъ I 57.
Верховный союзный судъ I 79 сл., 92, 114, 135, 151 сл., 161 сл., 390 сл.
Вяточничество I 24, 74 сл., 108 сл., 149, 181 сл., 187 сл., 251 сл., 255 сл.—II 33, 272.
Виги I 94, 96.
Виргинія I 54 сл., 173 сл.—II 21, 163.
Висконсинъ I 23.
Вицегубернаторъ I 170.
Вицепрезидентъ I 122 сл., 146.
Война за независимость I 61 сл.
Война съ индѣйцами I 58.—II 21.
Воскресныя школы II 171 сл.
Воспитаніе совмѣстное II 31. 225 сл.
Выборщики I 117 сл.
Вывозъ I 327 сл.
Выставки II 157 сл.
Высшая школа II 6, 22 сл., 28, 33, 36, 51—82.

Г.

Газеты, журналы I 5 сл., 26, 202—211, 401.—II 7, 19 сл., 118, 124.
Генеалогія II 267 сл.
Генеральный штабъ I 244.
Георгія I 57.
Германія и Америка I 1—43. 329 сл. — II 108 сл., 251, 282.
Города I 167, 170 сл., 175 сл.
Городское управленіе I 170, 216.
Гостепріимство II 210.
Готовность къ жертвамъ II 191.
Graduate school II 62 сл., 66, 70.
Гражданская служба I 74 сл., 246 сл.
Грубость I 311 сл.
Губернаторъ I 79, 83 сл., 170, 172, 255.

Д.

Дакота I 117, 219.
Дальнѣйшее образованіе, потребность II 19.
Декларація независимости I 62, 116, 276, 281.
Деларваръ I 57, 117.
Демократія I 48 сл.—II 15, 49, 258 сл., 272 сл.
Демократы I 86 сл., 93 сл., 256, 367 сл.
Денежное обращеніе I 325 сл.
Денежный рынокъ I 343.
Джентльменское образованіе II 61 сл., 209.
Джерментоунъ I 58.
Диллетантизмъ I 69, 178.—II 35, 255 сл., 272.
Дипломатія I 15, 244 сл.

Дипломы II 31, 59.
Діэта членовъ конгресса I 107, сл., 140, 185.
Довѣріе I 73, 306 сл., 312, 382.—II 190.
Доктрина Монроэ I 41 сл. 216. 267 сл., 277 сл.
Духовная жизнь II 5 сл.
«Дѣлежъ добычи» I 109 сл., 251.
«Дѣло объ островахъ» I 163 сл.
Дѣтскіе сады I 24.—II, 23, 38 сл.

Е.

Евреи I 218, 221.—II 173, 179.
Епископальная церковь II 166, 173 сл.
Естественныя науки II 102 сл.

Ж.

Желѣзныя дороги I 303, 316 сл., 325, 337 сл., 340 сл., 376 сл., 392.
Женская профессіональная дѣятельность II 232 сл.
Женскіе колледжи II 229 сл.
Женское вліяніе II 237 сл.
Женское избирательное право I 137, 201.—II 239 сл.
Женское образованіе II 75, 81 сл., 228 сл., 253 сл.
Женщины I 201, 235, 290.—II 17, 32, 222—257.
Живопись II 145—149.
Журналистика I 202—211.
Журналы ежемѣсячные I 210 сл.—II 7, 118 сл., 126.
Журналы еженедѣльные I 210.—II 118, 126.

З.

Забастовки I 215, 341, 402, 411 сл.
Завоевательная политика I 66, 81, 102, 264, 269 сл., 286.
Заговариваніе болѣзней II 167, 173, 184.
Законодательная власть I 79, 140, 152, 170 сл., 188, 213.—II 26.
Законодательныя собранія (отдѣльныхъ штатовъ) I 157 сл., 165, 170 сл., 185, 250, 317, 389.
Законодательныя собранія (городовъ) I 170 сл., 183 сл.
Законопроекты I 114, 142 сл., 181 сл.
Законъ Шермана I 387.
Заработная плата I 395 сл.
Застольные ораторы I 211.—II 128.
Зеленые билеты I 349
Земельной реформы сторонники I 87.

И.

Идаго I 117.
Идеализмъ II 11 сл.
Избиратели I 84, 118 сл.
Избирательное право I 117, 136 сл.
Изобрѣтательность I 308 сл., 332. сл., 336.
Иллинойсъ I 23, 117, 219.
Иммиграція I 16, 20 сл., 25, 217 сл.
Имперіализмъ I 52, 90, 97, 101, 216, 264 сл 270.—II 279.
Impeachment I 115.
Индивидуализмъ I 75 сл., 115,—II 161, 164 сл., 274 сл.
Индѣйцы I 58 сл., 223 сл.
Инициатива I 68 сл., 176, 304, 307, 384.—II, 30, 57.
Институтъ Армура II 45.
» Дрекселя II 45
» Карнеджи II 91 сл.
» Лоуэлля II 45 сл.
» Пибоди II 45.
» Пратта II 45.
» Смитсоніанскій II 89
Интервью I 206.
Ирландцы I 4, 25, 32, 99, 101, 187, 218, 222.
Искусство II 138—160.
Испано-американская война I 263 сл.
Испанцы I 224, 281.
Исполнительная власть I 79, 111, 130, 140 сл., 152, 161, 170 сл., 186, 188, 213, 247.—II 26.
Итальянцы I 25, 218, 221.

К.

Кабинетъ I 79, 116, 131, 141, 191.
Калифорнія I 66, 223.
Кальвинизмъ II 9 сл., 163, 171, 174 сл.
Канада I 38, 224, 271 сл., 329 сл.
Канадскій вопросъ I 38, 271 сл.
Капитолій I 135, 151, 211.
Каролина I 21, 57, 93
Католики I 98.—II 163, 173 сл., 178 сл.
Квакеры I 20.—II 163, 178.
Квебекъ I 59.
Китайскій вопросъ I 223.—II 203.
Классификація I 252 сл.
Классовыя противорѣчія I 201 сл.
Клубъ милліонеровъ I 106, 139.
Клубы I 70, 211.—II 44, 49, 74.
Книги II 111—120.
Колледжи II 6 сл., 13, 20, 22 сл., 29, 37, 54 сл., 61 сл., 80, 172 сл., 229 сл.
Колледжъ Радклиффа II 75, 230 сл.
Колорадо. I, 117.
Комитеты, система I 140, 143 сл., 181 сл.
Конвенты штатовъ I 368.
Конгрегаціоналисты II 168, 173 сл.
Конгрессъ I 79 сл., 92, 114 сл., 135—151, 157, 182, 184, 193, 389.
Конгрессъ о гербовыхъ маркахъ I 61.
Коннектикутъ I 58.—II 174.
Конституціи штатовъ I 169 сл.
Конституція союза I 56, 64 сл., 115 сл. 157, 169 сл.
Конституція, измѣненіе I 389.
Консулы I 20, 244, 318.
Конфедерація I 93.
Кризисы I 335 сл., 341, 354 сл.

Куба I 265, 269, 282.
Купечество I 297 сл.
Кэмбриджъ II 43, 64, 66.

Л.

Лекціи, доклады I 211.—II 44.
Литература I 14, 29, 401.—II 4 сл., 9, 19, 94 сл., 111—137.
Лицей II 45.
Лоттереи I 290 сл.
Луизіана I 59, 66, 152, 265, 268, 299.
Любезность II 228.
Лютеране II 173 сл., 177 сл.

М.

Массачуветсъ I 56, 58, 61, 99, 117, 170, 408 сл.—II 6, 21, 26, 44, 58, 66, 174.
Машинная техника I 332.
Медицинскія школы II 54 сл., 59 сл. 62 сл.
Междоусобная война I 17, 23 сл., 45, 93, 231.
Меннониты I 21, 58.—II 165, 178.
Мерилэндъ I 57
Методисты II 165, 174 сл.
Милліардеры I 23, 42, 307.—II 260, 266 сл.
Мильвоке I 22.
Министерство торговли I 131, 134, 244, 391.
Министерство торговли и труда I 244.
Министръ внутр. дѣлъ I 134.
» военный I 133.
» морской I 133.
» почтъ I 134.
» финансовъ I 133.
» юстиціи I 133 сл.
Миннеаполисъ I 120.
Миролюбіе I 263, 287.
Миссисипи I 60, 311.
Миссури I 23, 92, 311.
Мода II 218 сл.
Монополіи I 171, 178, 255, 310, 380, 386, 421.
Мормоны I 213.—II 173, 180 сл.
Музеи I 176 сл., 216, 293.—II 75, 156.
Музыка II 142—145.
«Мѣдные лбы» I 219.
Мѣстное управленіе I 173 сл.

Н.

Народная школа I 71 сл., 221 сл., 258, сл.—II 22, 25, 28, 33 сл., 36.
Народное образованіе II 17 сл., 21—50.
Народные учителя II 32, 39.
Народныя библіотеки I 177.—II 7, 19 сл., 114 сл.
Наукѣ II 83—110.
Національное имущество I 326.
» самосознаніе I 28, 46, 222.—II 159 сл.
Національные конвенты I 84, 120, 125.
Невада I 170.
Негритянскій вопросъ I 55, 77, 101, 137, 216, 225—243, 244.—II 204.
Непризнаваніе авторитетовъ, непочтительность I 72, 199.—II 49.
Новая Мексика I 66.
Новый Орлеанъ I 60.
Нравственность I 198, 290.—II 185—192, 209, 227, 242 сл.
Нью-Гевенъ I 58.
Нью-Гэмпширъ I 117.
Нью-Джерсей I 57.
Нью-Іоркъ (городъ) I 170, 219, 251, 257 сл.—II, 3 сл., 21, 38, 179.
Нью-Іоркъ (штатъ) I 99, 117, 136, 219, 251—II, 173 сл.
«Нѣмецкій день» I 20.
Нѣмцы I 7, 16 сл., 23 сл., 26 сл., 99 101, 187, 218, 221 сл., 276.

О.

Областной судъ I 159.
Общества I 22, 34, 211.
Обычаи I 11, 34.
Обычное право I 152 сл., 162.
Обязательное обученіе II 25 сл.
» страхованіе I 410.
Огіо I 117, 120.
Ограниченіе избирательныхъ правъ I 234 сл
Окружной судъ I 159.
Оптимизмъ I 68 сл., 198, 293, 307, 310.—II 122, 175.
Организаціонный инстинктъ I 78.—II 202.
Отвѣтственность министровъ I 141.
Отсутствіе дисциплины II 221 сл.
Оцѣнка труда I 294, 301 сл., 397 сл.—II 202 сл.
Очерки литературные II 126 сл.

П.

Палата народныхъ представителей I 82, 105, 114 сл., 135 сл., 139, 143.
Панамскій вопросъ I 269 сл.
» каналъ I 268, 282.
Парн I 292.—II 206.
Партійная дисциплина I 100, 192.
» жизнь I 79—112.
» организація I 82 сл., 104 сл., 107, 190, 192 сл., 211.
Партійное чиновничество I 74, 109 сл., 188, 246 сл.
Патріотизмъ I 20, 46, 168 сл., 199, 222.
Пенсильванія I 21, 28, 57, 117, 135, 219, 412 сл.—II 173 сл. 177 сл.
Перемѣна профессіи I 301 сл.—II 205.
Переселеніе, ограниченія I 219 сл.
Переселенческій вопросъ I 25, 217 сл.
Печать I 36, 202—211.—II 7.
Плата за лекціи II 65 сл.
Побочныя занятія I 301.—II 203.
Повременныя изданія II 94 сл., 118 сл.
Подачки «на чай» I 15, 292.—II 204.
Подлоги на выборахъ I 234.
Подчиненіе II 202.
Позитивизмъ I 2 сл.

Покровительственныя пошлины I 81, 95 сл., 215, 318, 359—374, 387.
Полиція I 10, 174 сл, 187.
Популисты I 86.
Посланникъ I 105.
Почитаніе воскреснаго дня I 23, 259.—II, 189 сл.
Почтовая служба I 245 сл., 253, 339.
Почтовыя учрежденія I 325.
Правительственные научные институты II 87 сл.
Право veto I 80, 114 сл., 145, 162, 170, 172, 196.
Правосознаніе I 77 сл., 155 сл.,—II 16, 215 сл.
Предразсудки II 277.
Президентскіе выборы I 113, 117 сл., 192 сл., 212, 215.
Президентъ I 79 сл., 84, 113—134, 141, 145, 191 сл., 213, 389 сл., 414.
Президентъ Вашингтонъ I 53, 60 сл., 63, 94, 113, 117 сл., 162, 278.
» Гарфильдъ I 123, 252.
» Грантъ I 113, 252, 348.
» Кливеленддъ I 80 сл., 87, 111, 113, 115,121,130сл.,354 сл.,363.
» Линкольнъ I 93, 113, 115 сл., 123.
» Макъ-Кинли I 80 сл., 87, 89, 113, 116, 118 сл., 127, 371 сл.,—II 263.
» Рузвельтъ I 40 сл., 89, 112, 116, 123 сл., 237, 243 сл., 252, 262, 372 сл., 375, 387, 389 сл., 392.—II 41, 262 сл.
Пресвитеріане II 168, 173 сл.
Привѣтствіе II 201 сл.
Приданое I 290.—II 243.
Производство I 320 сл.
Прокуроръ I 189.
Проповѣдь II 168 сл.
Протестанты I 98.
Пуритане I 20, 56, 99.—II 163, 187.
Пуританскій духъ I 23, 173.—II 8 сл., 11 сл.

Р.

Рабовладѣльческій вопросъ I 45, 91 сл., 227.—II 7.
Рабочее движеніе I 214, 401 сл.
Рабочіе союзы I 403 сл.
Рабочіе, статистика I 407 сл.
» страхованіе I 394 сл., 399,410 сл.,
Рабочій вопросъ I 214, 222 сл., 393—423.
Разводъ II 188
Раздѣленіе труда I 302 сл.
Расовый вопросъ I 234.
Распредѣленіе времени I 302 сл.—II 35 сл.
Реклама I 289.
Религія II 161—192.
Репортеры I 206 сл.
Республиканцы I 86 сл., 93 сл., 255 сл., 367.
Реформа гражданской службы I 109 сл., 246, 251 сл.
Реформаты II 173 сл.
Родъ-Айлендъ I 58, 168, 219.
Роскошь I 216, 295, 313.—II 4, 74, 200, 260.
Россія и Америка I 39, 45, 329 сл.
Румыны I 221.
Русскіе I 4, 25, 101, 218, 221.
Рыцари труда I 403 сл.

С.

Самодѣятельность I 288—315, 399 сл.—II, 36.
Самоопредѣленія духъ I 44—79, 84 сл., 179, 221.—I 27, 36.
Самостоятельность II 193—222, 275.
Самоусовершенствованіе II 11 сл., 20, 25, 27, 36, 40, 50.
Свобода торговли I 215, 367, 369 сл.
«Свободная игра» I 73.
Семейныя гостиницы II 249.
Семьи, увеличеніе II 249 сл.
Сенатъ I 106, 114 сл., 135 сл., 140 сл., 145 сл., 182 сл.
Сенатъ, предсѣдатель I 146.
С. Луи I 22, 32, 66, 121, 268, 299, 310 сл.—II 38.
Серебряная валюта I 121, 346—359.
Скульптура II 149 сл.
«Смягчающій» билль I 352 сл., 358.
Соціаль-демократія I 214, 399 сл.
Соціализмъ I 400.—II 201.
Соціальное равенство I 302.—II 193 сл.
Соціальные вопросы I 215 сл.
Союзы работодателей I 420 сл.
Спикеръ I 123, 143 сл.
Спиритизмъ II 167, 182 сл., 256.
Спортъ I 303.—II 35, 61, 74, 169, 206 сл., 231.
Справочныя бюро по пріисканію труда I 176.
Средняя школа II 22 сл.
Standard of life I 300, 313, 395 сл.—II 264 сл.
Standard Oil Company I 307, 385.
Статсъ-секретарь I 132.
Статуты I 156 сл.
Столицы II 3.
Столовыя, общія II 249.
Студентки II 75, 230 сл.
Судъ Линча I 7, 77, 238.
» присяжныхъ I 159 сл., 238.—II 217 сл.
Суды въ отдѣльныхъ штатахъ II 159, 169.
Судьи I 189.

Т.

Таммани Голль I 32, 257 сл.—II 6.
Таможенныя пошлины, пониженіе I 269, 274, 362.

Тарифъ Дингли I 364 сл., 369 сл.
» Макъ-Кинли I 363 сл.
» Морилля I 362.
» Уильсона I 364, 369 сл., 373.
Театръ II 138—142.
Телеграфная компанія Postal Telegraph I 177.
» » Western Union I 177.
Тескеги (негритянскій университетъ) I 241, 293.
Техасъ I 1, 66, 168, 264.
Торговля I 327 сл., 339 сл.
Торговое право I 175.
Торговый флотъ I 334.
Тревость I 302.
Тресты I 90, 175, 215, 244, 288, 312, 319, 336, 338, 344, 373, 374—393, 418 сл.
Третейскіе суды, международные I 262, 273.
Третейскіе суды, профессіональные I 417 сл.
Трэдъ-юніоны I 404.

У.

Университетская жизнь II 83—86.
Университетскіе лѣтніе курсы II 43 сл.
Университетъ, административный совѣтъ II 65.
» президентъ II 64 сл.
» преподавательскій персоналъ II 65.
» Гарвардскій I 226. 293. — II, 6 сл., 9, 43, 61, 65, 66 — 75, 172.
» президентъ I 291.—II 68 сл., 185.
» Джонса Гопкинса I 293.— II. 58, 61, 75, 77 сл., 172.
» Іельскій I 293.—II 76 сл. 172.
» Колумбійскій I 293. — II, 75, 77, 172.
» Корнелльевскій II 78 сл., 172.
» Леланда Станфорда II 79.
» Пенсильванскій I 293.
» Принсетонскій II 65, 75, 172.
» Чикагскій I 293. — II 42, 79 сл., 172.
Университеты I 216.— II 6, 9, 20, 22 сл., 51—82, 172 сл.
» государственные II 58 сл.
Унитаріи II 7, 9, 166, 168, 171, 173 сл.
Управленіе I 186 сл.
Услужливость II 210.
Утэ I 117.—II 180 сл.
Ученыя степени II 59, 62, 73.
Учительницы II 32, 34. 252 сл.
Учительскія семинаріи II 27, 33, 56 сл., 59.

Ф.

Факультеты II 69 сл.
Федералисты I 63 сл., 94.
Филадельфія I 20, 58, 62, 121.
Филиппинская война I 264 сл.
Флорида I 60, 117, 264.
Флотъ I 244, 286, 326, 339.
Франко-англійская война I 59.
Франція и Америка I 38 сл., 294, 329.
Французы I 4, 218, 221, 224, 272.

Х.

High school II 22 сл., 54.
Хвастовство I 313.
Художественная промышленность II 159.

Ц.

Централисты I 92 сл., 96, 180.
Церковный бракъ II 169.
Церковь I 213.—II 16 сл.
Цинциннати I 22.
Цѣны I 395 сл.

Ч.

Частныя коллекціи II 157.
» школы II 24, 29 сл., 34 сл., 225.
Чикаго I 22, 120 сл., 219, 412.— II 4 сл., 38.
Чиновники I 74, 246 сл.
Чотокуа, учрежденія II 39 сл., 49.

Ш.

Шведы I 4, 25, 99, 101, 218, 221, 276.
Шекеры II 181.
Широкій размахъ I 304 сл., 330 сл.
Школы для библіотекарей II 117.
Школьная плата II 25 сл., 30.
» статистика II 36 сл.
Школьное дѣло I 71 сл., 221 сл., 258 сл.— II 17 сл., 21—50.
Школьные инспектора II 26 сл., 34.
» комитеты II 27, 32.
Short story (короткія исторіи) II 133.
Шотландцы I 25, 218, 276.
Штаты Новой Англіи I 173, 231 сл.— II 6, 44 сл., 173 сл.
» отдѣльные I 166 сл.

Щ.

Щедрость I 292.

Э.

Экономическія задачи I 214 сл.
Элементарныя школы II 22 сл., 34.
Эстетика I 314 сл.—II 158 сл.

Ю.

Южная Америка I 41, 276 сл., 282 сл.
Юморъ I 200, 205, 240.—II 16, 121, 131, 133 сл., 207 сл.
Юридическія школы II 54 сл., 59, 62.
Юстиція I 79, 151—166, 188.

Я.

Языкъ I 25 сл.
Ямайка I 242.

ОГЛАВЛЕНІЕ II-го ТОМА.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ.

Духовная жизнь.

	Стр.
XVII глава. Духъ самоусовершенствованія	3
XVIII глава. Школа и народное воспитаніе	21
XIX глава. Университеты	51
XX глава. Наука	83
XXI глава. Литература	111
XXII глава. Искусство	138
XXIII глава. Религія	161

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ.

Соціальная жизнь.

XXIV глава. Духъ самостоятельности	193
XXV глава. Самостоятельность женщины	223
XXVI глава. Аристократическія тенденціи	258
Алфавитный указатель	I—V